Степанов А.

Семья Звонаревых

(Первая мировая война, Октябрьская революция... Герои Порт-Артура в гуще событий...)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

-1-

На старых часах, что на углу Ново-Спасского переулка, без четверти одиннадцать. Минутная стрелка, будто указательный палец, показывает на потемневшую от времени вывеску: "Починка и перелицовка. Платье, пальто, корсеты. Мадам Девяткина". Вывеска покосилась, держится на одном гвозде и от ветра бьет жестью по тесовой обшивке стен небольшого одноэтажного дома. Тихо. Прозрачный голубоватый свет белой петербургской ночи мягко освещает узкий переулок, маленькие деревянные домики, покосившиеся заборы, заросшую крапивой и бурьяном улицу, круглую тумбу с обрывками пожелтевшей от времени афиши...

По переулку идет человек в черной косоворотке, в накинутом на плечи поношенном пиджаке, держит в руках небольшой фанерный чемоданчик, в каких обычно мастеровые носят свой инструмент. Козырек низко надвинутого на лоб картуза скрывает чуть прищуренные настороженно-внимательные глаза. У дома Девяткиной человек замедляет шаг, поправляет на плечах пиджак, будто невзначай оглядывается - и толкает легко отворившуюся калитку палисадника.

Небольшая комната с синими в белую полоску обоями освещена настольной керосиновой лампой на высокой бронзовой подставке. Окна, закрытые наружными ставнями, изнутри плотно завешены. На столе остывающий самовар, стаканы с недопитым чаем, баранки, наколотый мелкими кусочками сахар. У самовара - молодая женщина в темном платье с белым кружевным воротничком. Густые волосы собраны в

высокую прическу, нежные пушистые брови срослись на переносице над внимательными, чуть прищуренными серыми глазами. Рядом с ней мужчина средних лет с побитым оспой лицом, с рыжеватыми прокуренными усами. Его маленькие проницательные глаза почти скрыты нависшими выгоревшими бровями. В дверях, прислонясь к притолоке, стоит молодая белокурая девушка в гимназической форме, дочь хозяйки Аленка. На старой кушетке устроился парень в поношенной синей косоворотке. На коленях у него кошка, серая, пушистая, блаженно жмурится, нежно посматривая на ласкающую ее большую, в мозолях руку.

Всего в комнате семь человек. Все слушают тихую, но взволнованную речь молодого мужчины с горячими голубыми глазами, в белой, свежевыглаженной рубашке.

- ...Я, конечно, согласен с тем, что нам сказала сейчас товарищ Клава. Время нынче тяжелое, почище девятьсот пятого года. Фараоны совсем осатанели: хватают, кто под руку подвернется. Тюрьмы забиты, но и этого им мало. Они, верно, решили заселить весь Туруханский край - куда сосланы товарищи из нашего Петербургского комитета, а также из Московского, Ивано-Вознесенского. Но именно сейчас, как никогда, нужна наша сплоченность. Как никогда, мы должны быть активны и осторожны в то же время. Помнишь, Филипп Иванович, - обратился он к рябому мужчине, - как мы в пятом году на тачке прокатили своего генерала Майделя? Ты тогда еще у нас работал... Артиллерийское управление с перепугу согласилось почти со всеми нашими требованиями, а Мейдель богу душу отдал...

- А после этого что было, Алексей, забываешь? - сиплым басовитым голосом проговорил Блохин. - Почти половину завода арестовали. Да и мы с тобой чудом только уцелели. Молись Николаю-Угоднику, что тифом вовремя заболел.

- Вот - слышу речь не мальчика, а мужа!

Все повернули головы на этот голос. В дверях стоял мастеровой с чемоданчиком. Он поставил его к стенке, снял пиджак, повесил на

спинку стула, снял картуз, провел рукой по густым, с сильной проседью волосам и только тогда шагнул к столу навстречу улыбающимся ему людям.

- Здравствуйте, товарищи!.. Здравствуй, Клавочка, Филипп Иванович... Алешка Фомин... Петро и ты, Денис... Здравствуйте. Если бы вы знали, как я рад вас всех видеть...

- Иван Герасимович, дорогой наш, а мы-то... - пробасил Блохин, обнимая и похлопывая прибывшего по спине. - Можно сказать, все жданки поели, ожидая. С приездом...

Клава подошла к Аленке, провела нежной рукой по ее волосам:

- Ну, Аленушка, иди на работу, смотри в оба.

_ Хорошо, тетя Клава, мама все сделала, как вы велели. А я ей на помощь. - И, зардевшись от радости, что ей, как большой, поручено ответственное задание, выскользнула из комнаты, плотно прикрыв дверь.

- Во-первых, товарищи, вам привет от Ленина... - услышала Клава голос Ивана Герасимовича. - Тихо, тихо, без шума... Он жив, здоров и работает, как всегда, день и ночь. Когда отдыхает, просто и не знаю. Владимиру Ильичу очень трудно на чужбине, одиноко без своих близких товарищей. Вокруг гуляет море социал-шовинистической стихии. Но он энергичен, бодр, полон веры в нашу близкую победу. Революция не за горами, она наш завтрашний день, товарищи. Ну, а сегодняшний день? Утро его загорается в пожаре войны. Да, товарищи, Россия - накануне войны...

Клава слушала тихий и уверенный голос Ивана Герасимовича в этой маленькой, с дешевыми обоями комнате на окраине Петербурга, и в голосе своего товарища она слышала слова и мысли великого человека, от которого совсем недавно приехал Иван Герасимович.

Клаве представилась огромная Россия, несчастная, любимая ее родина. Нищая, голодная, обобранная кучкой именитых проходимцев, она билась, задыхалась в нужде и отчаянии. Как щупальца жадного, ненасытного чудовища - спрута, протянулись к России руки капиталистов Англии, Франции, Германии. Русская медь, уголек, золотишко, пшеница -

давай, греби, неси, заталкивай в ненасытную глотку. И все мало, мало... Теперь дорвались до главного - подавай им крови, крови человеческой, жизни людской на их пиршество.

- ... И мы, - слышит Клава, - должны разъяснять это народу - рабочим, крестьянам и армии. Многие из нас пойдут на фронт, и наша задача - нести ленинское слово, множить наши силы...

И Клаве вспомнились небольшая уютная комната на тихой улочке в Польше, письменный стол, заваленный книгами и рукописями, и стремительно движущаяся по листу бумаги ленинская рука. Мягкий зеленоватый свет настольной лампы освещал лицо Владимира Ильича, голову, его необыкновенный лоб гения. Но особенно в памяти осталась эта стремительно скользящая по листу бумаги рука, из-под пера которой рождались слова, мысли, пламенные ленинские призывы, что несли потом через все полицейские кордоны на родину его товарищи по партии, простые борцы революции, такие как Иван Герасимович, она, Клава Страхова, многие другие, и передавали в свою очередь тоже товарищам, как сейчас передает Иван Герасимович Блохину, Фомину с военного завода... А они понесут дальше и дальше. И ленинская живая мысль будет биться в сердце каждого простого человека.

-2-

В эту ночь в квартире Звонаревых появились жандармы.

- Прошу прощения, господа, - с видимым удовольствием выговаривая каждое слово, сказал молодой, небольшого роста ротмистр с лихо закрученными усами. - Извольте ознакомиться с сей бумагой.

И он вручил Звонареву ордер на обыск. Ротмистр нагловатыми хозяйскими глазами осмотрел со вкусом обставленную комнату, испуганных детей, перевел взгляд на широкоплечую фигуру Васи Зуева, на одетую наспех Варю, задержался взглядом на ее растрепавшейся пышной русой косе, на полной обнаженной шее. Встретив его взгляд, Варя, как от холода, зябко передернула плечами и брезгливо запахнула

на груди синий халатик.

Всю семью собрали в детской. Надюшка смотрела большими понимающими глазами то на мать, то на отца, то на стоявшего в дверях жандарма. Маленькие девочки, похныкав, уснули. В остальных комнатах орудовали жандармы и двое штатских. Для проформы ротмистр пригласил понятыми соседей Звонаревых. Сонные и злые, они плохо понимали, чего от них хотят, зачем подняли в такой поздний час с их теплых постелей, привели в квартиру Звонаревых, таких милых и степенных людей, и заставили смотреть на весь этот разор и беспорядок.

- Послушайте, господин ротмистр, - обратился Сергей Владимирович к ротмистру. - Ваши действия по сути никем не контролируются. Нельзя же принимать всерьез за свидетелей этих испуганных людей. Я решительно протестую. Ваши жандармы могут подкинуть все, что им заблагорассудится. А потом меня обвините в крамоле. Нечего сказать, порядочки!

- Поосторожнее в выражениях, господин Звонарев! Вы имеете дело не с шулерами, а с верными слугами престола. Мы свою службу знаем, нас учить не надо. Поучили бы лучше свою супругу. Не женское это дело совать нос в политику. Сидела бы лучше на кухне или детей рожала...

- Как вы смеете, - вспыхнула от гнева и обиды Варя, - указывать, что мне делать!

- Смею, сударыня! - Наглые глаза ротмистра налились злобой. - На то мне дана власть моим начальством. Это вы не смеете...

- Нет, вы послушайте, что он говорит, - не выдержал Вася Зуев. Его загоревшее, густо усыпанное крупными веснушками лицо покраснело от сдерживаемой ярости. - Этот жандарм смеет читать мораль тете Варе!

Он подошел вплотную к ротмистру, чувствуя, как руки наливаются свинцовой тяжестью. Богатырского роста и сложения, Вася производил внушительное впечатление.

Но маленького ротмистра, видимо, было трудно испугать.

- Вот что, господин студент, - сквозь зубы процедил он. - Остыньте и не задирайтесь. Мы и о вас кое-что знаем. Не пришлось бы нам еще раз

встретиться...

В его голосе звучали угроза и явный намек. Варя подошла к Васе и, взяв его под руку, молча увела в другой конец комнаты.

Обыск велся без особой тщательности, и Звонарев уже считал, что все закончится благополучно, когда ротмистр совершенно неожиданно предъявил ордер на арест Варвары Васильевны.

Звонарев опешил:

- То есть как? На каком основании?

- Раз есть ордер - значит есть и основание, - холодно ответил жандарм. И, обернувшись к арестованной, он сказал подчеркнуто вежливо: - Прошу вас, госпожа Звонарева, собрать вещи и следовать за мной. Внизу ждет извозчик. Он доставит вас, разумеется под конвоем, в дом предварительного заключения.

- Это черт знает что! - возмутился Сергей Владимирович. - Я буду жаловаться в Государственную думу и потребую, чтобы министерство внутренних дел взгрело вас за этот произвол.

Ротмистр насмешливо скривил губы:

- Жалуйтесь хоть самому господу богу! Я только выполняю приказ. - Он указал на книги и записи, отобранные при обыске. - Эти вещи я передам следователю. А с вами, господин студент, надеюсь, мы еще увидимся.

Варя держалась мужественно. Спокойно собрала вещи, простилась с мужем, детьми, Васей, словно отправлялась на дачу, а не в тюрьму.

- Варенька, родная, я сделаю все. Ты скоро опять будешь дома. Только береги себя. Не горюй. - Звонарев обнял жену, прижал к груди.

- Спасибо, Сережа. Ты не волнуйся, крепись. Все будет хорошо. Я себя в обиду не дам. - И, внимательно посмотрев на Зуева, добавила: - Будь умником, Вася, береги себя.

Когда ее увезли, Сергей Владимирович вдруг почувствовал такое одиночество, что едва не расплакался. Он стоял у окна, смотрел на белесое небо, на дома, окутанные утренним туманом, и лихорадочно думал о том, что делать, как поступить, чтобы выручить Варю. Мысли путались. Душевное смятение не проходило. Подошел Вася и тоже

остановился около окна, задумался. Долго молчали.

- Дядя Сережа, - наконец нарушил молчание Вася, - что же мы стоим? Надо что-то делать... Лучше бы всего сейчас поехать к Краснушкиным, посоветоваться. Иван Павлович поможет.

- Да, Вася, надо ехать, надо действовать и главное - не распускать нюни. Этого хотела и Варя. И еще одно ее желание мы должны немедленно выполнить... Какая она все-таки умница, какой у нее удивительно стойкий характер и выдержка! Подумай только, под конвоем уводят из дома от детей, от семьи, а она не теряет голову и дает нам, мужчинам, наказ.

- Какой наказ?

- Уезжать тебе немедленно.

- Почему? Она этого не говорила.

- Она сказала: "Береги себя". А это значит - уезжай сейчас же, скорей, немедля. Не хватало, чтобы арестовали еще и тебя...

У Краснушкиных дверь открыл сам доктор, в ночной пижаме, с припухшими после сна веками. По лицу раннего гостя он сразу догадался, что тот чем-то крайне встревожен. Ни о чем не спрашивая, Краснушкин провел его в свой кабинет.

Сергей Владимирович коротко рассказал обо всем. Весть об аресте Вари подействовала на Краснушкина ошеломляюще.

- Неприятно, черт возьми! Очень неприятно, - пробубнил он, нервно барабаня пальцами по столу. - Какие основания?

- Не знаю, - развел руками Звонарев. - В том-то и дело, что не знаю.

Краснушкин задумчиво прошелся по кабинету, затем остановился против Звонарева и, как бы рассуждая вслух, сказал:

- Надо полагать, что все это связано с предстоящим приездом французского президента. На заводах волнения. Путиловцы даже соорудили баррикады и засыпали дорогу битым стеклом, чтобы казаки не могли подъехать к заводу. Гвардейские части, находящиеся в Красносельских лагерях, получили приказ быть готовыми к переезду на зимние квартиры в Питер. Вот-вот разразится война из-за убийства

австрийского эрцгерцога в Сараеве. Австрияки предъявили неприемлемый ультиматум Сербии, а наши пригрозили мобилизацией Киевского и Одесского округов.

- Неужели-таки война? - не поверил Звонарев.

- Да, в воздухе пахнет порохом, - подтвердил Краснушкин. - Вчера один профессор вернулся из Германии. Там только и разговоров что о войне с Россией.

- Но при чем же здесь Варя?! - с горечью воскликнул Сергей Владимирович.

- Они боятся революционных выступлений. Ну, а Варя у тебя, Сергей, молодчина. Эх, какая молодчина и умница! - с нежностью проговорил Краснушкин. - Хоть немного бы от ее разума моей половине. - И, помолчав немного, продолжал: - Вот я теперь уже не профессор кафедры внутренних болезней Военно-медицинской академии, а старший врач Закатальского господа Иисуса Христа пехотного полка. И все по той же причине, что полотика сейчас входит в каждый дом. Это ты, Сергей, живешь, ничего не видишь, выходит - и видеть не хочешь. Варя женщина, а насколько она дальновиднее тебя! А ты под стать моей Катерине.

- Ну вот, обласкал называется! Я к тебе со своим горем, а ты ко мне с политикой, - обиженно отозвался Звонарев. - Да, я не занимаюсь политикой и знать ее не хочу. Вот мое твердое мнение, если ты уж заговорил об этом. Я честный русский интеллигент, а не бунтовщик. И великое мое горе, что Варя не моя единомышленница, а твоя.

Краснушкин посмотрел на бледное лицо Звонарева, на его налитые мукой глаза.

- Прости! Я не хотел причинить тебе боль... Не будем об этом. Оставим разговор до лучших дней, когда с нами будет Варенька. Я сейчас же еду к барону Гибер фон Грейфенфельсу, главному начальнику медицинской службы. У меня на него есть надежда. Попытаюсь. Авось поможет. Вечером зайду к тебе. Пока, Сергей, не горюй.

Краснушкин проводил Звонарева, отказавшегося позавтракать, до дверей

и, уже пожимая руку, наставительно посоветовал поскорей спровадить Васю из Петербурга, подальше от всевидящих очей жандармов.

Когда Звонарев вышел из дома Краснушкиных на улицу, деловое петербургское утро было в самом разгаре. Открывались магазины, лавочки, чайные. Спешили на службу мелкие чиновники. Пирожник пронес полный лоток горячих ароматных пирожков. Прошла молоденькая девушка в кокетливой шляпке, с круглой картонкой в руках, видимо, модистка, несшая заказ богатой моднице. Люди шли, спешили по своим делам. У каждого были свои заботы и печали. Звонареву надо было идти на завод. Но идти не хотелось. Мысли, будто встревоженный пчелиный рой, теснились в голове. Звонареву больно было сознавать, что Варя многое скрывает от него. Он не сомневался в ее любви и верности. Она любила его - в том не было сомнений. Но, любя, скрывала от мужа самое сокровенное - своих новых друзей, свои связи с революционным подпольем. Он, ее муж, мог только догадываться об этом. А почему случилось так? Варя шла своей дорогой, которую сама выбирала среди множества более легких, блистательных дорог женщин ее круга. Она жена инженера, мать троих детей, наконец, дочь генерала, никогда не знавшая нужды. Что заставило ее пойти по этому тернистому пути? Звонарев отказывался понимать. И оттого, что понять это было трудно, Звонарев чувствовал себя одиноким, обиженным и несчастным в это солнечное летнее утро.

А ведь совсем недавно все было так хорошо! Варя по случаю трехсотлетия дома Романовых была полностью восстановлена в правах. Не думалось, не гадалось о каких-то бурях и тревогах. И вдруг на тебе, нагрянули грозовые тучи, закрыли лазурь безоблачного неба. Варя за решеткой. Дети остались без матери. На заводе тоже жди неприятностей. Не успел Звонарев прийти на завод, как был вызван начальником завода генералом Тихменевым.

- Полюбуйтесь, новый военный заказ, - недовольно проговорил он, едва Звонарев показался в дверях. - Да какой еще! Винтовки, карабины, пулеметы! И все срочно. И впрямь пахнет войной. Не было нам печали.

Тихменев, вглядываясь в новые чертежи, думал о том, что война, судя по всему, неизбежна. И это сулило и ему, военному инженеру и генералу, большие неприятности. Конечно, не фронт: для этого много строевых генералов, но сейчас посыплются военные заказы. Где взять квалифицированных рабочих? Одних мобилизуют, другие бунтари. Он сам видел вчера, как рабочие вступили в столкновение с полицией. Не испугались, не побежали. Тихменев совсем расстроился и взглянул на Звонарева, ища в нем сочувствия.

- Что это вы, голубь мой, нос на квинту повесили? Или с дражайшей поругались?

- Если бы так... - И Звонарев рассказал о печальных событиях этой ночи.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! - огорченно сказал генерал. - Какое несчастье! Надо немедленно вызволять Варвару Васильевну. А то время предвоенное. Кабы чего не вышло...

Звонарев боялся расспросов и неискреннего сочувствия. Он хорошо знал, что чем больше человек оправдывается, тем больше его считают виноватым. И Звонарев, видя не на шутку встревоженное лицо Тихменева, с благодарностью воспринял деликатность генерала и его молчаливое понимание.

- Знаете что, дорогой... - медленно вымолвил Тихменьев. - У меня есть мысль: обратиться к нашему начальнику Главного артиллерийского управления Кузьмину-Караваеву. Он человек либеральный, весьма уважал генерала Белого и, конечно, постарается вам помочь. Тем более, что сделать это ему совсем не трудно - его родной брат Кузьмин-Караваев - известный адвокат и член Государственной думы от кадетской партии.

Поздним вечером в осиротевшую квартиру Звонаревых зашел Краснушкин. Звонарева он застал в Васиной комнате. Он сидел около стола, молча и устало перелистывая технический справочник и изредка взглядывая на Васю, который расположился на полу, среди разбросанных вещей, книг и тетрадей.

- Что это у вас? Никак, новый обыск? - спросил Краснушкин.

- Только своими силами, - басом ответил Вася. - На семейном совете решено Василия Зуева отправить по этапу. Подальше от всевидящих очей.

Краснушкин, пододвинув табуретку, сел напротив Звонарева, взглянул в его напряженные, спрашивающие глаза.

- Что я узнал о Варе? Пока очень мало. Сидит в предвариловке, числится за следователем Добужинским, по словам, весьма порядочным человеком... Но не огорчайся. Узнаем и побольше. Я уже нащупал преинтересную лазейку. Представь, я сейчас только что от самой красивейшей женщины нашего времени...

- Нашел время шутить, - обиженно проворчал Звонарев.

- А я и не шучу! В самом деле - от мадам Сухомлиновой, жены военного министра. Был у нее на консультации с профессорами Сироткиным и Введенским. Как видишь, болезнь не щадит и отменных красоток. Ежедневное наблюдение поручено вашему покорному слуге, как наиболее талантливому, молодому и красивому...

- Иван Павлович, может вам нужен брат милосердия для процедур? - взмолился Вася, лукаво блестя глазами. - Даю слово - вылечим дамочку в два счета.

- Конечно, только тебя с твоим веснушчатым рылом и не хватает! У нее, братец ты мой, амуры, почитай, почти со всеми великими князьями, с самим великим князем Сергеем Михайловичем, начальником артиллерии. Она - сила огромная. Подумайте только, бывшая киевская кокотка, а сейчас почти всесильная власть. Слух идет, что ее голубые глазки и белокурые локоны поразили сердце самого святого старца Гришки Распутина - владыки всея Руси. Здесь не до шуток. Вот через нее и попытаемся действовать.

-3-

Звонарев вышел на берег Невы и долго бродил по набережной. Всходило солнце, порозовело ясное северное небо. Над рекой еще висели космы

белесого тумана, сквозь который проступали очертания мостов и серых угрюмых зданий. А шпиль Петропавловской крепости уже поблескивал, как золотой меч, вонзившийся в прозрачную лазурь небес. С шумом бились о гранит холодные невские волны. В редеющий туман вплетались черные дымки буксирных пароходов, медленно тащивших по реке вереницы тяжело груженых барж. С каждой минутой улицы столицы становились все более людными и говорливыми. Торопливо шагали к заводам утренние смены. Гулко цокали подковы ломовых лошадей. Озорничая и громко перекликаясь, неслись к типографиям стаи мальчишек-газетчиков. Пробуждаясь от сна город наполнялся все возрастающим гулом нового дня.

Звонарев любил и белые ночи, и эту утреннюю пору, когда дыхание захлестывают свежие, бодрящие речные ветры. Но сегодня он не испытывал того чувства подъема, которое обычно вызывали в нем утренние прогулки.

Ветер казался каким-то ознобляющим и резким. Город выглядел неприветливым, чужим, холодным. На сердце лежала гнетущая тяжесть от мысли, что в этом городе за решеткой, в тюремной камере томилась Варя.

Из задумчивости Звонарева вывел знакомый хрипловатый голос:

- Доброе утро, Сергей Владимирович! Что зажурились?

Звонарев резко обернулся и увидел улыбающееся рябое лицо Блохина, щелочки его смеющихся глаз.

- Здорово, дружище. Откуда ты?

- Да вот вас поджидаю. Домой заходить не хотелось. Сами понимаете, ваша квартира под наблюдением, а я могу только повредить Варваре Васильевне. Да еще, сказать по правде, нянька ваша не дюже нравится, любопытная очень. Я бы ее на вашем месте турнул.

- Откуда ты знаешь о моем несчастье? - удивленно спросил Звонарев.

- Слухом земля полнится, - снова улыбнулся Блохин. - Пойдемте сюда, в переулочек, накоротке поговорим...

Когда спустя некоторое время Звонарев шел на завод, шумный, деловой

Петроград не казался ему уже таким неприветливым и чужим. На душе потеплело от участия верных и хороших людей.

" Как меняются люди! - думал Звонарев в такт своим бодрым шагам. - Вот Филя Блохин. Давно ли он был горьким пьяницей и ругателем? Блохой, иначе и не звали. А сейчас? Откуда что взялось? Пить бросил, работает отлично, но главное не это, главное - внутренне очень изменился. И глаза стали другие - умные, размышляющие. Рассуждает трезво, логично, грамотно.

Видно, что многое знает, но все говорит. "Цель в жизни вижу, ради нее и живу".

У него цель в жизни, а у тебя, Сергея Звонарева, какая цель? Детей вырастить? Так это цель каждого человека. А что твое сокровенное? Вот и не знаешь, что сказать. И выходит, что Блохин обогнал тебя в чем-то самом главном, что есть у человека в жизни".

И хотя это было горько сознавать, Звонарев не ушел от искреннего ответа самому себе. И эта прямота усилила радостное настроение Звонарева.

Он видел, что Варины друзья были настоящими людьми. Им можно было верить, раз они в трудную минуту подали руку помощи, прислали Блохина. "Освободить из тюрьмы сразу, конечно, трудно, - вспомнил он слова Блохина, - но поддержать Варвару Васильевну, переслать ей письма, передачи можно и сейчас". - "Что же, у вас и в тюрьме друзья?" - спросил он Блохина и услышал в ответ: "У нас везде друзья".

В тревоге и ожиданиях прошло несколько дней. И однажды в конце рабочего дня, когда Звонарев уже собрался уходить домой, к нему заглянул Краснушкин и предупредил, что удалось добиться свидания с Варей.

На следующий день в установленный час они переступили порог угрюмой и неопрятной приемной дома предварительного заключения.

Свидание продолжалось минут десять. Разговаривать пришлось через проволочную сетку, к которой подвели Варю. Выглядела она больной и усталой, но в глазах по-прежнему светились огоньки непреклонности и

большой душевной силы.

- Здравствуй, Сережа, - проговорила она приглушенно, с трудом сдерживая волнение. Улыбнулась, кивнула Краснушкину и снова остановила взгляд на лице мужа. Тот стоял перед ней бледный, нервно покусывая губы, чувствуя, как что-то душит горло.

- Как тебе тут, Варенька?

- Не сладко, но терпимо, - ответила Варя.

- Нам очень тяжело без тебя.

Варя спросила о детях. Подбородок ее задрожал. Казалось, она вот-вот расплачется.

- Все будет хорошо, Варенька, - сказал ободряюще Краснушкин. - О девочках не беспокойся. Они пока у Кати. Мы ведь знаем, что ты ни в чем не виновата.

- Будем верить в лучшее, - тихо отозвалась Варя. - Главное, держись ты, Сережа. А я выдержу все, что бы со мной не случилось.

Сергей Владимирович чувствовал, что Варе хотелось сказать ему многое, расспросить. Но что скажешь, когда тут же присутствует тюремный надзиратель? От еды она отказалась. Взяла теплый платок и вязаную кофточку. Книги не разрешил брать надзиратель.

- Катя передала вам канву для вышивания, иголки и нитки, - сказал Краснушкин. - Возьмите. Это занятие поможет скоротать время.

- Никаких иголок! - буркнул надзиратель.

- Позвольте, почему же? - возмутился Краснушкин.

- Нельзя! Ни иголок, ни спиц. Только вязальные крючки.

Краснушкину пришлось согласиться.

Время свидания истекло. Короткое прощание. Варя не проронила ни слезинки. Ушла. Перед тем как исчезнуть за дверью, обернулась, кивнула:

- Не волнуйся, Сережа, - и повторила слова мужа: - Все будет хорошо!

В проходной их ждал следователь Добужинский.

- Вообще-то ваша супруга держится молодцом, - обратился он к Звонареву. - Вот только не пойму, почему она просит перевести ее в

одиночку.

- Я очень просил бы вас, господин Добужинский, удовлетворить желание моей жены, - сказал Звонарев.

- Попытаюсь, - пообещал следователь.

Разговор зашел об освобождении Вари на поруки под залог. Оказалось, что залог составит изрядную сумму - тысяч десять - пятнадцать.

- Бог мой! - ошеломленно воскликнул Краснушкин. - Откуда же взять инженеру такие деньги?

- Есть ростовщики, - намекнул Добужинский.

- Похоже, что охранное отделение имеет с ними определенную связь, - едко проговорил Краснушкин. - А может быть и не только охранное отделение...

Добужинский метнул на него вспыхнувший гневом взгляд:

- Ваши намеки по меньшей мере оскорбительны, господин доктор. Размер залога устанавливаю не я, а прокуратура. В данном случае сумму залога назначит прокурор окружного суда.

- Вильгельм Федорович фон Валь?

- Он самый, - подтвердил Добужинский. - Поговорите с ним.

- С этим чинушей трудно поладить, - усмехнулся Краснушкин. - Но, как говорится, попытка не пытка.

Добужинский пригласил всех пройти в свой кабинет, находившийся в окружном суде. Полутемная комната, выходящая окнами на тюремный двор.

Массивная дверь, каменный, покрытый истертым ковром пол, громоздкая печь в углу. Толстые стены и обрешеченные прочными железными прутьями окна мало чем отличали этот "кабинет" от обычной тюремной камеры.

Следователь отправился к фон Валю. Звонарев и Краснушкин остались в обществе лысого юркого чиновника, усердно хлопотавшего над какими-то бумагами.

- Та, конечно, думаешь о деньгах! - сказал Краснушкин свояку.

Сергей Владимирович невесело взглянул на него.

- Представь себе, ты угадал.

- Не думай, деньги будут.

- Откуда?

- Кое-что наскребешь сам. Расшевелим тещу. Ну, и на меня можешь рассчитывать: отдам все свои сбережения.

"Какой же ты изумительный человек!" - подумал Сергей Владимирович о Краснушкине и молча, благодарно стиснул его руку.

Прошло не меньше получаса, прежде чем вернулся Добужинский. По его расстроенному виду Звонарев понял, что разговор с прокурором был неутешителен.

- Заломил двадцать тысяч. Срок выплаты всей суммы недельный.

Формально прокурор прав, такая сумма залога обеспечит явку госпожи Звонаревой в суд в любое время, - сказал слндователь.

Сергей Владимирович был подавлен.

- У меня нет возможности внести столько денег сразу.

- В таком случае ваша супруга останется в тюрьме, - равнодушно заметил следователь.

- Это мы еще посмотрим! - горячо воскликнул Краснушкин.

* * *

"Несчастье, - говорит русская пословица, - не приходит в одиночку.

Одна беда идет, за собой другую ведет". Так случилось и со Звонаревым.

Утром, зайдя к Краснушкиным проведать детей, он узнал, что Иван Павлович срочно был вызван в Закатальский полк, к месту своей новой службы. Уезжал близкий человек, кто был опорой Звонареву все эти тяжелые дни. Вместе с его отъездом исчезала надежда на скорое освобождение Вари.

- Поехал к Сухомлиновой, - в слезах рассказывала Катя. - О Варе все хлопочет. Хоть бы о себе похлопотал...

Вечером Краснушкин зашел проститься. В форме полкового врача он выглядел молодым, подтянутым и, как всегда, неунывающим и бодрым. Сел в кресло, положив руки на колени, осмотрел, будто прощаясь, квартиру, знакомые картины. Грустно улыбаясь, заметил, что без хозяйки

дом сирота и что в их не очень-то веселом положении разумнее всего было бы отправить Катю с детьми к теще на юг.

- Но ведь ты знаешь мою милую половину, - ни в какую! Избалована. Прожила полжизни в Петербурге. Ни о каком отъезде слышать не хочет. Ну да поживем - увидим, все образуется.

И уже прощаясь, мягко, с чуть лукавой улыбкой поглядев на Звонарева, сказал:

- А тебе подарочек от Сухомлиновой, хоть ты и сомневался в ее чарах. Прав-то оказался я: в нашей просвещенной монархии фаворитки подчас решают государственные дела.

И Звонарев, не веря своим ушам от счастья, узнал, что прокурор снизил сумму залога до трех тысяч и что в скором времени Варя будет освобождена.

4

В начале июля 1914 года в Петербург прибыл наконец президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Это был его второй визит в столицу Российской империи. Два года, отделявшие первый визит от второго, бывший адвокат вел кипучую деятельность по подготовке войны против Германии, укреплял франко-русский военный союз, чем и снискал себе мрачное прозвище "Пуанкаре-война". Он знал, что его воинственный пыл импонировал крупной буржуазии и клерикалам, и поэтому с особым рвением старался разжечь мировой пожар. Это усердие помогло ему занять пост премьер-министра, а затем стать и президентом.

Не удивительно поэтому, что приезд Пуанкаре в Россию совпал с самым разгаром рабочих волнений в Питере. Добрая половина столичных заводов и фабрик бастовала, на улицах строились баррикады. Забастовал военный завод, на котором работал Звонарев.

Утром, прийдя на работу, Звонарев был поражен непривычной картиной. Обычно в рабочее время заводской двор не отличался многолюдием. Изредка пройдет мастер в контору или заглянет бригадир, шмыгнет

уборщица или рабочий по своей надобности, и снова пустынно, лишь доносится из рабочих корпусов лязг, скрежет станков, завывание электромоторов.

А сегодня Звонарев остановился в изумлении. Большой заводской двор был полон людей. Рабочие стояли группками, сидели, прислонясь к пустым бочкам или забору, курили, горячо, но не громко разговаривали, спорили.

"Забастовка, - пронеслось в голове Звонарева. - Не ко времени. У нас срочный заказ".

Увидев инженера, рабочие замодчали, настороженно, недружелюбно поглядывая на него. "Хоть ты и не вредный человек, - читал Звонарев в этих взглядах, - не ругатель и мы на тебя не обижаемся, но все-таки ты не наш брат рабочий, а чужак. И настоящей веры тебе нету".

Заметив знакомого рабочего Фомина, Звонарев остановился и спросил:

- Бастуете, что ли, Фомин?

- Бастуем, господин инженер! Вот дожидаемся генерала. Хотим с ним потолковать. Да не только мы бастуем. Почитай, половина Питера сегодня встала.

В это время в проходной раздался звучный, по-хозяйски власный голос Тихменева. Дверь распахнулась и показалась пятящаяся задом, согбенная в низком поклоне перед генералом фигура Вьюнова.

Тихменев быстро, не глядя на рабочих, направился к управлению завода. Заметив стоявшего с рабочими Звонарева, генерал остановился. Инженера поразило взволнованное лицо генерала, его напряженные глаза.

- Бастовать вздумали, голубчики? - обратился он к стоявшему неподалеку Фомину. - Не ко времени. Ничего хорошего из этого сейчас не выйдет. Это вам не девятьсот пятый год.

Фомин вышел вперед и, спокойно остановившись перед генералом, подал ему сложенную пополам бумагу.

- Наши требования, ваше превосходительство.

Голубые умные глаза Фомина спокойно выдержали сердитый взгляд

Тихменева, который словно говорил: "Ты у меня еще попляшешь! Расправимся с такими по всей строгости". - "Ты нам не грози, мы не из пугливых, - будто ответили глаза рабочего, - тебя мы не боимся".

Предложив Звонареву взять бумагу, генерал прошел в управление.

В кабинете, расстегнув ворот кителя, он принялся читать бумагу.

Возмущению его не было границ, когда он бегло ознакомился с требованиями рабочих.

- Чуют, что в воздухе пахнет войной. Узнали, что приехал Пуанкаре. Соображают... Обратили внимание, - он взглянул на Звонарева, - какие глаза у этого рабочего, что говорил со мной? Умница! Спокойный, выдержаный, за собой чувствует силу.

Тихменев плюхнулся в кресло и еще раз пробежал глазами бумагу.

- Вы подумайте только, что они пишут: увеличение расценок в связи с новым заказом, выплата по болезни, ликвидация "черных списков", свобода собраний и сходок, открытие вечерней школы для рабочих... Нет, это уж слишком.

Второй день Звонарев вместе с Тихменевым вели переговоры с делегациями рабочих по поводу их требований. Вполне сочувствуя рабочим, Сергей Владимирович пытался склонить Тихменева на некоторые уступки.

Генерал и слушать не хотел. До хрипоты в голосе он доказывал полнейшую неприемлемость требований рабочих.

- Зачем нам спорить и толочь воду в ступе? - сказал ему Звонарев на второй день забастовки. - Давайте представим начальству все требования рабочих, что принять и что отклонить.

- Что вы, что вы! - ужаснулся Тихменев. - Если мы сделаем это, нас с вами выгонят с завода. Только подумать: восьмичасовой рабочий день и увеличение расценок на пятьдесят процентов! Ведь это требование девятьсот пятого года! А у нас, слава богу, тысяча девятьсот четырнадцатый, и за нашей спиной не Маньчжурия, а третьеиюньская Государственная дума.

- ...Со столыпинским галстуком и казачьей плеткой, - напомнил

Звонарев.

Тихменев замотал головой.

- Сергей Владимирович, вы, право, несносный человек!

- А то, что творится на заводе, сносно? - иронически спросил Звонарев. - Военный завод - и вдруг бастует в момент приезда столь высокого гостя, как французский президент.

- Да это же не только у нас, черт побери! - воскликнул Тихменев.

- И тем не менее нам надо без шума и как можно скорее урегулировать все эти вопросы, - настаивал Звонарев.

После долгих колебаний Тихменев отважился последовать совету Сергея Владимировича и отправился с докладом к начальнику Главного артиллерийского управления. Вернулся он через два часа в приподнятом настроении и, вызвав к себе Звонарева, объявил, что начальство, учитывая визит французского президента в столицу, нашло возможным удовлетворить некоторые требования рабочих военного завода.

- Верите, у меня будто гора с плеч свалилась, - признался Тихменев. - Поручаю вам сообщить рабочим о наших уступках, и пусть сегодня же приступают к работе.

Звонарев с удовольствием выполнил это поручение. Забастовка на заводе прекратилась. Тихменев окончательно успокоился. Вечером, после обхода оживших цехов, он сказал Звонареву:

- Ну, слава богу, все обошлось для нас без неприятностей. Теперь можно и развеяться. В Главном артуправлении я получил два пригласительных билета на "Зарю с церемонией", которая состоится завтра вечером в Красносельском лагере по случаю визита Пуанкаре. Не хотите ли составить мне компанию? Моя жена заболела, и один билет свободен.

- Не до церемоний мне сейчас, Павел Петрович! - вздохнул Звонарев. - Жена все еще в тюрьме. Какие уж тут развлечения!

Тихменев отнесся к его отказу неодобрительно:

- А я бы на вашем месте обязательно воспользовался возможностью побывать там.

- Зачем? - Звонарев непонимающе взглянул на генерала.

- Чудак вы, право, - заметил с улыбкой Тихменев. - Там будет царь с семейством, двор, Пуанкаре и весь влиятельный бомонд. Поверьте, ваше присутствие в таком обществе наверняка бросится в глаза жандармам. Наденьте военную форму со всеми регалиями. Медаль за русско-японскую войну и значок за оборону Порт-Артура. Ну, а рядом с вами буду я, генерал, обвешанный крестами, медалями, с лентой Станислава 1-й степени через плечо. Каково, а?

"А пожалуй, есть смысл поехать с ним! - подумал Звонарев. - Чем черт не шутит, может быть, и впрямь это поможет..."

5

На следующий день в установленный час Сергей Владимирович, облаченный в военный мундир, прибыл на Балтийский вокзал и встретился с Тихменевым, картинно наряженным в генеральскую парадную форму. Все вагоны первого класса были переполнены разодетыми дамами, генералами и придворными. В купе стояла духота, и Тихменев со Звонаревым предпочли остаться в коридоре у открытого окна. Именитые пассажиры говорили преимущественно на французском языке. Французские анектоды, французские салонные шутки, изысканные обращения, манеры, жеманный смех дам и девиц. Ничего русского, все на чужеземный лад.

- Эх, наша матушка Русь! - с искренней горечью сказал Тихменев. - Русского слова здесь не услышишь.

Звонарев промолчал.

- Речь французская, а нищета русская, - усмехнулся генерал. - Где-нибудь в Париже или, скажем, в Брюсселе вся придворная знать на собственных автомашинах разъезжает, а наша - в поезде или в допотопных экипажах.

"Какая все это мерзкая шваль! Ненавижу, ненавижу! - со злостью и отвращением думал Звонарев, глядя на парадных, надушенных генералов, на их затянутых в корсеты жен, обсыпанных бриллиантами. -

И этим людям дано право карать и миловать! От них зависит судьба Вари, моя судьба, наше счастье... Почему они здесь, на свободе, живут, веселятся, сплетничают, а Варя находится, страшно подумать, в сырой камере, бог знает с кем - с ворами, проститутками... Где же справедливость?"

Звонарев прислушался к монотонному перестуку колес, в котором вдруг отчетливо услышал: "Под-ле-цы, под-ле-цы..."

- Подлецы! - выдавил сквозь зубы Звонарев.

- Пардон, не расслышал. Это вы мне? - спросил, наклонив голову, Тихменев.

- Простите, ваше превосходительство. Не вам.

* * *

Красносельский военный лагерь располагался вблизи железнодорожной станции. Он был оцеплен солдатами. В местах проезда стояли жандармские офицеры, которые внимательно проверяли документы и пригласительные билеты.

Тихменев представил Звонарева как своего адъютанта, и они вместе прошли к небольшому помосту, откуда была хорошо видна вся передняя линейка лагеря. На помосте толпились придворные дамы, министры, генералы.

Невдалеке, примыкая к передней линейке, возвышался земляной валик, покрытый сочной травой. На нем был разбит шатер для царя и его семейства.

Валик охранялся казаками-конвойцами. Перед шатром стояли легкие стулья и кресла.

Вдоль передней линейки уже были выстроены гвардейские полки. На правом фланге - преображенцы, рядом с ним - семеновцы, далее - первая артиллерийская бригада, измайловцы и егеря. Затем стояли полки второй гвардейской дивизии и гвардейские стрелки. На правом фланге полков развевались старые заслуженные полковые знамена, бывшие под Полтавой и Бородином, тут же располагались полковые оркестры. Яркий блеск медных труб, шелк знамен, и все это на фоне зелени, голубизны

небес. Над лагерем плыл несмолкаемый говор многолюдной праздной толпы.

Звонареву особенно понравились гвардейцы - рослые, загорелые, сильные, чем-то схожие с былинными богатырями. Он поделился своим впечатлением с Тихменевым.

- Еще бы! - воскликнул тот. - Ведь здесь собран цвет русской нации.

По всей России в гвардию отбирают высоких, могучих и красивых людей. В первой роте Преображенского полка нет солдат ростом ниже ста восьмидесяти сантиметров. А первый взвод сплошь выше сажени. Далеко не всякая страна может похвастаться такими молодцами!

Публика прибывала. Звонарев увидел начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева, высокого статного старика, бросавшегося в глаза своей незаурядной внешностью и выправкой.

Рядом с ним шагал его брат - адвокат, - в белом парадном фраке и блестящем черном цилиндре на голове.

Вскоре на дороге, ведущей к главному лагерю, показалась группа всадников во главе с великим князем Николаем Николаевичем - главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Его сопровождали командир гвардейского корпуса генерал Безобразов, несколько адъютантов и ординарцев.

Над лагерем пронеслась зычная команда командира преображенцев генерала графа Игнатьева:

- Стано-о-вись!

Полки замерли в полной неподвижности. Говор утих. Все внимание толпы было сейчас приковано к приближающейся кавалькаде.

- Слу-у-шай, на кара-ул! - скомандовал Игнатьев.

Солдаты дружно вскинули винтовки с острыми сверкающими штыками, оркестры заиграли марш. Великий князь, сухопарый, подтянутый, будто слитый с конем, подскакал к правому флангу Преображенского полка и громко поздоровался с солдатами. Те ответили на приветствие единым могучим голосом - четко, строго размеренно. Воздух содрогнулся от их

дружных, громких выкриков.

Князь медленно двинулся вдоль фронта замерших полков, придирчиво вглядываясь в безукоризненный строй солдат со вскинутыми на караул винтовками. Когда он миновал последнюю роту первой пехотной дивизии, ее полки по установленному правилу опустили винтовки к ноге. Остальные части продолжали равнение на командующего, и волны ответных приветствий катились ему на встречу.

- Здорово! Правда ведь? - восторженно обратился Тихменев к Звонареву.

Объехав весь лагерь, великий князь вернулся к Преображенскому полку. Начинался главный акт этого грандиозного, строго распланированного спектакля.

На лагерной дороге показался царь Николай II верхом на белом аргамаке в сопровождении конвойных казаков в алых и синих черкесках. Дальше следовали открытые ландо, на которых восседали царица, президент Франции Раймон Пуанкаре, члены царской семьи и приближенные из свиты.

Снова над лагерем воцарилась полнейшая тишина. Все, казалось, затаили дыхание. Снова к небу рванулась команда:

- Слушай, на караул!

Гулким эхом отдалась она по всему лагерю. Великий князь поскакал навстречу Николаю II. Отсалютовав обнаженной шашкой, он отдал царю строевой рапорт.

Едва царь поравнялся с правым флангом преображенцев, знаменщик опустил до земли полковое знамя и тотчас вскинул его вверх. Царь отдал честь знамени и направился вдоль парадной линейки. Грянуло "ура".

Царь улыбался, приветственно раскланивался. За ним, придерживая гарцующего коня, скакал великий князь. В нескольких шагах от них следовало ландо с императрицей Александрой Федоровной и Пуанкаре. Президент - в черном фраке, белой жилетке, с муаровой лентой Андрея Первозванного, накануне пожалованной ему царем. Он помахивал цилиндром в высоко поднятой руке, что-то говорил царице и любезными поклонами отвечал на приветствия вошедшей в верноподданический раж

публики. Вся в белом, в пышной шляпке из белых страусовых перьев, подрумяненная и напудренная, императрица выглядела моложе своих лет и казалась красивой. Остальные ландо остановились возле валика. К шатру поднялись четыре царевны, казак с больным наследником на руках, фрейлины и царедворцы. Великие княжны были одеты одинаково: белые гладкие платья, белые чулки, белые туфельки и простые соломенные шляпки. Точь-в-точь провинциальные барышни среднего достатка. Десятилетний наследник был в форме Преображенского полка.

Проезжая по фронту гвардейских полков, Пуанкаре внимательно, чисто по-хозяйски всматривался в статные фигуры русских чудо-богатырей, рослых, крепких, мускулистых. Для президента все это было пушечное мясо, по дешевке купленное им на золотые займы царскому правительству для подавления революции. Пуанкаре невольно сравнивал солдат русской гвардии с полками сенегальских стрелков, тоже рослых и сильных, которые, как и русские, должны были защищать прекрасную Францию в случае войны. Пуанкаре, как хозяин, остался доволен видом русских наемников, о чем и поспешил сообщить Александре Федоровне.

Пока царь и президент объезжали фронт гвардейцев, полковые оркестры по задней линейке пробирались к Преображенскому полку, образуя огромный сводный оркестр всех гвардейских частей.

Закончив объезд частей, царь, а за ним и ландо с Пуанкаре и императрицей вернулись к валику. Царь спешился и, подождав Пуанкаре, вместе с ним и императрицей поднялся к шатру. Невдалеке от них остановился и великий князь Николай Николаевич, как бы ожидая дальнейших царских приказаний.

С того места, где обосновались Тихменев и Звонарев, было прекрасно видно все, что происходило около шатра. Тихменев вполголоса называл имена князей, министров и иностранных послов, толпившихся позади царской семьи и французского президента.

Звонарев перевел свой взгляд на великого князя Николая Николаевича.

Он видел его и раньше, но теперь обратил внимание на его высокую фигуру.

Бросались в глаза непомерно длинные ноги, над которыми возвышалось короткое туловище и совсем маленькая для его роста и уже сильно седая голова. Лицо великого князя было красивое, с тонкими чертами и волевым ртом.

- Ругатель отменный, - тихо комментировал Тихменев, глазами указывая на великого князя. - Перед стороем кроет площадной бранью даже офицеров.

- Как же это терпят?

- А вы знаете правило: на проституток да на великих князей не обижаются. Ха-ха-ха! - довольный своей остротой, Тихменев тихо засмеялся.

- Но вместе с тем должен вам заметить, что это, пожалуй, единственный человек, кто по-серьезному думает о нашей гвардии. По его настоянию командирами гвардейских дивизий и полков назначались армейские офицеры и генералы, отличившиеся в Маньчжурии. Он перевел из армии много армейских офицеров, Георгиевских кавалеров. Князь не смотрел на то, были они знатны или бедны. Армейские офицеры получали специальные добавки к жалованию "на представительство", что давало им возможность служить в дорогих по своему образу жизни гвардейских полках. Это вызвало неудовольствие некоторых знатных и титулованных гвардейцев. Ну что ж, им же хуже. Князь перевел их в захудалые полки. Служите, мол, во славу царя и отечества...

Князь, стремившийся "обрусить" высший командный состав армии, пользовался расположением большинства офицеров, как ярый противник немцев.

При дворе он считался главою русской партии. Его жена, черногорская принцесса, открыто выражала свою ненависть к "немке", как при дворе называли Александру Федоровну, так и не научившуюся понимать русскую речь и тем более говорить по-русски.

Зато к французам великий князь явно благоволил и даже раболепствовал перед ними, будучи одним из акционеров крупнейшего военного концерна Франции - компании Шнейдера-Крезо. Акции приносили ему

хорошие доходы.

Французы прекрасно это знали и не стеснялись диктовать нужные им распоряжения, каасющиеся русской армии.

Обо всем этом вспомнил Звонарев, наблюдая, как почтительно склонился перед царем и Пуанкаре великий князь в ожидании их распоряжений.

До слуха Звонарева то и дело долетали пересуды публики по поводу приезда Пуанкаре и событий последних дней. Рассказывали, что Пуанкаре првез в подарок Александре Федоровне гобелен с портретом Марии-Антуанетты, казненной во времена французской революции 1793 года. Этот подарок произвел на суеверную Александру Федоровну тяжелое впечатление. Она увидела в этом знамение - уготованную ей свыше участь французской королевы.

- Пуанкаре допустил бестактность. У нас только и говорят о покушении на царствующую фамилию. Революция является пугалом для двора, и вдруг такое напоминание о французской революции и казни королевы! В доме повешенного не принято говорить о веревке, - рассказывал шепотом Тихменев Звонареву.

Кто-то заговорил о возможности внезапного начала войны между Россией и Германией.

- Чепуха! - раздалось протестующе. - Россия и Германия связаны более чем вековой дружбой. Со времен Наполеона мы всегда были рядом. Личный представитель кайзера при Николае граф Шлобитен утверждает, что о войне не может быть и речи.

Шлобитен стоял в свите царя и, как обычно, был весел и остроумен. Он высокомерно и насмешливо поглядывал на французских офицеров, группировавшихся вокруг французского посла Палеолога и военного атташе маркиза де ля Гиш. Французы были сдержаны, немногословны, что истолковывалось любопытными наблюдателями как плохой признак.

Около юных царевен грудились молодые князья и свитские офицеры. Они о чем-то оживленно разговаривали. Царевны прыскали от смеха и зажимали рты кружевными платочками. Рядом с сестрами на стульчике сидел бледный и худой наследник. За его спиной стоял широкоплечий

казак Деревянко, исполнявший обязанности няньки. Он строго следил, чтобы царевич не вставал со стула.

Невдалеке от наследника в кругу генералов оживленно жестикулировал великий князь Сергей Михайлович - августейший генерал-инспектор артиллерии.

- Главнейший и, к несчастью, несокрушимый враг русской артиллерии, - отрекомендовал его Тихменев Звонареву. - В артиллерии он ничего не смыслит, и почти все его распоряжения - прямое свидетельство скудоумия и самодурства. Диву даешься, как наш Кузьмин-Караваев уживается с ним и умеет обезвредить глупые, а то и просто вредные приказы. Беда еще и в том, что "августейший инспектор" идет на поводу у французской фирмы Шнейдера-Крезо. Французы хотели навязать нам перевооружение всей легкой артиллерии своими пушками, которые куда хуже наших. Хорошо, министр финансов запротестовал: нет денег, и все! Только благодаря этому перевооружение не состоялось. И все же эти бестии французы не разрешили нам закупить пушки у Круппа, который предлагал нам тысячу отличнейших гаубиц и тяжелых орудий с полным боевым комплектом.

- В данном случае можно было бы и не согласиться с французами, - заметил Звонарев.

Тихменев усмехнулся:

- Попробуйте не согласиться, если они дали взятку августейшему идиоту Сергею Михайловичу и он забраковал крупповские пушки после испытаний.

В ожидании, пока объединенный оркестр всех гвардейских полков перестроится, царь и Пуанкаре тихо беседовали. Невысокого роста, невзрачного вида, царь, в лихо сбитой набекрень фуражке, слушал президента, чуть наклонив голову в его сторону. Кряжистый, начинающий полнеть Пуанкаре, с грубоватым, загоревшим крестьянским лицом и вздыбившейся бородкой, держался с почтительностью гостя, который задался целью во что бы то ни стало расположить к себе сердце гостеприимного хозяина. Оба улыбались, поддакивая друг другу, и,

видимо, были довольны беседой.

Наконец оркестр перестроился. На дирижерский пульт поднялся седовласый невысокого роста мужчина - главный дирижер императорского Мариинского оперного театра. Окинув взглядом свое музыкальное воинство, он церемонно поклонился монарху.

Началась вечерняя перекличка в полках. По иерархической лестнице рапорты поднимались все выше и выше. Командиры полков рапортовали командиру гвардейского корпуса, тот, в свою очередь, отдал рапорт великому князю, а князь на безукоризненном французском языке доложил о результатах переклички Пуанкаре.

Долгая, довольно скучная процедура. Когда она в конце концов завершилась, раздалась долгожданная команда:

- На молитву, шапки долой!

Солдаты, офицеры и публика обнажили головы. Обычно после этого солдаты пели хором молитвы "Отче наш" и "Спаси, господи, люди твоя", но сегодня, вопреки установленному ритуалу, сводный оркестр заиграл тягучий и нудный хорал "Коль славен господь во Сионе". Все стояли навытяжку, молчаливые, с постными лицами, изредка крестясь. Прошло добрых десять минут, прежде чем оркестр кончил хорал, и все вздохнули свободнее, зашевелились. Затем артист Александринского императорского театра, одетый в солдатскую форму Преображенского полка, по-актерски выразительно и набожно прочитал молитвы "Отче наш" и "Спаси, господи, люди твоя".

И вот наконец великий князь скомандовал:

- Накройсь! Слушай на караул!

Сводный оркестр заиграл "Марсельезу". Огненная мелодия французского гимна будто встряхнула всех. В ней было что-то от свежего порывистого ветра, грозовое, могучее, зовущее. Звонареву невольно вспомнилось, как несколько дней назад большая толпа бастующих рабочих дружно и воодушевленно пела "Рабочую марсельезу", а полиция и казаки безуспешно пытались прекратить это поднимающее на борьбу пение. Смолкая в одном месте, песня вдруг, как пламя пожара, подхваченное

вихрем, снова взвивалась над толпой в другом, еще настойчивее и упорнее.

Сейчас, вслушиваясь в звуки чудесного гимна, Сергей Владимирович начал тихонько подпевать оркестру. Тихменев предостерегающе толкнул его под локоть:

- Не забывайтесь!

Звонарев умолк.

Когда замерли последние звуки "Марсельезы", зазвучал царский гимн "Боже, царя храни". Это был разительный контраст мелодий. Казалось, после освежающего ветра революционного гимна весь лагерь наполнился затхлым и душным воздухом.

"Заря с церемонией" закончилась криками "ура". Утомленные затянувшимся церемониалом солдаты кричали без всякого воодушевления. В их "ура" не чувствовалось ни душевного подъема, ни патриотического восторга.

Кричали потому, что было приказано кричать.

Царь распорядился отпустить полки, а сам с Пуанкаре и царицей на одном из придворных автомобилей отбыл в Красносельский дворец. Следом двинулись автомобили со свитой. Громоздкие и неуклюжие машины, изготовленные на русско-балтийском заводе, нещадно дымили и рядом с элегантными заграничными выглядели топорными и безобразными.

Начался общий разъезд. Публика хлынула к железнодорожной станции, куда уже было подано несколько пассажирских составов.

На вокзале к Тихменеву и Звонареву подошел адвокат Кузьмин-Караваев, брат начальника артиллерийского управления.

- Рад вас видеть здесь, Сергей Владимирович, - сказал он после того, как Тихменев представил ему Звонарева. - Мне брат говорил о вашем несчастье. Ваше присутствие на церемонии не ускользнуло от внимания некоторых влиятельных лиц. Завтра я расскажу фон Валю, что встретился здесь с вами. Он лопнет от зависти. Ему-то сюда никогда не попасть. Видели вас и охранники из министерства внутренних дел, и кое-

кто еще. Я не преминул представить им вас заочно, так сказать, на расстоянии. Поверьте мне, все это окажет существенное влияние на дальнейший ход дела вашей супруги.

Прощаясь со Звонаревым, Кузьмин-Караваев выразил надежду увидеть его на следующий день на царском смотре красносельского лагерного сбора.

6

Утро выдалось солнечное, теплое. Еще задалго до начала торжественного смотра лагерного сбора в Красное Село наехало множество знати. Казалось, все великосветское общество столицы провело прошедшую ночь без сна, с тем чтобы пораньше выбраться из города и разместиться поближе к царскому валику, на котором возвышался шатер царского семейства с полоскавшимся на ветру оранжевым штандартом с черным двуглавым орлом.

Тихменев и Звонарев устроились на склоне высокого холма, откуда хорошо были видны все огромное поле и царский валик - насыпь высотой до четырех метров и длиной около сорока метров, поросшая густой травой.

Против шатра, на краю вала, придворные лакеи заканчивали натягивать широкий тент, в тени которого расставлялись кресла и стулья. Солнце, улыбки, веселый гомон толпы создавали ту праздничную атмосферу, когда совсем не ощущается томительность ожидания и медленный бег времени.

Под звуки духовых оркестров со стороны главного лагеря к месту парада двинулись войска. Первым шел Преображенский полк, четким, сомкнутым строем, чуть колыхаясь штыками в такт бодрого, звонкого полкового марша.

Вслушиваясь в эту музыку, Звонарев мысленно повторял слова, запомнившиеся со школьной скамьи:

Многие лета, многие лета, Православный русский царь!..

Полки приближались. Гром оркестра нарастал, и теперь Звонареву уже слышались иные слова, те, которые на мотив марша распевали в Питере:

Знают чукчи, самоеды,
Знает нильский крокодил:
На попойки, на обеды
К нам всегда сам царь ходил.
И дарован нам мильон,
Чтоб забыли про особый батальон.

- Павел Петрович, вам неизвестна судьба особого батальона Преображенского полка? - спросил Звонарев у Тихменева.

- Что это вам вспомнились бунтовщики? - удивился тот.

- Просто интересно, где он сейчас?

- Там же, куда его отправили в девятьсот шестом году, - ответил Тихменев. - Вздумалось солдатикам, чтобы их лучше кормили, вежливо с ними обращались. Отказались приветствовать офицеров и выходить на перекличку.

Вот и допрыгались. Прямо с учения царь походным порядком отправил их в село Медведь Новгородской губернии. Офицеры служат там без выслуги лет и не производятся в следующие чины, а солдаты не увольняются в запас. Вот уже восемь лет нет никаких изменений в судьбе этого батальона.

- Неужели царь не смилостивился?

Тихменев оглянулся по сторонам, боясь, как бы их разговор не стал достоянием чужих ушей. Но никто не обращал на них никакого внимания. Слева щеголеватый полковник рассказывал дамам какой-то салонный анекдот, и они, жеманясь, смеялись. Справа группа думских депутатов спорила о каких-то ограничениях на ввоз американских товаров. Бесконечная болтовня, шумные приветствия и ко всему - звуки марша. И все же Тихменев не отважился говорить в полный голос.

- Видимо, наш монарх придерживается того правила, что лучше перегнуть, чем недогнуть, - сказал он приглушенно. - В прошлом году во время празднования трехсотлетия дома Романовых, царь был в гостях у

преображенцев. Там находились и офицеры особого батальона. Их пригласили в надежде, что царь по случаю праздника простит наконец штрафной батальон.

Ничего подобного. Увидев опальных офицеров, Николай страшно обозлился и уехал из полка, ни с кем не простившись. Говорят, что затем он перетрусил не на шутку: ведь казармы преображенцев расположены рядом с Зимним дворцом, ну и, кроме того, преображенцы несут внутренние караулы в самом дворце. Вдруг возьмут да и придушат, как Павла Первого. Чтобы несколько ублажить полк, царь подарил ему миллион рублей золотом - "на улучшение быта господ офицеров". Вот так.

Звонарев впервые слышал эту историю и выразил удивление, что о ней ни словом не обмолвилась ни одна газета, даже "Русский инвалид".

- Чего захотели! - насмешливо воскликнул Тихменев. - О таких вещах не пишут. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. - Он вздохнул. - Да только ли это! А водосвятие помните?

Еще в японском плену Звонарев слышал об эпизоде, о котором упомянул разоткровенничавшийся Тихменев. Но то были слухи, теперь же представилась возможность узнать подлинное событие.

- Сделайте одолжение, Павел Петрович, расскажите! - попросил Звонарев. - Это, должно быть, тоже нечто очень любопытное.

- Извольте, - охотно согласился Тихменев. - Это произошло шестого января пятого года. Как вам известно, эта церемония сопровождается орудийным салютом с валов Петропавловской крепости. В тот год салютовать должна была одна из батарей гвардейской конной артиллерии. - Тихменев снова покосился на ближайших соседей. - Когда митрополит погружал крест в воду, то есть в самый торжественный момент крещенской службы, батарея пальнула картечью прямо в сторону места водосвятия. Произошло это из-за чьей-то халатности. Накануне шло учение при орудиях, и в стволе одной из пушек осталась картечь. Перед салютом никто не удосужился осмотреть пушки.

Получился не салют, а обстрел. Хорошо хоть, расстояние выручило: от

крепости до места водосвятия больше версты, так что картечь туда попала уже на излете. И все же одного в толпе убило, двоих ранило. Несколько картечин упало рядом с царской семьей. Представляете, какой поднялся переполох! Царь не медля умчался в Зимний. Он усмотрел в злосчастном выстреле преднамеренное покушение на свое семейство. Вот почему расстрел на Дворцовой площади девятого января , спустя всего три дня, был особенно жестоким.

- Народ не забудет никогда этого расстрела, - мрачно вставил Звонарев.

- Забудет, как многое забыл! - скептически заметил Тихменев. - Толпа, народ - это стадо с короткой памятью. Время идет, а под нашим зодиаком все остается неизменным. И так будет вечно... Всех офицеров конной батареи перевели теми же чинами в различные захолустные батареи армии, и служить им больше в гвардии не разрешили. А ведь гвардия - это цвет нашей армии.

Вы только взгляните, как шагают эти молодцы! - восторженно воскликнул генерал.

Да, маршем гвардейских полков нельзя было не восхищаться. Один за другим выходили на поле различные полки и занимали на нем строго определенные места, отмеченные солдатами-линейными. Пехота подходила с громкими, с удалым подсвистом песнями. За пехотой приблизился под звуки своего марша гвардейский саперный батальон, затем, громыхая щитами орудий, появилась артиллерия, и наконец на поле показались многочисленные конные полки. Поле заполнилось тысячами людей в защитных брюках и рубахах, на груди у офицеров красовались ордена и медали. Генералы были при орденских лентах через плечо.

Вскоре к валику подъехали открытые машины с царской семьей и высоким гостем. Царю подвели белого аргамака, и он в сопровождении великого князя начал объезд построенных для парада полков. Царь торопился, стараясь не утомлять Пуанкаре, который вместе с царицей ехал в ландо вдоль выстроившихся полков.

Подъехав к царскому валику и не слезая с коня, царь остался у подножия

валика, рядом с ним стал великий князь, главнокомандующий. Ландо с царицей и Пуанкаре отъехало немного в сторону и остановилось на небольшом пригорке.

Старая императрица с наследником и великими княжнами разместилась под тентом на валике, окруженная толпой придворных дам и великих князей. Тут же находился совсем уж престарелый деятель времен Александра II, ныне министр двора его величества, пышноусый, высокий, краснолицый, но все еще по-гвардейски статный граф Фредерикс. Он сел позади кресла вдовствующей императрицы и о чем-то тихонько вполголоса беседовал с ней, временами сердито оборачиваясь на чересчур смешливых придворных дам и кавалеров. Он в такие моменты был похож на старую, но уже не страшную классную даму, следящую за порядком на балу в своем институте.

День выдался безоблачный и тихий. Солнце с каждой минутой припекало все сильней. Публика на валике, усиленно обмахиваясь белыми веерами, походила на стаю заморских белоснежных птиц, непрерывно трепетавших крыльями. Она не спускала глаз с валика, наблюдая за тем, что там происходит. Политики пытались предугадать, какова будет международная атмосфера после этой встречи Пуанкаре и царя, дельцы прикидывали в уме, какие прибыли им сулит военный союз Франции и России и как сохранить экономические связи с Германией. Сплетники и сплетницы судачили по поводу нарядов царицы, княжон и придворных дам.

Как и накануне, немцы стояли несколько обособленной группой около германского посла графа Пурталеса, выправка и надменный взгляд которого выдавали в нем, несмотря на дипломатическую форму, прусского юнкера. Даже болтливый Шлобитен сегодня предпочитал молчать.

Зато французы, окружившие французского посла Палеолога, были оживлены не в пример вчерашнему дню. Все следили за мановением царской руки.

Николай сделал знак рукой, и фанфаристы дружно заиграли сигнал к

походу.

Выстроившийся против царского валика оркестр грянул было традиционный марш "Под двуглавым орлом", но тут же смолк и в следующее мгновение заиграл какой-то бодрый, веселый, но совершенно незнакомый марш.

Услышав его, французы сразу подбодрились, а затем разразились аплодисментами. Звонарев и Тихменев не поняли, в чем дело и чему радуются французы.

- Так это же Лотарингский марш! - пояснили им. - Марш отторгнутой от Франции провинции. Он запрещен в Германии, но Пуанкаре родом из Лотарингии, вот в его честь и играют этот марш.

Действительно, едва услышав звуки марша, Пуанкаре встал в ландо и, обернувшись к царю, картинно раскланялся, а затем приложился к руке Александры Федоровны. Французы на валике продолжали неистово аплодировать, к ним присоединилась почти вся публика, за исключением, конечно, немцев.

Эти овации принимали характер открытого вызова в их адрес. Марш надо было прекратить, но царь не сделал ни малейшего намека, и Лотарингский марш гремел над всем полем, по которому полк за полком проходила царская гвардия. Это был уже вызов, брошенный немцам. Стало ясно: Россия и Франция договорились о совместной войне против Германии и о возвращении Лотарингии Франции.

Так это и понял граф Пурталес.

Не дожидаясь конца парада, он в сопровождении своей свиты покинул валик.

Между тем полки продолжали свое движение. Соблядая безукоризненное равнение, солдаты проходили мимо царя и Пуанкаре. Когда солдаты равнялись с царем, великий князь и командир гвардейского корпуса генерал Безобразов поднимали вверх руку, затянутую в белую перчатку, и солдаты истошными голосами кричали "ура". Пройдя метров двести за валик, полки перестраивались в походные колоны и с песнями отправлялись в лагерь.

Хотя поле и было хорошо полито, солнце быстро высушило землю.
Поднялась пыль. Ветер будто нарочно гнал ее прямо на валик.
Заканчивала марш пехота. Готовилась артиллерия.
В это время Тихменев с кем-то раскланялся. Звонарев увидел сенатора Кони и начальника Главного артиллерийского управления, которые прошли невдалеке. Сергей Владимировия козырнул им, они ответили ему благосклонными кивками.
В конном строю, на рысях, мимо валика уже двигалась артиллерия.
Вороные, рыжие, гнедые лошади побатарейно тянули громыхавшие щитами пушки.
В каждой батарее есть своя масть коней - сильных, широкогрудых, начищеных до блеска. Пыль густела. Все происходило будто в серовато-буром тумане. За артиллерией живым потоком потянулась конница. Первыми шли рысью кавалергарды на серых в яблоках лошадях, с обнаженными палашами в руках.
Впереди полка, лихо салютуя шашкой царю и Пуанкаре, проскакал командир генерал Скоропадский.
Всречать кавалергардов вышла старая императрица. Став на краю валика, Мария Федоровна приветственно махала рукой конникам.
Тридцать три года тому назад она впервые появилась верхом на лошади перед строем этого полка в кавалергардской форме, и Александр III объявил тогда, что его жена, императрица Мария, назначается шефом полка. С той поры Мария Федоровна неизменно бывала на всех полковых праздниках и лично поздравляла солдат и офицеров. Сейчас она смотрела сквозь слезы на "свой" полк и взволнованно приветствовала его. Кавалергарды отвечали ей громким "ура".
Как только полк прошел, Мария Федоровна устало склонила голову и снова ушла под тент к своему креслу.
Вот к валику приблизился лейб-гвардии Уланский полк, и уже царица Александра Федоровна порывисто, величественно вскинув голову, поднялась в ландо и энергично замахала белым кружевным платочком. Она настолько увлеклась этим занятием, что загородила собой гостя -

Пуанкаре.

Получилось, что она одна принимала парад. Солдаты, держа равнение на царский шатер, пялили глаза на раскрасневшуюся царицу, дружно тянули "ура", а царица одаривала их покровительственными улыбками.

Улан сменил лейб-гвардии Атаманский полк. Огромный казак поднял на руки больного цесаревича и вынес его вперед, на край валика. Наследник замахал рукой своему подшефному полку, казаки дружно отвечали на его приветствия.

Зной усиливался, пыль плотным серым облаком затягивала поле. Было трудно дышать. Бесконечный марш войск, грохот оркестра и тысячеголосые крики солдат уже изрядно утомили разомлевшую от жары публику. Пуанкаре то и дело смахивал платком пот с лица, а царь уныло улыбался и устало поглядывал по сторонам.

Когда, замыкая парадное шествие, продефилировал наконец гвардейский жандармский эскадрон, все облегченно вздохнули. Царское семейство не успело еще разместиться в автомобилях, а публика уже потекла к вокзалу.

Поле опустело. Издалека доносились солдатские песни. Звонарев задумчиво смотрел на медленно оседавшую пыль.

- Я вижу, Сергей Владимирович, на вас нашло минорное настроение, - заметил с улыбкой Тихменев. - Поторопитесь, иначе не попадем в вагоны.

- Да, пожалуй, - рассеянно отозвался Звонарев и, окинув поле прощальным взглядом, вздохнул: - Как все же нынче душно и пыльно, просто нечем дышать.

Тихменев искоса, с хитринкой взглянул на него:

- Как прикажете вас понимать - в прямом или переносном смысле?

- В прямом, конечно, - так же с улыбкой ответил Звонарев. - Хотя "Заря с церемонией" и сегодняшний парад - это тоже пыль, которую пускает наш самодержец в глаза не только французам, но и нам. Так сказать, демонстрация военной мощи, парад, оркестры, блеск... А в Питере черт знает что творится. Забастовки, баррикады...

- И охранка, - не без ехидства заметил Тихменев.

7

Варя ощутила на себе омерзительное дыхание уголовного мира с первых же минут пребывания в тюрьме. Проститутки, воровки, бандитки. Падшие существа, сохранившие человеческий облик, с черствыми, закаменелыми душами полуживотных. Насмешливо, полупрезрительно они поглядывали на чистенькую, хорошо одетую "барыньку", которая вдруг угодила к ним в камеру, чем-то похожую на матросский кубрик пиратской каравеллы. Двухэтажные нары, зловоние, дух давно не мытых, грязных тел, махорки, сивухи.

Поняв, куда она попала, Варя тут же заявила решительный протест надзирателю с требованием перевести ее в другую камеру, но тюремщик под одобрительное улюлюканье обитательниц камеры заявил издевательски:

- Ишь чего захотела, принцесса! Может, тебе еще прислугу приставить и пуховики расстелить? Хорошо будет и здесь. Тут такие мамзели, что враз тебя в божеский вид приведут.

Варя долго стояла у двери, не решаясь подойти к нарам. Кто-то хихикнул:

- Подумаешь, святую из себя корчит.

Сверху, с нар, донеслось:

- Эта, видать, не нашего пошибу... Барская.

И снова смешок:

- Укокошила какого-нибудь пьяненького офицера и обчистила.

Варя молчала. К ней подошла полная арестантка, растрепанная, с обрюзгшим лицом и слезящимися от трахомы глазами.

- Вот что я скажу тебе, красавица, - проговорила она гундосо, обдав лицо Вари тошнотворным запахом гнилого рта. - Скидывай-ка свою кохту и юбку. Пондравились они мне. Взамен получишь мои. - Она тряхнула подолом лоснившегося от жира и грязи черного рваного платья. - И давай

пошевеливайся. А ежели не скинешь, прирежу. Я такая! Кого хошь тут спроси.

Мясистая грубая рука с длинными почерневшими ногтями потянулась к Варе.

- Прочь! - Варя отшвырнула руку. - Не притрагивайтесь ко мне!

С нар сползали нечесанные испитые фурии. Они медленно приближались к Варе, окружая ее полукольцом, зло посмеиваясь, с холодными жесткими глазами.

- И чего ты, Тузиха, церемонишься? - прохрипела долговязая седая женщина, почесывая грудь. - Дай ей по рылу, чтоб не брыкалась.

Тузиха двинулась на Варю.

- Ну, будешь скидывать по-хорошему?

- Не буду! - твердо ответила Варя.

- Бей ее! - выкрикнул кто-то.

- Бей! - взвилось визгливо.

Тузиха взмахнула огромным кулачищем. Варя отпрянула к двери, и в тот же момент Тузиха пошатнулась, плюхнулась задом на пол. Молодая сильная женщина так неожиданно дернула ее за волосы, что она не устояла на ногах и упала.

- Ах ты, стерва! Супротив меня, значит?! - взревела Тузиха и, поднявшись, хотела было наброситься на непрошенную защитницу "новенькой".

Молодая женщина с силой оттолкнула ее от себя.

- Не дюже расходись. Не таких ведьм видела.

Только теперь Варя узнала в молодой арестантке Маню Завидову, ту самую, которую едва не убили ожесточившиеся бабы на Выборгской стороне.

Глянув презрительно на растерявшуюся Тузиху, Маня подошла к Звонаревой.

- Здравствуйте, Варвара Васильевна, - промолвила она тихо. - Вот уж не думала, не гадала увидеть вас тут. - И улыбнулась горько: - Мне-то что! Я привычная... не впервой здесь. А вот вы-то как попали сюда, в вертеп?

Варя уклонилась от прямого ответа:

- Пришли жандармы... забрали.

Маня обернулась к толпившимся за ее спиной женщинам:

- Слышали? Жандармы ее забрали... за политику.

Женщины притихли.

- Я ее знаю - докторша она, рабочих людей на Выборгской стороне лечила, без денег, - продолжала Завидова. - Не чета нам, поняли? - И, помолчав, предупредила строго: - Ежели кто хоть пальцем посмеет тронуть - глаза выцарапаю.

Тем временем пришла в себя Тузиха. Боясь потерять свой авторитет в камере и видя, с каким вниманием узницы слушают Завидову, она решила действовать с прежней наглостью.

- Заткнись, Манька! - крикнула она взбешенно. - Не капай нам на мозги. И запомни: ежели твоя доктурша не подчинится мне, в параше удушим и тебя и ее!

- Плевать я на тебя хотела, - бесстрашно бросила Завидова.

- Это на меня-то плюешь?! - прохрипела Тузиха и вдруг завопила: - Бей ее, лахудру!

Женщины не двинулись с места.

- Бей сама, коли невтерпеж, - сказал кто-то ядовито-насмешливо.

Тузиха рванулась вперед, но тут же замерла на месте. В руке Завидовой сверкнула финка.

- Еще шаг, и я распотрошу тебя, - решительно проговорила Маня.

Воинственный пыл Тузихи сразу остыл. Оглашая камеру похабной площадной бранью, она так и не отважилась приблизиться к Варе.

- Что, нарвалась? - посмеивались над ней женщины.

- Не я буду, коли не прикончу их обеих, - не унималась Тузиха, но чувствовалось, что никого не пугали ее угрозы.

Симпатии арестанток были на стороне Завидовой, и в этом заключалось самое страшное для Тузихи: авторитет уходил от нее.

Узницы разлшлись по своим местам. Постепенно угомонилась и Тузиха, хотя в глазах ее все еще горело затаенное, но бессильное бешенство.

- Пойдемте, Варвара Васильевна!

Завидова взяла Варю под руку и повела в угол камеры, где на нижних рядах находилось ее место.

- Вот здесь, рядышком и устраивайтесь, - сказала она и кивнула в сторону Тузихи: - А на эту дуру плюньте. Я не таких обламывала.

В углу, рядом с окном, было сравнительно чисто. По соседству с Завидовой размещались две молодые девушки. Они потеснились, уступая место Варе. Маня дала ей свою подушку, одна из девушек предложила матрац.

- А вы как же без матраца? - спросила Варя, тронутая такой заботой.

- Берите, берите, - настоятельно проговорила девушка. - У меня их два... одним обойдусь. Может, брезгуете, но на досках жестко вам будет.

Варя поблагодарила ее и устроилась на узком, набитом соломой матраце.

И час, и другой пролежала она, предаваясь невеселым думам. Перед глазами стояли дети, муж... Она понимала, как им будет тяжело, тоскливо без нее. Но все же ей тяжелее. Они дома, вместе, на свободе. А она в этой страшной камере...

Варя обвела взглядом спавших женщин. Вряд ли у кого из них была семья. Вряд ли кто сокрушался там, на свободе, об их участи. Так, бесследно, они уйдут из жизни, отверженные и загубленные жертвы нужды.

Варя чувствовала, что большинство из них смотрит на нее, как на человека из чужого и враждебного им мира. Злость и зависть переполняли их, оттого что она не такая, как они, что у нее есть семья, что она опрятно одета и попала сюда не за убийство, не за воровство, не за проституцию. Сегодня они еще мирятся с ее присутствием, а завтра злость и зависть, возможно, заставят их наброситься на нее и разорвать. Так собаки частенько разрывают пришлую собачонку с чужого двора. И Варе захотелось избавиться от их общества. Пусть одиночество, пусть узкий каменный мешок, но только быть подальше от этих изорудованных жизнью и потому злых и завистливых существ.

- Чую, тяжело вам, Варвара Васильевна, - сказала сочувственно

Завидова, видя, как Варя лежит, уставившись раскрытыми глазами в потолок.

- Вы бы заснули. Сон, он помогает забыться, думы мучительные отгоняет. Я завсегда, как невыносимо горько на душе становится, стараюсь спать. Иной раз хочется заснуть так, чтобы никогда не просыпаться. Надоело жить, и свобода не мила. На что мне солнце, небо синее на что, когда холодно на сердце и радости никакой?

Варя обернулась к ней, встретилась взглядом с ее печальными серыми глазами.

- Нельзя так, Маня! Ты молода, тебе еще жить и жить!

Завидова грустно усмехнулась.

- Зачем она мне, такая жизнь? Ну, выйду отсюда, а дальше что? Опять по рукам пойду. Вот нынче связалась с одним. В любви мне клялся. А сам ворюга, каких мало. Обокрал где-то квартиру, принес мне нарядов разных и говорит: "Вот тебе, милашка моя ненаглядная, подарки. За любовь и за ласки твои!" В ту же ночь полиция ко мне нагрянула, обыск сделала, ну и угодила я за "подарки" возлюбленного сюда как воровка. А вы говорите - жить! Для чего? Чтобы такой, как Тузиха, стать?

- А это страшилище боится тебя, - заметила Варя.

- Кабы не финка, то не боялась бы, - ответила Маня. - Через ту финку все меня тут остерегаются. Благо, что сам начальник тюрьмы снабдил меня ею.

- Неужели сам начальник? - не поверила Варя.

- Сам, - подтвердила Маня. - Ублажаю я его по ночам, приглянулась ему. Вот он и дал мне финку. Доноси не доноси, никто ее не отберет у меня. Боюсь только, ночью кто выкрадет, да меня и пырнет той финкой под сердце.

И такое бывает. А покуда она при мне - никого не боюсь, и вас, Варвара Васильевна, никому в обиду не дам.

- Спасибо, Маня! - обняла ее Варя.

- Уж какое тут спасибо, - вздохнула Завидова. - В долгу я перед вами, Варвара Васильевна, за Выборгскую сторону. И от всего сердца совет вам

хочу дать: добивайтесь, чтоб перевели вас отсюда. Покуда я с вами рядышком, никто не тронет вас, а как уйду на ночь к начальнику, всякое может с вами статься. Придется финку вам оставлять...

- Не надо, - возразила Варя. - Беды не оберешься с ней.

Под вечер Завидову вызвали к начальнику тюрьмы. Уходя, она сказала во всеуслышанье:

- Варвару Васильевну не трогать. Кто обидит ее - тому несдобровать. Памятью матери моей клянусь - кишки обидчице выпущу. - И, взглянув на Тузиху, добавила: - Особливо тебе, Клавдия, говорю про то. Учти!

Тревожной была та ночь для Вари. Она не могла уснуть, хотя уже не спала вторую ночь. Тузиха, как полуночница, бродила по камере, что-то бубнила себе под нос и несколько раз подходила к Варе.

- Все едино задушу, - шипела она. - Не нонче, так завтра.

Варя не отзывалась. Лежала, напрягшись, готовая дать отпор Тузихе и постоять за себя. Кое-кто пытался уговорить Тузиху, иные бранили ее. Ничто не действовало. Она продолжала шастать по камере и огрызалась с ожесточением затравленного зверя.

Черноволосая, кареглазая, похожая на цыганочку девушка, лежавшая рядом с Варей, не выдержала. Встав с нар, она подошла к Тузихе и обратилась к ней мягко, просительно, по-детски:

- Тетя Клава, милая, ну что вы и сами не спите и другим не даете спать? Разве у вас сердца нет? И неужто в душе вашей, окромя зла, ничего нет? Тетенька, ну прошу!

Испитое, обрюзгшее лицо Тузихи передернулось. Казалось, она вот-вот обрушится яростно на девушку с кулаками и ругательствами. Но ничего подобного не случилось. Плечи Тузихи задрожали, рот скривился, и камера вдруг наполнилась глухими рыданиями. Тузиха упала на пол ничком, закалотила кулаками себя по голове, причитая сквозь истошный плач:

- Скотина я... Шлюха я подзаборная... Зачем, пошто ты, доченька, сердце мое растравила! Ногами топчите меня, поганую, режьте меня, окаянную... И-и-и... Где ты, смерть моя, избавительница?.. И-и-и!

Жутью веяло от этого протяжного, похожего на вой, плача. Все проснулись и растерянно наблюдали необычную картину: плачущую, истязающую себя Тузиху.

Варя подошла к ней, приподняла ее голову.

- Успокойтесь, не надо... Идите лягте.

Тузиха схватила Варину руку, прижалась к ней губами.

- Прости, прости, родимая... Не злая я, нет! Житуха моя разнесчастная обозлила меня, из человека зверя сделала. Прости...

С помощью цыганочки Варя подняла Тузиху на ноги, довела ее до нар и, уложив, напоила водой.

Еще с полчаса всхлипывала Тузиха, потом постепенно умолкла. В камере стало так тихо, что слышались глухие шаги часовых в тюремном дворе. Кто-то храпел во сне, кто-то бормотал, кто-то беспрерывно ворочался с боку на бок. А Варя все не могла уснуть. Думала о Тузихе, о своих молоденьких соседках по нарам, об узницах, заполнивших камеру. И ничего, кроме теплой жалости, она не испытывала сейчас к ним. Кто знает, может быть, эти женщины были бы хорошими матерями, любящими, нежными, заботливыми женами, верными и самоотверженными подругами, если бы жизнь была иной, не такой нищей, голодной и жестокой. Думая об этом, Варя чувствовала, каким благородным и светлым целям отдавали свои сердца те, с кем она связала свою судьбу, - большевики. Пусть тюрьма, пусть лишения, пусть снова ссылка, но она должна выдержать, снести все ради того, чтобы жизнь в конце концов стала светлой и радостной для тех, кто сейчас унижен, оскорблен и подавлен.

С этими мыслями Варя уснула.

Утром она была разбужена шумом какого-то переполоха. И первое, что она увидела, открыв глаза, - это тело Тузихи, лежавшее на каменном полу среди камеры.

- Что это с ней? - обеспокоенно спросила Варя.

- Готова! - донеслось в ответ. - Повесилась, бедолашная, под нарами... на кушаке...

Пришла Завидова, пьяная, усталая, с черными кругами под глазами. Она не сразу поняла, что случилось с Тузихой, и, увидев ее на полу, усмехнулась пьяно:

- Это что за новая комедь?

- Брось, Манька, - угрюмо буркнула пожидая женщина. - Неужто не видишь: преставилась.

- Преставилась? - недоверчиво переспросила Завидова. - Кто же ее?

- Сама!

По губам Завидовой скользнула судорожная улыбка.

- Ну что ж, как говорится, собаке - собачья смерть! - Ее взгляд остановился на Варе, по щекам которой катились слезы. - Вы-то чего, Варвара Васильевна, плачете? Это ж враг ваш...

Варя качнула головой:

- Нет, Маня. Не враг она мне...

Весть о самоубийстве Тузихи быстро долетела до тюремного начальства.

Первой явилась старшая надзирательница - дородная мужеподобная женщина в форменной одежде, с наганом на боку. Бросив брезгливый взгляд на умершую, она скомандовала разойтись всем по местам и сказала басовито:

- Сейчас мы выволокем отсюда эту падаль.

Кареглазая, похожая на цыганочку девушка, стоявшая к ней ближе всех, проговорила укоряюще:

- И вам не стыдно? Это же не падаль, человек!

- Молчать, соплячка! - рявкнула надзирательница и ударила девушку по лицу. Та охнула, свалилась рядом с мертвой Тузихой.

- Разойдись! - топнула ногой тюремщица.

Никто не двинулся с места.

- Оглохли, что ли?

Пощечина досталась седой, болезненной на вид узнице.

Варя решительно подошла к надзирательнице.

- Вы не смеете бить арестованных, - заявила она возмущенно.

Тюремщица зло сощурилась.

- А ты кто такая, чтобы свои порядки здесь наводить?

- Я знаю законы, - ответила Варя, - и вы ответите за произвол.

- Законница, значит? - ухмыльнулась надзирательница и наотмашь ударила Варю широкой тяжелой ладонью. - Вот тебе, получай по закону! А чтоб не совала свой нос куда не следует - получай еще!

Но второй раз ударить Варю она не успела. Завидова впилась ногтями в лицо надзирательнице, затем боднула головой в подбородок и сбила с ног.

Как только надзирательница грохнулась, узницы набросились на нее, начали бить, топтать ногами. Ярость женщин была беспредельной. Казалось, они были готовы разорвать извивающуюся на полу тюремщицу. Варя поняла, что начался самосуд, и ринулась на выручку избиваемой.

- Остановитесь! Остановитесь! - взывала Варя, расталкивая женщин.

Перед ее глазами мелькали разгоряченные, перекошенные злобой лица. Кто-то отшвырнул ее в сторону и крикнул:

- Не лезь! Не мешай!

Надзирательнице все же удалось как-то вывернуться. На четвереньках она добралась до двери, вскочила на ноги и пустилась наутек по коридору. А к взбунтовавшейся камере уже мчался сам начальник тюрьмы в сопровождении пятерых дюжих надзирателей.

- Это что за безобразие?! - заорал он с порога камеры. - Бунтовать задумали, сволочи? А ну сейчас по местам!

Надзиратели оттеснили женщин к нарам. Тех, кто не подчинялся, бесцеремонно швыряли на пол.

Надзирательница вернулась с разбитым носом и измазанным кровью лицом.

- Кто зачинщица? - обратился к ней начальник тюрьмы.

Надзирательница ткнула пальцем в Варю.

- Вот эта!

Вперед вышла Завидова.

- И совсем не она. Я изуродовала рожу этой кобыле. Жаль, что вырвалась, а то бы лежать ей рядом с Тузихой.

Начальник тюрьмы не знал, что делать.

- Не дури, Маня, - проговорил он убеждающе. - Зачем на себя вину берешь?

Завидова обожгла его ненавидящим взглядом.

- А ты не выгораживай меня, господин начальник. Говорю, я начала - значит так и есть. Всех бы вас, палачей окаянных, загрызть, чтоб не измывались над людьми.

- Молчи, сумасшедшая! - крикнул начальник тюрьмы, пытаясь образумить ее, но Завидова, хлестко выругавшись, прошмыгнула мимо него и плюнула в лицо надзирательнице.

- Вот тебе, сука!

Волей-неволей начальнику пришлось применить крутые меры к той, с кем миловался всю ночь.

- Взять ее! - бросил он охранникам.

Завидова отчаянно сопротивлялась и в конце концов вырвалась из рук надзирателей, оставив в их руках изорванное платье. Сероглазая, с распущенными длинными золотистыми волосами, разгоряченная борьбой, она стояла посреди камеры. Ее красивые груди высоко вздамались при каждом вздохе. Надзиратели растерялись, поглядывали то на нее, то на начальника.

"Хороша, стерва!" - думал каждый из них, будто видя перед собой чертовски соблазнительный, но запретный плод.

- Чего глаза пялите? - гаркнул на них начальник тюрьмы. - В карцер ее... И эту, - он указал на Варю.

Завидовой скрутили руки и выволокли в коридор. Та же участь постигла и Варю.

В тот же день в карцере Варя объявила голодовку.

По тюрьме поползли слухи, что Тузиха погибла от побоев, вся тюрьма возмущенно загудела. Начальник чувствовал, что назревают события, которые не сулили ему ничего хорошего. Чтобы сбить нарастающую волну возмущения среди заключенных, им сообщили о строгом наказании, которое якобы получила надзирательница за

рукоприкладство.

Вскоре по распоряжению прокурора Варя была переведена в одиночку, а начальник тюрьмы, уже по собственной инициативе, поместил с ней Завидову.

8

На станцию Оредеж поезд отходил с Царскосельского вокзала. День был солнечный, сухой. В поезде стоял дымный запах горящих лесов и торфяных болот. В это засушливое и знойное лето такие пожары случались часто.

Домик, который Варя ежегодно снимала под дачу, располагался неподалеку от реки, был удобен и уютен. Звонаревы намеревались провести здесь лето, отдохнуть, покупаться в прохладных водах Оредежа, но до июня дача почти все время пустовала: они побывали здесь всего три раза. Затем обрушилось несчастье - арест Вари. Было уже не до дачи. Краснушкин находился на Волге, в Закатальском полку, и Катя решила выехать с детьми - Вариными и свими - на Оредеж, чтобы прожить там до осени.

Одиннадцатого июля, получив три дня отпуска, Звонарев поехал на дачу.

В поезде он обратил внимание на обилие военных. Офицеры вели себя как-то нервозно, то и дело упоминая в разговорах Австрию, Белград, и определенно намекали на возможную мобилизацию.

На одной из промежуточных станций в вагон вошел пожилой штабс-капитан, лицо которого показалось Звонареву знакомым.

Увидев Сергея Владимировича, штабс-капитан протянул ему руку:

- Честь имею приветствовать вас, господин Звонарев, - и улыбнулся. - Возможно, вы забыли меня, но я-то хорошо запомнил вас после того, как вы изрядно потрепали мне нервы в кабинете Тихменева.

- Это насчет гаубиц? - вспомнил Звонарев.

- Вот именно, - подтвердил штабс-капитан. - Вы никак не хотели принимать наш заказ, а я слезно молил вас смилостивиться.

- И я, кажется, внял вашим мольбам.

- За что я и по сей день премногим обязан вам.

Разговорились. Сергей Владимирович поинтерисовался последними новостями, выразив при этом свои опасения по поводу возможного конфликта между Германией и Россией.

- По-моему, веских оснований для войны пока еще нет, - ответил штабс-капитан. - Президент Пуанкаре не торопится с отъездом во Францию, хотя, правда, с очень уж подозрительной любознательностью присматривается ко всему, что творится в вотчине гостеприимного хозяина.

- Это-то как раз и разжигает страсти, - заметил Звонарев. - Насколько мне известно, французы не только присматриваются, но и диктуют нам, что и как следует делать.

- Дружеские советы, не больше, - сказал штабс-капитан. - Между прочим, перерыв лагерного сбора на три дня был объявлен по их указанию, - сообщил он. - Поверьте мне, если бы существовала реальная угроза близкой войны, такого перерыва никто не делал бы.

- И тем не менее Пуанкаре вместе с царем объезжает войска во время ночных маневров.

- Что из этого? Ведь Россия и Франция - союзники, - продолжал в том же оптимистическом духе штабс-капитан. - Я, например, только вчера беседовал с некоторыми лицами из свиты президента. Они заверили меня, что немцы перед лицом столь внушительного противника, каким является франко-русский союз, не рискнут развязывать войну из-за того, что какой-то сербский террорист убил австрийского наследного принца.

- Простите меня за откровенность, но я не совсем доверяю подобным заверениям, - сказал Звонарев. - Зачем, спрашивается, юнкера всех военных училищ досрочно произведены в офицеры? Зачем их лишили полагающегося им месячного отпуска и обязали сразу же отправиться в свои части.

Штабс-капитан пожал плечами.

- Не могу знать. Видимо, начальство не все договаривает.

"Или ты сам боишься выболтать лишнее", - подумал Звонарев.

- Взять хотя бы меня, - продолжал штабс-капитан. - Еду на три дня к семье на дачу. Значит, надо полагать, в ближайшие три дня объявления войны не будет! - заключил он в шутливом тоне.

- Поживем - увидим! - невесело отозвался Звонарев.

По началу русско-японской войны он знал истинную цену таким бодряческим прогнозам и даже официальным првительственным разъяснениям.

Поздно вечером, на даче, когда дети уже уснули, Катя тоже заговорила о войне.

- Мне, пожалуй, надо съездить к Ване, - сказала она. - Вдруг да действительно начнется... Я с ума сойду без него.

- Ехать туда - безумие, - заметил Звонарев. - С кем останутся дети?

- Варя присмотрит.

- Но Варя-то еще в тюрьме, - вырвалось с горечью у Сергея Владимировича. - Завтра суббота. Все судейские крючки разъедутся на дачи, и никто из них не вспомнит о Варе до понедельника.

- Ах, боже мой, как все складывается ужасно! - воскликнула Катя. - Вдруг я не увижу моего Ваню!

Чувствуя, что с ней сейчас вот-вот начнется истерика, Звонарев строго сказал:

- Не один Ваня в армии. Уж если вспыхнет война, то и мне придется идти на фронт.

- Тебя не возьмут... Ты работаешь на военном заводе, а вот Ваня уже в армии, - всхлипнула Катя.

... Вечером 14 июля Звонарев вернулся в Питер. На Литейном проспекте он увидел идущие в походном порядке батареи Первой артиллерийской бригады.

Судя по всему, они возвращались из лагерей на зимние квартиры. И это теперь, в разгар лета! Было похоже на то, что лагерный сбор почему-то прерван.

Звонарев купил газету в надежде разузнать последние новости, но

ничего экстраординарного и тревожного в газете не нашел. Немало удивило его и то обстоятельство, что, несмотря на воскресный день и позднее время, окна Главного артиллерийского управления, выходившие на Литейный проспект, были ярко освещены. Очевидно, там происходило какое-то экстренное совещание. Звонарев решил зайти в управление, но его не пустили, хотя раньше он проходил сюда беспрепятственно. На этот раз от него потребовали особый пропуск.

На заводе по случаю воскресенья никого не оказалось. Зато Выборгская сторона кишела народом. То там, то здесь вспыхивали летучие митинги. Одни ораторы, охваченные шовинистическим азартом, поносили на все лады Германию и призывали верой и правдой служить царю и отечеству. Другие заявляли, что народу не нужна война, и призывали к забастовкам, выдвигая политические лозунги. Полиция относилась покровительственно к выступлениям шовинистов, но как только начинали говорить рабочие ораторы, митинги сейчас же разгонялись.

"Война, - подумал Звонарев. - Не сегодня-завтра начнется мобилизация".

Не встретив никого из знакомых, Сергей Владимирович отправился к себе, на Петербургскую сторону. Чувство тревоги за Варю разрасталось все сильней.

Он погимал: достаточно было одного подозрения охранки, что Варя принадлежит к партии социал-демократов, чтобы выслать ее за тридевять земель от Петербурга. Главное, чтобы ее освободили сейчас, сегодня, завтра... Пока не началась война. А что она начнется, Звонарев уже не сомневался. "Зачем это новое испытание для России? Сколько горя, крови, сколько сирот... И из-за чего?.." - с отчаянием думал инженер.

На следующее утро в газетах было объявлено о срочном отъезде из России на французском броненосце президента Пуанкаре.

"Чего доброго, немцы подорвут в море этот броненосец вместе с президентом!" - подумал с опаской Сергей Владимирович. Случись такое, и французы, конечно, тотчас начнут военные действия.

На заводе от Тихменева Звонарев узнал, что Германия уже начала

мобилизацию своей армии.

- Наше правительство тоже в срочном порядке отозвало войска из лагерей и готовится к мобилизации, - сказал Тихменев, сумрачно поглядывая на Звонарева. - Так что пушки могут заговорить с минуты на минуту...

Помолчав, добавил:

- Начальник управления дал указание руководителям всех подведомственных ему предприятий переводить производство на военные рельсы и сугубо конфидециально сообщил о начале мобилизации в пограничных с Австро-Венгрией округах, Киевском и Одесском.

- Почему же все это держится в секрете? - удивился Звонарев.

- Во избежании лишней паники, - ответил Тихменев. - И потом у нас в России вообще принято держать народ в счастливом неведении. А вот немцы, головой ручаюсь, наверняка знают, что происходит у нас. Фактически мобилизация уже идет полным ходом и в Варшавском и в Виленском округах. В качестве резерва мобилизуются Казанский и Московский. Что же до нашего завода, то нам надлежит чуть ли не вдвое увеличить число рабочих.

- Из расчета, что добрую половину из них заберут в армию? - спросил Звонарев.

- Нет, с тем чтобы резко увеличить производство, - объяснил Тихменев.

- Рабочих нашего завода брать в армию не будут, за исключением тех, кого жандармы представят к мобилизации по политическим мотивам. Думаю, что и ваша супруга будет выпущена теперь без всякого залога. Ее, как хирурга, направят в какой-нибудь военный госпиталь.

"Дай-то бог!" - с тоской подумал Звонарев.

В конце дня Звонарев позвонил Добужинскому. Тот ответил в исключительно любезном тоне:

- Ах, это вы, господин Звонарев? Здравствуйте, дорогой. Рад сообщить вам, что ваша супруга освобождена сегодня в два часа пополудни. Санкция прокурора и согласие министра внутренних дел. Залог, который

вы внесли, возвращен вашей половине при освобождении.

Звонарев почувсвовал, как от радостного волнения перехватило дыхание.

Повесив телефонную трубку на рычаг, он с минуту сидел в кресле, закрыв глаза рукою.

"Варенька, милая, родная, наконец-то..."

Сунув чертежи, бумаги, распоряжения начальника завода, только что принесенные секретарем для ознакомления, в верхний ящик стола и закрыв его на ключ, Звонарев бегом спустился с лестницы. Взяв первого попавшегося извозчика, поспешил домой.

Вари дома не оказалось. На письменном столе в его кабинете лежала коротенькая записка:

"Родной! Была у Кати. Узнала, где она и дети. Выехала к ним. Жду. Целую."

Почерк Вари. Казалось, весь кабинет был еще наполнен теплом ее дыхания. Если утром, всего несколько часов назад, квартира выглядела мрачной, неприветливой, сиротливой, то теперь, когда Варя побыла здесь, все преобразилось, ожило, вернуло свою прежнюю прелесть. Забыв о том, что он не ел с утра, Сергей Владимирович выбежал на улицу, окликнул извозчика и отправился на Царскосельский вокзал.

Варя и Катя сидели на веранде за вечерним чаем. Тут же щебетали дети. Надюшка стояла за спиной матери и, обхватив ее руками за плечи, прижавшись щекой к ее голове, что-то говорила, ласковое и нежное, отчего лицо Вари сияло улыбкой, той, которая озаряет лица счастливых, растроганных дочерней любовью матерей.

- Варенька, - тихо позвал Звонарев.

Он видел, как дрогнули Варины ресницы, широко распахнулись любимые глаза, и Варя, протянув вперед руки, стремительно кинулась ему навстречу.

Забыв все на свете, он целовал ее мокрые от слез сияющие глаза, пушистые, еще не просохшие от мытья волосы, улыбающиеся, ищущие его губы.

- Если бы ты знала, Варенька, как было страшно, как холодно без тебя!
- потеряв голос от волнения и счастья, прошептал Звонарев.

Ранним утром Звонарева разбудил легкий стук в окно. Стараясь не тревожить Варю, он осторожно приподнял голову и облокотился на подушку.

Сквозь легкие тюлевые занавески увидел нежное утреннее небо и густую зелень шиповника, на котором рдели не успевшие еще осыпаться цветы. Стук повторился. Звонарев провел похолодевшими пальцами по лицу, как бы отгоняя поднявшееся в душе чувство нестерпимой тоски.

"Кто это, - мелькнула было мысль, - охранка?" Но тут же успокоила другая: "Жандармы не привыкли стучать так тихо".

Поднявшись с кровати, Звонарев подошел к окну и увидел в предутренних сумерках бледное лицо Блохина.

- Я к вам, Сергей Владимирович, - говорил Блохин, сидя на кухне, куда привел его Звонарев. - Не обессудьте, что так рано. Дошел до дачи - никого не встретил. Самое удобное времечко.

И Блохин рассказал, что на днях, а скорей всего завтра, будет общая мобилизация и что ему, Блохину, не миновать этой напасти. У начальства давно заготовлены списки нежелательных для администрации лиц. Товарищи доподлинно узнали, что и он состоит в этих списках. А кому хочется пропадать? У него трое ребят, их надо до ума довести.

- Вспомнил я про моего боевого командира Бориса Дмитриевича Борейко, - ведь всю артурскую осаду вместях прошли, в плену вместях были, горюшка немало хлебнули, - и подумал: неплохо бы было и сейчас, если уж придется воевать, то податься к нему. Был я, если Сергей Владимирович помнит, неплохим артиллеристом. Думаю, примет меня.

Звонарев, понурившись, слушал собеседника. Чувство тоски и ожидания какого-то неизбежного несчастья все эти дни не покидало его. Казалось, что вот сецчас, или минутой позже, или завтра, но неотвратимо должно рухнуть все, чем он жил последние годы, что было его счастьем: Варя, дети, дом, семья. Война... Он знал, что она будет, но надеялся, что она обойдет стороной, не разрушит его жизни, не лишит его близких и

любимых, не отнимет тепла Вариных рук. Но вот она уже постучалась к нему в окно.

Завтра уйдет Филя, а послезавтра, может быть, и он...

- Что ж! - сказал он, подняв на Блохина уставшие, сразу будто выцветшие глаза. - Ты не тревожься. Я все сделаю. Ты прав. Если воевать, то уж лучше рядом со своими. И о Шуре не волнуйся - поможем. - Тихо добавил: - Конечно, пока я здесь...

- Спасибо, Сергей Владимирович. Я, по правде сказать, другого и не ожидал от вас услышать. Еще раз, спасибо. А что касается Шуры с ребятами, то ничего не надо. Я их в деревню отправлю, к теще. Им там будет легче около земли. Да и мать сиарая уже стала.

Дверь тихо отворилась, и в кухню вошла Варя, завязывая на ходу полы синего халатика. Не удивившись внезапному приезду Блохина, молча протянула ему руку, села на табурет к столу. Она поправила тугой узел волос и, посмотрев на притихших Блохина и мужа, улыбнулась.

- А мне что-нибудь скажешь, Филипп Иванович? - спросила она, будто продолжая прерванный разговор.

- Вот женщина! - восхищенно крякнул Блохин. - Сколько живу на свете - такой не видывал!

И оттого, что слова эти были сказаны с такой искренностью и теплотой, с такой непосредственностью и удалью, Звонарев от души рассмеялся, а Варя порозовела от удовольствия.

- Может, я нескладно сказал, только это истинная правда. Гляжу на вас, Варвара Васильевна, и не перестаю удивляться. Ничем вас бог не обидел: ни красотой, ни умом, ни характером. Вот сейчас пришла, ничего не спросила, а вроде все поняла.

- А разве трудно догадаться? Вон вы какие сидите, носы повесили...

Она провела рукой по густым волосам мужа, словно причесала их. И Блохин увидел, как потеплели, медленно наливаясь синим светом, глаза Звонарева. И по тому, как бережно и нежно взял он Варину руку, поцеловал и оставил в своих больших ладонях, понял, что любит, ох как любит Сергей Владимирович свою Вареньку.

- А вам, Варвара Васильевна, - тихо вымолвил Блохин, боясь спугнуть тот внутренний горячий свет, что нежно теплился в глазах Звонарева, - велено передать поклоны, поздравить со свободой и строго-настрого наказано сидеть тихо и смирно. Время сейчас сами знаете какое. А на той неделе, в пятницу, сходите на Ново-Спасский переулок, что на Выборгской, к портнихе Девяткиной. Она, говорят, здорово шьет вашей сестре платье. Там уж узнаете, что делать дальше.

Проводив мужа в Петербург, Варя вышла в сад. Бросила одеяло на траву и легла, широко раскинув руки. Не верилось, что еще только вчера она была в тюрьме, что лежа вот так же на спине, она видела голые доски грубо сколоченных нар, дышала спертым, зловонным воздухом, слышала ругательства и проклятья несчастных женщин. А сегодня... Стоит ей открыть глаза... Варя открыла глаза и тихонько засмеялась от счастья. Сквозь нежную хвою высоких сосен синело теплое ясное июльское небо. В нем лениво скользили прозрачные облака, легкие и голубовато-белые, как большие перышки. Воздух медово-пряный от сильных запахов разогретой хвои, подсыхающей на солнце травы, нежных и ласковых ароматов полевых цветов. Тихо. Вот где-то вдалеке трещоткой протрещала сорока, и снова все стихло, погружаясь в дремотный покой. Солнышко припекало, и Варя, сняв халатик, подставила теплым лучам обнаженные плечи, руки, грудь...

И мысли, не торопясь, не обгоняя друг друга, шли каждая своей дорожкой. Мирные мысли...

Она была счастлива, что вернулась домой к своим девочкам, что может поцеловать их нежные щечки, услышать их щебет, беззаботный смех. Счастлива своей любовью.

Вот уже скоро десять лет, как она любит Сергея. За все. Она любит его большие ласковые руки, сильную и нежную шею, смешно сказать, но она любит даже его веснушки на плечах. Сережа их стесняется, а она любит. Но больше всего она любит честный, прямой взгляд его светлых глаз... Как хорошо бы было вот так и идти по жизни! Но тут Варя вспомнила о Блохине, о цели его прихода... И хотя ей не хотелось думать об этом,

хотелось хоть еще немножечко понежиться на этой мирной зеленой траве, под мирным ясным небом, с этими мирными счастливыми мыслями, она понимала, что это сказочно-чистое утро последнее и что завтра оно будет другим, как другими будут и ее мысли.

На террасе готовили обед для детей, когда почтальон принес телеграмму. Иван Павлович сообщал, что Закатальский полк отозван на зимние квартиры и писать ему следует по новому адресу. Катя, бросив телеграмму на стол, рухнула в кресло и заголосила:

- Ваня, Ванечка... Что же будет со мной? Господи, несчастные, бедные мои деточки...

Плач ее становился все громче и громче, грозя перейти в истерику.

- Что ты воешь как поп покойнику? - не выдержала Варя.

- Не смей так об Иване! - взвизгнула Катя и, уставившись злыми глазами на сестру, зачастила: - Это все ты, ты во всем виновата. Связалась со своими голоштанными, в политику ударилась. Постыдилась бы. Папа, наверное, второй раз умер бы с горя, доживи он до этого дня. Дочь его, любимица - каторжанка. Ты опозорила всю семью, опозорила! Мне стыдно порядочным людям на глаза показаться. Подумать только, генеральская дочь - и в тюрьме с проститутками!

Прикрыв дверь в сад, Варя спокойно подошла к сестре. Только бледность и ставшие темными глаза выдавали ее волнение.

- Замолчи, Катерина! Что за чушь ты несешь?

- Ах, я чушь несу?! - как ужаленная, закричала Катя. - Ты одна у нас умница. Тебя хвалят не нахвалятся Иван и твой Сереженька. Но я хвалить не собираюсь, я все тебе выскажу. Если ты губишь свою семью и не думаешь о своих детях, то губить свою я не позволю. Почему Ивана закатили в Закатальский полк, как ты думаешь? Вместо того чтобы думать о своей карьере, заручиться поддержкой влиятельных людей, он о тебе хлопотал, тебя вызволял из тюрьмы. Я ему говорю: "Ваня, будешь у Сухомлиновой, поговори о себе. Пусть оставят тебя в Петербурге, она все может". А он только смеялся. "Я, - говорит, - мужик и мужиком помру, а у кокоток подаяния вымаливать не буду". А за тебя просил. Я знаю, что

просил, хоть и не сказал мне.

Катя вновь залилась слезами. Потрясенная всем услышанным, Варя сидела молча, внимательно разглядывая чернильное пятно на скатерти.

- Катя, ты мне сестра, и я тебе не враг! Выслушай меня и постарайся понять. Мне проще всего было бы наговорить тебе кучу неприятностей и уйти, чем сидеть здесь и, сдерживаясь, слушать тебя. Но я все-таки переломлю свой характер. Прошу тебя, Катя, брось свои "генеральские" замашки. Откуда они у тебя? Мы же росли в простой казачьей семье, и чин этот папа заслужил великим трудом и честной службой. И мама у нас простая женщина и всегда была верной подругой отца. Откуда ты взялась такая аристократка? Почему ты с пренебрежением смотришь на прстых людей? "Голоштанные"! А ты, что ты умеешь делать сама? Ты умерла бы голодной смертью, если бы не Иван. Так присмотрись к нему, постарайся понять его, помоги ему, а не устраивай
истерик. И брось свое фанфаронство. Иначе дождешься, он тебя бросит...

Варя перевела дух от волнения и легко сбежала с крылечка террасы навстречу возвращающимся с прогулки детям.

Через два дня Звонареву прислали повестку из Управления воинского начальника города Петербурга с требованием явиться для переосвидетельствования состояния здоровья "на предмет определения годности к военной службе", как официально значилось в повестке.

Сергей Владимирович показал повестку Тихменеву.

- По-видимому, меня собираются призвать в армию, - сказал он при этом.

- Это какая-то нелепость, - возмутился генерал. - Вы до крайности нужны на заводе, и я ни за что не отпущу вас.

Тем не менее Сергей Владимирович прошел медицинскую комиссию и был признан годным к строевой службе. А еще через два дня ему была вручена мобилизационная повестка. Оказалось, что Звонарев подвергался мобилизации в числе неблагонадежных лиц по указанию охранного отделения. Все хлопоты Тихменева были тщетны. Оставалось одно: не спешить с отъездом и постараться попасть к Борейко в Вязьму, где стояла его артиллерийская бригада.

9

Первого августа 1914 года Германия объявила войну России, и в тот же день немецкие войска перешли границу Бельгии, грубо нарушив ее нейтралитет. Это дало повод Англии вступить в войну с Германией на стороне Франции и России.

Петербург зашевелился, как встревоженный муравейник. На призывных пунктах творилась несусветная толчея. Дни и ночи беспрерывно шла приемка мобилизуемых людей и лошадей. Все поезда были переполнены до отказа запасниками, которые ехали в классных вагонах, не считаясь ни с какими правилами и порядками. Штатские не могли ни выехать из столицы, ни попасть в нее. Военные запрудили вокзалы и прилегающие к ним площади.

Варя застряла на даче. С тяжелым сердцем ехал Звонарев на дачу, зная, какое тяжелое горе везет он своей жене.

У крыльца скромного каменного дома с мезонином остановилась пролетка, нагруженная вещами. Когда извозчик снял чемодан, узел и корзинку, стало видно улыбающуюся маленькую женщину в соломенной шляпке и мальчика лет четырех в матросском костюмчике.

- Ну вот, Славик, мы и приехали. Прочитай-ка, что написано на табличке.

Надувая щеки, Слава важно по слогам прочитал:

- "Петровская улица, 18. Зубной врач Михельсон". - И тут же испуганно захныкал: - А у меня зубки не болят...

В это время парадное открылось, и молодая женщина, улыбаясь всеми ямочками своего милого розового лица, спросила:

- Госпожа Борейко? С приездом. Прошу вас, проходите. Квартира готова и ждет вас. Наши господа на даче и раньше осени не вернутся, так что придется пока поскучать одним...

Так Оля Борейко с сыном приехала в Петербург.

Вечером, когда все вещи были разобраны, а Слава вымыт, накормлен и уложен спать, когда все уже валилось из рук от волнения и нетерпения,

Оля села на низенькую скамеечку около окна и, положив руки на колени, стала ждать, прислушиваясь к шагам на тротуаре. А мысли бежали...

Далекий девятьсот пятый год. Встреча с Клавой, с Иваном Герасимовичем... Красная Пресня. Красная от пролитой рабочей крови, что породнила навеки ее, Олю, с теми, кто не жалел свою кровь, не дрожал над своей жизнью.

А потом все эти годы напряженная жизнь учительницы-подпольщицы. Учить других, учиться самой великому делу революции и жить, чутко прислушиваясь к шагам врагов и к походке друзей...

Вот и сейчас легкие, быстрые, радостные шаги - это друг. Оля поднялась навстречу им, рванула дверь и почувствовала, как теплые родные руки обняли ее за шею.

- Клава, родная...

Так и стояли они, два друга, две сестры, обнявшись и плача.

- Ну вот, бабы всегда остаются бабами. И от горя плачут, и от радости тоже. Пойдем ко мне наверх в мезонинчик, хоть я насмотрюсь на тебя.

Оля протянула Клаве руку и повела ее, как ребенка, по лестнице наверх. ОГня не зажигали, в окна лился серебряно-голубой свет. И от этого света и от тишины, что была вокруг, от мирного сопенья спавшего Славки было как-то особенно мирно, сладко и почему-то грустно. Оля усадила Клаву к свету и долго смотрела на ее милое, вновь похорошевшее лицо.

"Ну вот и порозовели щеки, и засияли серые удивительные глаза..." - подумала Ольга.

- Я долго жила за границей, - как бы отвечая на ее мысли, тихо проговорила Клава. - Было серьезное задание партии. Хотя много работала, но поправилась. Болезнь вроде отпустила. Мы ведь живучи, как кошки... Ну и, видишь, косы отросли... Но забыть ничего не забыла. Того, что было и ушло, забыть нельзя. Впрочем, почему ушло? Андрей всегда со мной рядом. И, пожалуй, хватит об этом.

И снова Олю поразила какая-то только Клаве свойственная не обидная для собеседника твердость. Твердость и вместе с тем мягкость, такт, большое уважение к мнению другого человека. "А вот у меня и у Вари

этого пока еще нет. Мы резковаты. Дудим в свою дуду и других слушать не хотим".

- с горечью подумала Оля.

- Ты не обиделась, что мы вазвали тебя срочно? - услышала она голос Клавы. - У нас на днях провалилась одна конспиративная квартира. И нужна немедленная замена. Дел очень много. Условия работы с каждым днем все усложняются. Охранка свирепствует в связи с мобилизацией. Хватают по одному подозрению. А ты опытный конспиратор. - Клава улыбнулась. - Жена героя-офицера... Боюсь только за Славку.

- А что Славка? Он у меня любого жандарма за нос проведет. Хитрый бесенок. Потом больной, - Оля лукаво сощурила глазки, - нужна постоянная врачебная консультация столичных светил. Документы все в порядке. Ну, если боишься, можно отправить к Варе.

- К Звонаревым нельзя. Варя только что из тюрьмы. За ней слежка. Ни жить у нее, ни встречаться нельзя. Категорически и надолго. Здесь квартира надежная. Хозяева - сочувствующие нам люди. Через некоторое время подыщем домик на даче. Там еще спокойнее. Нужно будет установить станок, размножать ленинский "Социал-демократ", прокламации. Вот первая партия в этом дорожном чемоданчике. Завтра бастуют путиловцы. Это им подарок. "Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам" - первая прокламация Петроградского комитета. "Война - войне!" - вот наш лозунг...

Ранним утром второго августа Звонарев уезжал в Вязьму.В военной форме, с чемоданом и постелью в ремнях, он стоял на вокзале. Его провожала только Варя. Перед самым отходом поезда она, улыбаясь, сказала ему:

- Сережа! Не беспокойся обо мне, о детях. Я ведь не прежняя сумасбродная голова... Но все же уйти совсем от работы, от того, чем я жила последнее время, не могу. Прости... Ты поймешь меня... В Любани к тебе подойдет девушка Аленка. Она кое-что передаст для Блохина.

Трижды прозвенел вокзальный колокол. Лицо Вари дрогнуло. В ее глазах засквозило такое отчаяние и тоска, что Сергей Владимирович бросился к

жене и крепко-крепко прижал ее к своей груди. Как-то вдруг, в последнюю минуту, и он и она поняли, куда и зачем он едет. Война, огонь, сражения, возможность ранения и смерти.

- Сереженька, родной, мне страшно! - всхлипывала Варя, почти не видя сквозь слезы лица мужа. - Береги себя, помни о детях... обо мне... Мой славный, хороший... единственный...

Звонарев целовал ее в губы, в щеки, в глаза и говорил срывающимся от волнения голосом:

- Ты - самое дорогое... Варенька... Жди! Слышишь?.. До свидания, моя родная!

Поезд тронулся. Сергей Владимирович уже на ходу вскочил на подножку вагона. Не отрывая взгляда, он смотрел туда, где стояла Варя и махала ему рукой...

На станции Любань к Звонареву подошла молоденькая белокурая девушка с небольшим дорожным чемоданчиком. Вся розовая от смущения, она спросила, с кем имеет честь говорить. И когда Звонарев назвал себя и Варю, передала ему свою поклажу.

- Для Блохина, - тихо сказала она.

Звонарев с любопытством взглянул на девушку и увидел, что на него пытливо смотрят смелые и веселые глаза.

10

По прибытии в Вязьму, где формировалась артбригада, Борейко занялся вопросами применения тяжелой артиллерии в современном бою. Вскоре он пришел к выводу о необходимости реорганизации структуры бригады тяжелой артиллерии. Он считал, что каждый дивизион должен был включать в себя две гаубичные и одну пушечную батареи, таким образом, отпадала необходимость в существовании отдельного пушечного дивизиона. По мнению Борейко, смешанные гаубично-пушечные дивизионы, приданные корпусам, могли самостоятельно решать задачи по разрушению прочных препятствий гаубицами и по

обстрелу тылов противника дальнобойными пушками. Свои предложения Борейко подкрепил ссылками на опыт минувшей войны в Маньчжурии. И все же идеи и принципы действия тяжелой артиллерии в полевых боях оставались неясными не только командиру самой бригады, но и офицерам Генерального штаба и всем общеармейским начальникам.

"Тяжелая артиллерия - штука умственная! Бог даст, и без нее обойдемся, - обычно отвечали полковники и генералы, к которым не раз обращался с различными вопросами Борейко.

Но он продолжал свои поиски и вскоре прослыл самым беспокойным человеком во всем Московском военном округе.

Еще до объявления мобилизации Борейко представил высшему командованию свой труд, в котором была подробно разработана тактика применения тяжелых батарей в современной войне. Никто, однако, не торопился рассматривать и утверждать этот труд, в котором многое шло вразрез с существовавшими "наставлениями". Борейко ждал ответа, нервничал, злился, с чувством горечи наблюдая, как рядовым артиллеристам вдалбливалось в голову старое, отжившее и даже вредное...

Прибыв в Вязьму, Звонарев не без труда разыскал дивизион, в котором служил его друг. Борейко как раз вел занятия с командным составом: изучались баллистические свойства пушек и гаубиц.

Встреча состоялась во время перерыва. Увидев Сергея Владимировича, Борейко обрадованно затряс его в своих могучих ручищах и, расплывшись в улыбке, пробасил:

- Значит-таки прибыл, чертушка! Ну, здорово, брат, здорово!

- Тише ты, медведь, - взмолился Звонарев, - кости мне переломаешь.

Но Борейко продолжал трясти его плечи.

- И правильно сделал, что сбежал с завода. Вместе веселее будет.

- Не сбежал я, - объяснил Звонарев. - Уволили.

- Ну и черт с ним, с этим заводом. Сейчас двинем ко мне, выпьем за встречу...

Он ввел Звонарева в небольшую, уютную комнатку.

- Будешь жить со мной. Как видишь, во всем еще Ольгин порядок чувствуется: чистота, опрятность. - И спросил о том, что сейчас больше всего волновало его: - Как там она, моя половина? Как Славка? Звонарев рассказал ему все, что знал об Ольге Семеновне.

- Саквояж, говоришь, передали? - переспросил Борейко. - Где же он?

- На вокзале, с вещами оставил, - ответил Звонарев.

- Ну и растяпа ты!

Борейко кликнул денщика и приказал срочно вызвать к нему на квартиру из команды разведчиков бомбардира Блохина и "вольнопера" Зуева.

Когда Борейко сообщил им о саквояже, Блохин сразу забеспокоился, помрачнел.

- Эх, как неладно получилось! - вырвалось у него с досадой. - И меня можете подвести, и сами влипнете.

Он тут же предостерег:

- Ежели жандармы доберутся до этого саквояжа, отрекайтесь от него, Сергей Владимирович. Мол, знать не знаю, ведать не ведаю. Дескать, какой-то подлец подкинул.

В это время появился Вася. Военная форма ему шла. Выглядел он молодцевато и браво.

- Дядя Сережа! - бросился он к Звонареву. - Надолго к нам? Где тетя Варя? Как Надюшка?

Казалось, потоку его вопросов не будет конца.

- Я служить сюда к вам приехал, - любуясь им, сказал Звонарев и, достав из кармана письмо, передал Васе: - Это тебе велела отдать тетя Варя.

Блохин нервно теребил усы. Мысль о саквояже не оставляла его.

- А что, если мы с Васьком сбегаем сейчас на вокзал за вещичками вашими? - взглянул он на Звонарева. - Объясним, что они срочно понадобились. Вы нам только бумажку черкните, вроде доверенности, что ли.

- Может быть, как раз тебе и не следовало бы идти туда, - заметил Борейко.

- Чепуха, - отмахнулся Блохин. - Меня-то тут никто не знает. И потом я

умею зубы заговаривать. Авось и обойдется с саквояжем!

- Ладно, идите! - согласился Борейко.

Пока Блохин и Зуев ходили на станцию, Борейко и Звонарев побывали у командира бригады полковника Кочаровского. Штаб бригады помещался неподалеку от квартиры Борейко, в здании женской прогимназии.

Выше среднего роста, широкоплечий, с большой седой головой и резкими чертами волевого лица, полковник был, по выражению Борейко, "недурственным командиром". На эфесе его шашки висел Георгиевский темляк за бои в Маньчжурии. По натуре Кочаровский был резок, даже грубоват, но прямолинеен, не признавал никаких полумер или неопределенных мнений. За это его недолюбливало начальство, и он медленно продвигался по службе.

В гвардии служил его сын, отличавшийся необыкновенно высоким ростом: больше сажени. В этом отношении сам царь считал его "эталоном" гвардейца.

Даже в Преображенском полку редко появлялись солдаты, которые могли бы потягаться с Кочаровским-сыном в росте. Благодаря сыну при дворе был известен и отец, но полковник, ненавидевший карьеристов, старался держаться подальше от высшего света и никак не использовал славу сына.

Полковник любезно принял Сергея Владимировича и прежде всего справился, кто его направил в бригаду и на какую должность. Ознакомившись с предписанием начальника Главного артиллерийского управления, гласившим, что инженер Звонарев откомандировывается с завода в распоряжение командира первой тяжелой артиллерийской бригады, Кочаровский потребовал аттестаты на все виды довольствия. У Звонарева был лишь денежный аттестат, так как никакого другого довольствия он не получал с завода.

Полковник поморщился.

- Право, не знаю, как мне поступить. Воинский начальник должен был снабдить вас всеми документами. Да и зачисление в часть производится только высочайшим приказом.

- Сейчас война, господин полковник, - напомнил Борейко. - По-моему, формальности мирного времени теперь не играют существенной роли. А инженер Звонарев нужен нам до зарезу. При нашей сложной технике никак не обойтись без специалиста.

- Что верно, то верно! - согласился Кочаровский. - Переговорю с местным воинским начальником. Возможно, он выдаст необходимые документы.

Перед тем, как отпустить Звонарева, он неожиданно справился:

- А как ваши политические взгляды, господин прапорщик? Не принадлежите ли вы к сословию вольнодумцев? А то сейчас это поветрие очень распространенно. - И, не дожидаясь ответа, строго заметил: - Должен предупредить, что я в своей бригаде держу людей только преданных престолу и отечеству. Да-с! Иных не терплю и не уважаю. Прошу это учесть и запомнить. А сейчас - имею честь.

Полковник сдержанно пожал руку Звонареву и Борейко, и те, откозыряв, вышли.

По дороге в свой дивизион они встретили поджидающего их Блохина. По довольной, улыбающейся физиономии солдата Борейко и Звонарев поняли, что с саквояжем все благополучно.

Во время обеда Борейко представил офицерам Звонарева, как нового сослуживца. В столовой офицерского собрания было тесно, шумно. Большинство офицеров, призванных из запаса, имели самый штатский вид. Кадровые офицеры выделялись подтянутостью, хорошей выправкой. Они снисходительно разговаривали с офицерами-запасниками. Звонарев выгодно отличался от последних, хотя и пробыл в запасе десять лет: сказывалась работа на военном заводе.

Старший офицер батареи, которой командовал Борейко, поручик Трофимов, пышноусый щеголеватый блондин, знакомясь с Сергеем Владимировичем, сказал:

- Никогда бы не поверил, что вы из запаса. Сразу чувствуется боевой офицер-портартурец.

Видимо, Трофимов пользовался авторитетом в офицерской среде. После этих слов Звонарев ловил на себе удивленные взгляды не только

запасников, но и кадровых офицеров.

Ночью Борейко срочно вызвали в штаб бригады. Вместе с ним поднялся и Звонарев.

- Что бы это значило? - спросил он, глядя на спешно одевающегося Борейко. - Полковник, по всей видимости, не тот человек, что любит по-пустому тревожить людей. Верно, что-то серьезное?

- Вестимо, серьезное - война, братец мой! Выступаем. Что же еще...

Окна прогимназии были освещены, и еще издалека Борейко увидел собравшихся у входа офицеров. Кочаровский, в походной форме, подтянутый и строгий, объявил приказ о выступлении в поход.

- С утра начнем грузиться в эшелоны. Прошу подготовить все к пяти часам.

На вопрос, куда направляют бригаду, полковник ответил:

- Это строго секретно, и даже я ничего не знаю. Куда прикажут, туда и поедем.

11

После объявления войны Германией началась общая мобилизация огромной страны. Сразу сказалась техническая отсталось царской империи. Пропускная способность железных дорог была недостаточна для перевозки армии к западным границам государства. А потерпевшие в первых же сражениях крупные поражения французы требовали немедленной помощи - вторжения в Восточную Пруссию для отвлечения части немецкой армии с запада на восток.

В стране шла уборка обильного урожая, поэтому отрывать крестьян от полевых работ было особенно трудно.

Криками горя и отчаяния, горькими бабьими слезами по уходящему кормильцу откликнулась многомиллионная нищая крестьянская масса на указ об общей мобилизации. В городах, прежде всего по фабрикам и заводам, прокатились волнения. Призывные пункты, вокзалы и железнодорожные станции, поезда - все было набито угрюмыми,

озлобленными людьми, оторванными от своих жен и детей и брошенными навстречу лихой судьбе. Не хватало обмундирования, оружия, не были еще готовы санитарные и тыловые части, а уже был отдан приказ русским войскам перейти границу Восточной Пруссии.

Русский мужик должен был и на этот раз по воле царя-батюшки, самодержца всея Руси, спасать союзников ценой своей крови и жизни.

Батарея Борейко, погрузившись в эшелон, медленно продвигалась к линии фронта. Ни просьбы, ни крики и ругань не действовали на ошалевших от бессменной работы и бессонницы комендантов станций. Долгими часами простаивала батарея на небольших полустанках.

Борейко со Звонаревым требовали срочной отправки эшелона, угрожая телеграммой в Ставку верховного главнокомандующего. Но это мало пугало коменданта...

- Поймите, это зависит не от меня. Все пути к фронту забиты вринскими эшелонами, а происходит подобное безобразие оттого, что сами воинские части разгружаются недопустимо медленно и задерживают подход следующих за ними составов. Все графики нарушены, и теперь поезда идут, как только представляется возможность их продвинуть вперед.

Несмотря на все эти разъяснения, Борейко не отходил от коменданта станции в надежде хоть на несколько минут ускорить продвижение своей батареи. Оставив эшелон под командованием старшего офицера, поручика Трофимова, и ВАси Зуева с Блохиным, Борейко продолжал наседать на железнодорожное начальство. Тем временем Блохин, озабоченно покуривая махорку, говорил Васе:

- Ты, Василий, человек грамотный и ученый, объясни мне, почему такая спешка. Мы еще не вполне укомплектованы, а нас гонят в бой! Продовольствия и фуража у нас всего на несколько дней. А дальше чем будем кормить солдат и коней? Чудно что-то получается. Столько лет прошло с японской войны, люди вроде поумнели, а начальство еще больше поглупело.

- Вы, дядя Филя, в самую точку смотрите. Зачем начальству трудиться и шевелить мозгами? Ему в бой под огонь не идти, в штабах безопасно,

тихо и тепло. Оно не торопиться, да наши союзники французы требуют вторжения в Германию. Туго им приходится под Парижем. Немец туда бросил свои лучшие гвардейские полки. Вот и потребовали французы от нас скорейшего вступления в Восточную Пруссию. Ударим мы здесь, немцу придется перебросить свои части из Франции на наш фронт. Глядишь, французам и полегчает. А что мы к войне еще не готовы и наших солдат побьют зазря несметное множество, о том у начальства голова не болит, - подробно пояснял Вася своему собеседнику.

В Восточной Пруссии в начале войны находились лишь незначительные германские части, по преимуществу резервные и ополченские. Они составляли восьмую немецкую армию генерала фон Притвиц Гафрона. Эти второочередные части тем не менее были хорошо снабжены боевой техникой и особенно превосходили русских численностью артиллерии. Две русские армии, вторгшиеся в Пруссию, располагали всего 36 тяжелыми орудиями против 188 орудий у немцев. Значительно больше было у германцев и пулеметов.

Немецкие войска расположились вдоль русской границы и опирались на линию Мазурских озер. Большинство проходов между озерами было прикрыто рядом блокпостов из железобетона с броневыми куполами для пушек. Русская легкая артиллерия была бессильна против них, а тяжелых орудий было недостаточно.

Таким образом, позиции германской армии были хорошо укреплены и могли выдержать сильный натиск русских. Но, несмотря на это, в пограничном сражении у Шталюпенена и Гумбинена 7 августа немцы были разбиты и поспешно отошли за линию Мазурских озер.

Русские войска ворвались в пределы Восточной Пруссии. Запылали баронские имения и восточнопрусские городки. Тысячи беженцев, среди которых были и весьма именитые прусские юнкеры, спасаясь от русских, ринулись в Берлин, требуя принятия решительных мер против наступающих русских армий.

В ставке германского императора Вильгельма поднялась паника: варвары разрушают очаги исконной германской культуры! Под влиянием этого

германский план войны был срочно пересмотрен. Два армейских корпуса и кавалерийскую дивизию спешно сняли с французского фронта и направили против русских в Восточную Пруссию.

Отправка этих корпусов значительно ослабила германскую армию, у немцев не хватило войск для окончательной атаки Парижа. Молниеносный удар на западе провалился. Немцы перешли к обороне.

- Вот, Филипп Иванович, вся стратегия и тактика современной кампании, - закончил Вася свое пространное разъяснение. - А что будет дальше, как говорится, поживем - увидим.

Первая русская армия под командованием генерала Ранненкампфа развернулась от Балтийского моря почти до Сувалок фронтом на запад. Она должна была вступить в Восточную Пруссию севернее Мазурских озер. 2-я армия под командованием генерала Самсонова разворачивалась вдоль реки Нарев и готовилась вторгнуться в Восточную Пруссию южнее Мазурских озер, создавая тем самым угрозу 8-й германской армии. Миновав озерные пространства, обе армии должны были соединиться и наступать на запад, прижимая немцев к реке Висле.

К вечеру того же дня артиллеристам в ройоне Двинска начали встречаться первые эшелоны с пленными немцами и трофейным имуществом - устарелыми пушками и ружьями, повозками, груженными разными вещами.

Появились и санитарные поезда с легкораненными. Они чувствовали себя прекрасно - были рады-радешеньки, что живыми выбрались из прошедших боев.

По словам солдат, выходило, что основное преимущество немцев заключалось в численном превосходстве боевой техники - пулеметов и особенно тяжелых орудий, которых у нас очень мало. Но штыкового удара немцы не выдерживали, бежали при нашем приближении. В общем, настроение у легкораненных было бодрое.

Зато тяжелораненные все видели в мрачном свете.

- Куда нам с немцем воевать! У него все, а у нас и артиллерии меньше, а тяжелой и вовсе нет. И воюет он по-умному. Зря людей на смерть не

посылает. А наши командиры или трусливы и прячутся за солдатские спины, или дураки - зря посылают людей на убой, без артиллерийской подготовки, без разведки.

Эти настроения находили живой отклик у солдат, которые начинали вспоминать тысячи примеров из мирной жизни, подтверждающих эти рассказы.

Вскоре на одной из станций увидели и немецких пленных. Уже немолодые, мрачные и угрюмые, они по возрасту принадлежали к второочередным резервным частям. На вопросы отвечали нехотя и односложно. Обиженные этим, солдаты, грозя кулаками, начали требовать объяснения, почему немцы пошли войной на Россию.

- Дурьи вы головы! - не замедлил вмешаться в разговор Блохин. - Да откуда солдату знать, почему война началась? Послали, он и пошел, не спрашивая, куда и зачем.

- А он бы спросил у начальства, - заметил один из солдат.

- Поди ты спроси: офицер и объяснит тебе все - кулаком по морде.

Узнаешь, как задавать такие вопросы. Приказало начальство - сполняй! А то взгреют, - коротко отозвался Блохин.

Зуев под нажимом тети Вари успел неплохо навостриться в немецком языке и теперь более или менее успешно применял свои знания в разговоре с пленными. Они сообщили, что всего несколько дней назад мирно трудились в своих деревнях, когда их внезапно оторвали от труда, семей и срочно отправили в армию. Им разъяснили, что царь Николай напал на Германию и решил забрать все богатства страны. Поэтому надо упорно защищать родину, и Восточную Пруссию прежде всего.

- Так ведь это вы, немцы, напали на нас! - возражал им Зуев.

- В Восточной Пруссии находятся только резервные и ландштурменные, ополченские, части. Если бы кайзер решил воевать с Россией, то, конечно, сосредоточил бы у ее границ отборные первоочередные полки и дивизии, - резонно отвечали немцы. - Нет, это ваш царь напал на нас.

- Видишь, как здорово закручено, - проговорил Блохин. - Нам забили в головы, что немец на нас напал, а им - что мы на них напали. Хитрая

механика получается. Василий, спроси вон у того детины, - указал Блохин на высокого широкоплечего немца, угрюмо смотрящего на русских, - пускай покажет руки, узнаем, кто он. Руки, они почище любого паспорта расскажут о человеке.

Немец неохотно протянул свою натруженную ладонь, всю покрытую мозолями.

- По пачпорту или рабочий с завода, или батрак с деревни, - определил Блохин. - Такому война ни к чему. Ему работать, чтобы прокормить семью и себя. Скажи ему, что я тоже рабочий человек, - и солдат показал свою шершавую загрубелую ладонь.

Немец, видимо, понял, что перед ним свой брат, подневольный человек, и слабо улыбнулся.

- Гут, гут, карош, - пробормотал он.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что Макс Грюнвальд, как звали немца, жил в Западной Пруссии, имел небольшой хутор, но больше батрачил у соседнего помещика-барона.

Дома у него остались жена и трое детей-подростков. Самое большое его желание было - поскорее вернуться домой.

Около Вильно стали встречаться целые эшелоны с породистым скотом, сельхозмашинами и другим ценным имуществом, не имеющим военного значения.

Из расспросов сопровождающих солдат установили, что все это было захвачено в различных имениях и баронских замках и прежде всего в личном имении Вильгельма II Роминтен, расположенного неподалеку от нашей границы. Это имущество направлялось в царские удельные имения. В закрытых вагонах перевозилась драгоценная мебель - обстановка внутренних покоев кайзеровского дворца и баронских замков.

- Видали, братцы, сколько добра набрали наши солдатики? - тихо спросил Блохин у ездового Федюнина.

Тихий, застенчивый, уже немолодой, Кондрат Федюнин был крестьянином из большого села Медведки Тульской губернии. Дома он оставил жену,

двоих девок на выданье и мальца Кольку, еще несмышленыша. Когда Кондрат говорил о сыне, его лицо молодело, разглаживался задубевший в морщинах лоб и дрожали в несмелой улыбке губы.

Как-то однажды увидел Блохин такую же робкую улыбку на обветренных губах Кондрата, когда он чистил скребком крутые бока сильной лошади-тяжеловоза. О чем он думал тогда? Может быть, о сыне Кольке, который подрастет и будет помощником отцу в хозяйстве, а может быть, об этой могучей лошади, которая, будь она у него, сразу вытащила бы из нужды всю его семью.

- Что ты, как девку, оглаживаешь его? - засмеялся проходивший тогда мимо разведчик Петр Лежнев.

- Дюже коняга справный, - медленно и тихо ответил Кондрат, доброй рукой похлопывая по чистой, лоснящейся шерсти мерина. - Такого конягу - и на войну! Ведь убить могут али покалечить. Ему бы пахать да пахать...

- И-их, - махнул на него рукой Лежнев. - Нашел, кого жалеть. Ты бы людей пожалел. Вот сколько их положат!

Кондрат ничего не ответил, только мечтательная добрая улыбкапокинула его губы, и лицо сразу как-то постарело.

Долго потом вспоминал Блохин лицо Кондрата и его добрые, жаждущие крестьянской работы, руки. Вот и сейчас, увидя Федюнина, Блохин заговорил с ним:

- Видал, сколько добра набрали наши солдатики? А для кого? Для царя-батюшки. Чтобы сердце его порадовалось. А что получили солдатики, которые за это головы сложили или искалечены на всю жизнь? Кукиш с маслом, три аршина земли да осиновый крест! У царя и своего добра девать некуда, а тут без куска хлеба остались вдовы и сироты. В пору и отдать это имущество народу. Так нет! Ни денег, ни имущества солдатам не видать, как своих ушей!

- Где же правда на земле после этого? - возмутился подсевший к ним Лежнев. - Мы кровь проливаем, а кто-то на этом карманы себе набивает. Пусть бы и шли воевать те, кому война выгоду приносит.

- Чудаки вы, братцы! Да войны для того и устраиваются, чтобы богатый богател и беднел нищий. Придет время - во всем разберемся, что к чему и зачем! Хотели было разобраться после японской войны, в девятьсот пятом, на Пресне в Москве. Да царь-батюшка свою лейб-гвардию из Питера прислал. Ну, и прихлопнула смелые головы царева гвардия! Так и остались на бобах солдаты да рабочие с крестьянами, - неторопливо повествовал Блохин.

На платформе стояли Борейко и Звонарев, тоже осматривали попадавшиеся навстречу эшелоны.

- Очевидно, в Германии не ожидали, что мы так скоро сумеем начать военные действия, - говорил штабс-капитан. - Немцы были захвачены врасплох. В результате - неожиданные для нас самих успехи в первых боях.

Но, надо думать, нашу армию скоро остановят первоочередные части немцев.

Тогда картина будет другая. Солдаты-то выстоят и перед лучшими немецкими полками! Зато генералы сдрейфят и начнут отступать. Не верю я этому фон Ранненкампфу, фон Торклусу и фон Фитингофу, да и всем другим генералам из немцев.

От Вильно повернули на Ковно, и стало ясно, что тяжелая батарея направляется в район, где действовала 1-я армия. Движение эшелона все более замедлялось.

Станция высадки не была указана, и даже коменданты станций ее не знали. Тяжелые батареи направлялись то в одно место, то в другое, в зависимости от складывавшейся на фронте боевой обстановки.

Только и слышались разговоры о подавляющем превосходстве немецкой тяжелой артиллерии. Поэтому, все командующие армиями и корпусами старались заполучить себе тяжелые батареи.

Борейко старательно собирал сведения о действиях германской тяжелой артиллерии, о ее баллистических данных и тактическом применении в бою.

- Наши гаубицы ничуть не хуже хваленых крупповских пушек и,

вероятно, действуют в бою тоже неплохо, - говорил штабс-капитан, поглаживая рукой тупорылые, короткие тела своих пушек.

- Вся беда в том, что у нас их мало. У немцев к каждому корпусу придается тяжелый артиллерийский полк из трех дивизионов. Это равнозначно нашей тяжелой бригаде. А у нас она придается армии, состоящей из трех-пяти корпусов. Таким образом, мы имеем тяжелых орудий в три-пять раз меньше, - объяснил Звонарев.

Стоянки эшелона делались все длиннее. Артиллерийские эшелоны часами простаивали на полустанках и у блокпостов. Наконец пехотные части и легкая артиллерия стали сгружаться и двигаться дальше походным порядком. Тяжелые пушки по прифронтовому бездорожью могли идти только со скоростью трех километров в час, причем материальная часть от такого способа транспортировки быстро портилась. Поэтому тяжелые батареи старались подвезти возможно ближе к месту боевых операций.

Наконец батарея добралась до пограничной станции Вержбалово.

Была ночь, но ярко освещенная станция блестела огнями. Началась разгрузка эшелона.

Первая армия весь день вела бой с переменным успехом. Штабы переезжали с места на место. Найти их ночью было трудно. До рассвета решено было никуда не отходить от станции выгрузки.

На западе виднелось зарево пожаров, издали доносился глухой грохот кононады. По дорогам к станции тянулись бесконечные вереницы обозов, артиллерийских парков, санитарных повозок с раненными и различный войсковой транспорт. Армейский тыл только еще устраивался и разворачивался.

С первыми проблесками зари Борейко вышел из палатки и начал осматриваться. Вокруг, сколько было видно глазу, расположились воинские части, организации, большей частью тыловые. Рядом с пакгаузом разбил свои палатки лазарет. Над ним вился белый флаг с красным крестом, вокруг суетились в белых халатах санитары, сестры, врачи. С запада по шоссе подвозили раненых в санитарных повозках, а

больше - просто на телегах. В пакгаузе был развернут медицинский пункт, где принимали раненых и после первой обработки грузили в теплушки, на скорую руку приспособленные для их приема.

Интенданты у наспех сколоченных навесов сгружали продовольствие, обмундирование и тут же выдавали его подъезжавшим интендантским повозкам различных воинских частей. Несмотря на раннее утро, вокруг станции толпился народ, главным образом солдаты. Стоял беспрерывный шум голосов, кто-то кричал, кто-то ругался. Общего порядка и управления всей этой разноголосой, разноликой многочисленной толпой не было заметно. Все шло самотеком. Каждый добивался своего по мере своих сил и способностей.

- Обычный российский кабак! Каким он был в Маньчжурии, таким остался и сейчас, - хмуро проговорил Борейко и приказал усилить караулы вокруг батареи.

Стало известно, что бои идут верстах в десяти-пятнадцати к западу от границы, у города Гумбинена. Борейко сумрачно прислушивался к отдаленному гулу боя, грохоту артиллерийской кононады. Он понимал, что неповоротливая тяжелая батарея может без труда стать добычей противника.

Вдруг на шоссе, проходившем мимо станции, показалась группа всадников. Над ней развевался стяг. Борейко понял, что перед ним сам командующий 1-й русской армией генерал от кавалерии фон Ранненкампф со своей штабной свитой. Толстый краснолицый генерал с огромными полуседыми усами и подусниками, выпучив злобные глаза, матерно ругал кого-то из своей свиты. Борейко поспешил к батарее, понимая, что вид тяжелых пушек тяжелой батареи привлечет к себе внимание командующего армией. Так и случилось.

Ранненкампф подъехал к артиллерисиам. Борейко раскатисто скомандовал "смирно" и подошел к генералу с рапортом.

- Седьмая батарея первой тяжелой бригады? - переспросил генерал.

Борейко подтвердил. Один из офицеров штаба что-то доложил командующему. Выслушав его, генерал зычным хрипловатым голосом

поздоровался с солдатами, дружно гаркнувшими ему в ответ.

- Будете находиться в распоряжении моего штаба. Для выяснения обстановки свяжитесь с ближайшим штабом дивизии, но это отнюдь не значит, что он может вами распоряжаться! Вы мой главный артиллерийский резерв, - подчеркнул Ранненкампф.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, - ответил Борейко.

Генерал небрежно козырнул и поехал дальше.

- Видал, Филипп Иванович, каков на вид знаменитый Ранненкампф? - обернулся Лежнев к Блохину.

- Видал. Не говорит, а лает, и все матом! Для русского человека у него других слов нет. От японцев бегал, как заяц, зато безоружных рабочих вешал и стрелял сотнями, если не тысячами.

- И как его до сих пор не убили? - удивленно проговорил Лежнев.

- А что толку-то? Одного убьешь - десять на его место в очереди стоят. Силы только переводить зря. Нет, уж лучше поднапрячься маленько, да всех разом и турнуть. С ветерком, чтоб не воняло. Я так понимаю...

12

Борейко вызвал команду разведчиков - Блохина, Васю, Лежнева - и приказал произвести разведку местности в направлении фронта.

Через несколько километров артиллеристы-разведчики наткнулись на тыловые части 27-й пехотной дивизии, которая наступала, тесня немцев на запад.

Шум боя с каждой минутой становился слышнее. Вскоре разведчиков остановил тыловой патруль и направил их в штаб дивизии в деревушку Эйдкунен. Там разведчиков принял сам командир 27-й дивизии генерал Адариди, высокий бритый старик с туго нафабренными, торчащими вверх, как на портретах у Вильгельма II, усами, с застывшей на лице надменной улыбкой. Говорил он слегка в нос, растягивая слова и цедя их сквозь зубы.

Узнав, что перед ним разведчики тяжелой батареи, Адариди приказал

тотчас вывести батарею на участок его дивизии. Зуев доложил, что батарея имеет указание командующего армией исполнять только распоряжения его штаба. Генерал вспылил и, топнув ногой, пригрозил:

- Если через два часа батарея не станет на указанное мной место, я расстреляю ее командира вместе с таким идиотом, как ты!

Вася набрал полную богатырскую грудь воздуха, чтобы достойно ответить на это "генеральское хамство", но помешала вспыхнувшая поблизости перестрелка. Загрохотала артиллерия, трещали пулеметы, раздавались рвущие воздух звуки ружейных залпов. Казалось, все кипело, как в огромном котле.

Над штабом с визгом пролетело несколько снарядов. Прискакал связной и сообщил, что пехота отходит, а немец "дюже крепко нажимает".

Адариди как ветром выдуло из дома. Забыв о своем высокомерии и важности, он лихо вскочил на коня и широким аллюром поскакал в тыл. За ним устремилась целая кавалькада штабных офицеров.

Оставшиеся на месте солдаты весело заулюлюкали и засвистели им вдогонку.

- Держи, лови, утекут! - озорно кричали они, пока разорвавшийся поблизости германский снаряд не заставил и их рассыпаться во все стороны.

Разведчики тяжелой батареи впервые попали под обстрел, поэтому любопытство заставило их остаться на месте. Выбрав по возможности укрытое от обстрела место, они начали наблюдать за полем сражения.

Впереди по насыпи шло широкое, обсаженное деревьями шоссе.

Прикрываясь его насыпью, быстро двигались перебежками густые цепи германской пехоты. Русские батареи и пулеметы почти прекратили огонь, выжидая, когда германцы покажутся из-за насыпи.

Зато германские батареи рассыпали снаряды щедро, не считая.

- Не знает немец, где наши сховались, и бьет почем зря по всему, что видит, - высказал Блохин свои соображения.

- Для такой стрельбы надо иметь очень много снарядов. А у нас их мало, - заметил Зуев.

- Однако чего у нас много - это дураков, особливо среди генералов! - пробурчал Блохин.

- Вестимо! Дураков не сеют, не жнут, сами, как грибы после дождя растут, - поддержал его разведчик Лежнев, ловкий, подобранный паренек из ярославских.

Он неизменно находился в компании Блохина, который считал Лежнева своей правой рукой в команде разведчиков.

В это время немцы начали перебегать через шоссе. Зеленые фигурки, словно саранча, покрыли дорогу. И тут грянули русские батареи, затрещали пулеметы, раздались ружейные залпы. Особенно свирепствовали легкие батареи. Выкатив орудия для стрельбы прямой наводкой, русские сметали целые подразделения немцев. Шоссе покрылось трупами, раненными, образовались горы человеческих тел. Легко раненные поспешно отползали за спасительную насыпь.

Тогда немецкое командование бросило в бой свежие резервы. Новые волны зеленых шинелей показались сначала в поле за шоссе, а затем снова хлынули на дорогу. Примолкнувшие было русские пушки и пулеметы опять открыли бешеный сокрушительный огонь.

Когда порыв ветра отбросил в сторону пыль и дым, стало ясно видно, как в страхе, бросая раненных, оружие, пулеметы, немцы стремительно побежали назад.

- Так их! Бей! - в азарте орал Зуев.

В это время откуда-то сбоку выскочила конница и, длистая обнаженными шашками, легко и стремительно бросилась на поддавшегося панике врага.

Немцы падали на колени и поднимали руки вверх, моля о пощаде.

Разгром немцев у Гумбинена был полный и русская пехота бросилась преследовать врага. На шоссе остались раненные и появившиеся с тыла санитары. Обстрел на время прекратился. Артиллеристы-разведчики вместе с прочими солдатами занялись сбором трофеев. Брали они только оружие, бинокли, компасы, офицерские сумки, часы. Зуев обшарил трупы нескольких офицеров и забрал все документы, которые при них

оказались.Подобрали несколько остроконечных черных лаковых касок, на которых сверху были надеты серые, защитного цвета, чехлы.

Пока другие занимались сбором трофеев, Блохин внимательно разглядывал ладони, шрамы и мозоли на руках немецких солдат.

- Что ты там искал? - удивленно спросил его Лежнев, видя, что Блохин вернулся с пустыми руками.

- Правду! - мрачно буркнул Блохин.

- И нашел ее? - насмешливо справился Зуев.

- Нашел, - с вызовом ответил Блохин.

- Что же это за правда такая? Расскажи нам о ней, - попросили его.

- Правда эта в том, что не нужна эта война ни рабочим, ни бедным крестьянам! Только барчукам да белоручкам она на пользу, - неожиданно проговорил Блохин.

- Откуда ты это увидел? - усмехнулся Зуев.

- Откуда увидел? На руках. Поди посмотри - почитай, у всех убитых руки мозолистые, трудовые, в шрамах от работы у станков да в поле, кожа у них шершавая. Значит, все это трудовой народ, оторванный от работы и погнанный насильно на войну. Белоручек я видел всего двух-трех, из господ офицеров. Тем на войне лафа. Им чины и кресты, а солдату ничего, кроме вшей да березовых крестов, не полагается, да и то один крест на братскую могилу. Вот и посчитай, кому война - мать, а кому - мачеха! - говорил Блохин.

Неподалеку от места побоища Лежнев нашел опрокинутую немецкую телефонную двуколку. Она была загружена полевыми телефонными аппаратами и мотками телефонного провода. Вблизи бродили лошади, потерявшие своих седоков. Разведчики мигом сообразили, что это имущество очень понадобится на батарее.

- Вот и довезем все собранное! - обрадовались солдаты.

- Пора домой, а то, чего доброго, батарея куда-либо уйдет. Тогда ищи ветра в поле! - напомнил Блохин.

Разведчики сели на лошадей и зарысили в тыл.

Километрах в шести они наткнулись на лихо мчавшуюся им навстречу

кавалькаду всадников во главе с генералом Адариди. Генерал снова приобрел свой надменный вид. Он отчаянно ругал за что-то своих спутников: видимо, чувствовал себя победителем.

Разведчики поспешили свернуть в сторону и скрыться за деревьями, чтобы не попадаться на глаза свирепому начальству.

Как Блохин и предполагал, батареи уже на месте не оказалось. От коменданта станции разведчики узнали, что она неожиданно снова погрузилась в эшелон и ее отправили в направлении Ковно. Разведчики догнали батарею только в пятнадцати километрах от Вержбалова.

Встретили их в батарее, как настоящих героев, побывавших в тяжелом бою. Зуев обстоятельно доложил Борейко обо всем случившимся.

Как оказалось, вскоре после отъезда разведчиков батарея получила приказание снова грузиться в вагоны для переброски на фронт 2-й армии генерала Самсонова, развернувшейся на берегу реки Нарев.

На столе, покрытом белоснежной скатертью, лежали серебряные приборы, на фарфоровой тарелочке - свежие яйца, в хрустальном стакане - молоко.

Генерал Ранненкампф любил комфорт и любил точность, особенно, когда дело касалось его, генеральских, завтраков или обедов. Он был глубоко убежден, что суетливость - удел посредственных людей, а неторопливость и выдержка присущи только великим и значительным людям. А он, Ранненкампф, причислял себя к гениальным полководцам. Он в этом был уверен еще со времен Маньчжурии. Он также был уверен в том, что Россия многим обязана его уму, опыту, наконец его самоотверженности: еще бы, в день сегодняшнего сраженя под Гумбиненом он задержался на целых десять минут с завтраком.

Но теперь, когда все позади, он может насладиться. Голубые навыкате глаза генерала ласково осмотрели стол. Все было на месте. Денщик, как всегда, был аккуратен, это немало удивляло генерала - ведь денщик был простой русский мужик. У него не было и капли немецкой крови. Откуда у него такая чистоплотность? Вот он, генерал, может гордиться своей кровью.

О, в его жилах течет голубая кровь немецких баронов. Он рожден для славы, для почестей. И он это докажет, если уже не доказал.

Адъютант доложил ему, что под Гумбиненом захвачены богатые трофеи.

Что ж! Это хорошо. Он решил отправить в свое имение кое-что из захваченных ценностей. Например, картины, ковры. О, генерал любит искусство, серебро, драгоценную посуду, хорошую мебель. Так приятно иметь у себя редкостные вещи. Это никогда не лишне...

Услаждая себя такими мыслями, генерал с аппетитом принялся за свой завтрак. Он любил кушать один.

"Это помогает сосредоточиться перед великим решением, - размышлял Ранненкампф. - Все великие люди любили сосредоточиваться. Вот и сейчас, как приятно подумать подуматьи - что ж тут плохого - помечтать. Да, да, он, Ранненкампф создан для блестящей карьеры. На это намекнул ему недавно маркиз де ля Гиш, французский военный агент в России. Он сказал ему, тонко улыбаясь, что французы умеют ценить победителей. Откровенно намекнул на великие французские почести, которые ждут Ранненкампфа в скором времени.

Что ж, это только хорошо их характеризует. Я получу только свое, то, что я заслужил, а это не так мало, так что французам придется раскошелиться!"

В дверь постучали и на пороге показался адъютант.

Вытянувшись в струнку, он испуганными глазами смотрел на генерала:

- Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, пакет от командующего фронтом генерала Жилинского.

Не поворачивая головы, Ранненкампф искоса холодно взглянул на адъютанта.

- Мне кажется, я предупреждал вас, господин капитан, что во время завтрака я не люблю, когда мне мешают.

- Я думал...

- Думать буду я, - перебил адъютанта Ранненкампф, - а вы - исполнять...

Адъютант, лихо щелкнув каблуками, повернулся, вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь.

Завтрак был испорчен. Доев без удовольствия остатки цыпленка и не притронувшись к молоку, генерал вскрыл принесенный ему пакет и углубился в чтение.

"Поначалу неплохо, - улыбнулся своим мыслям Ранненкампф. - Напрасно я не прочитал за завтраком. Командующий благодарит за блестящую операцию, сообщает о благосклонности и похвале самого государя... Я этого и ждал..."

Но дальше шло что-то непонятное. Генерал пересел ближе к окну и, нервно перебирая пуговицы, стал читать:

"... Значительная победа 2-й армии генерала Самсонова... блестящий бой 15-го армейского корпуса в районе Орлау... Уничтожена 37-я пехотная дивизия германцев... Четыре тысячи убитых и раненных, свыше тысячи пленных..."

А дальше еще хуже:

"... Находя просьбу генерала Самсонова справедливой, командующий разрешает генералу Самсонову вести наступление на Алленштейн, Остероде, уклонившись тем самым на 60-70 километров к западу от направления главного удара его армии. Это отклонение на запад обеспечит глубокий охват 8-й германской армии и преградит ей выход к Висле.

Генералу Ранненкампфу надлежит взаимодействовать с генерало Самсоновым и, не останавливаясь в Гумбинене, спешно идти на северо-запад в направлении Кенигсберга для встречи со 2-й армией..."

Дальше читать Ранненкампф не мог. Это уже слишком! Ему "взаимодействовать" с Самсоновым! С этим хамом, с этой бездарностью. Всю его глупость и тупость он знает еще со времен Маньчжурии. Он еще тогда не раз говорил генералу Куропаткину о бездарности Самсонова. Его давно нужно было выгнать, а ему дали армию, и он, Ранненкампф, извольте с ним "взаимодействовать".

Нет, помогать ему Ранненкампф не будет. Пусть выворачивается сам.

Право же, это будет справедливо: Ранненкампф старайся, спеши ему на помощь, а Самсонов будет пожинать лавры победы, славу себе

зарабатывать.

Нет уж, увольте!!! Самсонов... И фамилия неприличная для генерала. В 1-й армии, наверное, найдется сотня Самсоновых, и все - солдаты, от которых за весту онучами воняет... Нет, тысячу раз нет, он, Ранненкампф, знать не хочет Самсонова, он презирает его и, если уж говорить откровенно, ненавидит. И насколько Ранненкампфу известно, генерал Самсонов платит ему тем же.

Ранненкампф, заложив руки за спину, прошелся по комнате и, как бы отвечая генералу Жилинскому, произнес вслух:

- Нет,ваше высокопревосходительство, не получится у нас с Самсоновым взаимодействия. Нет, не получится!..

Подойдя ближе к двери, он вызвал адъютанта:

- Передайте мое распоряжение - дать отдых войскам. Два дня. Нам некуда спешить. После блестящей победы солдаты должны отдохнуть.

13

Не встречая особого сопротивления, русские полки 6-го армейского корпуса, входившего во 2-ю армию, согласно директиве штаба армии, продвигались вглубь Восточной Пруссии, в направлении города Бишофсбурга.

Но русская армия двигалась вслепую, не имея представления ни о составе немецкой армии, ни тем более о ее расположении. Разведовательные сведения получали главным образом от пленных и местных жителей. Оба источника были весьма ненадежные.

Тяжелые батареи двигались во втором эшелоне частей. Только когда корпус подошел к немецкому городку Ортельсбургу и солдаты наткнулись на укрепленные позиции немцев, командир 16-й дивизии генерал Рихтер решил использовать тяжелые пушки.

На ровной, как стол, местности трудно было найти скрытую огневую позицию для тяжелой батареи. Выехавший на разведку Зуев отыскал небольшой овраг, откуда брали глину для кирпичного завода,

расположенного рядом.

Гаубицы, стрелявшие под большими углами возвышения, смогли расположиться в этом узком, с крутыми берегами карьере. Командный пункт Вася наметил на заводской трубе. Отсюда открывался широкий вид во все стороны: влево из-за леса виднелся Ортельсбург и блокпост на междуозерном перешейке.

Просматривались и далекие тылы немцев, где были видны движущиеся по дорогам колонны войск и артиллерии, обозы, идущие к городку и движущиеся из города железнодорожные составы с войсками. Обнаружил Вася также и огневые позиции легких немецких батарей. Наступающая русская пехота окопалась перед немейкими укреплениями и блокпостом, который был центром обороны в Междуозерье. Это укрепление надо разрушить во что бы то ни стало.

Ознакомившись с обстановкой, Борейко приказал Зуеву пристреляться к блокпосту на шоссе. Взрыв первого же снаряда поднял к небу огромный столб черного дыма. Пехота сразу насторожилась. Она еще не видела действия русских тяжелых батарей. Зашевелились и немцы. Для них тоже было новостью наличие у русских тяжелых орудий, ставивших под угрозу линию их укреплений.

Несмотря на старания Зуева, прямого попадания в немецкое укрепление не было.

- Придется выкатить пушку для стрельбы прямой наводкой, - решил Борейко.

Но выкатить на руках тяжелое орудие было не так-то легко. Пришлось просить помощи у пехоты. С большим трудом пушку перетащили по ложбине, укрывыясь холмами и кустарниками, подвезли ближе к цели. Немцы не сразу заметили это передвижение, и артиллеристы сумели навести пушку прямо на цель. Орудием командовал Трофимов, а Борейко и Зуев с наблюдательных пунктов следили за стрельбой. Первый выстрел дал промах и бомба разорвалась где-то в районе Ортельсбурга, вызвав там пожар.

Тут немцы заметили наконец гаубицу и начали ее усиленно обстреливать.

Появились раненые артиллеристы, Трофимов был контужен и потерял сознание.

Около пушки его сменил Звонарев. С артурских времен он не был под артиллерийским и пулеметным огнем и неприятное чувство страха холодом наполнило душу. Как в Артуре, неожиданно около него вырос Блохин.

- Тряхнем стариной, вашбродь? - весело крикнул он прапорщику. - Помните, как на Залитерной да литере Б нас крыл япошка? Но ничего, уцелели мы тогда! Не робь, номерки!..

- Прямой наводкой, - раздался голос Звонарева, - огонь!

Пушка с грохотом откатилась и тотчас около немецкого блокпоста взвился огромный фонтан черного дыма и пыли. Грохот разрыва был так оглушителен, что на мгновение солдаты остолбенели.

- Рядом с немцем! Надо чуток левее..

Вторая бомба попала перед самым немецким укреплением, взрывной волной повредила броневой колпак. Немецкая пушка потеряла способность вращаться по сторонам и ее снаряды теперь летели не причиняя вреда.

- Давай, пали в свет божий, как в копеечку! - хохотнул Лежнев.

Пехота с криком "ура" снова бросилась на штурм блокпоста.

В это время неприятельский снаряд ударил в орудие и, разорвавшись, положил на месте всю прислугу. Чудом спасся Звонарев, отошедший незадолго до этого с биноклем в сторону. Еще не понимая, что произошло, он с ужасом смотрел на изорудованные, окровавленные тела людей, с которыми он только что разговаривал и смеялся над шутками Блохина.

"А Филя, где же Филя?" - холодея от мысли увидеть его убитым, подумал Звонарев.

Распростертая на земле фигура Блохина вдруг зашевелилась. Охая, он поднялся и начал клясть на чем свет стоит немцев.

Звонарев, осмотрев орудие, нашел повреждения и приказал откатить пушку в тыл.

Когда весть о потерях в тяжелой батарее дошла до Кочаровского, он тотчас отправился под Ортельсбург, чтобы лично узнать все на месте.
Участник японской войны в Маньчжурии, он обладал здравым умом и быстро разобрался во всем происшедшем.
- Вы, Борис Дмитриевич, опытный артиллерист, но слишком понадеялись на подвижность наших неповоротливых пушек. Начальство приказало произвести расследование. Меня и прислали сюда для этого - пояснил Кочаровский.
- Если начальство так трясется над тяжелыми пушками, то оставило бы их в Питере. Там они наверняка были бы целыми, - усмехнулся Борейко.
- Остры вы на язык, господин штабс-капитан!
Кочаровский приказал Звонареву написать подробный рапорт о случившемся в бою и указать, какие необходимы исправления.
Воспользовавшись этим, Звонарев изложил свои соображения по переделке колес и устройства уширителей на их ободьях. Полковник внимательно выслушал прапорщика и проговорил:
- Америку открывать изволите, господин Звонарев! Немцы давно это придумали и пользуются такими приспособлениями. Поэтому у них тяжелые пушки могут идти наравне с конницей, а не только с пехотой, по пескам и болотам.
- Почему же тогда у нас в армии не применяют уширителей? - справился Борейко.
- Потому что у нас, на радость нашим врагам, существует некое учреждение, именуемое Главным артиллерийским управлением, где застревают и исчезают все, часто весма ценные и важные, проекты. Не знаю, сидят ли там просто дураки или изменники. Нет там уже генерала Белого! Сидят рутинеры и чиновники! Поэтому я все беру на себя. Господин Звонарев, вы, как инженер, сумеете рассчитать и применить на практике такие уширители. Вам помогут и артиллерийские техники, которые сидят у меня в управлении, - распорядился Кочаровский.
- Слушаюсь, все будет исполнено быстрейшим образом! - заверил Борейко.

Уже стемнело, когда Кочаровский закончил свои дела. Отправляться в штаб было рискованно и полковник остался на батарее на ночь.

За ужином он разоткровенничался и стал рассказывать о порядках в штабе армии:

- Непосредственной связи штаба армии с корпусами у нас нет. Только ординарцы! Телефонного провода едва хватает до ближайших тыловых пунктов.

Есть, правда, искровой телеграф с радиусом действия что-то около трехсот верст. Но им пользуются только штабы армий и корпусов, а в дивизиях их уже нет. Да и как пользуются - открытым текстом передают все распоряжения и приказы. Конечно, их принимают в первую очередь немцы! Им известны буквально все наши распоряжения. Сведения о расположении частей и получаемые нами приказы они тоже перехватывают. Короче, немцы воюют, зная все наши распоряжения, а мы, кроме слабых и путаных сведений армейской разведки, ничего не имеем. Недавно штаб Брестской крепости, находящийся в глубоком тылу, предупредил Ставку верховного командования, что он свободно принимает все радиограммы наших штабов. Так вместо благодарности он получил выговор за то, что занимается не своим делом.

- Немцы ведь тоже пользуются радиограммами!

- Но все они хорошо зашифрованы.

- Почему же наши не прибегают к шифровке?

- Оказывается, готовясь к войне, не придумали шифра и не обучили пользоваться им искровой телеграф, - пояснил Кочаровский.

- Это просто чудовищно! Это граничит с прямой изменой и предательством! - покраснел от возмущения Звонарев. - Да, всего можно ждать, когда у нас в верховных штабах сидят почти сплошь немцы! Они и радеют фатерланду.

- Русские дураки, сидящие в штабах, не менее опасны, чем шпилны, - отозвался Кочаровский. - Командующий нашей армией Самсонов - чисто русский человек, но тоже не понимает, почему надо шифровать все радиограммы. Не мудрено, что всякие шпионы так и вьются вокруг штаба

армии.

- Это естественно, лучших шпионов, чем наши бестолковые и глупые штабы, и придумать трудно, - заметил Борейко.

- Дело-то в том, что и шифры мало помогают. У немцев есть специальные отделения при штабах армии, которые занимаются дешифровкой наших засекреченных приказов и донесений. Они прекрасно читают все наши распоряжения, - пояснил полковник.

- А кто мешает нашим штабам обзавестись такими же отделениями и расшифровывать немецкие приказы? - спросил Звонарев.

- Беда в том, что в мирное время об этом не подумали и таких шифровальщиков у нас почти совсем нет. Их надо было готовить звблаговременно. Моряки сумели создать такие группы и недавно удачно разобрали важные прказы немцев. Но у нас, в армии, этого еще нет, - ответил Кочаровский.

- Морской министр адмирал Григорович - мужик толковый! Мы с Сережей знаем его по Порт-Артуру, а Сухомлинов известен лишь как лихой гусар, почти в шестьдесят лет женившийся на двадцатипятилетней кокотке! Правда, она очень красива, - усмехнулся Борейко.

- Говорят, она была причастна к шпионажу в пользу Австрии, когда жила в Киеве, где и поймала Сухомлинова в свои сети, - заметил Звонарев.

- Жена военного министра - шпионка? - изумился Кочаровский.

- А императрица Александра? Чистокровная немка. Она тоже не безупречна в этом отношении, - заметил Борейко.

Кочаровский встал из-за стола и, поплотнее прикрыв дверь в комнату, нагнулся к своим собосодникам и шепотом проговорил:

- Недавно в одной листовке, подброшенной в штаб армии, ее прямо называли германской шпионкой. Правда, это, конечно, социалистическая пропаганда, но все же. Солдаты всему этому очень верят и везде видят измену и шпионов, особенно, если говорить о генералах.

- Грешным делом, я думаю примерно также, - тоже вполголоса проговорил Борейко. - Как я могу верить какому-то Ранненкампфу, если его настоящая фамилия Эдлер фон Ранненкампф - немец из немцев, а

стоит во главе Первой армии? Он всеми помыслами всязан с Германией. А то возьмите нашу гвардию.

Есть гвардейский конный полк. Почти все офицеры - бароны и фоны, имеющин родню в Германии. Мне рассказывали про одного из них. Это полковник барон фон Притвиц Гафрон. Его родной дядя командует Восьмой немецкой армией, находящейся в Восточной Прусии.

- Неужели? - опять удивился Кочаровский. - Это верно, против нас немецкими войсками командует генерал фон Притвиц Гафрон. Но о его племяннике я ничего не слышал. Его надо немедленно убрать с фронта на Дальний Восток. Там он не сможет вредить нам, - горячо проговорил Кочаровский.

- Вместо Дальнего Востока его назначили командовать одной из наших пехотных дивизий. Не мудрено, что в первом же бою она понесла большие потери, - усмехнулся Борейко.

Наступило молчание, все собеседники были потрясены только что услышанным.

- Как же при таких условиях воевать с немцами? - глухо проговорил Кочаровский. - Как можно рассчитывать на победу, на успех?

- Мы, правда, всего один день стояли под Вержбаловом, но слышали там рассказы наших солдат и офицеров о боях под Шталюпененом и Гумбиненом.

Ведь там, несмотря ни на что, мы вдребезги разбили семнадцатый германский корпус, который бежал с поля сражения вместе со своим командиром генералом Макензеном, считающимся у немцев выдающимся генералом, - напомнил Звонарев.

- Победили, как всегда не наши штабы и генералы, а русский солдат и младший офицер. Как Суворов говорил, "русские всегда бивали прусских". Так и теперь произошло, - проговорил Борейко.

- Что правда, то правда! Наш солдат чудеса может творить, если суметь к нему подойти и правильно им руководить в бою, - согласился Кочаровский.

- Да, много вы мне наговорили неприятного...

Вновь наступило молчание.

- А знаете, господа, как вас зовут? - прервал молчание Кочаровский. - Красная батарея! За ваше свободомыслие.

- Совершенно правильно изволили заметить, господин полковник, - отозвался Борейко. - Сегодня вы сами видели одно из орудий батареи, окрашенное кровью моих солдат и офицеров! Красный цвет - цвет подвигов и геройства во славу родины.

Кочаровский удивленно вскинул глаза на штабс-капитана, который с усмешкой глядел на своего начальника.

- Прекрасный ответ! Я его обязательно повторю, когда буду докладывать о вашей батарее генералу Самсонову. Убежден, что он будет доволен.

14

В последующие дни русские войска продолжали двигаться вглубь германской территории. Их встречали опустевшие хутора, селения. Жители уходили, угоняя скот и унося все, что было возможно. Оставались только цепные собаки. Голодные, одичавшие, они с лаем кидались на всех.

Батарея Борейко находилась при 16-й пехотной дивизии и Рихтер уже называл ее своей тяжелой артиллерией. Ей была придана полурота одного из полков дивизии. Командир полка решил, что для такой цели наиболее подходит последняя рота в полку - шестнадцатая, где обычно находились самые низкорослые и малопригодные к строю солдаты. Рослые артиллеристы презрительно называли их "крупой". Командовал ротой невысокого роста, кругленький, буро-красный от загара капитан Хоменко. Он ехал на какой-то сивой кавурке, все время подгоняя своих солдат, отставших от батареи.

Обливаясь потом, в промокших на спинах рубашках, пехотинцы выбивались из сил.

Заметив это, Борейко разрешил шинельные скатки и вещевые мешки пехоты положить на лафеты орудий. С огромной радостью солдаты

сбросили с себя тяжелую амуницию и сразу бодрее зашагали рядом с орудиями. Их командир поблагодарил Борейко за дружескую помощь в походе.

- Теперь мои орлы любого немца отгонят.

Капитан оказался разговорчивым и сообщил, что всего три недели как призван из запаса, а до того был управляющим имением в Воронежской губернии.

- Едва успел убрать хлеб, обмолот уже начался без меня, - словоохотливо рассказывал он.

На привалах капитан Хоменко собирал оставшиеся после жатвы колоски хлеба, растирал их между пальцами. Глаза его, выцветшие и чистые, делались добрыми и печальными. Когда набиралась горстка ржаных зерен, желтых, чуть сморщенных, он опрокидывал их в рот и долго жевал, чуствуя родной привкус хлеба. Вокруг Хоменко собирались солдаты и слушали его тихие, неторопливые объяснения. За разговорами солдаты забывали о войне.

Хотя впереди шли пехотные полки со своей легкой артиллерией и только после них, во втором эшелоне, двигались тяжелые батареи, тем не менее нет-нет да и раздавались по сторонам дороги одиночные выстрелы и над головами посвистывали неизвестно откуда прилетевшие пули.

На ночь расположились бивуаком на окраине городка Щепанкена и выставили усиленное охранение во избежание внезапного нападения.

Утром в Щепанкен прибыл Кочаровский. Рассказывая различные штабные новости, полковник с сокрушением поведал о вражде между Ранненкампфом и Самсоновым. Началась она еще в японскую войну.

Теперь Ранненкампф сводил старые счеты. Он задержал на трое суток свою наступающую на запад 1-ю армию после разгрома немцев под Гумбиненом.

Это дало немцам время оправиться после поражения и начать перегруппировку против 2-й русской армии.

- Что дальше будет, трудно даже гадать, - с тревогой говорил полковник. - Где немцы, никто толком не знает! Тот же Ранненкампф заявляет, что

немцы отходят к Кенигсбергу, а по агентурным сведениям, они сосредотачиваются против 2-й армии. Соседние с нами корпуса энергично наступают на север и северо-запад, а мы движемся на северо-восток. Короче, собираемся наносить удар растопыренной пятерней, а не сжатым кулаком, как это делается при любой драке.

- Почему не используют для разведки нашу авиацию? - спросил Зуев. - Немецкие самолеты постоянно летают над нами.

- Самолетов у нас фактически нет, но главное - их донесениям никто не верит! Что там можно увидеть с неба? Пустяки это, - уверял Кочаровский.

- Ранненкампф - немец и, очевидно, боится серьезно воевать против своих сородичей, а Самсонов, по-видимому, просто плохо разбирается в военном деле и лишь случайно оказался во главе армии. Чем скорее их обоих уберут, тем будет для нас лучше, - ответил Борейко.

- Начальником-то штаба кто у Самсонова? - спросил Звонарев.

- Постовский. Трусоват и очень недалек, кавалерист. Про Постовского говорят, что его лошадь быстрее соображает, чем он сам, - съехидничал Кочаровский.

Днем части 6-го корпуса продолжали движение на северо-восток по направлению к городу Бишофсбургу. По приказу к вечеру нужно было занять этот город и расположенный севернее его железнодорожный узел у селения Гросс-Бессау.

Когда пехота подходила к Бишофсбургу, слева из леса показались конные части германцев. Для прикрытия своих полков генерал Рихтер приказал выдвинуть против конницы один из батальонов. Тяжелая батарея, шедшая в хвосте колонны дивизии, послужила главной приманкой для кавалерийской атаки. Тяжелые, малоподвижные и неповоротливые пушки казались легкой добычей для конницы. Но навстречу им уже разворачивалась рота за ротой.

Батарею приказано было остановить, пока не будет отогнана немецкая конница. Последней в полку шла рота Хоменко. Он, как мог, торопил своих малорослых солдат, но они, перегруженные амуницией, не могли быстро передвигаться. Полковник Петерсон с бранью накинулся на

Хоменко:

- Не рота, а вшивая команда! Вы позорите мой полк, капитан! Отрешу, посажу! - исступленно орал на Хоменко Петерсон.

Испуганные этим криком солдаты окончательно сбились с толку и, не зная, что делать, топтались на месте.

Вражеская конница, перестроившись, быстро придлижалась. Петерсон дал шпоры коню и ускакал в тыл.

Хоменко мгновенно оценил обстановку и приказал солдатам снять скатки и вещевые мешки. Солдаты стали сбрасывать тяжелое снаряжение прямо на землю у дороги.

Хоменко сбежал с шоссе. Подняв над головой обнаженную шашку, он указал ею солдатам направление следовать за ним. Не прошло и минуты, как рота вытянулась в шеренгу, преграждая путь коннице немцев. Артиллеристы с замиранием сердца следили за живой лавиной, стремительно несущейся по полю на маленькие фигурки солдат. Ранее вышедшие на поле роты оказались смятыми и стремительно бежали во все стороны. Ободренные успехом, немцы ринулись на роту Хоменко, которая уже успела перестроиться в две шеренги. Первая опустилась на колени и, уперев приклады в землю, выставила штыки навстречу врагу. Вторая шеренга, вскинув винтовки, ровными точными залпами поражала надвигающегося противника.

Хоменко бегал вдоль строя роты и, размахивая шашкой, подавал различные команды. Ни один солдат не струсил, не выбежал из рядов, мужественно встречая надвигавшуюся кавалерию.

На флангах затрещали пулеметы. Первая шеренга конницы была мгновенно срезана огнем. Только несколько всадников доскакали до рядов пехоты и были ею приняты на штыки. Вторая волна хлынула на фланги и была срезана пулеметами, а третья, вместо атаки, поспешила повернуть коней и так же мгновенно скрылась, как и появилась.

Только теперь остальные роты батальона начали собираться на поле битвы, подбирая раненых и убитых и брошенное в панике оружие, амуницию.

Около самого Бишофсбурга батарее Борейко пришлось задержаться.

Входить в город без пехотного охранения Борейко не решился. Поджидая отставшую пехоту, он выслал в город разведчиков.

Вместе с подоспевшими подразделениями пехоты они приступили к поквартальному осмотру домов. Тем времени Борейко забрался на колокольню кирхи и осмотрелся. К северу от Бишофсбурга четко виднелась узловая станция Гросс-Бессау. К ней подходили воинские эшелоны. Быстро и организованно выгружалась пехота. Тут же на марше она перестраивалась в походный порядок и двигалась по направлению Бишофсбурга. Было очевидно, что германцы спешно сосредотачивают подкрепления против наступающих на север русских частей. Борейко составил донесение в штаб идущей следом 4-й дивизии и послал конного ординарца.

Через четверть часа батарея уже открыла огонь по станции Гросс-Бессау. В бинокль было видно, какая там поднялась суматоха: солдаты, не слушая приказов начальства, вскакивали в идущие от Гросс-Бессау вагоны.

Те же, кто не успевал уехать, в панике метались в поисках укрытия и гибли, настигнутые шрапнелью и осколками от снарядов. Подошедшие к станции русские части заняли Гросс-Бессау, отбросив немцев на северо-восток.

15

Ночью появились разведывательные части германцев, которые вышли во фланг расположенной у города 4-й пехотной дивизии. Поднялся переполох.

Было приказано немедленно отправить в тыл тяжелые батареи.

Войсковая разведка и связь по фронту были поставленны из рук вон плохо. Штаб 6-го корпуса не знал, где находятся части соседнего 13-го корпуса.

Для уточнения местонахождения правого фланга этого корпуса были

отправлены разведчики тяжелой артиллерии - Блохин, Зуев и Лежнев. Они налегке поскакали на запад, в общем направлении на Алленштейн.

День выдался солнечный, ясный, ехать было легко, и разведчики широкой рысью продвигались вперед. На пути им встретились отдельные разрозненные части 13-го армейского корпуса генерала Клюева. Одни из них двигались на северо-запад, другие шли в тыл к Ломже. Где-то на севере и северо-западе слышалась канонада, то усиливающаяся, то затихающая.

Немцев не было видно. Даже отдельные отряды исчезли. Все населенные пункты были брошены жителями, скот угнан, часть хуторов сожжена.

Над головами летали немецкие "альбатросы" и "таубе".

- Делает немец разведку. Хитер, подлец, ничего не скажешь. Сам все видит, а его не достанешь, - с каким-то злобным восхищением сказал Лежнев.

В это время на дороге показалось несколько интендантских повозок. Они неслись вскачь и ездовые, стоя на повозках, нещадно хлестали лошадей.

- Немец прорвался и прет сюда! - на скаку крикнули разведчикам солдаты, рукой показывая, что надо спешно поворачивать назад.

- Вот так фунт! - произнес Блохин и все трое, без команды, повернули лошадей.

- Куда теперь ехать? - справился Леднев. - К батарее, что ли?

- Где ее, батарею, сейчас искать в суматохе? Проедем в Щепанкен, - по карте справился Зуев. - Кого-нибудь там найдем, а места нам знакомые - недавно там были.

Так и решили. Пришлось пробираться проселочными дорогами через лес, минуя озера и болота. Чем дальше пробирались разведчики, тем полнее вырисовывалась картина решительного наступления немцев с севера и северо-запада. В Щепанкене стало известно, что русские войска, атакованные у Бишофсбурга, начали отход в направлении на Ортельсбург.

В Щепанкене разведчики попались на глаза генералу Рихтеру, приказавшему им во что бы то ни стало найти правый фланг 13-го

армейского корпуса. По предварительным данным, он находился в районе города Пассенгейма.

Разведчики немедленно туда отправились. Уже задолго до этого городка начали встречаться многочисленные воинские части.

Из расспросов выяснилось, что немцы прорвались в промежуток между 6-м и 13-м армейскими корпусами и пытаются окружить последний, охватывая его с востока.

Где находился стоявший западнее 13-го корпуса 15-й корпус, никто толком не знал. 13-му корпусу грозило окружение.

Надо было возможно скорее отступать на юг, чтобы выйти из мешка, но все приказы штаба армии требовали ускоренного наступления на север, к Алленштейну.

Общая растерянность и беспорядок усиливались с каждой минутой.

Никакого руководства со стороны штабов корпуса и дивизии не было.

Разведчики разыскали командира 13-го корпуса генерала Клюева и его штаб. В царящей неразберихе сделать это было нелегко. В одном из фольварков они наткнулись на штаб 1-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Угрюмов. Зуев обратился к одному из штабных офицеров с просьбой указать, где находится штаб 13-го корпуса, объяснив при этом, что они посланы для связи с соседним 6-м корпусом. Это сообщение вызвало общую радость.

- Наконец-то Благовещенский нашелся! - воскликнул штабной офицер и повел Зуева к командующему дивизией генералу Угрюмову, еще не старому, очень подвижному человеку, с утомленным и бледным лицом. Генерал подробно расспросил разведчиков, где находится 6-й корпус и что они видели по дороге. Зуев подробно доложил. Генерал заохал и закряхтел.

- Ведь это черт знает что! Соседи отступают, обнажая наш правый фланг, а штаб нашего корпуса гонит нас вперед и вперед. Мы должны спешно отходить, а не двигаться вперед. Солдаты выбились из сил. Марш по пескам... без отдыха, без единой дневки. Жара, продовольствия нет... Ужас что такое!

В это время подъехал ординарец из штаба генерала Клюева с приказом прекратить наступление на север и установить тесную связь с 6-м армейским корпусом в Щепанкене.

- Да его там уже давно нет! Он на тридцать километров южнее, - снова схватился за голову генерал.

- Разрешите мне проехать в штаб корпуса и там объяснить обстановку в районе 6-го корпуса, - предложил Зуев.

Генерал ухватился за эту мысль и стал торопливо писать донесение в штаб Клюева. Решено было, что разведчики направятся в корпусной штаб вместе с ординарцем этого штаба.

- Он вас проводит до места расположения штаба, - заверил генерал.

Разведчики двинулись в путь, держась направления на Нейдебург. Не проехали они и десяти километров, как наткнулись на части, ведущие перестрелку. Из расспросов выяснилось, что немцы успели просочиться между 13-м и 15-м корпусами и двигались в обход 13-го корпуса, окружая расположенную на левом фланге корпуса дивизию генерала Угрюмова.

- Похоже, что немец уже закружил наши войска со всех сторон, - угрюмо заметил Блохин.

Штаб Клюева они нагнали в пути. Клюев во главе конного взвода казаков и нескольких штабных работников медленно ехал по дороге в юго-западном направлении, видимо считая его наиболее прикрытым от немцев частями 13-го и 15-го копусов. Сведения, доставленные ему разведчиками, совсем его обескуражили.

- Выходит, немецкие части охватывают нас с запада и даже с юго-запада, грозя полным окружением, - сразу заволновался Клюев. - Надо немедленно уходить на юго-восток. Немедленно передайте приказ 1-й и 36-й дивизиям двигаться на Валендорф. Если мы туда доберемся раньше немцев, то выйдем из окружения. Приказ отправьте с офицерами штаба в самом срочном порядке, от этого зависит судьба всего корпуса.

Через пять минут штабные офицеры ускакали. Тут Клюев заметил разведчиков тяжелой батареи и тотчас приказал:

- Отправляйтесь в штаб своего корпуса и объясните обстановку у нас генералу Благовещенскому. Пусть двинет хотя бы бригаду нам на помощь. Я сейчас ему напишу.

Блохин, Зуев и Лежнев тронулись в путь. Но вскоре их остановили. Все дороги оказались забитыми обозами, транспортами, артиллерийскими парками с пустыми зарядными ящиками. Солдаты передавали друг другу, что немец уже занял Ортельсбург и теперь заканчивает "закружение" всего 13-го корпуса.

- Ума не приложу, куда ехать? - недоумевал Блохин. - Дуй, Василий, на юго-восток, без дороги, проселочком. Так-то вернее будет.

Стало темнеть. Стрельба с каждой минутой становилась сильнее. Кто и куда стрелял, разобраться было трудно. Километров через десять-двенадцать разведчики оказались около какой-то деревни. За ней начинался довольно большой лес. Увидели невдалеке костер, подъехали к нему. С удивлением узнали, что это солдаты из 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса.

- Как вы сюда попали? Где ваши командиры? - засыпали их вопросами разведчики.

- С вечера немец подступил к городу Нейдебургу. Значит, стали мы тикать, куда ни бросимся - везде немцы. Потеряли своих и побегли куда глаза глядят, только бы от немца утечь, - путано объясняли солдаты.

- Командиры-то где ваши? - справился Блохин.

- Они поумнее нас, первыми стали тикать, а где они сейчас, не знаем.

- Ну и порядки! - возмутился Зуев. - В японскую войну команда была плоха, а сейчас еще хуже.

- Чего ты, Вася, удивляешься? Порядки-то остались прежние, а генералы еще больше поглупели! Вот и получается, что солдат должен только на самого себя полагаться. Пошли-ка с нами, ребята, - предложил Блохин своим собеседникам.

- Пешие конным не товарищи! - ответило сразу несколько голосов. - Скачи прямо, авось до Расеи доскачешь. Она большая, не промахнешься. А мы пешки побредем, авось мимо немца по темноте ночью проскочим и

доплетемся до своих.

За Омулефорен начинался лес, который тянулся довольно далеко с запада на восток.

- Да туда нам и нужно идти, - решил Блохин. И разведчики въехали в лес.

Лес был полон солдатами, артиллерийскими упряжками различных частей, обозами, повозками. Немецкие разведчики шмыгали по опушке. То там, то тут слышались отдельные ружейные выстрелы, короткие пулеметные очереди.

Офицеров совсем не было видно, равно как незаметно было никакой воинской организации. Толпа солдат, никем не управляемая, потерявшая всякое представление о том, что делается вокруг, и пугливо озирающаяся на каждый выстрел или просто крик, заполнила весь лес. Мимо проскочило несколько интендантских повозок. Солдаты-ездовые отчаянно нахлестывали лошадей и истошно кричали:

- Закружил нас совсем немец! Спасайся, кто может, покеда не поздно!

Тикай до Расеи сам, команды на то не жди! Офицеры сами в одиночку бегут.

Одному-то сподручнее тикать, чем с народом. Не так скоро немец заметит. А зазря гибнуть нечего!

Панические вопли вызвали целый переполох. Солдаты вскакивали, бежали и, натыкаясь на бегущих навстречу, поворачивали назад, совсем потеряв голову от страха.

- Совсем одурела кобылка, - презрительно проговорил Блохин, глядя на происходящее вокруг него. - Чего мечетесь, как угорелые? С умом надо тикать, а не по-бестолковому. Где дорога на Расею? На юг да на юго-восток!

Туда и беги! Ежели немца увидишь, смело на него кидайся! Он русского штыка боится, сам побегет.

- Патронов у нас нет. Три дня не ели, не спали. Как же тут с немцем завоюешь? - отвечали ему из толпы.

- Что там не говори, а без офицеров особо не навоюешь! У них карты

есть, знают, куда идти, и обучены они в команде, а мы только и умеем, что сполнять команду, - возражали другие, подходя к разведчикам. - Вы верхи, поищите кого-либо с офицеров. Вам сверху и виднее, и двигаетесь вы побыстрее нашего.

- Что верно, то верно! - одобрил Блохин. - Айда искать командиров.

Авось не все офицеры у нас еще сбежали от страха перед немцами. Подождите здесь, мы в момент найдем.

16

Уже третий день Нежинский пехотный полк, в котором ротой командовал Стах Енджеевский, двигался по проселочным дорогам к германской границе.

Стояла сухая и очень жаркая погода. Солдаты на походе изнемогали от жары, с трудом продвигаясь по песчаной разбитой дороге. Ноги по щиколотку увязали в сыпучем песке. Нагруженные скатанной шинелью, одетой через плечо, винтовкой и вещевым мешком, солдаты с трудом проходили 20-25 километров за день. Енджеевский сумел разместить часть амуниции а полковом обозе, благо он не был загружен провиантом. Сумел Стах всунуть в полковой обоз и пару повозок, якобы для перевозки офицерских вещей. Таким образом, половина роты шла налегке, поочередно меняясь с остальными солдатами на привалах. Благодаря этому, солдаты Енджеевского имели значительно более бодрый вид, чем в других ротах полка. Командир полка полковник Некрасов сразу обратил внимание на свежий вид солдат и похвалил Енджеевского за заботу о солдатах. Как и Енджеевский, Некрасов только недавно появился в полку. Сорокалетний полковник Генерального штаба, он отбывал стаж командира полка.

Одобрил полковник и организованное Стахом снабжение солдат питьевой водой на походе и заблаговременную высылку вперед кухни, в результате чего солдаты сразу по приходе на место получали горячий обед.

С момента выгрузки в Остроленке части почти полностью перешли на

"собственное довольствие". Но и у местного польского населения излишков не было. Поэтому Стах разослал во все стороны фуражиров, и они сумели кое-что достать из продовольствия и фуража. Солдаты видели и ценили эту заботу о них Стаха. Молва о нем как о заботливом и толковом командире шла среди всех солдат полка.

15-м армейским корпусом, в который входил полк Некрасова, командовал генерал фон Мартос. Участник еще русско-турецкой войны 1877-1878 годов, он жил представлением о войне еще турецкой кампании. Лично храбрый и довольно толковый Мартос был тяжелодум и не умел быстро принимать нужных решений.

Дивизией, в которой находился полк Стаха, командовал генерал фон Торклус, болезненный и нерешительный человек, к тому же не имевший боевого опыта. Он это сознавал и все время старался находиться возле Мартоса и даже в мелочах просил у него указаний. До известной степени Торклуса, как и Мартоса и генерала Фитингофа, связывало одно обстоятельство: все они носили немецкие фамилии.

Русские войска форсированным маршем двигались от реки Нарев на север, к германской границе, почти не встречая сопротивления. Дело ограничивалось легкими перестрелками с германской конницей.

В один из дней полк Енджеевского на марше обогнал командовавший 2-й армией генерал Самсонов. Дослужившийся до генеральских чинов из рядовых казачьих офицеров, он так же неудачно в японскую войну, как и Ранненкампф, командовал кавалерийскими отрядами. Перед войной Самсонов командовал войсками третьестепенного Туркестанского военного округа. Теперь, на походе, Самсонов старался восполнить пробел в своем знакомстве с подчиненными ему командирами.

Генерал ежедневно по двадцать часов проводил на лошади, объезжая полки своей армии. Самсонов без всякой спеси попросту пошутил с солдатами, попробовал пищу прямо из солдатских котелков и громко выразил уверенность, что с такими героями он быстро разобьет немцев.

На пятый день похода русские войска достигли границы. У немцев всюду имелись хорошие шоссейные дороги, обсаженные с обеих сторон

фруктовыми деревьями. Правда, во многих местах они были срублены и образовали завалы на пути. Конницы впереди почти не было. Войсковую разведку могли осуществлять только пехотинцы. Русские войска по-прежнему двигались вслепую.

Связь со штабом армии была плохо налажена и командиры трех центральных корпусов 2-й армии продвигались вперед, взаимодействуя только между собой.

Полки двигались в лесистом районе, изобилующем озерами, и с трудом поддерживали связь.

- Влтпнем в грязную историю, - опасался командир полка полковник Некрасов.

- А что делает Первая армия? - как-то поинтерисовался Енджеевский.

- Преследует разбитого в пограничном сражении противника. Боюсь, что по примеру японской войны это преследование развивается очень медленно.

Ударь сейчас, как следует, Первая армия по отступающим немцам вместе с нами, едва ли немцы ушли бы от полного разгрома, - рассуждал Некрасов.

- Уверен, что это будет не так! Раннекампф ждет, когда мы нанесем поражение немцам, чтобы добить их и приписать себе лавры победы над врагом, - возражал Стах.

На шестые сутки дивизия Торклуса подошла к небольшому немецкому городку Нейдебургу. После незначительного сопротивления немцы его оставили. Было уже под вечер, и начальство решило на следующий день дать утомленным до последней степени войскам дневку.

Нейдебург был небольшой немецкий городишко, в центре которого располагались ратуша, кирха, школа и аптека. Здесь же находились лучшие магазины и жили наиболее богатые горожане.

Стах вместе с Некрасовым зашел в штаб дивизии Торклуса, где им показали схемы предполагаемого расположения немецких войск.

С рассветом русские полки двинулись снова в дорогу. Полк Енджеевского шел головным. Высланная вперед разведка не могла обнаружить

противника, что очень беспокоило Некрасова. Полки, опасаясь немецких засад, продвигались вперед с большой осторожностью.

Уже с темнотой передовые части вошли в соприкосновение с немцами.

Завязалась перестрелка. Торклус решил с хода атаковать немцев, пока они еще не ожидают русской атаки. Полки начали разворачиваться в боевой порядок.

Неожиданно перед дивизией Торклуса обнаружились солдаты, принадлежащие к трем различным германским корпусам, которые, по сведению штаба армии, находились перед фронтом 1-й армии.

Стало очевидно, что германцы успели перегруппировать свои войска против 2-й армии и обходят ее с флангов. Надо было думать, что делать дальше.

Стах понимал, что ночью в пересеченной лесистой местности части наверняка перемешались и перепутались. Трудно было собрать солдат не только полка, но даже одной роты. Кроме того, солдаты падали от усталости на землю и мгновенно засыпали мертвым сном.

При свете фонарика Стах на карте нашел расположенный поблизости хутор и отправил туда своих ординарцев разведать, нет ли там какого-либо штаба или начальства. На хуторе оказался сам командующий армией генерал Самсонов.

Самсонов вяло спросил мнение Некрасова о сложившейся обстановке.

- Необходимо форсированным маршем выходить из оперативного мешка, в каком мы оказались, - ответил полковник.

- Солдаты трое суток не имели горячей пищи, а некоторые даже сухарей, которую ночь не спят, - проговорил Самсонов. - В батареях нет снарядов, у пехоты патронов осталось по две-три обоймы на человека.

Самсонов подсел к столу и, подперев голову рукой, казалось, задремал, прикрыв глаза. Но генерал не спал, его волновали самые разнообразные мысли. Как выбраться из нынешнего положения 15-му и 13-му корпусам? Куда девался 6-й корпус Благовещенского? Как накормить солдат и лошадей?

Подвезти патроны и снаряды? О себе генерал не думал.

Время шло, то и дело появлялись различные ординарцы и сообщали о положении в тех или других подразделениях. Складывалась общая безрадостная картина полного хаоса.

Судя по карте, части 13-го и 15-го корпусов втянулись в обширный Комусинский лес и здесь были блокированы немцами. Стоило показаться хотя бы незначительной группе на его опушке, как немцы немедленно открывали огонь.

Приехавший на хутор, как всегда нервный и немного растерянный, Клюев подтвердил, что до наступления утра нечего было и думать об организованных атаках.

Не вполне доверяя Клюеву, Самсонов отправился в объезд разрозненных полков, чтобы представить себе общую картину происходящего.

С трудом пробираясь через лес, Самсонов мог воочию убедиться в невероятном хаосе, царившем в запрудивших лес полках и батареях. Офицеров совсем не было видно.

Генерал понял, что случилась катастрофа. Даже под Мукденом русская армия не была так деморализована и расстроена, как сейчас. Самсонов сознавал, что позор поражения ляжет, прежде всего, на него. Он понимал, что будет виноват в напрасной гибели тысяч солдат и это тяжко угнетало его.

В лесу в упряжках стояли десятки орудий, лошади щипали тощую траву, около них на земле спали ездовые. Самсонов присел на траву и задумался.

В момент начала мобилизации он находился в Фергане и ему понадобилось много времени, чтобы добраться через Ставку верховного командующего до своих войск. Мобилизация затягивалась, к назначенному сроку не были сформированы тыловые учреждения, не прибыли второочередные дивизии, не были созданы продовольственные склады и склады боеприпасов. Без них армия не могла с успехом вести военные действия. Нужно было отложить наступление на Восточную Пруссию хотя бы на неделю. В штабе фронта и в Ставке верховного командующего фактически хозяйничали французы. По их мнению,

русские должны были, пусть даже ценой полного уничтожения еще не закончивших мобилизацию полков и дивизий, вторгнуться в Германию и отвлечь часть немецких войск на восток.

В таких условиях даже самый талантливый полководец неизбежно терпит поражение. Самсонов мысленно оправдывал себя, хотя и понимал, что в ответе будет он, русский генерал, а не французский военный агент де ля Гиш, фактически командовавший царской армией.

Самсонов предвидел свою судьбу, но ничего в ней изменить не мог. Ему самому грозил плен.

" Но этому не бывать! Лучше смерть, чем позорный плен! Мертвые бо сраму не имут! Сам-то я, во всяком случае, избегну плена и позора.

Незадачливый командир должен разделить участь своих войск и умереть во главе их с оружием в руках", - решил про себя генерал.

Подошел адъютант. При свете ручного фонарика снова принялись рассматривать карту. Самсонов безучастно слушал советы, где лучше попытаться выйти из окружения. Попросив не следовать за ним, генерал углубился в лес.

- Хочу размяться, - пояснил он.

Самсонов отошел с полкилометра, попал в довольно глубокий овраг, густо заросший малинником. С трудом пробираясь через заросли, генерал зашел в самую гущу растений.

"Конец! Конец! Настало время подводить черту под своей жизнью!" Он снял шапку, набожно перекрестился, взглянул на проступавшие сквозь листву деревьев звезды, как бы прощаясь с ними...

Ночь проходила, наступал рассвет, а Самсонова не было, начались поиски, оказавшиеся безуспешными. Тогда начальник штаба Постовский принял командование на себя.

Как только стало светать, разрозненные группы русских солдат предприняли попытки вырваться из Комусинского леса. Завязались бои.

Воспользовавшись этим, штабная группа под командованием Постовского сумела выйти из немецкого окружения.

Енджеевский тоже решил попытаться вырваться из вражеского кольца и

начал собирать вокруг себя солдат.

17

Разведчики тяжелой батареи ехали вдоль опушки. Скоро их внимание привлекла большая толпа солдат, в центре которой на поваленном дереве стоял и что-то энергично говорил, судя по золотым погонам, офицер.

Разведчики подъехали ближе.

- Куда прешь на людей? Слухай оттуда, где стоишь, умные речи! - раздалось из толпы.

Пришлось остановиться. Солнце клонилось к западу, но сквозь листья деревьев еще проникали его лучи. И вдруг Блохин приподнялся на стремени, прикрыв глаза руками от солнца, внимательно стал всматриваться в лицо офицера. Голос его доносился слабо, но и он показался Блохину знакомым.

- Глянь-ка, Вася, на офицерика! Сдается мне, что мы с тобой его знаем, - проговорил Блохин.

Вася внимательно посмотрел на офицера, вскинув трофейный немецкий бинокль.

- Он самый, Филипп Иванович! Евстахий Казимирович Енджеевский, на плечах штабс-капитанские погоны, лицо обросло бородой, а так он самый, - радостно проговорил Зуев.

- Вот где встретиться пришлось! Скажи ты на милость! В немецком лесу да еще в окружении. Неужто и он вздумал к немцу в плен подаваться?

- Не может того быть! Енджеевский, пока жив, будет воевать и солдат выручать, - убежденно проговорил Вася.

Блохин сорвал с головы фуражку и замахал ею над головой, отчаянно крича:

- Ваше благородие, Евстахий Казимирович, мы до вас прибыли!

Солдаты в толпе начали на них оборачиваться, но Енджеевский их не замечал.

- Да скажите вы, олухи царя небесного, их благородию, что до них прибыли разведчики, - начал ругаться Блохин.

Солдаты стали толкать друг друга в спины и показывать на верховых, продолжавших махать офицеру фуражками. Наконец Енджеевский их заметил, но тоже не узнал и только приказал пропустить к нему верховых. Солдаты потеснились, давая дорогу конным и разведчики предстали перед Енджеевским.

- Ваше благородие, в ваше распоряжение разведчики батареи штабс-капитана Борейко прибыли, - отрапортовал Блохин, отдавая честь.

Евстахий Казимирович даже вздрогнул от неожиданности, не веря своим ушам. Он подошел вплотную к Блохину и тут только разобрал, кто перед ним находится.

- Здравствуйте, ребята, очень рад вас видеть здесь! - радостно проговорил штабс-капитан.

- Здравия желаю, ваше благородие! - гаркнули артиллеристы. - Слезайте и рассказывайте. Неужели и ваша тяжелая батарея попала в окружение? Ну здорово, молодцы, - тепло приветствовал солдат Енджеевский, целуясь с Блохиным и Зуевым.

Солдаты удивленно смотрели на эту дружескую всречу неизвестно откуда взявшихся артиллеристов и стрелкового офицера. Блохин вкратце рассказал о своих мытарствах.

- Теперь одна надежда на вас, Евстахий Казимирович! До вас добрались, словно родного отца увидели. Теперь мы за вами в огонь и в воду, хоть на край света.

- Пушки-то ваши где? - спросил штабс-капитан.

- Должно быть уже в Расее, перешли за Наревку, что по границе течет.

С ними сам штабс-капитан Борейко, значит, солдатики николи не пропадут! Он башковитый человек, - проговорил Блохин.

- Так, други мои! Должен вас огорчить, дело наше трудное: надо пробиваться через немцев на соединение со своими. Начальство - генералы в первую очередь - все сбежало или заболело медвежей болезнью... Пробиться можно, только действовать надо дружно и

соблюдать дисциплину. Поскольку никаких офицеров больше вокруг нас нет, я принимаю команду на себя, а вы будете мне помогать поддерживать порядок, - объявил Енджеевский. - Становись, ребята, в две шеренги, да побыстрей. Посмотрите, сколько патронов осталось, обыщите убитых, возьмите у раненых. Им патроны не нужны, а нам они очень даже пригодятся, - обратился он к солдатам.

Толкаясь и переругиваясь вполголоса, солдаты стали выстраиваться вдоль опушки леса.

- Тут, вашбродие, неподалеку небольшая полянка есть. Там бы и построиться, а то тут, неровен час, немец увидит да стрельбу откроет, - предложил Зуев.

- Дельное замечание. ВЕди солдат на поляну, - приказал Стах.

- За нами шагом марш! - скомандовал Блохин и въехал в лес.

За ним потянулись солдаты с винтовками в руках. Получилась довольно солидная колонна вооруженных людей. Зуев привел солдат к тому месту, откуда они только что уехали. Увидев двигающуюся пехотную часть, солдаты мигом вскакивали с земли, хватали винтовки и подстраивались к идущим. На поляне Енджеевский построил солдат в батальонную колонну. Их оказалось свыше тысячи человек. Но в лесу осталось еще больше: многим не хотелось рисковать - снова идти в бой, пробиваться сквозь немецкие цепи.

- Пойдем к немцу в плен, авось до замирения уцелеем, а там домой возвернемся к своим бабам, - раздавались голоса с разных сторон.

- Дураки вы набитые! - насмешливо заговорил Блохин. - Послушайте меня, коль у вас своих мозгов не хватает! Я в японскую войну почти год сидел в плену! Не сахарное там житье! Кормят плохо, от болезней не лечат: пусть, мол, больше перемрет нашего брата - хлеб целее будет. Морду бьют почище наших самых аспидов офицеров. А про баб своих с детьми позабыли?

Тут коли ни коли, а на побывку приедешь. С плену домой не отпустят до конца войны. С голоду, а то от болезни сдохнешь, покеда домой вернешься.

Солдаты слушали с недоверием, со злобой посматривая на Блохина.
- Ты, дядя, не дюже грозно на меня взглядывай, я все равно не забоюсь, не из пугливых. - Блохин говорил медленно, горячо. Каждое слово, как гвоздь, вколачивал - надежно и прочно. - Как кончится война да придут домой солдаты, помещицкую землю начнут промеж себя делить! Как с японской пришли, так сразу за это взялись; не вышло дело это, потому не все сообща действовали, а в розницу. Кому в первую очередь землю дадим? Кто с фронта пришел да кровь свою проливал. А те, которые в плену, опосля или совсем не получат ничего.
- Это почему же так? - спросили Блохина.
- Потому, что ты не воевал, а в плену прохлаждался! От смерти шкуру свою спасал, а не о Рассее думал. За что же тебе землю давать?
Слова Блохина всколыхнули солдат.
- Да кто ты такой есть, что про землю так говоришь, откуда знаешь? - послышались недоверчивые голоса.
- Воля ваша, хотите верьте, хотите нет, а я от умных слыхал и теперь вам говорю! Так и раскиньте своими мозгами, куда сподручнее вам идти - к себе домой иль батрачить на немецкого помещика.
- Кто в плен идти не хочет - живо становись! - скомандовал стоявший тут же Зуев.
Солдаты лавиной устремились на полянку, где уже собралось около полка солдат. Енджеевский выбирал из солдат унтеров и ефрейторов, разбил солдат поротно, роты - на взводы и отделения. Приказал подсчитать наличные патроны и провиант и поделиться с теми, у кого их совсем не было.
Патронов набралось по две-три обоймы на человека. С провиантом было хуже, но солдаты делились друг с другом последней сухой коркой. Подошли несколько офицеров и тоже просили принять их в отряд. Их поставили командовать ротами. Всего было уже несколько тысяч человек.
- Впору генералу командовать таким отрядом, - улыбался Енджеевский.
- Генералы о другом сейчас думают: как бы им поскорее к немцам в плен

попасть и подальше уйти от своих солдат!

- Знают, шкуры, побьют их солдаты за плохую команду. С утра было видно, что немец закружение делает.

- Солдаты доносили, а их не слухали, вот и достукались!

- Измену генералы делали, немцу хотели сдать всех солдат и пушки с пулеметами, да не вышло.

- Нашлись солдаты и кое-кто из офицеров, поняли генеральский шахер-махер, перестали их слухать и решили сами добираться домой.

Енджеевский делал вид, что не слышит этих крамольных слов. О самом Енджеевском солдаты подробно допрашивали Блохина и Зуева.

- Геройский командир! Одно вам скажу, знаем его еще с японской войны! Начальство его не жаловало. Ни крестов, ни орденов ему не давали. Для солдат - отей родной. Неужто среди вас нет солдат его роты, батальона или полка? Они должны тоже его знать.

- Ну, я знаю их благородию, - охотно отозвался молоденький солдат. - Он у нас в полку совсем недавно. Перед самой войной прибыл с другой части.

Роту получил и сразу начал обучать стрельбе да перебежкам, а парады все отменил. Мы, говорит, должны быть готовы к войне, а не к смотру, хотя бы и царскому. Порядок навел в роте. За солдатским харчем следил, чтобы не обворовывали нас. Морду не бил и даже по-матерному не ругается. Чисто с барышнями обращался с солдатами. На войне зря в огонь не посылал. Вчера под Нейдебургом немец наш полк начисто разбил. Зашел во фланг и тыл. Мало кто и ушел из закружения, и штабс-капитан взяли на себя командование всеми, кто от полков остался. Сейчас только на него и надежда, что выберемся отсюда, - с гордостью рассказывал словоохотливый солдат о своем командире.

18

Уже совсем стемнело, когда Енджеевский решил идти на прорыв.

Артиллеристам он приказал следовать последними и наблюдать, что

делается в тылу. Едва солдаты ушли с поляны, как на нее хлынули новые части...

Тем временем на опушку леса выехала группа всадников с казачьим конвоем.

Блохин глаза раскрыл от удивления. Толкнув Зуева кулаком в бок, он проговорил:

- Глянь-ка, сколько превосходительств пожаловало. Один одного важнее. И с казачьим конвоем. Не иначе как штаб.

- Дядя Филя, такой спектакль увидишь не каждый день! Давай посмотрим, что дальше будет, - взмолился Вася. - Лежнев, мигом разузнай у казачков, что это за птицы.

Между тем ружейная и пулеметная стрельба становилась все слышнее. Было очевидно, что немцы, приближаясь, стягивали кольцо окружения.

Генералы нервничали. Запыхавшись, прибежал Лежнев и сообщил, что перед ними сам генерал Клюев, командующий 13-м армейским корпусом, со своим штабом.

- Пора, пора! - услышали разведчики голос Клюева. - Где же запропастился казак с пикой? Привяжите к ней белую простыню вместо флага и с трубачом отправляйтесь навстречу немцам.

Но никто не торопился выполнять позорную роль парламентера, извещавшего врага о сдаче штаба корпуса. Наконец Клюев вызвал одного из штабных офицеров, лично ему вручил злосчастную пику с простыней и приказал ехать к немцам. Выбрали место, откуда меньше всего слышалась стрельба и офицер в сопровождении трубача шагом поехал навстречу своему позору.

- Нешто и впрямь сейчас сдадутся немцам? - упавшим голосом сказал Лежнев.

Скоро стали слышны звуки горна с той стороны, куда уехал офицер с белым флагом. Стрельба стала стихать. Из лесу вышел немецкий офицер и с ним несколько солдат. Рядом русский штабной офицер нес белый флаг.

Немец громко справился, кто из русских начальников является старшим и

имеет право отдать распоряжение о капитуляции. Он довольно чисто говорил по-русски.

Приложив руку к козырьку, к нему подошел сам Клюев и так же громко по-немецки доложил, кто он и почему решил капитулировать. Зуев поспешил перевести Блохину и Лежневу генеральскую речь.

- Считаю положение на фронте моего корпуса совершенно безнадежным и дальнейшее сопротивление бесполезным. Прошу принять от меня безоговорочную капитуляцию.

- Очен карош! Не будем напрасно убивайт люди. Я сейчас доложу в штаб армия генералу фон Гинденбургу. Если он разрешит принят капитулянц, война будет кончена. Прошу здесь подождайт. Оставляю свой офицерен и драй солдатен под ваш ответ. - И немец ушел.

Генералы сразу бойко и громко заговорили между собой, весело подсмеиваясь над чем-то. Всем захотелось есть, стали звать денщиков с консервами. Откуда-то появилась водка. Генералы налили себе и немецкому офицеру, чокнулись за мир. Все это напоминало скорее эпизод на закончившихся маневрах, чем позорную капитуляцию на войне.

- Ну и ну! - проговорил Блохин, плюнул и зло выругался. - Сейчас бы пушку да прямой наводкой по этой сволочи.

- Братцы, тикать надо, - взмолился Лежнев. - А то, неровен час, и мы застрянем у немца.

Было необычно тихо. Перестрелка прекратилась. Уставшие от боев и бессонницы солдаты бросали ненужные им более винтовки на землю и сами валились на траву. Артиллеристы потихоньку стали отходить в лес, но неожиданно натолкнулись в темноте на немецких солдат.

- Цурюк! - услышали они команду.

- Попались, - произнес Лежнев и громко выругался. - Они уже оцепили лес.

Немцы заставили артиллеристов сдать им лошадей, отобрали оружие и погнали к стоящей толпе обезоруженных солдат. Стало ясно, что уйти отсюда будет не так-то легко, как казалось сначала.

- Падай на землю и выбирайся к ржаному полю, пока темно, а там видно будет, что делать дальше, - распорядился Блохин.

Немцы теперь обходили поляну, освещая землю электрическими фонариками. Солдат они сгоняли в одно место, офицеров - в другое.

Разведчики поползли туда, где было меньше солдат с фонарями.

Постепенно они углубились в лес и стали действовать смелее.

Миновав лес, артиллеристы очутились на еще не сжатом ржаном поле и уже спокойно, во весь рост, двинулись вперед, останавливаясь, лишь когда раздавались окрики немецких солдат. Отзывался Зуев. Обычно справлялись, какого они полка и какой дивизии. Еще в штабе Зуев узнал, что против 13-го корпуса действует 36-я германская дивизия в составе трех пехотных полков - 106-го, 107-го и 108-го. На вопрос о том, какого они полка, Вася бойко называл номер одного из этих полков и заявлял, что они ищут обоз полка, чтобы хоть немного перекусить. Для маскировки разведчики надели подобранные по дороге немецкие каски с шишаками. Немцы в темноте принимали их за своих и сочувствовали, так как сами тоже были голодны. Они охотно указывали, где находятся полковые обозы дивизии.

Отойдя несколько километров от злополучного леса, где Клюев сложил оружие, разведчики напрямик пошли на юг, ориентируясь по заревам пожаров.

Перед рассветом они были уже в двадцати километрах от места сдачи. Немцев нигде не было видно, и, выйдя на шоссе, артиллеристы зашагали по направлению к русской границе.

К полудню их нагнал большой отряд пехоты, среди которого шло несколько артиллерийских запряжек, две пушки с зарядными ящиками. Кто-то из солдат узнал разведчиков и подошел к ним.

- Где ваши лошади и оружие? - справлялись они.

- Немцам подарили в придачу с генералом Клюевым и другими генералами, - отвечали артиллеристы. - Где штабс-капитан?

- Впереди! Геройский командир провел нас у немцев под носом, почти без боя. Мы захватили немецкие обозы, разжились галетами и шнапсом.

На привале артиллеристы прошли в голову колонны и разыскали Енджеевского.

- Здорово, орлы! - насмешливо приветствовал их штабс-капитан. - Коняг своих пропили, что ли, заодно с оружием и шинелями?

- Немец все отобрал, как забрал нас в плен, - пояснил Блохин.

- Эх вы, растяпы! Я без малого с целым полком и батареей ушел от немцев. Вы замешкались, что ли, на лесной поляне?

- Захотели посмотреть, как русские генералы в плен сдаются. Тут нас немец и застукал, - ответил Зуев и подробно рассказал о пережитом.

- Ну как такую сволочь, как Клюев, не пристрелить на месте?! - возмутился Енджеевский. - Хотя бы вы догадались это сделать.

- Немец дюже охранял их превосходительств. Ведь ему будет лестно показывать наших пленных генералов своим. Вот, мол, посмотрите, какие мы герои, сколько русских генералов сразу забрали. Есть чем немцу гордиться!

Генерал рыба большая и важная, не всякий день такую поймаешь, - ответил Блохин.

- Вы, я вижу, Филипп Иванович, по-прежнему остры на язык, - улыбнулся Енджеевский. - Сейчас в разговоре со мной это можно, а вообще остерегайтесь! Есть тайный приказ всех революционно настроенных солдат отправить в самые опасные места в бою, - предупредил Енджеевский.

К вечеру подошли к русской границе и вздохнули свободнее. Помощь была уже под рукой.

Артиллеристы стали разыскивать солдат из 6-го корпуса. Из рассказов солдат узнали, что командир 15-го корпуса генерал Мартос тоже сдался немцам, примерно при таких же обстоятельствам, как и Клюев. С ним сдались почти все генералы его корпуса.

Постепенно вырисовывалась картина полного разгрома 2-й русской армии.

Где находился сам командующий армией генерал Самсонов и его штаб, никто не знал. Солдаты упорно говорили, что и он находится в плену

вместе со всем своим штабом.

Ходили самые панические слухи о приближении немцев к русской границе.

Едва перейдя реку Нарев, отряд Енджеевского получил приказ немедленно окопаться на ее южном берегу и не допустить переправы немцев через реку.

Случайно Енджеевскому удалось наткнуться на полевое казначейство 6-го корпуса и узнать о местонахождении штаба корпуса. Но найти его удалось только к вечеру.

В штабе ничего не знали о сдаче в плен 13-го и 15-го армейских корпусов и о судьбе генерала Самсонова и его штаба. Выслушав сообщение разведчиков, командир корпуса генерал Благовещенский набожно перекрестился и поблагодарил бога за то, что его корпус благополучно ушел из Восточной Пруссии, и приказал штабному попу служить благодарственный молебен.

- Хорош бы я был, если б выполнил приказ Самсонова наступать на Ортельсбург на помощь 13-му корпусу. Сидел бы сейчас в плену вместе с Клюевым и Мартосом, - облегченно говорил генерал.

- Быть может, тогда и Клюев не попал бы в плен, ваше высокопревосходительство, сил у германцев было очень немного! Иначе мы не смогли бы прорваться сюда, - заметил Зуев.

- За такие речи следует расстреливать! - бешено крикнул Благовещенский, суя в лицо Зуеву свой волосатый кулак, но, заметив пестрые канты вольноопределяющегося на погонах ВАси, генерал заметно сбавил тон. - Вы слишком смело рассуждаете о таких вещах, в которых мало что понимаете, господин вольноопределяющийся!

Не найдя своего начальства, артиллеристы решили с утра идти в Ломжу, где ремонтировались потрепанные в боях батареи тяжелой артиллерийской бригады.

Утром стала известна потрясающая новость - прибыли остатки штаба 2-й армии Самсонова: начальник штаба армии, генерал Постовский и другие офицеры. Им удалось прорваться через немецкие части и лесами дойти

до Каролиненгофа, но тут в темноте исчез генерал Самсонов. Скорее всего можно было предположить, что он попал в руки немецких дозоров, ведущих разведку по дорогам в лесной полосе. До рассвета искали Самсонова, но так и не найдя, отправились дальше.

- Значит, еще одним генералом больше попало в руки немцев! - с возмущением говорил Енджеевский. - Воображаю, какая у них теперь радость, одних генералов забрали что-то свыше двадцати. И генералы все высшие: командиры корпусов, а теперь даже и командующий армией.

- Неужели их не будут судить по возвращении из плена? - спросил Зуев.

- Ворон ворону глаз не выклюет. Генерал генерала не засудит, - мрачно отозвался Стах.

- Вот если бы расстреляли по суду Стесселя и компанию, то другим генералам было бы неповадно сдаваться в плен! - решил Блохин.

Весть об исчезновении Самсонова породила ряд слухов. Солдаты упорно твердили, что он сам сбежал к немцу, заранее договорившись с ним о сдаче своей армии.

- Судить его у немца не будут, только спасибо скажут за предательство. Харч положат ему генеральский. А до конца войны еще много воды утечет, - рассуждали они.

Многие чины штаба Самсонова были убеждены, что генерал не мог пережить такого позора, как разгром его армии, и покончил с собой. Но эта версия не пользовалась успехом. Зная Самсонова ближе других, генерал Постовский уверял, что сдаться в плен Самсонов не мог.

- Не в его характере. Это рыцарь воинской чести, - уверял он.

Общее настроение в штабе было угнетенное. Ждали дальнейшего наступления немцев из Пруссии. Готовились к обороне водного рубежа реки Нарев.

Батарея Борейко получила приказ сосредоточиться у станции Остроленка.

Ходили слухи, что и тут она задержится недолго. Скорей всего, будет отправлена в Варшаву, где можно заняться наконец основательным ремонтом материальной части.

19

В район Остроленки, крупного железнодорожного узла, стягивались все части, уцелевшие после разгрома 2-й армии.

Около станции образовался целый вренный городок - пехота, интендантство, госпитали, артиллерия. В здании бывшей прогимназии расположились штабные учреждения армии. Грозные события последних дней, как черные злые тучи, прижали людей к земле. Сутолока, неразбериха в частях и штабах усиливали состояние уныния и растерянности. Подсчитывались потери. Слухи, потихоньку передававшиеся из уст в уста, рисовали страшную картину. Германское радио открытым текстом передало сообщение немецкого главного командования о параде в Берлине. По Унтер ден Линден перед ликующей немецкой толпой строем прошли около ста тысяч пленных. Во главе колонны шли двадцать русских генералов, за ними безоружные полки с приспущенными до земли знаменами. Двенадцать знаменщиков несли знамена различных полков. Их провели мимо королевского дворца Кайзергофа и Вильгельм II в окружении своей свиты с балкона наблюдал за этим шествием.

Шептали обыватели, с круглыми от страха глазами:

- Говорят, в них бросали тухлыми яйцами...

- Гнилыми помидорами...

- Улюлюкали...

- Ужас, ужас! - И старушки набожно крестились.

К вечеру в штабе армии стали известны предварительные итоги потерь 2-й армии Самсонова. Помимо Енджеевского, вышли из окружения еще несколько групп. Всего около двадцати тысяч солдат и пятисот офицеров да два генерала из штаба. Убитых насчитали до тридцати тысяч. Итого, пятьдесят тысяч человек. Немцы не могли взять в плен больше пятидесяти тысяч, из которых половина была раненых. Пушек всего в армии было около трехсот.

Семьдесят сохранилось. Значит, взяли немцы не пятьсот, как они сообщали, а не более двухсот тридцати, из них много побитых. Такова истинная картина победы немцев.

- Нельзя сказать, чтобы и это было очень утешительно. Если бы наши генералы, вместо сдачи в плен, подумали о том, как выйти из окружения, то никакой бы катастрофы не было, - заметил Борейко.

Блохин с интересом прислушивался к разговорам, которые велись среди солдат. Его умные глаза-щелочки прятались под нависшими бровями, обветренные губы кривила злобная усмешка. Уж кто-кто, а он знал, что за житье на чужбине, в плену. "Немец даром хлебом кормить не будет. Все жилы вытянет... Пятьдесят тысяч человек, ружья, пулеметы, пушки - целая армия.

И с этими силами не выдюжить? Сдаться в плен? А все почему? Кто виноват?

Солдаты? Нет! Виновники налицо - двадцать генералов. Все в крестах, в орденах. На парадах они ходили героями, а как пришлось туго, так они и запросили пардону, кишка оказалась тонка. Вот и Лежнев вчера ругался. Молодой еще парень, а разбирается. "Лучше бы, - говорит, - этих генеральчиков до войны всех перестрелять". Дождуться и остальные своего часа - переведем, как гнилую падаль. Навязались нам на шею!"

Блохин понимал, что материал, который он собрал, ценен, интересен и очень важен. Он знал: отправь его в Питер, здорово пригодиться Ивану Герасимовичу. Но с переходами и походами последних дней трудно было связаться со своими людьми.

Очень надеялся он на сегодняшний день. Вчера Звонарев получил письмо от Варвары Васильевны. Она, между прочим, сообщала, что в Остроленке расположился походный лазарет и он, Блохин, сможет навестить там их старую знакомую Блюмфельд. Наконец-то он получит весточку от друзей, советы, а может и еще кое-что. И сам передаст письмо. Он подробно описал все, что слышал и видел собственными глазами. Товарищ Клава из этого материала составит замечательную листовку.

Поджидая Васю Зуева, с которым они должны были отправиться в

госпиталь, Блохин почистился, надежнее запрятал письмо.

В госпитале, который помещался в местной больнице, Блохин без труда разыскал врача Блюмфельд. Она вышла к ним из перевязочной, маленькая, худенькая, в белом халате и косынке. Ее близорукие, черные навыкате глаза устало прищурились. Она молча пожала руку Блохину. Добрая улыбка сразу изменила ее уставшее некрасивое лицо, сделала его удивительно милым и молодым.

- Вас, Вася, невозможно узнать! - сказала Блюмфельд, пожимая руку Зуеву, с удивлением его разглядывая. - Этакий молодец вымахал! Чтобы вам не было скучно, я приготовила вам сюрприз. Сейчас увидите кое-кого из старых артурских друзей. Аннушка, - обратилась она к проходившей мимо санитарке, - позовите сестру Акинфиеву. Скажите, что ее ждут в приемном покое. Да, да, Надя Акинфиева, вы угадали. Ну вот, я же знала, что вы обрадуетесь. Потолкуйте с ней, а я тем временем уведу Филиппа Ивановича к себе. У нас, к сожалению, очень мало времени и очень много дел.

В штабе армии Борейко вручили пакет от полковника Кочаровского: в связи с предстоящей переброской на другой участок фронта срочно доукомплектовать личный состав батареи. Пополнить запасы фуража и продовольствия. Борейко сокрушенно вздохнул: его вновь ждали бои с интендантами, писарями, всяким штабным мелким начальством. Признаться, такие сражения для него были куда неприятнее, чем штыковая схватка с врагом.

Но делать было нечего. Приказ есть приказ. Прихватив с собой Звонарева, Борейко отправился на сборный пункт, куда прибывали маршевые роты. В списках маршевой роты ему в глаза бросилась знакомая смешная фамилия - Заяц, к тому же этот солдат был из запасных квантунской артиллерии.

"Что за черт! - подумал Борейко. - Ужели это наш Зайчик с Утеса? Не может быть, чтобы у Зайца были однофамильцы".

Прибывшие солдаты маршевой роты были собраны на дворе.

- Здорово, герои! - подошел к ним Борейко. - Вы и есть 117-я маршевая

рота? Где ваш командир?

- Так точно, мы и есть 117-я маршевая. Командир у нас прапорщик Полукотов, вон в холодке сидит, чаем прохлаждается, - показали солдаты.

Борейко послал Звонарева к Полукотову с просьбой выделить нужных ему солдат.

Прапорщик срывающимся голосом стал вызывать солдат по списку. В строю не оказалось только Зайца.

- Сбежал-таки! Два раза по дороге убегал, но его ловили и возвращали в маршевую роту, - уныло проговорил Полукотов.

Борейко пошел к этапному коменданту заявить о побеге Зайца, когда неожиданно перед ним выросла щуплая фигурка и, вытянувшись по-строевому, отрапортовала:

- Канонир Заяц в ваше распоряжение прибыл.

- Где это ты, курицын сын, пропадал, что тебя пришлось разыскивать? - набросился штабс-капитан на солдата.

- Я, вашбродие, думал, что опять попаду к какому-нибудь прапору из мордобойцев. Они забили вконец! Потому и бегал. А как увидел вас, со всех ног бросился. С вами готов в огонь и воду, куда прикажете, - ответил Заяц.

- Чем же ты, Зайчик, занимался все эти годы? - поинтересовался Борейко.

- Был антрепренером, - с чувством собственного достоинства ответил солдат.

- То есть как - антрепренером? Директором, что ли, театра? - переспросил Борейко.

- Так точно, ваше благородие. Вы не смейтесь. Моя бедная старая мама тоже сначала смеялась. "Что с тебя взять, - говорила мама, - ты бедный, слабый еврей. Куда ты лезешь в театр? Шил бы лучше хорошие сапоги, как наш сосед Ицик. Над ним никто не смеется. Ему за работу платят хорошие гроши".

А мама у меня умная женщина, она не желала своему единственному

сыну несчастья. Я ее не послушал и она оказалась права - надо мной все смеялись. Но люблю, когда люди смеются, - что с них взять, если им весело?

Набрал я в Свенцянах хороших парней и девчат и начал представлять. Поначалу и разгоняли нас и даже однажды побили в полицейском участке. Но потом как-то стало легче - видно, махнули на нас рукой.

- Почему же ты не носишь свой крест, которым тебя наградили в Артуре? - спросил Звонарев.

- Отобрали его у меня, как только я пришел к уездному воинскому начальнику.

- Под суд, что ли, попал? Без суда крест отобрать нельзя.

- Какие там суды! Увидел воинский начальник на мне крест и как заорет: как ты смел, такой-растакой, на себя Георгиевский крест нацепить?

Я ему докладываю: вашбродие, так, мол, и так, награжден в Артуре за свои подвиги против японцев. А он: "Того не может быть, чтобы ты подвиг мог совершить! Есть у тебя бумаги на крест?" Я ему показал приказ генерала Белого о моем награждении, подписанный самим Стесселем. Так начальник не поверил, забрал крест и бумаги, говорит, на проверку. Только я их и видел.

Так я и остался без креста, - печально закончил свой рассказ Заяц.

- Не горюй, Зайчик! Найдем тебе крест! Мы тебя в обиду не дадим, - сказал Звонарев, прикалывая Зайцу георгиевскую ленточку, взятую у Блохина.

На батарее их дожидались вернувшиеся из госпиталя Блохин и Вася, раскрасневшийся, с блестящими, взволнованными глазами.

- Где же вы запропастились? - накинулся Вася на вошедших в небольшую комнату, где квартировал Борейко. - Дядя Сережа, вы не можете себе представить, кого я видел сейчас.

- Нет, друг мой, - пробасил Борейко. - Удивлять вас будем мы. Ну-ка, Зайчик, два шага вперед. Прошу любить и жаловать - Заяц с Электрического Утеса, отчаянный герой и самый находчивый человек на свете.

Блохин разинул рот от удивления:

- Вот так фокус! Живой Заяц собственной персоной! Откуда ты, друг милый?

Заяц вытянулся по стойке "смирно" и, лукаво поблескивая своими карими глазами, доложил:

- Прибыл в ваше распоряжение как пополнение. А то, говорят, вы потеряли много генералов.

Хохот покрыл его слова. Пока все шумно рассаживались за неприхотливый солдатский обед, Вася отозвал Звонарева в сторону.

- Я лопну от нетерпения, если не расскажу вам, кого я только сейчас видел.

- Помилуй, Вася, не надо. Некому убирать, много будет всякого... - улыбаясь, проговорил Звонарев. - С тобой и впрямь что-то стряслось. Глаза блестят и веснушек вроде стало меньше. Уж не влюбился ли, часом, или нашел генерала Самсонова?

- Дядя Сережа, не смейтесь. Я видел Надю Акинфиеву, - выпалил Вася одним духом. - Теперь я посмеюсь над вами. Ну и вид у вас!

Звонарев широко раскрытыми глазами смотрел на Васю. Не может быть! Та Надя, милая, славная Надя, что была его юношеской мечтой в Порт-Артуре, что заставляла сильнее биться его сердце! Это просто чудо! Где она? Какая она? Почему она здесь?

И сразу вспомнилась ему Надя в тот далекий артурский вечер, когда он постучался в ее домик, - в легком розовом кимоно с открытыми нежными смуглыми руками, вся розовая, ароматная, желанная...

- ... она спрашивала о вас, - услышал он голос Васи. - И какая она красавица! Я погиб, дядя Сережа. Честное слово, я погиб. Как взглянул на нее, так сразу понял, что погиб.

В комнату вошел поручик Трофимов. Увидя компанию обедающих, он криво усмехнулся и, обращаясь к солдатам, презрительно бросил им:

- А ну катитесь отсюда подобру-поздорову.

Солдаты было поднялись, но Борейко громко скомандовал им:

- Сидеть на месте! - И, обращаясь к Трофимову, резко проговорил: - Если

вам наше общество не нравиться, то никто вас тут не задерживает, господин поручик.

Трофимов сразу подтянулся и, откозыряв, вышел из столовой, сопровождаемый насмешливыми взглядами солдат и офицеров.

- Ох и не любят их благородие солдатского духа! Окна открывали, проветривали комнату, чтобы солдатским духом не смердило, - вспомнил Блохин. - Да и по солдатской морде любит погладить кулаком.

- Пренеприятный тип, - мрачно согласился Борейко. - Мы с ним едва ли ужевемся. Буду просить Кочаровского перевести его в другую батарею.

_ Что мне прикажете делать в батарее, вашбродие? - спросил Заяц.

- Будешь снабжать нас газетами и другими новостями, а то мы совсем одичали. Ничего, кроме приказов, не читаем и ничего не знаем, что на свете делается, - проговорил Борейко.

- Слушаюсь! Буду вам сообщать все новости, что получу по пантофельной почте, притом гораздо скорее, чем в газетах, - проговорил Заяц. - Вы не знаете, что такое пантофельная почта? Так я вам объясню. Нет ничего проще.

Держат эту почту местечковые евреи. Как может настоящий еврей не знать свежие новости? Сами понимаете, что не может. Вот узнал, к примеру, я такую новость и, как был дома в халате и пантофлях, сажусь на лошадь и мчусь в соседнюю деревню к своему дяде. А мой дядя, выслушав меня, садится на свою кобылу в своем халате и своих пантофлях и мчится в другую деревню к своей тете, а сын моей тети мчится к своему дедушке, и так без конца.

Быстро и очень надежно...

- И что же сообщает интересного сегодня твоя почта? - поинтересовался пришедший в себя Звонарев.

- Она сообщает, во-первых, что найден труп генерала Самсонова и, во-вторых, что сюда прибывает Александр Иванович Гучков, главноуполномоченный Российского общества Красного Креста, - сообщил Заяц.

- Зачем он сюда едет? - удивился Борейко.

- Как зачем? Разве этого мало, что господин Гучков вместе с мадам Самсоновой, женой генерала, хотят опознать труп генерала Самсонова?
Вскоре события подтвердили сведения пантофельной почты. Был найден труп генерала Самсонова, командующего 2-й армией, бесславно закончившего и свою жизнь и свой позорный поход.

20

"Что со мной? - думал Звонарев, чувствуя, как от волнения у него холодеют руки. - Почему я с таким нетерпением жду вечера и встречи с Надей, будто мне восемнадцать лет, я не женат и будто еще вчера не тосковал о моей Варе!"
И Звонарев в сотый раз успокаивал себя тем, что и волнение и безумное желание видеть Надю естественны: еще бы, столько пережили вместе в Порт-Артуре, их связывает память о близких людях, друзьях.
Но по тому, как трепетно сжималось сердце и горячая волна крови подступала к лицу, Звонарев понимал, что стремится к Наде, чтобы заглянуть в ее прелестные карие глаза, подержать в обеих ладонях ее нежные руки. Ее мягкость, женственность, уступчивость всегда трогали сердце Звонарева. И тогда, в далекие порт-артурские дни, именно эти черты влекли его к Наде.
Она казалась слабой, беззащитной и ему хотелось защитить ее, оградить от забот и несчастья. Это чувство, живя в его душе, не находило выхода. Варя была сильным человеком, отчаянно смелым, решительным и властным. Она подчиняла себе близких людей, может быть даже сама того не желая.
Это как-то естественно получалось у нее. Она не требовала защиты, поддержки. Наоборот, любая настойчивая забота могла оскорбить ее, вызвав чувство протеста, даже озлобления, как посягательство на ее личную независимость. В их доброй супружеской паре, - увы, Звонарев это хорошо видел, - Варя была коренником, а он, ее муж, шел в пристяжке. И пусть он никогда не бунтовал против этого, пусть он

привык к своему положению в семье, все же горькое чувство мужской обиды иногда сосало его сердце.

"Может быть, я несчастен с Варей?" - спросил себя Звонарев и тут же с негодованием прогнал эту мысль, до того она показалась ему страшной и нелепой. Нет, тысячу раз нет! Он никогда не чувствовал себя несчастным.

Каждый день он готов благодарить свою судьбу за то, что она послала ему Варю. Он любил и любит ее, но... "Но сейчас я иду, чтобы встретиться с другой женщиной, - сказал себе Звонарев. - Так почему же это?"

Он остановился готовый повернуть обратно.

"Нет, это просто нечестно! Знать, что Надя здесь и не повидать ее, как можно!.. И потом, чего я боюсь? Встретятся двое друзей. Разве в этом есть что-то дурное?"

Когда он открыл госпитальную дверь и заглянул в коридор, то первой, кого он увидел, была Надя. Она шла ему навстречу по длинному, слабо освещенному больничному коридору. Он узнал ее сразу, хотя она была в форменном платье сестры милосердия, изменявшем и по-своему украшавшем ее.

Высокая, стройная, с узкой талией, она походила на молоденькую девушку.

Белоснежная накрахмаленная косынка подчеркивала нежную смуглость и тонкий овал ее лица, темные брови и ясные, запушенные ресницами черные глаза.

- Сереженька, пришли... - тихо произнесла Надя. - А я весь день ждала и весь день боялась, что вы не придете, не захотите или не сможете. Ведь война! Человек сам себе не волен.

Звонарев слушал ее тихий, с переливами голос, глядел на ее сияющие радостью глаза и чувствовал, что и его сердце наполняется счастьем.

- Здравствуйте, Наденька. - Он склонился и поцеловал ей руку. - Я рад, очень рад видеть вас. Недаром говорится, что гора с горой не сходится, а человек с человеком... Вот мы и встретились. А вы все так же хороши,

очень хороши...

И по тому, как жгучим румянцем вспыхнули ее щеки, как засветились, будто зажженные изнутри, ее глаза, как сразу расцвело, помолодело и без того красивое Надино лицо, Звонарев понял, что его похвала была приятна ей.

Он взял ее руку и нежно прикрыл своей теплой большой ладонью.

- У нас скоро операция и я должна быть... - услышал он срывающийся от волнения голос Нади. - А я отдала бы полжизни, чтобы побыть с вами.

Они прошли в маленькую комнатку, которая называлась почему-то приемным покоем, хотя никакого покоя здесь не было: входили и выходили няни, пробежала молоденькая курносая сестра, слышались стоны раненых, кого-то звали, что-то требовали... Госпиталь жил своей трудовой, тревожной военной жизнью.

Но перед Звонаревым и Надей будто выросла плотная непроницаемая стена, вдруг отделившая их от всего мира.

"Милый, - подумала Надя, - ты моя юность, моя радость и моя чистота.

Да, да, именно чистота. С тобой я всегда была честной и чистой. Я люблю тебя. Я всегда любила тебя, может быть не совсем понимая это. Да и что я могла тогда сделать? Я была так молода, в сущности так одинока. Меня многие любили, но не было одного, единственного, родного на всю жизнь человека".

- Как поживает Варенька? - спросила Надя, а сама подумала: "Что же Варенька? Она счастлива, она всегда была счастлива, и тогда, и сейчас... А я хватила много горюшка".

- Она врач, - слышит Надя голос Звонарева, - с увлечением режет людей. Ведь она хирург... У нас трое девочек...

Вот то, чего она так боялась услышать, - дети... Она всю жизнь мечтала о маленьком теплом комочке, своей кровинке, сыне с такими, как у него, Сережи, серо-голубыми глазами...

- Как поживаете вы, Наденька?

- Нет, Сереженька, нет, дорогой. Ради бога, больше ни слова. Давайте просто помолчим. Мы встретились - это большое счастье. А могли бы и не

встретиться - мир велик. А мы сидим рядом, я смотрю на вас, слышу ваш голос... И я счастлива. Может быть, встретимся еще. Завтра госпиталь сворачивается т будет двигаться к Люблину. Я все это время буду думать о вас.

Надя встала. Поднялся и Звонарев, неотрывно глядя в запрокинутое Надино лицо, широко распахнутые глаза, яркие полуоткрытые губы.

- Мне пора, Сережа!

- Наденька... - Он дотронулся до ее плеч и почувствовал, как она вся легко подалась к нему, прижалась грудью. Он наклонил голову и приник к ее жадным сухим губам.

Дневная жара спала, потянуло прохладой, в низинки начали заползать легкие космы тумана. За станцией, где расположилась батарея, пахло мятой и нежным запахом скошенной днем, увядающей травы. Лошади отдыхали, похрустывая сочными стеблями. Наступил тот час в трудной военной жизни, когда солдат может наконец подумать о себе, зашить гимнастерку, постирать портянки, покурить и поговорить или просто лечь на спину, раскинув руки, и смотреть в темное, все в звездах, небо, такое же, как в родной деревне.

Кондрат Федюнин слушал тихий, с хрипотцой голос Блохина. Ему представлялся большой и далекий город Питер. Там много заводов, много людей. Но улицы почему-то походили на деревенские - засыпанные снегом, в сугробах. И люди идут, как в траншее, друг за другом по этим длинным снежным коридорам. Кондрат любит слушать Блохина. Интересные вещи он рассказывает. Интересно, но как-то страшно. Подумать только - взять да погрузить на тачку генерала, как все равно мусор или сор, и вывезти его с завода! Ему, Кондрату, жутко слушать. Но рабочим все нипочем, отчаянный народ. Одно слово - рабочая семья, все стоят друг за друга. Не то, что у них в деревне. Разве мужики, его соседи, смогли бы вот так махануть богача Кирсанова либо урядника? Куда там! Пупки надрывают на чужом поле да низко кланяются, кормильцем называют мироеда.

А на днях Блохин говорил о земле. И так все понятно и складно, что дух

захватывало от радости. Земля принадлежит мужикам, потому что они на ней работают, фабрики и заводы - рабочим, по той же причине. Вот поэтому рабочие и крестьяне должны сговориться и взять себе, что им принадлежит по праву, а мироедов - к ногтю. Будто большевики и хотят этого - землю отдать крестьянам. Башковитые люди - большевики. Только как ты ее, кормилицу, возьмешь? Ведь у богатеев власть, ружья, пушки...

- Вот ты, Филипп Иванович, говоришь о жизни рабочих, о своей, к примеру, жизни, что трудно и голодно, и холодно, - слышит Кондрат голос новенького солдата, Зайца по фамилии. - А ты думаешь, мне легче живется?

Нет, мне не лучше живется! Я артист в душе, люблю петь, играть на скрипке, люблю, когда люди смеются. Но моя старая мама всегда говорила: "Петь, играть, представлять на сцене - это слишком много для одного бедного еврея". И она не ошиблась. Мне никогда не платили гроши и всегда гнали и били. Вот и сейчас, как только началась мобилизация, разогнали мою труппу, а меня сунули в армию, в пехоту. Крест забрали, а сказали: воюй... А за кого и за что, скажите мне, пожалуйста, я должен воевать? Еще крест зарабатывать, а его опять отберут? И зачем мне палить в этих проклятущих немцев, когда я с большим бы удовольствием пристрелил самого господина Сидоренку, чтоб его холера забрала, чтоб он подавился моим крестом!..

Кондрат вспомнил "своего" немца, того, что нашел в ложбине за насыпью, под Бишофсбургом, тщедушного, рябоватого, такого же, как он, курносого, вспомнил его грубые, натруженные работой руки, скрюченные узловатые пальцы и глаза - прозрачные, как подсиненная вода. Он говорил только одно слово: "Пить". Зачем его убили? Может он, Кондрат, и убил! А он совсем не хотел его убивать. Кондрат болел после этого несколько дней: так тошно, так невыносимо тоскливо было у него на душе. А вот Захара Кирсанова, этого деревенского кровопийцу, он собственными бы руками придушил! Потому что за дело. Вся деревня работает у него за долги, а он еще лавку открыл, лес купил, заводишко

строить хочет, спирт гнать...

И опять слышится тихий, с хрипотцой, голос Блохина:

- ... кто наш главный враг? Немец? Как бы не так! Это офицерье нам голову задуривает. Наше дело ружья в другую сторону повернуть и по ним по самим ударить. Вот это было бы правильно!..

А небо все темнеет и темнеет, будто опускается ниже к земле. Тихо.

Лошади тяжко вздыхают, как люди. Будто и не война, а так, собрались мужики в ночном и сидят, толкуют о своих бедах и заботах.

К утру, когда с востока зарозовело небо, батарею подняли по тревоге на погрузку. Снова замелькали железнодорожные столбы, будки.

В Варшаву эшелон прибыл на рассвете. Состав поставили в один из отдаленнейших от станции тупиков. Борейко отправил Зуева к дежурному коменданту станции, чтобы выяснить, когда эшелон двинется дальше. Вася нашел комнату дежурного по станции коменданта. Сидя за столом, он спал, положив на руки голову. Даже громкие звонки многочисленных телефонов не могли его разбудить. Зуев понял, что комендант страшно устал и, воспользовавшись минутой относительного покоя, заснул. Вася решил подождать, пока комендант проснется. Прошло минут десять, пока наконец отчаянный трезвон телефонов разбудил коменданта. Он зевнул, протер глаза и уставился на стоявшего перед ним Зуева.

- Ты ко мне? - справился комендант. - Из какого эшелона и по какому поводу?

- Из эшелона номер 1117 тяжелой батареи. Прислан к вам, вашбродие, узнать, когда нас отправят дальше, - пояснил Зуев.

Комендант посмотрел на разграфленный лист, поводил пальцем по бумаге и произнес:

- Вы отправляетесь через полчаса.

- Мы стоим на 38-м запасном пути. Оттуда не так скоро выберешься на главный путь к выходу со станции, - доложил Зуев.

- Как - на 38-м запасном? - удивился комендант. - Вы должны находиться на 6-м пути. Оттуда прямой путь к выходному семафору. Какие идиоты

загнали ваш состав в этот тупик?
- Не могу знать! - коротко отозвался Зуев.
Комендант схватил один из телефонов и начал кого-то ругать, грозя обо всем пожаловаться начальнику военных сообщений. Поругавшись вдосталь по телефону, комендант предложил Васе подождать несколько минут, пока ему дадут точные указания о времени отправки эшелона.
- Понял, братец ты мой? - обратился прапорщик к Зуеву и тут только заметил канты на его погонах. - Извините, господин вольноопределяющийся!
Со сна сразу не разобрал, с кем имею честь говорить. Вы студент?
- Так точно, вашбродие, студент четвертого курса Петербургского технологического института.
- Без пяти минут инженер. В батарее-то что вы делаете? - поинтересовался комендант.
- Состою в команде разведчиком, вашбродие.
- Вы из Остороленки? В Восточной Пруссии были?
- Так точно, под Ортельсбургом, Щепанкеном и Бишофсбургом. Попал в окружение, видел, как сдавался в плен генерал Клюев.
- А Самсонова не видели, случайно?
- Никак нет, не пришлось.
- Вчера по селектору мне передавали из Остроленки, что нашли его тело в каком-то лесу. Он застрелился. Говорили, что его опознала жена по меткам на белье и по какому-то шраму на спине. Немцы тело его с воинскими почестями передали нашим частям.
- Фасонистый был генерал Самсонов? - полюбопытствовал Зуев.
- Совсем нет! Простак, никакого в нем генеральского гонора не было!
Был он у нас всего недели две назад проездом на Млаву. Возмущался, что его армию гонят в наступление, когда она еще не закончила мобилизацию, протестовал. Но его и слушать не стали. Наступай, да и только, коль французы приказали. Ну и пошла армия в наступление, не имея даже ружейных патронов и снарядов в нужном количестве. Солдаты дрались, как львы, несколько раз немцев били в пух и прах, а без еды,

фуража и патронов должны были отступать. Солдат жалко, сколько их зря погибло! Что генералы в плен посдавались, так это в порядке вещей. Знаете, как в тылу говорят: как немец наступает, солдат его грудью встречает и немец пятиться назад.

Зато как только наши генералы узнают, что немец наступает, бегут без оглядки, куда глаза глядят или сдаются в плен. В плену-то отсидятся до конца войны. Станут мемуары писать в свое оправдание, - неторопливо рассказывал словоохотливый комендант.

- А на юге что делается? - полюбопытствовал Зуев.

- Покажите-ка, молодой человек, ваши документы, а то разболтался я с вами, а вы, быть может, нарочно подосланный ко мне шпион, - сообразил наконец комендант.

Зуев предъявил документы и ответил на вопросы: какая батарея, куда едет. Комендант успокоился и продолжал:

- На юге тоже дело дрянь! Бьют нас австрияки и думать не дают. Под Замостьем, Томашевом и Красноставом разбили армию барона Зальца. Захватили станцию Травники неподалеку от Люблина и перерезали к нему дорогу. Правда, мы туда нагнали много войска, и все самого отборного - гвардию, гренадер, третий кавказский корпус. Да я сейчас узнаю, что там делается. - И комендант позвонил в управление местных сообщений. - Можно напрвлять эшелоны до Люблина? Можно! Значит, Травники уже освобождены и прямое движение восстановлено. Сейчас отправлю туда тяжелую батарею. - Он повернулся к Зуеву: - Можете отправляться в батарею. Через полчаса эшелон уйдет. Счастливого вам пути, побед и одолений! А то срам да и только: даже австрияки по заднице надавали! А все почему? Кто командует в Пруссии - фон Ранненкампф, а под Люблином - барон Зальц да фон Эверт, да фон Плеве. Тут и воюй с немцами русский человек, ежели тебя против немцев в бой ведут те же немцы. За все это наш солдат расплачивается своей головой. Главное - на наших немцев оглядывайтесь! А на солдатика надейтесь, никогда в бою хорошего начальника не подведет!

Комендант пошел проводить Зуева до самого эшелона, который уже

перевели на 6-й путь.

- Как его фамилия-то? - поинтересовался Блохин, выслушав рассказ Зуева о встрече с комендантом.

- Подгузников.

- Подгузников? - рассмеялся Блохин. - Наверное, чистокровный русак. Немец в жизнь не стал бы носить такую страмную фамилию. А наш брат все снесет. В общем, хлопец он, видно, не вредный, этот комендант. Он теперь тебе вроде приятеля стал, коль столько растабарывал с тобой по-простому.

Вскоре эшелон тронулся.

21

В Люблин прибыли на вторые сутки ночью. Батарее было приказано немедленно сгружаться и с рассветом выдвинуться на фронт. Оставив Трофимова на разгрузке батареи, Борейко вместе с Зуевым отправился на розыски штаба, чтобы получить дальнейшие распоряжени командования.

Несмотря на ночь, город не спал. Многочисленные штабы заняли чуть ли не половину зданий города, но никто толком не знал, кому же придается тяжелая батарея. Старшие артиллерийские начальники обеими руками открещивались от тяжелой батареи, откровенно говорили:

- Кто ее знает, какой от нее прок в бою! Пожалуй, одно только беспокойство. Потеряешь тяжелую пушку - голову с тебя снимут. Лучше, чтобы их совсем не было.

Хоть и недолюбливал Борейко гвардейцев, называя их петушиным войском, годным только для парадов, но тут рискнул обратиться к ним. И правильно сделал. Молодые гвардейские генералы оказались меньшими рутинерами, чем армейское начальство. В штабе 2-й гвардейской дивизии командир артиллерийской бригады генерал фон Аккерман весьма любезно принял Борейко и с большой радостью заявил, что наконец-то у них появятся "швере гаубиц", которые обращали в бегство

целые полки в Восточной Пруссии.

Вместе с Борейко он прошел к начальнику дивизии генералу фон Нотбеку.

- С завтрашнего дня ваша батарея зачисляется на все виды довольствия во вторую гвардейскую бригаду. Наше интендантство стоит рядом. Представьте туда с утра рапортичку со сведениями, сколько у вас людей и лошадей.

Будете все получать там, - объявил Нотбек.

- А боеприпасы, снаряды и заряды где я получу? - спросил Борейко.

Нотбек и Аккерман задумались.

- У нас нет ни одного парка с тяжелыми снарядами. Придется спешно запросить командующего армией генерала Эверта. Но это раньше утра не сделаешь. Штаб армии не любит, чтобы его беспокоили такими вопросами в ночное время, - совершенно серьезно ответил Аккерман.

- Там, по-видимому, воображают, что сюда прибыли для отдыха, а не находятся на войне в непосредственном соприкосновении с противником, - заметил Борейко.

- Смелое, но дельное замечание! Обязательно завтра его передам при разговоре командиру корпуса генералу Безобразову, - проговорил Нотбек.

- Прошу, ваше превосходительство, завтра же обеспечить мою батарею боеприпасами. Иначе я не смогу использовать мощь своих орудий в должной мере, - попросил Борейко. Затем он справился, что ему надлежит делать с утра.

- Вы будете поддерживать наступление Гренадерского полка на Красностав. Точные указания получите у командира второго дивизиона артиллерийской бригады полковника фон Гутьяра.

Аккерман тут же написал приказ и велел своему адъютанту проводить Борейко до Рейовца.

Едва забрезжил рассвет, как тяжелая батарея уже находилась в расположении 2-й гвардейской дивизии. Местность здесь была ровная как стол, и тяжелые пушки трудно было куда-либо укрыть, а ставить их

открыто опасались, чтобы вражеская артиллерия не побила ценные орудия.

На помощь тяжелой батарее пришли офицеры гвардейских легких батарей.

Они указали довольно глубокий овраг с почти отвесными берегами.

Для оборудования огневой позиции прислали саперное отделение с шанцевым инструментом и артиллеристы, совместно с саперами, быстро оборудовали позицию.

Австрийцы занимали заранее укрепленную вдоль небольшого холмистого кряжа. Борейко получил задание разрушить их опорные пункты и тем подготовить атаку гвардейского Гренадерского полка. Командир полка, сухощавый и очень моложавый для его чина генерал, с большим любопытством осмотрел тяжелые пушки, которых еще ни разу не видел в действии. С генералом пришла целая группа пехотных и артиллерийских офицеров.

Астрийцы заметили движение в районе огневой позиции батареи и тотчас обстреляли этот участок из легких пушек, а потом в воздухе загудели тяжелые снаряды, высоко взметая черные столбы дыма и земли. В душе Борейко был возмущен неосторожностью генералов и приказал по телефону убрать людей в укрытия. Не успели этого сделать, как одна из тяжелых вражеских бомб угодила в расположение батареи. Прислуга двух орудий была уничтожена полностью, в одном орудии разбито колесо, а в другом большим осколком испорчено прицельное приспособление. Сразу две пушки из четырех вышли из строя.

По счастью, Звонарев был неподалеку. По его указанию сменили поврежденное колесо, заменили прислугу и батарея снова заговорила. Вскоре один за другим оказались разбитыми три узла сопротивления австрийцев и русская пехота бросилась в атаку.

Разрывы тяжелых снарядов навели такой ужас на австрияков, что они, не выдержав атаки, бросились бежать. На их плечах были пройдены три полосы укрепленных позиций и фронт оказался прорванным во всю глубину обороны. В прорыв хлынула подоспевшая конница и началось

общее преследование противника.

Пехота едва поспевала за отступающими австрийскими частями. Вася Зуев и Блохин, находившиеся для связи с телефоном в стрелковой цепи, тоже устремились за отходящим противником. Австрийцы в одиночку и группами сдавались в плен, бросая оружие и поднимая руки вверх.

Зуев увидел, как к группе австрийских солдат, стоявших с поднятыми вверх руками, подбежал австрийский офицер и, отчаянно ругаясь, в упор из пистолета застрелил одного из них. Блохин выстрелил по офицеру, но промахнулся. Офицер успел убить еще одного солдата, но тут подбежал Зуев и с разбегу всадил в него штык. Захрипев, офицер повалился на землю.

Сведенные предсмертной судорогой пальцы крепко держали пистолет, а побелевшие от ненависти глаза офицера искали своего врага. Собравшись с силами, офицер направил дуло пистолета на Васю. И в тот же момент австрийский солдат ударил по руке офицера, пуля пронеслась мимо.

Подоспевший Блохин сзади ударил офицера прикладом по голове. Австрийские солдаты, испуганно улыбаясь, стояли с поднятыми вверх руками.

- Гут, гут, зер гут! - хлопал их по плечам Блохин. После обыска направил их в тыл вместе с группой пленных.

- Ты что здесь делаешь? - вдруг подлетел к Васе пехотный офицер. - Где твоя рота, растакой сын?

- Роты у меня нет, вашбродие, я артиллерист, прислан сюда в пехоту для связи, а она куда-то разбежалась. Не знаете ли вы, куда передвинулся штаб 1-го батальона гвардейского Гренадерского полка?

Офицер удивленно посмотрел на Зуева и недовольно пробурчал:

- Титуловать надо, когда разговариваешь с офицером и вообще, вид у тебя совершенно штатский. Из какой ты части?

Вася ответил, назвав себя вольноопределяющимся. Это возымело свое действие. Офицер перешел на "вы" и стал гораздо любезнее.

- У вас не найдется ли вина или хотя бы воды? Очень пить хочется, -

попросил он.

- Ничего, кроме чая, в моей фляге нет, - ответил Вася.

Офицер поморщился, но все же отпил глоток-другой и поблагодарил.

Подошел Блохин и скомандовал:

- Пошли дальше! Добраться бы до австрийских обозов. Там всем разживемся. Австрийцы обеспечены гораздо лучше нас. Пойдем правее. Видишь овраг? Наверняка в нем кто-нибудь застрял.

Блохин оказался прав. В глубоком и узком овраге на дороге от дождей образовались большие промоины и несколько австрийских повозок были брошены спешно отступающими частями. У телег уже орудовала пехота, разбирая солдатское белье, портянки, австрийскую форменную одежду.

Вася узнал, что неподалеку, в болотистом ручье, остановился целый австрийский обоз.

Несколько десятков повозок были облеплены, как муравьями, русскими солдатами, которые растаскивали все, что попадало под руку.

Тут внимание Васи привлекла небольшая повозка, стоявшая несколько в стороне от обоза. На ней находились два довольно больших металлических ящика. С первого взгляда Вася узнал в них стальные сейфы, в которых обычно хранились деньги или секретные документы.

- Достать бы пару лошадок да привезти на батарею - вот было бы дело!

- мечтательно проговорил он.

Вскоре были пойманы и лошади, бродившие тут же по полю и запряжены в повозку. Вася с Блохиным уселись и покатили к батарее.

Здесь они рассказали о брошенном австрийцами трофейном имуществе и Борейко отправил Трофимова с группой солдат, вооружив их карабинами, для охраны.

- Там, где мародеры, всегда может быть и вооруженное сопротивление. Без карабинов идти нельзя.

- Боюсь, что ты допустил ошибку, Борис Дмитриевич, поручив дело Трофимову. Он попросту займется грабежом, а тебе доложит, что ничего не достал, - предупредил Звонарев.

- Я пошлю вслед за ним солдат-разведчиков, - решил Борейко.

Вскоре Трофимов скрался из виду и тогда, вслед ему, отправились разведчики Лежнев и Зуев с приказом издали наблюдать, что он будет делать.

Вызвав к себе Зайца, Борейко рассказал ему про захваченные сейфы.

- Покумекай, как их открыть. Быть может, там полно денег или секретных документов, что важнее всего. Вскрыть их необходимо. Ты не знаешь, как это сделать, Зайчик? - спросил Борейко.

- Дозвольте мне съездить в город. Может, я что-либо узнаю. Жил тут известный медвежатник. Если он здесь, все будет в полном порядке.

- Вали в город, да поживее. Садись верхом и скачи, чтобы к вечеру был здесь. Как твоего взломщика зовут? Надо же тебе дать в руки бумагу, что ты отправлен по служебному делу, скажешь, потеряли ключ от батарейного денежного ящика и ты везешь слесаря для его починки, - наставлял Зайца штабс-капитан.

- Не извольте беспокоиться, все будет в полном аккурате, вашбродь. - И Заяц, откозыряв, ушел.

Тем временем Трофимов со своей командой добрался до брошенного австрийцами обоза.

Трофимову повезло. Во дворе одной из деревень он обнаружил брошенный обоз штаба дивизии или корпуса. В повозке были аккуратно уложены вещи офицерской столовой, много хорошей посуды и серебра - кубки, ножи, вилки, ложки и различные художественной работы рюмки и стопки.

Трофимов приказал тщательно упаковать все это и усиленно охранять в пути следования к батарее. В других повозках оказался фураж, мешки галет и консервы. Все это было отправлено под охраной в батарею. Уже стемнело.

Трофимов подъехал к телеге, нагруженной ценностями и приказал ей свернуть в ближайший лес. Сидевший на повозке Лежнев и солдат Михайленко насторожились:

- Вашбродь, страшновато через лес-то. Дюже много дорогих вещей. Сподручней было бы со всеми вместе.

- Поразговаривай у меня, скотина! - закричал поручик, выхватывая пистолет. - Я тебе говорю!

На крик Трофимова подъехал находившийся неподалеку Зуев и передал приказ Борейко направлять все повозки прямо на батарею.

- Это не каасется фурманки, она поедет через лес, - не согласился Трофимов.

- Все, без исключения, повозки, вашбродие! - настойчиво проговорил Зуев. Эта повозка тоже будет направлена на батарею.

- Она поедет туда, куда я прикажу! - взбеленился Трофимов.

- Она отправится на батарею, вашбродие. Я имею такой приказ от командира и его выполню. - И Зуев, взяв лошадей под уздцы, повел повозку с ценностями к обозу.

Поручик вскинул наган, но в тот же момент Зуев, Лежнев и Михайленко направили на него свои карабины. Трофимов понял, что его приказание выполнено не будет и, грубо выругавшись, поскакал на батарею.

Борейко сидел в своей палатке вместе со Звонаревым, обсуждая, где и как наиболее быстро и хорошо можно отремонтировать поврежденные в бою орудия, когда Трофимов влетел а палатку и возмущенно проговорил:

- Я не могу допустить такого безобразия, когда отменяются мои распоряжения!

- Вы это, поручик, с кем разговариваете подобным образом? - холодно и строго справился сразу насупившийся Борейко.

- Надо думать, что с вами, поскольку никто, кроме вас, не имеет права в батарее отменять мои приказы, - резко ответил Трофимов.

- В таком случае потрудитесь встать в положение "смирно" - приложить руку к козырьку и почтительно, как и подобает подчиненному, доложить мне ваши соображения и замечания. За распущенность и недопустимую грубость в обращении со мной я объявляю вам, поручик Трофимов, строгий выговор. Стать смирно! - рявкнул Борейко.

Трофимов, подобравшись, вытянулся перед ним.

- Доложите, что произошло! - кратко приказал Борейко.

Трофимов, путаясь от волнения, изложил свои претензии.

- Солдаты строго руководствовались моими распоряжениями. За это я объявлю им благодарность.
- Они осмелились грозить мне оружием! - возмущенно проговорил поручик.
- Они строго исполняли мои указания. Я приказал им доставить все повозки сюда, что они и выполнили. А вас за то, что вы позволили себе не сразу подчиниться моему приказанию, я завтра же передам в руки военно-полевого суда. Ваше оружие, поручик, - протянул руку Борейко.
Трофимов отстегнул шашку и протянул ее штабс-капитану.
- Наган, - приказал Борейко.
Трофимов вынул было наган из кобуры.
- Вместе с ней, - приказал Борейко.
- Вы не имеете права обезоруживать меня на передовой! В двух шагах неприятель. В любую минуту австрийцы могут нагрянуть сюда и мне нечем будет защищаться, - возмущенно проговорил Трофимов.
- Как нибудь защитим вас, - насмешливо проговорил Борейко. - Это все ваше оружие или что-либо еще у вас имеется?
Звонарев заметил в заднем кармане брюк поручика браунинг и передал его Борейко.
- Есть ли у вас еще оружие? - справился штабс-капитан.
- Даю слово офицера, больше ничего нет! - заверил Трофимов, но Звонарев обнаружил еще пистолет в одном из боковых карманов брюк.
- Я совсем забыл про него, - пролепетал Трофимов.
- О честном слове офицера тоже, верно, забыли? - усмехнулся Борейко.
- Если бы мы были не на войне, то я вызвал бы вас к барьеру!
- Отправляйтесь под арест, поручик. Зуев, выставишь двух часовых.
Одного к двери, а другого к окну и не спускать глаз с их благородия, - распорядился Борейко.
В повозке, отобранной у Трофимова, оказалось два больших несессера с богатейшим набором столового серебра. По выгравированным на нем вензелям и надписям удалось установить, что все эти вещи принадлежали командующему одной из австрийских армий генералу Бем-

Ермоли. Он был богатым магнатом астрийской империи и так привык к комфорту, что даже на войне считал невозможным лишиться столового серебра.

Тут же были найдены надувная резиновая ванна и различные интимные подробности ночного туалета. Все это вызвало веселые замечания со стороны солдат, помогавших распаковывать несессеры и другие предметы, обнаруженные в телеге.

Все ценности были сданы под охрану часового у денежного ящика.

Едва развязались с этим, как появился Заяц в сопровождении пожилого, седовласого, весьма почтенного господина, одетого в пиджачную пару и мягкую летнюю шляпу.

Это и оказался "известный специалист по взлому денежных касс и сейфов", как его отрекомендовал Заяц. Внесли стальные сейфы и взломщик начал их тщательно осматривать со всех сторон.

- Восемнадцать сейфов в моей жизни я взял. Правда, последний уже лет пять назад. Только старая дружба с Ильей Львовичем, - кивнул взломщик на Зайца, - и заставила меня взяться за это дело.

Внимательно осмотрев сейф, взломщик нашел на нем фабричный знак венгерского завода и стал подбирать ключи. У него оказался целый альбом различных ключей от несгораемых шкафов, сейфов и денежных касс. Однако все его старания оказались безуспешны. Тогда Блохин подошел к сейфу и постучал молотком по замку. К изумлению всех, замок громко звякнул и дверь легко отворилась.

Все кинулись разглядывать, что в нем находится. Как и ожидали, сейф был забит пачками бумажных австрийских денег различного достоинства, начиная от самого мелкого до банковских билетов тысячешилинговой ценности с портретом какой-то императрицы или королевы. Затем в руки попалась пачка совершенно новых русских денег сторублевого достоинства с портретом Екатерины II. Таких пачек оказалось всего несколько, на сумму около ста тысяч рублей.

- Перепиши, Сережа, все деньги, укажи, какие на них буквы и номера и завтра сам свезешь в полевое казначейство и сдашь под расписку.

Второй сейф оказался наполненным различными деловыми бумагами и их решено было доставить в ближайший войсковой штаб.

Было за полночь, когда наконец в батарее улеглись спать. Борейко ночью несколько раз вставал и лично проверял, как несут караул часовые и дневальные. Трофимов громко храпел у себя в комнате.

На общем совете было решено захваченное столовое серебро не сдавать в полевое казначейство, а отправить прямо в Питер.

- Все деньги, как русские, так и австрийские, мы сдадим в полевое казначейство, - распорядился Борейко.

- Значит, казначейские чиновники хорошо поживятся. Русские-то деньги они украсть не посмеют. За это в военное время полагается расстрел на месте, а австрийские, конечно, все украдут, - заметил Звонарев.

Звонарев с Зайцем и арестованным Трофимовым направился в Люблин вместе с поврежденной пушкой, а батарея, согласно полученному приказу, двинулась вперед. Ей предстояло за день пройти около тридцати километров по бездорожью.

Штаб 2-й гвардейской пехотной дивизии, куда сдали Трофимова, направил поручика с маршевой ротой на передовую.

Совершенно убитый таким оборотом дела Трофимов бросился в ближайший госпиталь. Но и там поручику не повезло. Врачи нашли его здоровым и, улыбаясь, сообщили об этом. Ничего не поделаешь - пришлось Трофимову вместе с маршевой ротой идти на передний край.

Сбитые с укрепленных позиций австрийцы быстро отходили на запад, где на линии реки Сан у них был подготовлен укрепленный заранее рубеж.

Следуя по пятам противника, русские настигли австрийцев у самой укрепленной полосы и теперь пытались с ходу захватить ее, но потерпели неудачу и, остановившись, стали подтягивать войска и артиллерию.

22

Свою батарею Звонарев нашел еще стоящей в резерве. Вместе с

прапорщиком прибыла уже исправленная пушка.

Тяжелой батарее было поручено разрушить основной узел австрийской обороны. На небольшой горушке находился дот из железобетона и толстых бревен, имевший многослойную огневую оборону и окруженный несколькими рядами проволочных ограждений, делавших дот труднодоступным для атаки пехоты. Необходимо было его основательно разрушить. Без этого продвижение было невозможно. Поэтому Борейко особенно тщательно выбирал огневую позицию для батареи. Местность была ровная и приходилось ставить пушки за перелесками. Вася Зуев предложил расположить батарею на лесной полянке и пушки тщательно замаскировать ветвями. Прикинув положение батареи по карте, Борейко согласился.

С темнотой батарея начала занимать боевую позицию. Солдаты окапывались, рыли ровики для номеров.

В той же роще, где расположилась тяжелая батарея, находился штаб Гренадерского полка. Его командир, рослый краснолицый полковник, решительно запротестовал против такого соседства и потребовал перемещения батареи в другое место. На все разумные доводы Борейко полковник отвечал только криком. Чувствуя, как в нем закипает злость и опасаясь сорваться, Борейко поспешил покинуть полковника.

В это время подошла маршевая рота пополнения, которую привел Трофимов. Увидев его, полковник справился, как Трофимов, артиллерист, попал в пехоту. Узнав причину, очень обрадовался и сразу зачислил его в штаб полка.

- Примите под свою команду тяжелую батарею. Ее командир очень несговорчив и не хочет считаться с моими указаниями, - пожаловался полковник Трофимову.

- Я сам из этой батареи, господин полковник, и отлично знаю ее командира. Мало дисциплинирован, дерзок с начальством и груб с подчиненными, - охарактеризовал Борейко Трофимов.

- Тем лучше! Я смещу его с командования, а назначу вас командиром батареи, - решил полковник.

- Разрешите доложить, господин полковник, - вмешался в разговор адъютант полка, - нашему полку придется атаковать основной узел вражеского сопротивления в этом районе, а без помощи тяжелой батареи мы не сможем его разрушить.

Полковник заколебался. Появление Зуева с пакетом от Борейко отвлекло его внимание от этих переговоров. Адъютант с полковником принялись рассматривать схему и переносить на свои карты те пункты, которые должна была обстрелять тяжелая батарея.

О Трофимове забыли.

Воспользовавшись этим, поручик отошел от Зуева и полковника подальше.

"Зачем лезть на рожон? - рассуждал он. - Помирать одинаково плохо что в пехоте, что в артиллерии. А тут, по всему видно, такое начнется, что и костей не соберешь. Нет, надо подобру-поздорову убраться подальше. Живем-то один раз..."

К вечеру Трофимов добрался до Люблина, на ночь устроился на одном из пунктов Красного Креста, а с утра направился в тыловой госпиталь. "Авось на этот раз повезет", - подумал он. Но военный врач, осмотрев Трофимова, холодно проговорил:

- Вот что, милостивый государь, пеняйте на себя. По закону военного времени я обязан вас задержать и передать куда следует. Вы покинули передовую, удрали в тыл. У вас одна болезнь - ярко выраженная симуляция. А это попахивает дезертирством.

И военврач немедленно сообщил о дезертирстве поручика Трофимова в штаб 2-й гвардейской дивизии генералу фон Нотбеку. Оказалось, что в штабе было получено донесение командира гренадер об исчезновении прикомандированного к полку поручика Трофимова. Бледный, насмерть перепуганный, он предстал перед генералом.

Задав поручику два или три вопроса, Нотбек тут же распорядился предать его военно-полевому суду по обвинению в дезертирстве. Суд собрался немедленно и вынес приговор: за дезертирство из части в виду неприятеля разжаловать Трофимова в солдаты и расстрелять.

Принимая во внимание первую судимость, генерал смягчил приговор, отправив его рядовым в свой полк с маршевой ротой. Командиру роты были даны специальные указания. Трофимова переодели в солдатскую форму Гренадерского полка и поставили в общий строй.

Маршевая рота прибыла на место уже затемно. Ночью Трофимова направили на пополнение одной из рот полка, которая с утра должна была атаковать австрийскую позицию.

Едва рассвело, как Борейко открыл огонь по укрепленной горушке.

Стояло ясное прохладное утро, солнце светило в спину русским и в глаза немцам. Это очень облегчало пристрелку. Отправив Зуева в пехотные окопы для наблюдения, Борейко после первых выстрелов справился, как ложатся снаряды.

- Кучно, как раз туда, куда надо! - не замедлил доложить Вася.

Один за другим грохотали страшные разрывы тяжелых снарядов и к небу вздымались высокие черные столбы дыма и пыли.

Вскоре Борейко заметил, что с обстреливаемой им горушки по ходам сообщений бегут солдаты.

Солнце поднималось все выше, изрядно припекая землю. Русская пехота постепенно накапливалась на переднем крае обороны. Чувствовалось, что приближается момент атаки. В воздухе, блистая серебряными крыльями, проносились вражеские самолеты.

Сначала тихо, затем все громче и увереннее, переливаясь из окопа в окоп, несся крик:

- Ура-а-а!

Это были цепи русских солдат, которые, как волны, перекатывались через бруствер и со штыками наперевес стремительно приближались к австрийским окопам. Еще немного, еще последний бросок и уже никакая сила не сможет сдержать эту лавину.

В этот момент ударили уцелевшие австрийские пулеметы и батареи. Они били фланговым огнем, скашивая шеренги русских солдат. Пехота залегла.

Атака могла захлебнуться.

- Огонь! Скорее огонь! - бледный, с перекошенным от бешенства ртом, кричал Борейко в телефон.

Когда замолчали пулеметы австрийцев, русская пехота вновь поднялась и с яростью ворвалась в окопы пртивника. Заметив это, Борейко открыл огонь по тем местам, где он обнаружил пулеметные гнезда. В несколько секунд огневые точки были уничтожены.

Австрийцы дрогнули и начали торопливо отходить. Пехота ринулась за ними. Все перемешалось. Слышались только лязг железа, предсмертные крики, стоны, проклятия. Боясь поразить своих, примолкли пушки обеих сторон.

Замолчала и тяжелая батарея Борейко, выжидая результатов атаки.

Зуев не выдержал этой напряженной, полной смертельной опасности тишины. Схватив винтовку он одним махом выскочил из окопа и, пригибаясь, побежал туда, откуда доносились грозные звуки жестокого боя.

- Назад! - Вася скорее почувствовал, чем услышал, срывающийся голос Звонарева. Ноги сами несли его к австрийским окопам. Во рту пересохло. Вместо сердца чувствовал сосущий холодок.

- Ура-а-а! - вырвался хриплый крик из его глотки. Рядом с ним, задыхаясь, бежали Лежнев, Михайленко и Заяц.

Пехота пробежала уже больше половины пути до врага, когда хлестнула пулеметная очередь, и с десяток солдат со стонами повалились на землю. Трофимов в этот момент увидел перед собой глубокую воронку от снаряда и с разбегу повалился в нее. Рыхлая земля была еще теплой от солнечных лучей и еще сохраняла горьковатый запах взрывчатки. Здесь было тихо и безопасно.

Подбежавший унтер грубо крикнул:

- Сейчас же вылазь из ямы, а то штыком приколю, - и угрожающе вскинул винтовку.

Трофимов нехотя, с трудом поднялся на ноги. В это время над ним разорвалась шрапнель и пули со зловещим визгом пролетели над головой. Ни одна из них не задела Трофимова, но он снова повалился в

воронку и решил больше из нее не вылезать.

- Если еще раз спрячешься - пристрелю, как собаку! - пригрозил подошедший офицер.

Перепуганный Трофимов, трусливо втягивая голову в плечи, побежал за другими солдатами. Вдруг неожиданно он провалился в глубокую яму и больно ушиб ногу. Осмотревшись, куда он попал, Трофимов понял, что находится на дне глубокого, полузасыпанного землей австрийского окопа. Тут же сидели трое солдат - двое австрийцев и один русский. Они мирно перевязывали друг другу раны. У русского кровоточила нога и он старался остановить кровь.

Австрийцы были ранены в руки. Бледные от потери крови, они с трудом двигались по окопу. Русский перевязывал раненого в плечо австрийца, а тот сунул в рот русскому солдату сигаретку и дал прикурить ее.

Трофимов осмотрелся, не понимая, кто здесь пленный, а кто победитель. Но война была явно забыта. Еще недавно злейшие враги, готовые убить друг друга, теперь они оказались только страдающими, несчастными людьми.

- Тебе куда попало, земляк? - спросил русский солдат, видя, как Трофимов трет ушибленную ногу.

- Я не ранен. Оступился и провалился в эту яму. Кто тут кого взял в плен: ты или они тебя? - спросил Трофимов.

- Мы просто замирились. Надоело друг друга калечить! - пояснил русский солдат.

В это время из полузасыпанного землей блиндажа просунулась чья-то рука с пистолетом и Трофимов наверняка простился бы с жизнью, если бы один из австрийцев не ударил наотмашь по этой руке. Пуля пролетела мимо.

Русский солдат схватил свою винтовку и со всей силой ткнул штыком в блиндаж. Раздался отчаянный вопль.

- Пошли, что ли, дальше или здесь останетесь? - спросил Трофимов.

- Мы отвоевались, а тебе следует идти за своими на австрияков, - ответил русский, подозрительно приглядываясь к Трофимову.

Русские части ушли далеко вперед. По полю шли санитары, переносившие в тыл тяжелораненых, легкораненые брели сами. Трофимов старался не смотреть на них, чтобы не пугаться, не потерять совсем голову от страха, и неторопливо брел вперед, вслед за наступающими цепями.

Он шел довольно долго и наконец понял, что впереди него уже нет пехотных частей. По полям гарцевали отдельные группы всадников из кавалерийского прикрытия. Трофимов вошел в деревню и, зайдя в первую хату, попросил напиться. Затем он прилег на скамейке.

Под вечер австрийская разведка нашла Трофимова лежащим в хате.

Трофимов предъявил свое сохранившееся офицерское удостоверение и тотчас был отправлен в штаб. Его здесь не замедлили допросить о расположении и количестве русских войск.

Все, что Трофимов знал, он сообщил допрашивающему его офицеру.

Австрийцев особенно поразило, что он был тяжелым артиллеристом. Они очень редко попадали в плен.

Ночью русские неожиданно перешли в наступление. Офицеры австрийского штаба бежали из деревни, оставив на месте все штабные бумаги. Трофимов бежал вместе с ними.

Утром штабные бумаги австрийцев попали в штаб Гренадерского полка и из них узнали об измене и предательстве Трофимова. Но он был уже вне досягаемости русской армии.

Одновременно с Трофимовым попали в плен Заяц, Лежнев и Михайленко.

Заяц немного знал немецкий язык и австрийцы назначили его старшим. По дороге в лесу Заяц громко по русски скомандовал:

- Тикай, братцы, кто может! - и бросился в ближайшие кусты.

Пленные разбежались.

На следующее утро испачканный, с расцарапанным лицом Заяц предстал перед Борейко. Он доложил, что прибыл из плена в батарею. Вскоре явились Лежнев и Михайленко. Они видели среди бегущих офицеров австрийского штаба и Трофимова.

- Жаль, не было у нас под руками винтовки, а то мы его наверняка

пристрелили бы, - сожалел Заяц.

23

Австрийская армия быстро отходила на запад. Даже естественные преграды - водные рубежи - австрийцы не смогли использовать для обороны.

Русская армия за несколько часов форсировала реку Сан. Без боя, в стремительном отступлении был оставлен Львов, столица и главный город Галиции.

Преследующие неприятеля русские войска делали переходы по тридцать километров ежедневно. За наступающей армией шла тяжелая батарея Борейко.

В десятых числах сентября батарея Борейко подошла к небольшому галицийскому городку Тарнобжегу, расположенному на правом берегу Вислы.

Весь белокаменный, утопающий в зелени садов, он казался очень красивым.

Австрийцы задержались в непосредственной близости от западной окраины города. В Тарнобжеге расположились русские штабы и резервы. Город оказался битком набитым солдатами и военными повозками.

Австрийцы бросили на участок Тарнобжега значительные силы.

Продвижение русских частей приостановилось, командованию пришлось подтягивать резервы.

Расположение Тарнобжега - на правом берегу Вислы - подсказало командованию интересный тактический прием: перебросив на левый, северный, берег реки русскую пехоту, обойти фланг австрийцев и ударить им в тыл.

Командир Гренадерского полка полковник Новиков и Борейко тщательно изучали по карте местность, сличали показания разведки с картой.

- Проведем разведку боем. Я сейчас открою огонь по австрийцам, а вас, господин полковник, прошу проследить за действием моих снарядов, -

предложил Борейко.

Вскоре с десяток тяжелых снарядов обрушилось на окопы австрийцев, после чего пехота, в сопровождении легких пушек, бросилась в атаку.

Австрийцы отошли на полтора-два километра и вновь задержались на следующей укрепленной полосе.

Стало очевидно, что лобовой атакой их далеко не сдвинешь и необходим глубокий обход с противоположного берега реки.

Как только стемнело, началась переправа на левый берег Вислы батальона гренадер. Чтобы не привлекать внимания австрийцев, переправлялись через реку в полной тишине, значительно ниже Тарнобжега.

Ночь выдалась туманная, что помогло скрыть многочисленные лодки русского десанта. Высадившийся батальон по левому берегу реки направился вверх по течению, вскоре миновал Тарнобжег и вышел во фланг, а затем и в тыл вражеской обороны.

Беспечные австрийцы хотя и выставили дозоры на левом берегу реки, но солдаты спали по хатам или устроились на берегу на копнах скошенного сена.

Гренадеры захватили некоторые из этих дозоров. От них узнали пароль и пропуск и спокойно двинулись вперед, не встречая сопротивления. Началась вторая переправа, вверх по реке через Вислу, теперь уже с левого на правый берег реки. Первые лодки были сразу замечены дозором австрийцев и даже освещены ракетами. Но сообщенный пароль и пропуск с указанием, к какому именно полку принадлежат солдаты, совершенно успокоили австрийскую охрану и она спокойно допустила высадку десанта.

Едва вступив на землю, гренадеры обезоружили встретивших их солдат и, связав, оставили под охраной на берегу реки.

Высадка десанта продолжалась беспрепятственно. Переправилось уже больше роты с несколькими пулеметами, пока наконец кто-то из австрийцев догадался, что это русские и выстрелом поднял тревогу.

Тихая ночь сразу огласилась грохотом стрельбы, трескотней пулеметов,

криками, взрывами ручных гранат. В воздух стали взлетать десятки осветительных ракет. Но гренадеры уже прочно зацепились за небольшой плацдарм на вражеском берегу. Каждую минуту подходили все новые и новые лодки с подкреплением. Захваченные врасплох австрийцы слабо сопротивлялись.

Высадка десанта произошла в том районе, где располагались австрийские дивизионные и корпусные обозы, легко поддавшиеся панике в ночной темноте.

Только один, расположенный здесь на отдых первоочередной полк оказал сопротивление и даже попытался сбросить в реку русских.

Но через реку уже переправились русские батареи. Выкатив свои пушки в стрелковую цепь, артиллеристы в упор начали расстреливать опомнившихся было австрийцев. Не выдержав артиллерийского огня, единственный оказавшийся боеспособным австрийский полк в панике бежал. Русские подразделения хлынули вперед, захватывая все новые и новые селения в тылу австрийцев.

В то же время русские части на переднем крае обороны, услышав стрельбу в отдаленном тылу врага, энергично атаковали противника.

Начало светать, когда охваченные паникой австрийские обозники на полном карьере врезались в боевые порядки своей пехоты и смяли их. Тогда все полки дрогнули и бросились бежать куда глаза глядят.

Австрийцы, зажатые между двух огней, заметались на небольшом пространстве в тщетных поисках спасения. Они поняли, что попали в ловушку и, побросав оружие, массами стали сдаваться в плен.

Только к полудню это побоище кончилось. Австрийцы откатились сразу больше, чем на двадцать километров, отойдя к реке Дунайцу.

На следующее утро Звонарев доложил Борейко, что из четырех пушек три к стрельбе непригодны и требуют капитального ремонта. Непригодны они были и к длительным переходам по разбитым дорогам.

В тот же день Борейко подал об этом рапорт по начальству и получил приказ отправиться в Ивангородскую крепость, где были организованы тыловые артиллерийские мастерские.

24

Погода стояла хорошая, сухая, теплая и через неделю батарея собралась в Ивангороде, старинной крепости, построенной в середине прошлого века из кирпича и только перед войной отчасти модернизированной. Основной задачей крепости было обеспечение переправы через Вислу при впадении в нее реки Вепрж.

Комендантом крепости состоял очень энергичный и инициативный инженер-полковник Шварц, хорошо известный Звонареву по Порт-Артуру, где они встречались под Кинчжоу и на различных фортах крепости.

К Ивангороду подошли и две другие батареи 3-го дивизиона 1-й тяжелой артиллерийской бригады. Вновь после Восточной Пруссии появился командир дивизиона подполковник Куприянов. Из разговоров выяснилось, что другие батареи гораздо меньше принимали участия в боях и лучше сохранили свою материальную часть. Куприянов сообщил, что в штабе 4-й и 10-й армий очень хорошо отзывались о действиях батареи Борейко.

- Но ваша батарея считается самой либеральной. По доносам выходит, что вы, Звонарев и Блохин - ярые революционеры. К доносам было приложено и несколько прокламаций, якобы обнаруженных у солдат батареи. Командующий армией генерал Ленчицкий приказал дело прекратить и оставить вас в покое, - сообщил Куприянов, - но постарайтесь на будущее время, чтобы подобных прокламаций у вас не обнаруживалось.

- Сие от меня не зависит. Идет война, солдаты не в казармах, а пока есть революционеры, будет и подпольная литература, - ответил Борейко.

- Но в других батареях прокламаций не обнаружено, - возразил Куприянов.

"Появятся и там, дайте срок", - подумал Борейко, а вслух сказал:

- Вам известно, господин подполковник, что Трофимов оказался

изменником и предателем?

- Что вы говорите?! Быть этого не может! - удивился Куприянов.

- В штабе 2-й гвардейской дивизии вы сможете получить исчерпывающие данные по этому вопросу.

После смены орудий и ремонта батарея Борейко вместе с двумя другими батареями дивизиона была включена в подвижной резерв крепости. Куприянов поместился в штабе крепости и оттуда отдавал нужные распоряжения.

Он рассказал, что 1-ю тяжелую артбригаду распределили по нескольким армиям. 1-й дивизион остался в 1-й армии, 2-й - во 2-й, а 3-й придали 9-й армии, которой командует генерал Ленчицкий. В штабе армии Куприянов слышал очень лестные отзывы о действиях батареи Борейко. Звонарев приказом по армии был произведен в подпоручики, а Борейко со дня на день ожидал производства в капитаны. Зуева было решено направить на артиллерийские курсы для подготовки прапорщиков артиллерии. Блохин, Лежнев, Михайленко были представлены к солдатским крестам.

Среди батарей дивизиона 7-я оказалась самой боевой. Ее потери в боях составляли примерно пятьдесят человек. Подбиты два орудия и три зарядных ящика. Сменился почти полностью конский состав.

Соседняя, 8-я батарея, тоже гаубичная, потерь в материальной части не имела, а солдаты отделались легкими ранениями. Командир батареи молодой капитан Думов предпочитал спокойную жизнь боевой обстановке и огневые позиции он выбирал поглубже в тылу. Третья в дивизионе, 9-я по номеру, батарея была пушечная, вооруженная пушками последнего образца, и предназначалась для обстрела глубоких тылов противника. Командир ее, капитан Потапов, тоже не рвался в бой. Борейко возмущался его пассивностью и часто высказывал это Куприянову, называя 9-ю батарею самой худшей в дивизионе.

- Потапов должен двигаться за пехотой с легкими орудиями, а не плестись в хвосте.

Куприянов наседал на 9-ю батарею, требуя от нее активных действий,

риска в боевой обстановке. За это Потапов невзлюбил Борейко и, где мог, называл его либералом и даже социалистом.

Так каждая из трех батарей дивизиона отличалась своим собственным порядком. Мягкотелость Куприянова не способствовала объединению и сплочению офицеров дивизиона.

Командиры батарей сначала отнеслись к Звонареву недружелюбно, считая его "борейковским прихвостнем". Но потом убедились, что он человек знающий и с хорошей боевой закалкой.

Обычно Звонарева при осмотре орудий сопровождал Вася Зуев.

- Что этот молодой человек может понимать в наших орудиях? Мы сами получили их только перед войной. Где же ему было ознакомиться с их устройством? - возмущались многие офицеры.

Вася объяснил, что он студент-технолог и производственную практику проходил в орудийной мастерской Путиловского завода, где изготовлялись эти пушки, поэтому хорошо знаком с их устройством.

- Понятно, почему вам не требуется технической помощи. Надо просить командира дивизиона, чтобы одного из вас перевели в другую батарею, - ухватились за эту мысль командиры батарей. - Хотя бы до приезда в дивизион артиллерийских техников.

В октябре 1914 года немцы бросили все свои силы на фронт Ивангород - Варшава. Наступила дождливая осень, дороги раскисли, русские армии, перебрасываемые с реки Сан на среднюю Вислу, с огромным трудом тащились по прифронтовым дорогам.

Отбросив слабые русские заслоны на левом берегу Вислы, немцы вплотную подошли к Ивангороду и с ходу бросились на штурм крепости. Начались упорные, напряженные бои.

Полтора десятка лет тому назад Борейко начинал свою офицерскую службу в "дославном Жанвиле", как тогда называли Ивангород, и поэтому хорошо ориентировался на местности. Капитан быстро понял, где могут немцы прорваться в крепость и подумал, как следует этому воспрепятствовать. Свой доклад он направил прямо Шварцу в штаб крепости, как ему посоветовал Звонарев, хорошо знавший Шварца по

Порт-Артуру.

- Отправляйся ты сам, Сережа, с моей цидулькой. Шварц знает меня мало, - решил Борейко. - Только не задерживайся в крепости, хотя я уверен, что немцы не смогут прорваться в нее, если все будет сделано по-моему, - напутствовал Борейко своего друга.

Огневая позиция батареи находилась на берегу реки, прикрытая высоким и крутым обрывом. Тупорылые гаубицы, задрав вверх свои дула до отказа, были в полной недосягаемости для вражеского огня. Неподалеку, хорошо укрытые, располагались передки и зарядные ящики батареи.

Немцы сосредоточили весь огонь на одном из недавно сооруженных фортов и расположенных около него полевых укреплениях. Столбы огня, дыма, земли поднимались при каждом взрыве и, обрушиваясь своей смертоносной, сокрушающей мощью, казалось, неминуемо должны были уничтожить, стереть с лица земли форт. Но дым и пыль рассеивались, и артиллеристы с облегчением видели, что форт стоит, выдерживая удары немецких батарей. Немецкие штурмы неизменно отбивались.

С наступлением темноты атаки немцев стали ослабевать и Борейко вернулся на батарею. Звонарев, на лодке переправившись через Вислу, направился в штаб крепости к Шварцу.

Штаб крепости был до отказа заполнен разместившимися здесь организациями различных корпусов и дивизий. Шварц, в черной кожаной куртке с георгиевской петличкой, плохо бритый и, видимо, страшно утомленный, с трудом слушал, что ему докладывал Звонарев.

- Оказывается, ваш командир толковый офицер. Я много лестного слышал о нем в Артуре, да и сейчас подполковник Куприянов не нахвалится им.

Особенно после галицийских боев. Его произвели вне очереди в капитаны, представили к орденам. На досуге я займусь изучением записки вашего командира, - пообещал Шварц.

- Тогда, господин полковник, разрешите мне лучше сейчас зачитать записку, а то у вас досуга никогда не будет, а дело срочное и серьезное, - настоял Звонарев.

Шварц неохотно согласился.

- При условии - сперва вместе пообедаем, Сергей Владимирович, - предупредил Шварц.

Звонарев не отказался и за обедом рассказал Шварцу, в чем суть предложений Борейко. Полковник сразу заинтересовался ими, забыв про еду, подвел Звонарева к большой карте крепости, где были нанесены все укрепления и батареи. Вместо обеда оба занялись обсуждением того, что предлагалось в докладной записке. Шварц понял, что предложения дельные и их следует как можно скорее провести в жизнь.

- Что бы вам недели на полторы раньше прихать сюда! Тогда еще не начинались бои. Можно было бы сделать многое. А теперь очень трудно или просто невозможно, - сожалел Шварц.

Затем он приказал позвать к себе на совещание командира артиллерии крепости. Вскоре прибыл пожилой полковник с сиплым голоском пропойцы.

Ознакомившись с запиской Борейко, он криво усмехнулся и назвал все эти прожекты ерундой. К удивлению Звонарева, Шварц стал яростно защищать предложения Борейко.

- Если уж называть ерундой, то это ваш отказ от таких дельных соображений, какие изложены в записке! - резко сказал Шварц.

Полковник понял, что допустил какой-то промах, и попытался смягчить свой отказ:

- Поздно, поздно! Не начнись бои, еще можно было бы кое-что сделать, а теперь... - проговорил полковник, разводя руками.

- Не согласен! Именно сейчас, и немедленно, надо многое сделать. А пока вы свободны! - отпустил командира артиллерии комендант.

Когда Звонарев уже собирался уходить, адъютант доложил Шварцу, что к нему прибыл начальник эвакуации раненых и больных района Ивангорода доктор Краснушкин. Сергей Владимирович попросил разрешения немного задержаться в штабе крепости.

- Доктор Краснушкин мой близкий родственник. Он сообщит мне новости о доме, о жене и о детях... - взволнованно проговорил Звонарев.

- Конечно, оставайтесь сколько вам надо! Это редкое счастье - встретить на войне близкого человека.

Звонарев около получасаждал в приемной, когда в дверях появился Краснушкин, похудевший, по-военному подтянутый, но по-прежнему радушный, с обаятельной доброй улыбкой.

- Здорово, брае! - обнимая Звонарева, произнес он. - Так рад тебя видеть, ты представить не можешь! Даже не ожидал, что так люблю тебя!

Они отошли к окну и Краснушкин принялся неторопливо рассказывать о всех новостях, какие он знал о Варе, детях.

- Скучает наша Варенька! Письма получает редко. рвется на фронт. И, сказать по правде, боюсь, что она добьется своего. В одно прекрасное утро ты откроешь глаза и увидишь свою женушку где-нибудь на передовой. Такой у нее характер! Это не то, что моя Катя. Не может сидеть спокойно. Такая энергия - просто диву даешься.

"Милая, родная, - думал Звонарев, чувствуя, как волна нежности заливает сердце. - Прости меня, я виноват перед тобой..."

Да, да, он виноват перед ней, он не может забыть того дня, когда встретил Надю. Он до сих пор чувствует ее сухие жадные губы, видит ее блестящие, слезами подернутые глаза, вздрагивающие ресницы. Виноват, потому что все эти дни после их свидания он полон воспоминаниями, и не только воспоминаниями, а желанием новой встречи.

"Как странно, как все непонятно! Ведь я люблю Варю, она бесконечно мне дорога. Она единственный родной мне человек. Я никогда не оставлю ее просто потому, что не могу жить без нее. А Надя? Что сказала бы Варя, узнав об этом?.."

- Знаешь, Сережа, - слушал он тихий голос Краснушкина, - я постараюсь зайти к вам на батарею. Мне нужно повидать Борейко, передать ему кое-что о жене. К сожалению, не очень приятное. Но сказать нужно. Нет, нет, не сейчас и не здесь. Я буду у вас к вечеру. Передай Блохину, пусть он придет к тебе. Мне он тоже нужен. Ну, пока, дорогой, до вечера!

Когда Звонарев вернулся на батарею, Борейко уже ждал его. Он

принялся нетерпеливо его расспрашивать. Со слов Звонарева Борейко узнал в командире крепостной артиллерии полковника Голяховского, пьяницу и забулдыгу.

- Выпили мы с ним вместе не одно ведро водки. Тогда Голяховский был капитаном, а я в его роте младшим офицером. Так ты говоришь, что он мой план назвал чушью? Значит, был трезв. Он всегда мне говорил, что, начни пьянствовать смолоду, наверное, окончил бы две академии и был давно генералом, но, к сожалению, слишком поздно пристрастился к водке и поэтому не преуспел по службе. Завтра обязательно побываю в штабе Шварца и обо всем подробно переговорю. А ты, Сережа, посидишь на КП и постреляешь по немцам. Имей в виду, их внимание приковано к укреплению номер один.

Еще было темно, когда немцы бросились на штурм укрепления номер один и захватили его. Вся русская артиллерия сразу открыла огонь по этому укреплению, а немецкая обрушилась на крепостные батареи.

Расположенные по большей части открыто, крепостные орудия быстро замолкли. Только хорошо замаскированные батареи продолжали вести огонь. В их числе были и две тяжелые гаубичные батареи. Напрасно немецкий самолет, непрерывно находящийся в воздухе, сигнализировал разноцветными ракетами своим батареям: гаубичные батареи оставались неуязвимыми. Немцы не сумели удержаться на занятых позициях и оставили укрепление, стараясь подтянуть резервы, собрать силы для дальнейших атак. Русские, в свою очередь, не стремились занять оставленное врагом укрепление. Зачем? Это привело бы только к лишним потерям, которых и без того было много.

К ночи немцы отошли на исходные позиции, а русские принялись спешно закапываться в землю.

Шварц лично прибыл на разрушенное укрепление. Одновременно он, по совету Борейко, перебросил на правый берег Вислы все открыто стоявшие дальнобойные крепостные батареи. Батареи тяжелого дивизиона были начеку, готовые при первой необходимости обрушить на врага всю мощь своих орудий.

Краснушкину так и не удалось в тот же день, как он обещал, побывать у Борейко. Немцы рвались к Ивангороду, не считая своих потерь. Но и русские части, занимавшие оборону, несли огромные потери. Число раненых быстро увеличивалось. Приходилось их спешно эвакуировать, ограничиваясь временными перевязками на месте.

Только на другой день к вечеру, когда схлынуло напряжение боев, Краснушкин выбрался на позицию. В небольшом каземате, где помещался командир батареи, Борейко не было. Низкорослый, щупленький солдат, вытянувшись в струнку перед Краснушкиным, вызвался "в момент сбегать за капитаном - они с прапорщиком орудуют возле пушек".

Вскоре появился Звонарев, Борейко и Блохин, измученные, с запавшими от бессонницы глазами. За скромным солдатским ужином разговорились.

Краснушкин рассказывал о Петербурге, где он побывал совсем недавно.

Война чувствовалась и в столице. Спекулянты-торгаши грели руки на выгодных сделках. С заводов на фронт уходили кормильцы, оставляя свои семьи в большой нужде. Полиция, жандармы хватали всех по первому подозрению. Шли повальные обыски.

Обозленные до крайней степени рабочие бастовали, выходили на улицу, избивали полицию. Полиция с еще большим озлоблением и ненавистью набрасывалась на рабочих.

- Недавно разгромили многолюдный митинг на заводе "Айваз". Откуда только сволочи пронюхали, что там будут представители Петроградского комитета большевиков! Оцепили весь завод. Только что тяжелой артиллерии не хватало, а то можно было подумать, что берут приступом неприятельскую крепость. Схватили чуть ли не половину завода. Сортировали потом несколько дней - кого на фронт, а кого в тюрьму... Тогда-то арестовали и Ольгу Семеновну.

Борейко, услышав эти страшные слова, еще ниже опустил склоненную на руки голову. Он давно ждал этих слов. Иначе зачем было приходить к нему Краснушкину? Радостную весть нечего таить. А вот горе... Как тут горю помочь? Будто пудовая тяжесть, легла беда на его плечи,

придавила грудь, острым ножом вонзилась в сердце, больно отозвалась в лопатке. Нечем дышать, нет воздуха!

- ... Она не должна была приходить, - слышал он голос Краснушкина. - Ей было строго запрещено это делать. За листовками к ней приходили связные. Но на этот раз никто не пришел... Ее не успели предупредить и она пошла сама...

"Она пошла сама... Маленькая моя, родная!.. Что же делать?" Мысли метались, как испуганная стая птиц.

- Что же делать? - с отчаянием проговорил Борейко. - Что делать? Ведь у нас же Славка!..

- Борис Дмитриевич, поверьте, что вы не одиноки в своем горе. Мы делаем все, что только можно. Слава хорошо устроен. Нет, не у Вари, ее трогать нельзя, можно повредить обеим. Слава у очень хороших и верных людей. О нем не беспокойтесь. Ольгу Семеновну пока не опознали. Ничего подозрительного при аресте у нее не нашли. С ней была только корзинка с обедом, принесенным будто для сестры. Ее взяли вместе с другими работницами. Но вот если ее опознают... Тогда будет труднее. Но и тогда поборемся! Ольге Семеновне может помочь то, что она жена боевого офицера, фронтовика. Такими аттестациями постарайтесь на всякий случай запастись здесь. Этим вы мне сильно поможете. Не отчаивайтесь! Ольга Семеновна тоже солдат, и тоже отважный и смелый...

- Завтра же достанем в штабе крепости, - заверил Звонарев.

Было уже за полночь, когда Краснушкин в сопровождении Блохина уходил с батареи. Содержимое докторского чемоданчика - не бинты, не вата, не йод, а воззвание к солдатам Петроградского комитета большевиков - поместилось за пазухой у Блохина.

Они расстались, крепко пожав друг другу руки.

- Желаю всякого добра вам, Иван Павлович. Мой поклон всем друзьям и приятелям в Питере передайте. Дюже я соскучился. Хоть здесь я и не один, славные подбираются хлопцы, а все не то, что питерцы, - вздохнул Блохин.

Светало. На востоке медленно и нежно розовело небо. Было тихо. Война еще спала, чутко прислушиваясь и набираясь сил для страдного утра.

На следующий день штурм продолжался. Немецкие цепи одна за другой ринулись на форты и укрепления. Хорошо укрытая крепостная артиллерия обрушила на их головы тучу снарядов. Немецкие цепи редели, появилось много убитых, раненых. Потери в пехоте росли с каждым часом. Вести наступление становилось все труднее, и немцы вновь отступили, так и не обнаружив новое расположение крепостных батарей.

Шварц был в полном восторге. Вызвав к себе Борейко, он поблагодарил его за план и предложил взять на себя командование крепостной артиллерией.

- Голяховский стал стар, да и выпивает изрядно. А время военное.

- Чином не вышел, Алексей Петрович! - возразил Борейко. - Меня только что произвели в капитаны, а вы мне предлагаете занять место полковника.

Подойдет сюда гвардия. Народ там очень заносчивый, с гонором. Сразу поцдут скандалы, коль гвардейским генералам придется быть под моим началом.

Давайте уж я, по старому артурскому знакомству, буду у вас как бы советником по артиллерийским вопросам, пока бои идут под Ивангородом...

Напряженные бои на фронте заставили забыть обо всем другом. Немец рвался в крепость, не считаясь с потерями. Только после трех суток ужасающих по своему упорству боев, стоивших немцам колоссальных жертв, противник временно ослабил свое наступление. Борейко уже надеялся, что немецкие атаки прекратятся и он сможет ненадолго уехать в Петербург, когда вдруг германское наступление началось с новой силой.

Подтянув свежие части и среди них гвардейский резервный корпус, состоявший из отборных солдат и офицеров прусской гвардии, Гинденбург отдал категорический приказ взять Ивангород любой ценой.

В тот же день русская Ставка тоже отдала приказ войскам удержать Ивангород и Варшаву любой ценой. Две воли и две силы столкнулись на фронте протяженностью в 300 верст. В боях участвовало с обеих сторон 960 тысяч человек. Потери в этом сражении составили 750 тысяч. Из них австрийцы потеряли около 450 тысяч, русские - более двухсот, а остальное досталось на долю немцев.

Тем не менее на десятый день боя немцы прекратили атаки на Ивангород т обрушились на стоящий севернее крепости, на Висле, 3-й Кавказский корпус.

25

Левый берег Вислы села Козеницы был выше правого. Германцы захватили эти высоты, принудив кавказские части обороняться в низменной болотистой полосе.

Немцы, решив столкнуть русских в реку, повели бешенные атаки. Русские не могли глубоко зарыться в землю из-за высокого уровня грунтовых вод и отбивались в мелких окопчиках. Брустверы, сложенные из дерна, едва прикрывали от ружейных пуль. Разрушить эти окопы не представляло большого труда для немецкой артиллерии. Сложнее было немецкой пехоте. Между германскими и русскими окопами лежала почти километровая полоса трясины и болот. Немецкая пехота вязла в ней по колено и несла при атаках огромные потери. Русские батареи, расположенные на другом берегу Вислы, через реку вели обстрел германцев. Хорошо замаскированные, они почти не несли потерь.

И все же положение русских у Козениц было очень тяжелое.

Эвакуация раненых через реку была возможна лишь в ночное время. С темнотой прибывали ротные кухни, производилась смена частей, подходили подкрепления.

В целях усиления обороны этого участка, который тоже входил в крепостной район, Шварц направил сюда тяжелый артиллерийский дивизион.

Борейко приказал всем батареям срочно выслать разведчиков в район будущего расположения частей. Проплутав день в Козеницком районе, разведчики наметили на карте возможные места расположения батарей и представили их на усмотрение командира дивизиона. Борейко хорошо знал местность и сразу почувствовал неточность некоторых сведений. Необходима была дополнительная проверка опытного артиллериста. Кого послать? Звонарева? Он плохо ориентировался на незнакомой ему местности. Пришлось идти самому. И Борейко, оставив Звонарева на батарее за старшего, вместе с Зайцем переправился на лодке через Вислу. К вечеру измученные, грязные, они вернулись на свои позиции, имея точный, проверенный план расположения немецких частей и возможных позиций тяжелых батарей.

Когда на следующий день германцы бросились в очередную атаку на 3-й Кавказский корпус, то были встречены сосредоточенным огнем русских батарей. Появление большого числа новых батарей на атакуемом участке было неожиданностью для германцев.

Погода была дождливая, видимость плохая и обнаружить русские батареи, даже с самолетов, немцы не смогли.

Борейко отправил Зуева на передний край обороны в пехотные окопы 3-го Кавказского корпуса, а сам поспешил в штаб 21-й пехотной дивизии, державшей оборону на левом фланге, за которым были расположены тяжелые батареи. Этот штаб находился на левом, западном, берегу Вислы.

Переправляться через реку опять пришлось на лодке, под огнем германских батарей. По счастью, сильный дождь скрыл от врага переправу. С Борейко в лодке находились телефонисты Блохин и Лежнев, в задачу которых входило проложить линию связи по дну реки.

В штабе Каказской дивизии артиллеристов встретили традиционным кахетинским вином, которое кавказцы возили с собой даже на войне. Выпили для "хорошего знакомства", как выразился командующий дивизией полковник с русской фамилией - Сушилин.

- Мои сальянцы и апшеронцы будут стоять насмерть, германцы в наших

окопах не будут, - уверял полковник.

Затем Сушилин показал схему расположения полков дивизии и новые сведения разведки: германцы укрепили Козеницкие высоты, сосредоточили в этом районе почти весь гвардейский резервный корпус и прилагали все усилия, чтобы сбросить в реку 21-ю и соседнюю с ней 52-ю пехотные дивизии.

- Артиллерии у них много, но пехота не может перебраться через прибрежные топи, вязнет. Вот немцы и сидят на своих высотах, а мы в болоте, и не можем друг друга сдвинуть с места.

- Мы прибыли сюда, чтобы помочь вам не только в обороне, но и при наступлении. Как только прояснится, займемся розыском и подавлением немецких батарей на вашем участке, - изложил свой план действия Борейко.

- Разрушьте передний край германской обороны, а мы попытаемся ночной атакой захватить его. Согласуем свои действия с соседями и штабом корпуса и все будет в полном порядке, - уверял Сушилин.

В это время в блиндаж штаба дивизии вошел небольшого роста генерал в высокой папахе, с кривой кавказской шашкой на боку и, поглаживая рукой седую курчавую бороду и усы, проговорил с кавказским акцентом:

- Алла-вер-ды! Хотел сказать: мир дому сему! Да это не подходит к настоящему положению.

Борейко и Блохин вытянулись перед генералом, который здоровался с чинами штаба дивизии. Подойдя к Борейко, он с удивлением стал всматриваться в его лицо.

- Позвольте, позвольте! Где-то мы встречались! Уж не в Артуре ли? Как ваша фамилия? - спросил генерал.

- Борейко, ваше высокопревосходительство! Был на Электрическом Утесе, затем на Залитерной батарее, - ответил Борейко. - Я тоже не сразу узнал вас. Вы стали кавказцем.

- Ну, это не совсем так! Обрусел - это верно. Был Ирманом, да не захотел носить немецкую фамилию и стал на русский лад Ирмановым. А вы зачем попали сюда?

Сушилин доложил генералу обстановку на фронте. - Очень приятно в боевой обстановке встречать доблестных портартурцев, - еще раз пожал руку Борейко генерал. - Комендант крепости Шварц тоже был в Артуре. Он так же, как и раньше, энергичен и неутомим. С вами служат, верно, и другие артурцы?

- Так точно. Старший офицер у меня в батарее подпоручик Звонарев.

Быть может, вы помните его?

- Румяный пухлощекий юноша, что женился на дочери Василия Федоровича Белого? Отлично помню. Передайте привет от меня. Очень толковый и храбрый офицер.

- А вот со мной старший фейерверкер Блохин. Всю осаду провел в одной роте со мной, - представил генералу Блохина Борейко.

- Здорово, молодчина! - обратился Ирманов к солдату и ласково похлопал его по плечу. - Не забыл, значит, своего командира, с которым раньше воевал? Мой трубач, если помните, Лейбензон, совершенно бесстрашный человек, никогда от меня ни на шаг не отходил в Артуре, он тоже со мной.

Стал моим ординарцем. Так и воюем опять вместе.

- У меня в батарее есть еще солдат Заяц, тоже артурец. Еще храбрее стал, чем был в Артуре, - доложил Борейко.

- Значит, вы были хорошим командиром для солдат, коль скоро они собираются около вас. Таких офицеров я очень ценю. На них, по-моему, и держится наша армия. Если солдаты готовы идти за офицером в огонь и в воду, значит, он настоящий отец-командир для солдата, с ним они любого врага побьют, - задушевно проговорил Ирманов.

Затем генерал ознакомился с намеченным Сушилиным планом обороны боевого участка и одобрил его. Узнав, что в этот район тяжелый дивизион направлен по указанию Шварца, Ирманов заметил:

- Знал Алесей Петрович, кого к вам направить. Капитан Борейко наилучшим образом выполнит порученную ему задачу.

Затем Ирманов решил лично осмотреть окопы переднего края обороны и ознакомиться с положением на месте. Борейко попросил разрешения

сопровождать Ирманова, однако генерал шутливо, но решительно отклонил просьбу.

- Да вас, дорогой мой, за десять верст видно. Немец сразу приметит вас. Нет, сидите на своем КП. Это мой категорический вам приказ. - И вместе с Сушилиным вышел из блиндажа штаба дивизии.

Борейко послал вслед за ними Васю Зуева, а сам занялся осмотром местности, где располагались резервы и тыловые учреждения дивизии. На узкой болотной полоске были устроены неглубокие блиндажики, в которых помещались резервы, склады боеприпасов, перевязочные пункты.

Пользуясь туманом, через реку переправлялись десятки рыбачьих лодок.

Понтонеры хотели было начать наводку моста, но Сушилин запротестовал, считая, что мост только демаскирует переправу и раскроет врагу их замыслы.

С темнотой начиналось усиленное движение многочисленных лодок через реку.

Оставив на западном берегу реки Васю и Лежнева, Борейко вернулся на свой КП, размещавшийся на пристанционной водонапорной башне. Немцы давно ее разбили, но обломки сохранились и среди них пристроился со стереотрубой Борейко. Дождь мешал наблюдениям и артиллерия обеих сторон молчала.

Когда наконец погода улучшилась, германцы подняли над своими позициями привязной аэростат, что позволило им хорошо рассмотреть восточный берег Вислы, где расположились батареи тяжелого дивизиона Борейко. Дальнобойные германские батареи немедленно приступили к пристрелке обнаруженных ими огневых позиций батарей.

Тяжелая пушечная батарея, стоявшая за небольшой деревушкой, первой оказалась под огнем и принуждена была замолчать. Это было особенно досадно потому, что Борейко намеревался именно этой батареей сбить вражеский аэростат.

Гаубичные батареи не обладают нужной дальнобойностью. Легких орудий на болотистом берегу тоже не было. Борейко решил ночью на

плоту переправить через реку одну тяжелую дальнобойную пушку с заданием во что бы то ни стало сбить вражеский аэростат. Месторасположение его было засечено по буссоли с нескольких населенных пунктов и определить расстояние до него не представляло никаких трудностей.

Ночью Вася и Звонарев, погрузив на плот дальнобойную пушку, доставили ее на левый берег и ранним утром, когда чуть забрезжил рассвет, дали несколько прицельных выстрелов по аэростату. Этого оказалось достаточно, чтобы немцы торопливо спустили аэростат на землю и больше не рисковали поднимать его в воздух.

До темноты немцы вели усиленный обстрел переднего края русской обороны. Тяжелые снаряды рвались в окопах, убивая и калеча людей и командование вынуждено было отвести солдат в тыловые укрытия, оставив на передовой только часовых.

Стемнело, моросил мелкий осенний дождь. Немцы методически выпускали ракеты, которые своим трепетным белым светом на несколько мгновений освещали землю и тухли в туманной мгле ночи. Погода благоприятствовала разведке. Несколько солдат выскользнули из окопов и направились в сторону врага.

Вася был оставлен как передовой наблюдатель в ркрпах одного из полков 21-й пехотной дивизии и, желая получше ознакомиться с расположением германцев, присоединился к разведке. Ползти по кочковатому, изрытому воронками пространству было трудно. Влажная пелена тумана окружила его со всех сторон. Вспыхнула ярким голубоватым светом ракета, осветив мертвое, перепаханное снарядами поле. И снова все потонуло в сырой и жуткой тьме.

Разведчиков не было видно. Вася понимал, что двигаться одному по незнакомой местности вблизи вражеских окопов опасно. Того и гляди, вместо разведки сам попадешь в плен. Оставалось одно - возвращаться, пока не потерял правильное направление. И Вася повернул к своим позициям. Вдруг он почувствовал, как несколько человек навалились на него. Он даже не успел крикнуть, - заткнули кляпом рот, стукнули по

голове, чтобы не сопротивлялся и поволокли.

"Ну, все, - с тоской подумал Вася, - отвоевался... Плен". Но вскоре услышал задыхающийся от усталости голос:

- Здоровый, черт... Отъелся на немецких харчах... Сил больше нет тащить его, дьявола.

У Васи отлегло от сердца. Он представил себе лица незадачливых разведчиков, когда они увидят, какого "языка" притащили в свои окопы, рассмеялся и спокойно отдался в руки своих "похитителей".

Васю втолкнули в окопы, хорошенько встряхнули, вытащили кляп изо рта и замерли в изумлении: "немец" с знанием дела крепко выругался.

- Ну и ну, - вытаращили глаза разведчики, - немец, а как лихо по-нашему чешет.

- Да какой я вам немец, черт вас всех задери, - я артиллерист Зуев, вместе с вами на разведку пошел...

На громкий смех солдат пришел офицер.

- Такая тьма кругом, ваше благородие, - смущенно оправдывались разведчики. - А тут вдруг видим - человек ползет к нашим позициям. И здоровый такой, а у нас пехтура все на подбор низкорослые. Ну, думаем, зверь сам в руки идет. И схватили, для порядка вложили ему малость...

Офицер отругал и Васю, чтобы не шлялся, где не надо, и разведчиков, чтобы смотрели в оба, приказал к утру достать настоящего "языка".

От усталости и пережитых волнений Вася, пристроившись поудобнее тут же в окопчике, уснул. Он не слышал, как ушли на новую разведку солдаты, как сменились часовые. Мертвая тишина и белый густой, как студень, туман опустились над болотом, придавили людей к земле, рождали угрюмые, тяжелые мысли. Часовые напряженно прислушивались: тишина казалась подозрительной, чудились шорохи, чьи-то неясные шаги. Вот так свалится тебе на голову немчура и пикнуть не успеешь, трахнут по башке и поволокут к себе...

Жутко! Часовой поежился от озноба, поднял воротник шинели. Скорей бы уж рассветало!

Вася проснулся от громких голосов, топота ног. Открыл глаза. Чуть

брезжил рассвет. Сквозь белесые космы тумана неясно проступали фигуры солдат. Было сыро и прохладно.

В окоп ввалились несколько солдат, волоча за собой что-то похожее на мешок. При ближайшем рассмотрении это оказался оглушенный ударом немецкий унтер с двумя нашивками на погонах. Он застонал и медленно пришел в себя.

Кто-то из солдат стал перевязывать ему голову.

- Тринкен! - попросил немец.

Ему дали напиться из солдатского котелка и повели к офицеру, который стал задавать вопросы пленному. Немец не пожелал отвечать. Ему дали несколько пощечин. Нехотя, явно искажая истину, унтер стал давать показания. Когда ему предложили показать на карте расположение полка и близкостоящих батарей, немец заявил, что не умеет читать карту, за что получил еще несколько затрещин.

- Слышь ты, волнопер, хватит спать-то, вставай! - услышал Вася простуженный, хрипловатый голос солдата. "Языка" привели. - Офицер спрашивает - может, по-ихнему балакаешь?

Вася поднялся, разминая затекшие ноги, и зашагал по пояс в белом тумане, как в воде, за неясно проступавшей спиной солдата.

На командном пункте, окруженный разведчиками, стоял немец, долговязый, с серым от страха лицом. Он испуганно смотрел светлыми, с припухшими веками, глазами то на офицера, то на угрюмые, измученные бессоницей и тяжким военным трудом лица солдат. Услышав родную речь, он обрадованно, с надеждой взглянул на Васю.

- Ну-ка покажи свою руку, - сказал по-немецки Вася, вспомнив Блохина.

- Посмотрим, что ты за птица.

Немец, не понимая, что от него хотят, несмело протянул натруженную, с негнущимися в суставах пальцами, руку. На вопрос, что он делал дома, немец тихо, со всхлипом ответил:

- Землю пахал...

- И много у тебя земли? - поинтересовался Зуев.

- Шесть моргенов на троих.

- А у помещика сколько? - справился Вася.
- У господина барона десять тысяч моргенов и земля отменная, не чета нашей крестьянской, - уже охотнее и смелее объяснил немец. - Нам обещали, что как только мы Россию завоюем, то каждому прибавят по пять моргенов, а кто получит железный крест, то и по десять...
- А землю вы откуда взяли-бы? В России? - переспросил Вася.
Немец утвердительно кивнул головой.
- Слыхали, ребята, что немец сказал? Они пришли отобрать у нас нашу землю, чтобы раздать своим солдатам, - громко проговорил Зуев. - Ради этого и пошли на нас войной.
И без того угрюмые лица солдат посуровели, глаза налились злобой.
Немец, не понимая, о чем идет речь, видел только озлобленные лица и опасливо озирался вокруг.
- Чем к нам-то за землей лезть, лучше бы отобрали ее у своего барона.
Не надо было бы столько верст топать, да и легче забрать, чем у нас, - пояснил Зуев.
Пленный даже улыбнулся, услышав такие речи.
- Такое говорят наши социал-демократы, но их за это сажают в тюрьму, - проговорил он.
- Всех не пересажают, крестьян куда больше, чем баронов, - проговорил Вася.
- Нам начальство говорило, что вы, русские, хотите у нас забрать землю. Кому верить? - недоуменно спросил пленный.
- Верь тому, кто говорит правду. Отобрать землю у своего помещика куда проще, чем лезть к нам войной. Тут и сдохнуть недолго, сам видишь.
Пленный подумал и глубокомысленно произнес:
- Гут - карашо!
На дальнейшие вопросы он отвечал подробно и охотно. Дружески подмаргивая Васе, он рассказал все, что знал о своих войсках и их расположении. Выснилось, что гвардейскому резервному корпусу поставлена задача сбросить русских в реку, переправиться через Вислу и взять крепость Ивангород. Для этого корпус был пополнен людьми, ему

придали два батальона тяжелой артиллерии и обещали, в случае успеха, хорошо наградить всех отличившихся.

Пленный надеялся, что и он получит за разведку железный крест и в придачу к нему десять моргенов русской земли. Но ему не повезло: он попал в плен.

Теперь о земле думать не приходится и он готов рассказать все, что знает, лишь бы его не отправили в Сибирь, где все люди умирают от холода и голода.

Когда "языка" увели в штаб полка и офицер ушел вместе с ним, солдаты окружили Васю.

Вася рассказал о своей беседе с пленным.

- Хитер ты, братец! - обратился к Васе один из солдат. - Ловко ведешь свою линию. У начальства под носом такие недозволенные разговоры! Мы тоже думаем, что воевать с соседним помещиком куда проще и сподручнее, чем с немцем, а пока что дело это не получается. А тебе совет: будь поосторожнее! Неровен час, нарвешься на сволочь и пошлют тебя в пехотную разведку с приказом пристрелить.

Вскоре из штаба полка пришел офицер и сообщил, что, по показаниям пленных, с утра немцы начнут артиллерийскую подготовку, а затем будут штурмовать окопы 3-го Кавказского корпуса. Ввиду этого, генерал Ирманов приказал немедленно перебираться через болота, чтобы к рассвету самим броситься в атаку на немцев.

Густой туман надежно скрывал все приготовления русских и вскоре рота за ротой поднимались на бруствер и исчезали, будто растворялись в предрассветной мгле. У немцев было по-прежнему тихо и ничто не указывало на то, что они ожидают нападения русских.

Зуев остался в окопах, чтобы поддерживать связь с батареей.

Как всегда перед атакой, Васю била нервная дрожь. Через несколько часов покажется солнце и с его первыми лучами загремят пушки, послышится скороговорка пулеметов. Что принесет ему, Васе, этот рассвет? Жизнь, смерть? Зачем нужна эта война солдатам, что, надрываясь, тащили сейчас по болоту пушки, снаряды? Выбиваясь из

сил, спешили к немецким позициям.

Зачем они спешили? За смертью, за той единственной пулей в сердце, полном сейчас горячей живой крови?

А ему, Васе Зуеву, зачем нужна эта война? Кому понадобилось держать его в сырых, прпахших болотным смрадом окопах? Любовь к своему отечеству, как говорит дядя Сережа? Черта с два! Он, Вася, знает, что это за отечество и кому оно нужно.

"За веру, царя и отечество". Ишь придумали, сволочи! Небось за веру, царя и отечество генералы не гнили в окопах, когда положили костьми чуть ли не всю 2-ю армию в Восточной Пруссии. Небось за веру, царя и отечество военный министр Сухомлинов загребает миллиончики, наживаясь на интендантских поставках негодного обмундирования, вооружая солдат ружьями и пушками старых моделей. Вася читал об этих махинациях в листовках, которые дал ему на днях Блохин.

Вася вспомнил свою не столь уж долгую и не столь богатую событиями и радостями жизнь: дестство, проведенное в бедной рабочей семье, отъезд на Дальний Восток в надежде на большие заработки отца, сиротство, неожиданное усыновление Звонаревыми, возвращение в Россию, учеба... Слов нет, Васе жилось неплохо, он ни в чем не нуждался, учился. Он искренне полюбил Варвару Васильевну и Сергея Владимировича, но иногда было грустно, хотелось, чтобы его волос коснулась узловатая, в мозолях, но легкая материнская рука... Вася задремал.

Из сумрака выплыло милое Варино лицо, оно улыбнулось ему. Варя подошла ближе, положила руку ему на голову, провела по щеке. Сладко и больно рванулось сердце. Захотелось плакать, целовать эту добрую, родную руку. Вася всхлипнул и открыл глаза.

Туман, белесый туман, отрезавший его от всего живого. Иногда Васе казалось, что он любит Варю далеко не сыновьей любовью. Его волновала Варина близость, ему нравилось смотреть, когда она расчесывала свою густую косу, сердце его замирало и чаще билось, когда он слышал ее молодой голос, звонкий заразительный смех. Он восхищался ее энергией, ее смелостью, он гордился ею. А может быть,

по-настоящему так и любят мать? Кто знает...

Окончательно Васю разбудил грохот пушечных выстрелов, крики, тяжелая скороговорка пулеметов, доносившиеся из-за болота.

- А-а-а... - стелился отчаянный и, вместе с тем, могучий крик множества голосов.

"Началось..." - подумал Вася.

Рассветало, в густом тумане проступили очертания деревьев, на берегу реки - полуразрушенные крестьянские халупы. В тыл тянулись вереницы раненых. А навстречу, через болото, к переднему краю пробирались солдаты, таща за собой пулеметы на маленьких колесиках, цинковые ящики с ружейными патронами, лотки с артиллерийскими снарядами, телефонисты тянули провода.

Несколько наудачу выпущенных немецких снарядов разорвалось поблизости, обдав Зуева жидкой грязью. Недовольно отряхнувшись, Вася поспешил спрятаться в блиндаже, но земля то и дело сыпалась с потолка, содрогавшегося от взрывов. За болотом заговорили легкие батареи. Туман смешался с клубами дыма и пыли и плотно осел на болоте.

Вася попробовал соединиться по телефону с батареей, но провод был поврежден и телефое не действовал. Зуев с тревогой начал искать повреждение. Стало очевидно, что провод перебит где-то далеко в тылу.

Началось наступление и связь с батареей была необходима. Для этого он и оставлен на передовой! Недолго думая, Вася перемахнул через бруствер окопчика и, пригибаясь, побежал к расположенному неподалеку командному пункту батареи.

- Что там происходит? - встретил его вопросом Борейко. - Немцы, что ли, наступают? Я тебе звоню, а ты, черт рыжий, молчишь!

Вася рассказал о наступлении русских частей.

- Черт знает что такое! - вскипел Борейко. - Идет наступление, а мне о нем ничего не сообщили. Я собирался сейчас открыть огонь по немецким позициям. Представляешь, что бы это было? И ты тоже хорош, молчал до последнего момента. Зачем тебя оставили на передовой?!

Вскоре прибыл посланный из штаба. Шварц приказывал тяжелому

дивизиону перейти по мосту через Вислу и занять огневые позиции на правом фланге крепостной обороны. Здесь намечался удар во фланг и тыл германского гвардейского резервного корпуса. Атаковать должны были полки гвардейского корпуса, к нему придавался тяжелый дивизион Борейко.

Получив это распоряжение, капитан приказал батареям в срочном порядке направляться в район нового своего расположения.

Первой должна была двигаться пушечная батарея, которой временно командовал Звонарев. Офицеры батареи приняли было Звонарева сухо и официально. Солдаты тоже хмуро посматривали на новое начальство. Но спокойный и уравновешенный Сергей Владимирович скоро расположил к себе и тех и других. Он попросил старшего офицера батареи - поручика - командовать батареей, так как ему, Звонареву, еще не приходилось встречаться с дальнобойными пушками в боевой обстановке. Не стал он перемещать с занимаемых в батарее постов ни офицеров, ни солдат. Все должно было оставаться по-прежнему, пока он не освоится в батарее и не познакомится со всем ее личным составом.

С солдатами он поговорил, как всегда, просто, дружелюбно и несколько по-штатскому, как привык на заводе разговаривать с рабочими. Солдаты стали приветливее и охотно бросались исполнять его приказания, задавали различные вопросы. Правда ли, что он всю осаду был в Артуре и не получил ни одной награды, хотя и был тяжело ранен? Правда ли, что он на заводе заступался за рабочих и за это его отправили на фронт, хотя, как инженер военного завода, он не подлежал мобилизации в армию?

Звонарев охотно отвечал. Офицеры, особенно двое юных поручиков, стали во всем брать пример со Звонарева. Обратили внимание на то, что он не только сам не бьет солдат, но и строго запрещает бить их офицерам.

Солдаты быстро поняли, что их новый командир хорошо разбирается в батарейном хозяйстве и не допустит, чтобы их обирали и объедали.

При переходе в новый район Звонарев по дороге заехал в штаб крепости

к Шварцу и от него лично получил боевое задание для своей батареи. Шварц был очень обрадован, что Звонарев стал командовать одной из батарей.

Свою батарею Звонарев нагнал уже на мосту через Вислу. Немцы лишь изредка, скорее для острастки, выпускали по мосту один-два снаряда, не мешая переправе.

С рассветом все крепостные батареи и тяжелый дивизион сосредоточили свой огонь на указанных им целях. К полудню, когда артподготовка окончилась, гвардейские полки ринулись в наступление. Одновременно 3-й Кавказский корпус атаковал германцев на своем участке.

Гвардия скоро вышла в тыл немцам. С трудом удерживаясь на своих позициях, они с наступлением ночи начали стремительно отходить. Бездорожье и начавшиеся проливные дожди затруднили продвижение русских частей.

Тяжелые батареи временно задержались под Ивангородом.

Крепость продолжала оставаться основным пунктом эвакуации раненых и больных. Ежедневно прибывали санитарные поезда и увозили солдат и офицеров, пострадавших в боях. На станции Ивангород развернулись "передовые питательные пункты" Союза городов, главным организатором и руководителем которых был Пуришкевич, член Государственной думы. Он нацепил на себя полувоенную форму, названную в армии "земгусарской".

Появился здесь и Краснушкин. Он успел побывать в Питере и привез много писем и посылок своим друзьям и знакомым, и прежде всего Борейко, Звонареву, Блохину.

Борейко он вручил неизвестно каким путем полученное от Ольги Семеновны письмо.

Тут же, отойдя немного в сторону, трясущимися руками Борейко разорвал конверт и с первыми словами услышал ее единственный для него, дорогой голос.

"Родной мой, ненаглядный, - писала Ольга. - Я всегда знала, что люблю тебя, но только сейчас поняла - как! До последнего вздоха, каждой своей

кровинкой люблю...

Я причинила тебе горе, страдания - прости меня. Я пишу это, потому что знаю - ты поймешь меня, как понимал всегда. А понять - значит простить. Еще в те трудные дни на Красной Пресне, в Москве, я почувствовала себя нужной людям. Не только тебе, не только нашему Славке, а людям! Это великое счастье - знать, понять, что ты нужен, полезен. От этого вырастают крылья, появляются силы, о которых ты даже не подозревал. И ничего не страшно..."

Борейко опустился на траву, прикрыл глаза рукой и, как от боли, застонал. Жестокая спазма сдавила горло, перехватила дыхание. Расплываясь, сквозь пелену слез проступали строки... и вновь заговорил нежный родной голос:

"... Я верю и знаю, что мы увидимся, что ничего не случится! Я обнимаю тебя, целую твои милые глаза, все-все твое лицо, твои губы..."

Борейко долго еще сидел на траве, открытыми, но ничего не видящими глазами глядя в одну точку. Рука тихо гладила свернутый пополам лист бумаги.

26

Высю Зуева неудержимо тянуло к станции, где разместились лазареты и где можно было увидеть красивое женское лицо, блестящие молодые глаза, а иногда и зовущую улыбку. Однажды Зуев неожиданно встретился с Надей Акинфиевой, прибывшей с санитарным поездом. Увидев Васю, Надя бросилась к нему:

- Боже мой, какое счастье, что батарея здесь! Я всю дорогу боялась, что вас не застану. Васенька, умоляю, скажите Сергею Владимировичу. Я очень хочу его видеть. Не смотрите на меня такими грустными глазами. Вам ли печалиться в ваши-то годы! У вас еще все впереди: и любовь, и разочарования, и снова любовь. Ну, улыбнитесь...

Вася горячо поцеловал Надину руку, потом, помедлив, поцеловал еще.

Ему страшно не хотелось уходить от Нади, от ее смеющихся черных глаз,

но эти глаза приказывали, и ничего не оставалось, как подчиниться их приказу.

- Хорошо, я скажу. Где вас найти?

- На втором пути санитарный поезд. Вечером после шести я буду ждать.

Когда Вася, хмуря брови, сообщил Звонареву новость, он был удивлен произведенным эффектом. Спокойный, невозмутимый дядя Сережа вдруг побледнел и долго смотрел на него расширенными немигающими глазами. Потом молча сел за стол, сосредоточенно о чем-то думая. Все это казалось Васе смешным.

"Ну что он сидит, надувшись как мышь на крупу? Не рад, что ли? Что думать, когда зовет хорошенькая женщина! Хватай шапку в охапку - и беги.

Не каждый же день бывает такое счастье. Голову даю на отсечение, что он сидит и думает о тете Варе..."

Вася угадал: в ту минуту Звонарев действительно думал о Варе. Он не задумывался над тем, идти ему к Наде или не идти. Он знал, как только услышал от Васи новость, что пойдет, что не сможет не пойти. Но он также знал, что едва ли это будет простое, никого не обязывающее свидание, простая встреча двух старых друзей. По тому, как билось его сердце, он чувствовал, что Надя ждет его, что ждала все это время с самого момента прошлой встречи. А Варя? Что он скажет Варе? Как все будет?

- Дядя Сережа, - услышал он голос Васи, - ведь санпоезд может уйти, пока вы будете сидеть в трагической позе и решать, быть или не быть.

Сходите, ничего не случится. Не пойдете - потом будете терзаться, да и Надя ждет...

От одной мысли, что санитарный поезд может уйти и он не повидает Надю, у Звонарева упало сердце. Проклиная себя, свой безвольный характер, Звонарев быстро собрался и поспешил на станцию.

Было уже около восьми часов. Стемнело. На станции зажглись фонари.

Поезда на втором пути не оказалось. Надя уехала, так и не повидав его!..

Ждала, надеялась, а он... Звонарев чувствовал, как страшная,

изнуряющая пустота наполняет его душу, будто ему вместо живого, полного горячей крови сердца положили в грудь никому не нужный холодный и мертвый камень. Надо было пойти узнать, ушел ли поезд, но не было сил двинуться с места, не хотелось говорить, спрашивать и услышать равнодушный ответ: "Да, ушел, полчаса назад".

Вдруг тонкие холодные пальцы закрыли ему глаза. И, прежде чем он почувствовал эти пальцы, прежде чем услышал счастливый воркующий смех, он понял - это она, его Надя, а сейчас - его судьба.

Не поворачивая головы, он взял озябшие ласковые руки и прижал своими теплыми большими ладонями к губам.

- Я так ждала... давно ждала! Уже перестала ждать. Но уйти не могла!

- слышит он взволнованный шепот. - Нас перевели в тупик, вон туда, видишь огни...

Надя стояла перед ним, завернувшись в теплый белый платок, такая близкая, родная, желанная...

Свет тусклого фонаря освещал ее тонкое лицо, счастливые мерцающие огоньки глаз.

- Милая, - скорее выдохнул, чем произнес Звонарев, обнимая податливые Надины плечи и прижимая ее к себе. - Милая...

- Не здесь, Сережа, не здесь. Видишь, люди... Пойдем ко мне...

Не выпуская Надиной руки и, как пьяный, спотыкаясь о рельсы, Звонарев шел к слабо освещенному пустому поезду. Фонарь, раскачиваясь от ветра, бросал тени, большие, движущиеся и уродливые...

27

Проснувшись, Борейко взглянул на часы: шесть утра. Сегодня в восемь его доклад Шварцу о готовности тяжелого дивизиона к походу.

Борейко встал, машинально делая все, что делал каждое утро - одевался, брился, мылся. Но мысли его были далеко. Тревожные, тяжелые мысли. Борейко понимал всю безысходность своего положения. Ольга в тюрьме.

Об этом легко сказать, но даже подумать, представить весь ужас совершившегося трудно. Это то, чего так боялся и чего он, холодея сердцем, постоянно ждал. Хорошо, если ее не опознают и выпустят вместе с другими работницами. А если опознают? Если установят связь с большевистской организацией? Борейко с трудом перевел дыхание. Нет, надо ехать в Питер. А чем он может помочь? Ничем. Он со всей отчетливостью вдруг представил себе, что если даже Ольгу освободят сейчас, сегодня, кто поручится, что ее не арестуют завтра.

Он подошел к окну. Пасмурное, серое утро. По стеклам хлестал косой осенний дождь. Деревья, покорные ветру, склонили свои намокшие головы.

Однажды он спросил Ольгу, что делает революционера таким сильным, бесстрашным - смелость, отчаянность? "Нет, милый, - сказала Ольга, - убежденность". Она подошла тогда, маленькая, хрупкая, положила ему на плечи свои тонкие руки и, подняв на него ясные глаза, тихо добавила: "Разве я не боюсь? Разве мне не страшно вдруг в одно утро потерять Славку, тебя? Но иначе жить я не могу. Понимаешь? Жить иначе - значит не жить совсем".

Да, это он понимал. Для него "жить иначе" - это означало жить без Ольги. А жить без нее - это равносильно не жить совсем.

Его размышления прервал стук в дверь.

- Да, войдите.

Вошел Звонарев. Поздоровавшись, молча прошел к столу и сел. Борейко, занятый своими мыслями, не обратил внимания на странное молчание Звонарева, на его убитый, растерянный вид.

- Боря, прости меня, - наконец с усилием вымолвил он. - У тебя такое горе, а я пришел со своей бедой. Но понимаешь, к кому я еще пойду? Ты один у меня друг. Помоги...

Борейко поднял на Звонарева глаза и только теперь заметил его бледность, припухшие, покрасневшие от бессонницы веки и главное - взгляд, совсем необычный, несвойственный Звонареву - взгляд безмерно страдающего человека.

... С трудом, часто останавливаясь, рассказывал Звонарев о своем, столь неожиданно вспыхнувшем чувстве к Наде, захватившем его всего целиком, лишившем воли и рассудка. Он потерял власть над собой... Как мальчишка, не рассуждая, не задумываясь о последствиях, он кинулся навстречу Наде, в ее раскрытые жаркие объятия... Он ненавидит себя, презирает, но изменить ничего не может. Хуже всего то, что он умом понимает мерзость своего поступка, но не душой, не сердцем.

- Как на духу тебе говорю, Боря, - позови она сегодня, я, наверное, побежал бы опять. Что это - любовь? Но ведь я же люблю Варю! Разве я могу оставить ее, наших ребят? Но и жить во лжи я не могу. С ума сойти можно!..

Что делать?

"Да, конечно, твое горе еще полгоря, - думал Борейко, внимательно слушая своего друга. - И если бы я не знал тебя, не знал Варю и Надю, я легко бы все это назвал блажью, которая скоро проходит. Как говорится: "С глаз долой - из сердца вон". Но я знаю тебя не один год и всегда уважал за честность и чистоту, за душевную искренность. Что случилось, что ты изменил себе, обидел Варю?.. Это на тебя не похоже".

- Вчера, когда я уходил от нее, она плакала, целовала мои руки, просила прощения у меня, у Вари... Но разве она виновата? Один только я...

Я напишу Варе, пусть решает она, - с отчаянием сказал Звонарев.

- Ты напишешь ей, когда сам переболеешь, передумаешь все, до конца, когда тебе самому станет все ясно. А не сейчас. Взвалить такую беду на Варины плечи - ты с ума сошел! Мой тебе совет, если ты пришел за ним: не повторяй ошибки дважды. Постарайся все понять с одного раза. Ты мужчина, ты сильнее Нади, пожалей и ее, не становись у нее на дороге. Потерпи, подожди. Она найдет свою судьбу. - Борейко подошел вплотную к сидящему Звонареву и, повернув его лицом к себе, посмотрел в глаза внимательным и долгим взглядом. - И прошу тебя - побереги Варю. Она у тебя одна на все жизнь. Ты знаешь, так не забывай этого. На всю жизнь. И другой Вари не будет...

28

В штабе Шварц передал артиллеристам приказ: выступать завтра с утра и двигаться через Радом, дальше из-за неисправности железнодорожных путей уже в походном порядке идти на Пинчев и Кельцы. Осада Ивангорода считалась оконченной.

Тяжелый дивизион в Пинчеве придали гвардейскому корпусу, который после ивангородских боев, посадив половину солдат с пулеметами на крестьянские подводы, продвигался со скоростью 40-50 верст в сутки и, намного обогнав соседние корпуса, неожиданно для австрийцев появился перед Краковом, собираясь с ходу ринуться на штурм северо-восточных и северных фортов Краковской крепости. Гвардия должна была ночным штурмом овладеть Гремваловской группой фортов, к рассвету захватить в Кракове переправы через Вислу. К этому времени обещали подойти соседние корпуса.

Тяжелому дивизиону предстояло разрушить бетонные укрепления Гремваловской группы, а затем из дальнобойных пушек открыть огонь по переправам на Висле и центру города, где сосредоточились все жнлнзнодорожные вокзалы.

Борейко был вызван в штаб гвардии к начальнику артиллерии корпуса герцогу Макленбург-Шверенскому, старому немцу, плохо говорившему по-русски. Фактически всеми делами в корпусе ведал его адъютант поручик Кочаровский, сын командира 1-й тяжелой артиллерийской бригады. От отца он слышал многое о Борейко и относился к нему почтительно.

В оперативном отделе штаба гвардии на совещании, где обсуждался вопрос об организации штурма Кракова, Борейко ьолча слушал высказывания многих военных специалистов, и только в конце совещания он обратил внимание на трудность стоящей задачи: взять крепость с налета невозможно, потребуется основательная артиллерийская подготовка. Если даже допустить, что город будет взят, то удержать его трудно: соседние корпуса отстали на 30-40 верст.

- Рассчитывать следует только на свои силы, а их не так уж много для взятия первоклассной крепости, какой является Краков. Вывод - со штурмом спешить нельзя, надо хорошо подготовиться к нему, подтянуть осадную артиллерию и соседние корпуса, - закончил Борейко свое выступление.

На совещание подоспел командир 3-го Кавказского корпуса Ирманов. Он энергично поддержал идею немедленного штурма крепости.

- Мой корпус подойдет завтра к вечеру и сразу бросится в атаку, - заверил он.

- Об этом правильнее будет спросить ваших солдат, ваше высокопревосходительство, в силах ли они будут это сделать, - с иронией заметил Борейко. - Захватить Краков на один день нет никакого смысла. Зря уложим массу людей, а успех не окупит наших потерь. Мой дивизион готов хоть сейчас открыть огонь по Грембаловской группе фортов. Но что я смогу сделать своими шестидюймовыми гаубицами против железобетонных перекрытий, рассчитанных на калибр вдвое больший? Ничего, кроме шума и небольших вмятин на фортовых казематах!

- Значит, вы против штурма? - уточнил младший Кочаровский.

- Я против бессмысленной гибели хотя бы одного солдата. А тут совершенно зря погибнет не одна тысяча солдат нашей великолепной русской гвардии. Ведь в ней собран весь цвет молодежи нашей страны. Против этого я и возражаю самым решительным образом, - объяснил Борейко.

Не дождавшись конца совещания, Борейко отправился в дивизион и стал готовиться к "очередной глупости начальства", как выразился он.

На следующий день был получен приказ подготовиться к ночному штурму Кракова.

Вся тяжесть боя ложилась на плечи пехоты. Артиллерия, лишенная возможности заранее пристреляться к целям, не могла поддержать пехоту в бою.

- Пантофельная почта категорически сообщает, что никакого штурма не будет, Борис Дмитриевич, - с апломбом заявил Заяц. - Посудите сами.

Турок завоевал с нами. Значит, супротив его надо посылать солдат. Под Лодзью наши дела "бардзо кепско". Немец давит на нас. Значит, и туда надо посылать солдат. Что же останется для Кракова? Шиш с маслом! А голыми руками крепость не возьмешь. Вспомните Артур...

- Да ты, Илья Львович, совсем стратегом стал! - удивился Звонарев.

- Война хоть кому, кроме генералов, ума прибавит, - ответил Заяц.

- Значит, в Краков не попадем? - справился Зуев.

- Да, танцевать краковяк тебе не придется. Готовь разведку на Грембаловское направление. Будем штурмовать или нет, а на передний край обороны нас завтра вытащат. Район на карте мне уже показали, - напомнил Борейко и они углубились в изучение карты района предстоящего расположения дивизиона.

Когда дивизион уже расположился на бивуак, неожиданно появились приехавшие из штаба корпуса военные агенты: французский - генерал маркиз де ля Гиш, английский - полковник Нокс и японский - майор тяжелой артиллерии Такояма. Японец прекрасно говорил по-русски, а француз и англичанин беседовали с Борейко через переводчика. Все иностранцы очень интересовались, как собирается действовать тяжелый дивизион при штурме крепости.

- Как прикажут, так и будем действовать, - хмуро отнекивался Борейко, не желая посвящать иностранцев в свои планы.

Такояма поспешил сообщить, что он участвовал в осаде Порт-Артура в чине лейтенанта. Борейко сразу насторожился и попросил подробно рассказать, где находилась тяжелая батарея Такоямы и по каким целям она вела огонь. Японец, не подозревая, что перед ним офицеры-артурцы, сообщил, что обстреливал батарею литера Б, второй и третий форты, затем был на горе Высокой и участвовал в потоплении русского флота во внутренней гавани Артур. Стало совершенно очевидно, что в Артуре Борейко и Звонарев воевали против Такоямы. В свою очередь, Борейко сообщил, что участвовал вместе со Звонаревым и некоторыми из своих солдат в обороне Артура.

- Где вы были? - полюбопытствовал японец, ошарашенный такой

неожиданной встречей.

- На Электрическом Утесе, Залитерной и в других местах, - ответил Борейко.

- Электрический Утес! О, этой батареи боялся весь наш флот! Адмирал Того обещал большую награду нашим артиллеристам, если мы разобьем ее. Но до самой сдачи крепости этого сделать не удалось. Русская артиллерия, несмотря на устарелость ее по сравнению с японскими орудиями, действовала блестяще. Когда мы подвезли наши одиннадцатидюймовые мортиры, то считали, что Артур больше месяца не продержится. А прошло больше трех месяцев, пока наконец генерал Стессель сдал крепость. Вчера я получил радостную весть о взятии японской императорской армией германской крепости Циндас. Это была, конечно, пустяковая осада по сравнению с Артурской эпопеей, - уверял Такояма.

Затем он рассказал о помощи, которую Япония оказывает России в этой войне.

- Мы вернули русским все захваченные нами в Артуре военные корабли, поднятые нами со дна гавани и исправленные. "Ретвизан", "Победа", "Пересвет", "Полтава", крейсер "Диана" и ваш героический "Варяг". Эти корабли должны прибыть в Мурманск и образовать там Северную русскую флотилию для охраны кораблей, доставляющих различные боеприпасы и вооружение русским войскам и флоту.

Продолжая повествование, Такояма сообщил, что Япония вернула России за хорошее вознаграждение все захваченные в японскую войну русские винтовки, пушки, снаряды и патроны. Кроме того, продала несколько сот тысяч винтовок своей системы "арисака" с полным боевым комплектом патронов к ним.

- Япония верный друг своих союзников и готова им помогать, чем только может, - уверял он, расцветая неизменной улыбкой.

Было уже поздно, когда иностранцы, убедившись, что у Борейко ничего толком не узнаешь, отправились в соседнюю деревню, где им был приготовлен ночлег.

- Интересно знать, в какую копеечку влетела нам покупка наших старых кораблей! - заметил Борейко, когда иностранцы удалились. - Сейчас это совершенно устаревшие суда, слабые и тихоходные, непригодные для серьезных боев. Да и наши винтовки были со старыми прицелами, для стрельбы тупоконечными пулями. Их тоже надо переделывать. Японские пушки и винтовки тоже не новинка. В общем, накупили всякую рухлядь, причем заплатили в три раза дороже, чем она стоит. Эти расходы тоже следует отнести за счет японской войны. Помимо ста восьмидесяти миллионов рублей контрибуции, уплаченной японцам за так называемое "содержание пленных", стоившее не более десяти, много - двенадцати миллионов рублей, мы уплачиваем теперь не один десяток миллионов золотых рублей за это старье.

- За все это расплатится мужик своим хребтом. Налоги увеличили и собирают их беспощадно, - заметил стоявший тут же Блохин. - Мало того, что мужика и нашего брата рабочего бьют и калечат на войне, они еще должны и оплачивать военные расходы. Мы пухнем с голода, а капиталисты жиреют от войны, мошенничая и наживаясь на поставках. Купеческих сынков берут только в тыловые части, а попов и поповское отродье и вовсе освобождают от воинской повинности. Ради чего, собственно, мужику воевать? Неизвестно!

- Чтобы получить после войны помещичью землю, - отозвался Звонарев. - Об этом мечтают все солдаты.

- Кто ее, землю эту, им даст? - спросил Блохин.

- Государственная дума и Государственный совет!

- Как бы не так! В Думе сидят те же помещики. Этого никогда не будет. Сейчас у мужика в руках оружие. Он должен повернуть его на богатеев и землю взять силой. Иначе он никогда земли не увидит, - убежденно проговорил Блохин.

- Это вызовет междоусобицу, братоубийственную войну, может, даже поведет к распаду государства. Россию разорвут по кускам. Нет, я хотя сочувствую рабочим и крестьянам, но все же против таких действий, потому что люблю свою страну и не желаю ограбления России другими

державами, - с жаром сказал Звонарев.
- Не раздерут и не поделят! Подавятся, дюже велик кусок! При дележке нашей шкуры победители обязательно передерутся, а мы, собравшись с силами, турнем их с нашей земли. Прогоним царя, помещиков, землю поделим между крестьянами, заводы отдадим рабочим, - убеждал Блохин.
- Что рабочие будут делать с заводами? - спросил Звонарев. - Чтобы ими управлять надо иметь образование. Инженеров из рабочих скоро не подготовишь. Развалить производство рабочие сумеют, но управлять им - никогда! - горячился Звонарев.
- Вы, инженеры, нам и поможете его вести и наладить, - возразил Блохин. - Кто лучше вас знает нужды и желания рабочих? Тут вам и карты в руки.
- Коль рабочие все возьмут в свои руки, пусть сами и управляются с заводами! Едва ли инженеры захотят им помогать. Я, по крайней мере, не стану этого делать. Взялся за гуж - не говори, что не дюж.
- А Вася Зуев сделает, станет нашим рабочим инженером. И не он один, найдем и других! Да и вы, Сергей Владимирович, как поразмыслите над этим, тоже наверняка к нам придете, хотя и будете сначала ругать нас на чем свет стоит. Варвара Васильевна вам поможет разобраться, - уверенно проговорил Блохин.
- Пока что подумаем, где нам завтра располагать наши батареи, - остановил спор Борейко, молча, но внимательно слушавший весь разговор.

29

Вскоре из штаба гвардии прибыл офицер связи с пакетом, в котором указывалось, что следует делать завтра тяжелому дивизиону.
- Минувшей ночью шесть сотен Атаманского полка проникли за линию фронтового пояса, добрались до окраины города. Там полный переполох. Даже ночью и то жители бегут куда глаза глядят. Наши молодые

генштабисты летали на самолете над Краковом. Все пути от него на запад и юго-запад забиты поездами и телегами. Все бежит без оглядки. Штурм обязательно увенчается полным успехом, - заверял штабной офицер.

- В этом я очень сомневаюсь! - резко возразил Борейко - Одной гвардии мало, чтобы захватить Краков. По опыту Порт-Артура я знаю, что необходимо для успеха штурма крепости двойное, если не тройное превосходство в силах над ее гарнизоном. У нас в лучшем случае равенство, если не того хуже.

Штурм этот - нелепость или предательство. Солдат будет своей кровью расплачиваться за это преступление безмозглых генералов.

- В штабе армии еще колеблются, разрешить ли нам штурм или нет, - заметил штабной офицер.

- Потому что Ленчицкий помнит о солдатах и не хочет напрасных потерь.

В штабе же гвардии обо всем этом позабыли, кроме возможности получения чинов, орденов и других награждений за штурм Кракова, хотя бы при этом погибли солдаты всех гвардейских полков. Я бы расстрелял того начальника, который отдаст приказ штурмовать Краков. У меня тяжелые пушки - шести и четырех с половиной дюймов, форты крепости рассчитаны на попадание двенадцатидюймовых снарядов. Наши пушки никакого вреда им причинить не могут. А что после штурма Кракова? У нас нет сил его удержать.

Штабной офицер поспешил отправиться восвояси.

Еще затемно тяжелый дивизион выступил на передний край обороны. С рассветом батареи заняли огневые позиции. Борейко выбрал КП на одиноко стоящей скале, несколько в стороне от расположения батарей. В стереотрубу были видны форты Грембаловской группы. Они были хорошо применены к местности. В промежутках между фортами спешно возводились полевые укрепления. Над крепостью висел в воздухе привязной аэростат, с которого вели наблюдение за продвижением русских. Немецкие самолеты беспрерывно шныряли в воздухе, сигналя разноцветными ракетами.

В ответ на первые пристрелочные выстрелы тяжелых орудий австрийцы

открыли огонь из крепости. Грохот взрывов крупнокалиберных снарядов гулко раздавался среди лесистых гор, в которых расположились русские части.

Пехота попросила "заткнуть глотку" крепостной артиллерии. Борейко усмехнулся в ответ:

- Это, к сожалению, невозможно. Наши пушки бессильны против крепостных орудий. Обстрелять форты я обстреляю, но разрушить их не смогу.

Пугану малость - и только, - предупредил пехоту Борейко.

Чтобы поразить глубокий тыл австрийцев, Борейко приказал поставить дальнобойные пушки возможно ближе к переднему краю обороны, рассредоточив их на значительном расстоянии одна от другой.

Первые же снаряды, разорвавшиеся около переправ через Вислу, вызвали переполох у австрийцев. Над расположением русских появилось несколько аэропланов, выискивающих огневые позиции дальнобойных батарей, но расставленные поодиночке пушки были хорошо замаскированы и найти их было нелегко.

Днем было окончательно решено: в следующую ночь штурмовать Грембаловскую группу фортов Кракова. В обход ее были направлены: справа - 1-я гвардейская пехотная дивизия, слева - 2-я гвардейская. Стрелковая бригада оставалась в резерве и двигалась прямо на форты. С пехотой шли легкие батареи, а тяжелые должны были прикрывать своим огнем наступление.

С темнотой все части вышли в указанные им районы. Борейко находился при штабе гвардейской стрелковой бригады, где расположились оперативный отдел штаба гвардейского корпуса и иностранные военные агенты - генерал маркиз де ля Гиш, полковник Нокс и майор Такояма. Отдавались последние распоряжения, все было готово к атаке. За полчаса до начала штурма командира корпуса Безобразова по прямому проводу из штаба армии вызвали к аппарату. Из этой комнаты всех удалили. Через пять минут Безобразов вышел из аппаратной и громко приказал:

- Немедленно передать в штабы дивизий, что штурм отменяется! Это распоряжение Ставки верховного.

Новость огорошила всех. Иностранцы бросились к Безобразову за разъяснением, но генерал ограничился повторением своего приказа: штурм отменяется. Один Борейко вздохнул свободно: его точка зрения победила.

Посыпались протесты из дивизий. Уверяли, что солдаты самовольно уже вышли из окопов, что в темноте остановить их невозможно, но все это осталось без внимания. Безобразов возложил персональную ответственность за выполнение приказа на командиров дивизий под угрозой немедленного снятия с командования. Это подействовало. Полки вернулись в исходное положение.

Штурм не состоялся.

Борейко в штабе так и не мог узнать, что за причина заставила в последнюю минуту изменить первоначальное распоряжение. Вернувшись к себе в дивизион, он застал там приехавшего из Пинчева Зайца.

- Вы, ваше высокоблагородие, уже знаете об отмене штурма? - первое, что спросил солдат.

- Я-то знаю из штаба, а ты откуда мог об этом узнать? - удивился Борейко.

- Пантофельная почта сообщила. И знаете, почему отменили штурм?

- Этого не знаю и узнать не мог, - признался Борейко.

- Потому что дела под Лодзью "бардзо кепско", как говорят поляки.

Немец прорвался в тыл нашей армии и часть ее окружил, а наши, в свою очередь, окружили немца, немцы - нас, а наши снова окружили немца.

Получился слоеный пирог. Совсем бы немцу пропадать, но тут Ранненкампф, тот, что был в Восточной Пруссии, остановил на двое суток свою подходящую армию и дал немцу возможность уйти из окружения. Немецкий принц, сын Вильгельма, Этель-Фридрих, так испугался, что удрал из окружения на самолете, боясь, что его захватят в плен. Потери огромные. Пришлось стягивать войска на север и забыть про Краков, - объяснял Заяц.

- Откуда ты все это знаешь? - изумился Борейко.
- Пан ксендз по секрету сказал, - признался Заяц.
- Ты-то какое к нему имеешь отношение? - удивился Борейко.
- Подошел к нему под благословение как добрый католик. Он и поделился новостями. Поляки не любят царское правительство, но немцев ненавидят еще больше.

30

Вскоре было получено приказание войскам 9-й армии отойти в район Пинчева. Длительные переходы по плохим, разбитым дорогам вконец расстроили материальную часть артдивизиона. Выяснилась необходимость обстоятельного ремонта. Борейко поехал в штаб 9-й армии с докладом к генералу Ленчицкому.
Ремонтные мастерские были только в Варшаве и поэтому генерал распорядился отправить тяжелый дивизион в Варшаву.
В штабе подтвердились ошеломляющие сведения о новом предательстве Ранненкампфа, который, вместо того, чтобы отрезать немцам путь к отступлению, на двое суток остановил свою армию и тем дал возможность немцам выйти из кольца.
- На этот раз Ранненкампфа отрешили от командования и отправили в тыл, - по секрету сообщил Борейко штабной офицер. - Говорят, великий князь Николай Николаевич отхлестал его стеком по физиономии, сорвал погоны и приказал расстрелять, но царь под влиянием царицы и Распутина не разрешил этого и даже не уволил его из армии.
Засветло все батареи дивизиона Борейко погрузились в эшелон и с темнотой тронулись в путь. Усталые солдаты заснули и только дежурный по эшелону Зуев и несколько дневальных чутко дремали, прислушиваясь к мерному стуку колес.
Звонарев проснулся, когда было уже светло. По-прежнему ровно и неторопливо стучали колеса. В ногах у него сидел и, откинувшись к стенке, крепко спал Краснушкин. Он похудел, оброс щетиной, синие тени

легли под глазами.

Когда он появился в купе и почему не поместился на пустой верхней полке, Звонарев не знал. Будить свояка не хотелось и Звонарев боялся пошевелиться. На противоположной стороне похрапывал Борейко, из коридора доносились чьи-то приглушенные голоса, не то Зуева, не то Блохина. Состав начал тормозить, шум колес почти стих и Звонарев услышал громкие голоса:

- Подходим к Горволину. Простоим здесь час, если не больше. В Варшаву раньше вечера не доберемся.

Вагон резко толкнуло и Краснушкин проснулся. Он провел по лицу рукой, как бы смывая сон, и приоткрыл глаза.

- Здорово, Сережа! - приветствовал он Звонарева. - Не удивляйся, что видишь меня. Ночью я так тебя и не добудился, равно как и твоего командира. Зуев собственной властью разрешил мне с вещами погрузиться в ваш эшелон. До Варшавы доеду с вами, а затем пассажирским поездом думаю пробраться в Питер к своей благоверной.

- Едешь в командировку? - справился Звонарев.

- Не совсем так. Меня отрешили от должности заведующего эвакуацией Четвертой армии и отозвали в распоряжение Верховного начальника санитарной армии принца Ольденбургского. Слыхал про такого?

- За что же тебя отрешили? И почему тебя отправляют к Ольденбургскому? - встревоженно спросил Звонарев.

- Когда отрешают строевых генералов, их направляют в резерв чинов при штабе Верховного главнокомандующего в Ставку, а нас, медиков, - в распоряжение принца. А за что отрешили, я и сам не знаю. Вероятно, вмешались жандармы. В одном из санитарных поездов нашли тюк с прокламациями. Врачей и сестер поезда переарестовали, а меня сняли с должности.

Проснулся Борейко, спрыгнул с полки. Поздоровался с Краснушкиным, сел рядом.

- Вы, наверное, Борис Дмитриевич, ждете от меня новостей, - обратился к нему Краснушкин. - На этот раз сам ничего толком не знаю. Не

взыщите.

Давно не был в Питере и не видел товарищей. Но не горюйте, думаю, что обойдется. Буду в Питере - все разузнаю.

Эшелон медленно приближался к Варшаве. Куда он должен был следовать дальше, никто не знал, даже всезнающий Заяц.

Только что закончились напряженные лодзинские бои, где русские и немцы понесли большие потери и теперь залечивали раны. Фронт временно стабилизировался на реках Бзуре и Равке. Наступала зима, шел снег пополам с дождем, ночами уже сильно приморaживало. В армии не хватало теплой одежды. Только строевые части имели валенки и ватники. Из тыла слали много теплых вещей, но огромное большинство из них оседало в штабах, а на передовые позиции попадало мало. Это вызывало недовольство солдат и офицеров.

Приближаясь к Варшаве, все побрились, почистились, надели чистые воротнички, надушились. Посмеиваясь над своим генеральским чином, Краснушкин отгладил шинель на генеральской красной подкладке.

- Я так не люблю наших генералов, что для меня титулование "превосходительством" кажется бранью, - усмехнулся он.

- Ты, Иван Павлович, попроси тебя разжаловать в капитаны... - посмеивался над свояком Звонарев. - Как твоя генеральша, не очень-то нос дерет?

- Катя-то? Вначале ей нравилось новое положение, а потом, когда с нее, как с генеральши, за все стали брать вдвое дороже, постаралась забыть свой новый титул.

31

В Варшаву прибыли уже затемно. Зуев отправился к коменданту за получением дальнейших приказаний. Дежурил все тот же Подгузников. Он сильно похудел, осунулся, охрип, но по-прежнему беспрерывно на кого-то кричал, кому-то угрожал, а затем в полном изнеможении садился за стол, пил большими глотками холодный чай и грустно говорил:

- Не жизнь, а каторга! Всюду полный развал, а ты за всех отвечай. Ты откуда? - не узнал комендант Зуева.

Вася почтительно доложил. Подгузников промолчал, выпил несколько глотков холодного чая и проговорил:

- Какого тяжелого? Того самого, что был под Ломжей, а затем его отправили в Галицию?

- Того самого, ваше высокоблагородие, - отчеканил Зуев.

- Ты остался таким же молодцом, как был! Хвалю. Воевать можно только с таким богатырем, как ты, то есть вы. Вы ведь студент-технолог? - постепенно вспоминал Подгузников. - Значит, живы, здоровы, побывали в хороших переделках. Молодчина!

Затем комендант сообщил, что тяжелый дивизион должен разгружаться и по выгрузке идти в предместье Волю, где и расположиться в казармах гвардейского полка.

Зуев поспешил к эшелону.

Вскоре батареи тяжелого дивизиона одна за другой потянулись по шумным грязным улицам предместья Варшавы - Праги.

Краснушкин должен был пассажирским поездом выехать в Питер. Борейко оставил в помощь ему Блохина.

Район, отведенный для тяжелого дивизиона, оказался занятым другими частями, которые на ночь глядя совсем не собирались уходить на другое место. Началась перебранка.

Решено было, что части, занявшие отведенные тяжелому дивизиону помещения, потеснятся и половину казармы отдадут артиллеристам.

Солдаты вначале ни за что не хотели подчиниться распоряжению об уплотнении. Высокий, плечистый, уже немолодой, с проседью солдат явно верховодил всеми. Он подзуживал солдат не подчиняться распоряжению начальства и не уступать места вновь прибывшим артиллеристам. К нему подошел Зуев и вдруг кинулся его обнимать.

- Софрон Тимофеевич, вы ли это? Вот не ожидал встретить!

- А ты кто такой будешь? - удивленно справился солдат. - Что-то я тебя не припомню!

Вася назвал себя и спросил:

- Может, теперь вспомнили? Правда, десять лет назад я был мальчишкой, а теперь малость подрос, - радостно проговорил он.

- Неужто ты Васятка с Артура? А где Сергей Владимирович? Где Блохин? - в свою очередь спросил солдат.

- Все в нашей геройской батарее. Командует ею сам Борейко, дядя Сережа - старший офицер, Блохин командует взводом разведки, Заяц - за каптера. Тебя только не хватает у нас, - радостно отвечал Зуев.

- Вот оно как дело обернулось, где пришлось встретиться! - обрадованно проговорил Родионов. - Ребята, к нам подходит самая что ни на есть в русской армии геройская батарея. Там и командир, и все офицеры, и многие солдаты со мной еще в Артуре горе горевали. Таких нельзя не пустить. Потеснимся маленько да их под крышей устроим, - скомандовал Родионов.

Солдаты без возражения стали располагаться потеснее, чтобы освободить помещение для артиллеристов. Родионов сразу подтянулся, голос у него стал властным, командирским. Он был несказанно рад, что встретился со своими старыми соратниками по Артуру.

Когда подошел дивизион, Родионов зычным голосом скомандовал "смирно" и отрапортовал Борейко:

- В ваше распоряжение прибыл!

Борейко сначала внимательно поглядел на Родионова, удивленно спросил:

- Это ты, Софрон Тимофеевич?

- Так точно я, вашблагородие, извините, ваше высокоблагородие, - заикаясь от волнения, ответил солдат.

Борейко обнял и крепко расцеловал Родионова к великому изумлению стоявших вокруг солдат. Капитан тоже был сильно взволнован этой неожиданной встречей с одним из лучших своих артурских солдат.

- Сережа, поди сюда! Погляди, кто нас тут встречает, - подозвал он Звонарева.

Инженер тоже тепло расцеловался с Родионовым, с которым когда-то был

под Кинчжоу.

- Значит, нашего артурского полку прибыло! - радостно проговорил Звонарев.

Устроив людей, Борейко добрался до канцелярии. Здесь его уже ждала пачка пакетов из штаба.

- Позвать ко мне вольноопределяющегося Зуева, - громко приказал капитан.

Васю нашли не сразу.

- Где ты пропадаешь? - набросился на него Борейко. - Быстро собирайся. Тебя направляют на полугодичные курсы артиллерийских прапорщиков в Михайловское артиллерийское училище. Постарайся попасть в поезд вместе с Краснушкиным. Действуй.

Через полчаса Зуев был уже на вокзале. Он отыскал Краснушкина и рассказал ему о своем назначении. Иван Павлович очень обрадовался и они вместе отправились обменивать литер Зуева на проездной билет.

32

Ранним утром Краснушкин с Зуевым прибыли в Петроград.

Стояла поздняя петроградская осень, моросил дождь, по улицам шли укутанные в плащи и теплые пальто хмурые, озабоченные люди. Война чувствовалась во всем, у лавок стояли длинные очереди, извозчик спросил с Краснушкина непомерно большую плату, жалуясь на дороговизну.

Краснушкину далеко не сразу отворили дверь. В квартире были только женщины и дети и поэтому опасались грабительских налетов. Тем радостнее была встреча, когда Катя убедилась, кто к ним приехал.

Вася поспешил домой. С волнением он подъезжал к дому, из которого так спешно удрал летом после жандармского обыска. Прошло всего пять месяцев, а как все изменилось за это время! Пять месяцев войны наложили на него свой отпечаток. Вася, повидав не раз смерть в глаза, понял цену жизни и свободы, стал решительнее и тверже. Сейчас это был

уже не робкий юноша, а закаленный в боях солдат.

Взбежав по лестнице к себе, Зуев сперва хотел резко и сильно позвонить у парадной, но, вспомнив, что именно так звонили прибывшие с обыском жандармы, решил не пугать зря своих и осторожно дернул за ручку звонка, чуть звякнувшего за дверью. Тотчас послышался голос Надюши, спрашивающей, кто пришел.

- Я, Вася! - отозвался Зуев.

- И неправда! - не поверила Надюша. - С войны никого не отпускают до ее окончания. Все это знают и меня вы не проведете.

- А ты взгляни в замочную скважину, авось узнаешь меня, - посоветовал Зуев.

- На лестнице темно и ничего не видно, а дверь открывать я боюсь, - отозвалась девочка.

- А ты открой дверь только на цепочку. Меня увидишь, а я зайти в дверь не смогу. Тетя Варя дома? - справился Вася.

- Мама очень устала и спит после работы, мы, дети, одни дома, - ответила Надюша и, подумав, рискнула приоткрыть дверь на цепочку.

- И правда, Вася! - удивленно проговорила она. - Как ты сюда попал? Убежал с войны? Ты дизентир?..

Увидев Васю в военной шинели до пят с белым поясом и шашкой на белой портупее через плечо, Надюшка взввизгнула от восторга и повисла у него на шее, за ней подбежали и две младшие сестры. На шум вышла из спальни Варя.

- Вася! - вскрикнула она в восторге, готовая, как Надюшка, броситься и расцеловать его. - Боже мой, вот радость! Вот неожиданность!

Увидев детей, облепивших Васю, Варя нахмурила брови.

- Не смей прикасаться к детям, глупый мальчишка! - строго сказала она ему. - Ты с дороги можешь занести любую инфекцию. Иди раздеваться в ванную, там помоешься, переоденешься и только тогда я позволю детям подойти к тебе.

Когда наконец Вася, помывшись, попытался надеть на себя прежний студенческий костюм, то оказалось, что брюки стали ему коротки и узки,

а студенческая куртка не сходилась на груди на добрую ладонь.

- Потолстел я, что ли, на войне от хороших хлебов? - иронически заметил Вася.

- Просто вырос и возмужал, раздался в плечах. Тебе война пока что пошла на пользу, - глядя на него с материнской нежностью, сказала Варя. - Ишь какой богатырь выровнялся. Ну, пойдем к Сереже в комнату, буду тебя поить чаем, а ты рассказывай, рассказывай. Все, все.

В кармане Васиной шинели лежало письмо от Звонарева. Вася догадывался, что оно не обрадует Варю. Он вспомнил смущенное, измученное сомнениями лицо Звоеарева, когда тот передавал ему письмо и слова: "Не знаю, посылать ли. Ты посмотри, как там она, если плохо - не отдавай.

Может, увижусь в скорости - сам все скажу". Легко сказать - "посмотри сам"...

Вот он видел - тетя Варя похудела, побледнела, глаза стали еще больше, под ними залегли голубоватые тени усталости. Конечно, не сладко в тылу, голодно и забот хватает с такой семьей. Обрадовалась, побежала на кухню, готовит чай.

Чувство любви и преданности наполнило Васино сердце. "Нет, я не огорчу тебя, не прибавлю забот. Подожду с письмом..."

В комнату вошла Варя с подносом, заставленным чашками, а за ней ворвались дети. Привычными движениями Варя расставляла на столе посуду.

- Самое главное, что вы все живы и здоровы, - проговорила она, поблескивая влажными глазами. - А все остальное уже не имеет значения.

Ешь, солдат, набирайся сил, отдыхай. Ты надолго домой?

С удовольствием прихлебывая чай из тонкого домашнего стакана, Вася рассказал о своей командировке на артиллерийские курсы, об их солдатском житье-бытье, о Звонареве, Борейко, Родионове, Блохине...

Варя молча слушала, сложив на коленях руки с коротко обстриженными ногтями. На столе стыла чашка крепкого чая, о которой Варя забыла...

- Ну, а как вы здесь, тетя Варя? Какие новости в столице?

- Мы - что, мы в тылу, нам смерть не угрожает. Здоровы - значит, все хорошо. Трудно немного... Вот, спасибо, Шура Блохина помогает. Из деревни муку привозила, картошку. Ей тоже нелегко, только здоровье и выручает - семижильная.

Варя помолчала, будто впервые задумалась над своей нелегкой жизнью, потом посмотрела на притихших девочек, на Васю, повеселела, глаза ее потеплели, сказали будто: "Ничего, проживем, нечего унывать, вон какие вы у меня славные!"

- Самая главная новость - это Ольгу Борейко освободили. Столько было волнений, ты и представить себе не можешь. Освободили заодно с другими работницами. А могло быть очень скверно, поймай ее с поличным. Ведь в корзине с продуктами у нее были листовки. Только успела передать. Молодей все-таки она! - Варя оживилась, глаза ее вновь заблнстели. - Бесстрашная, смелая. Не растерялась, на допросах держалась отлично. Ни разу себя не выдала. Сейчас вновь работает, большое дело делает...

Раздался звонок. Девочки с криком "Маня, Маня пришла" кинулись в прихожую. Вася слышал, как после предварительного опроса: "Кто там? Ты, Маня?" - щелкнул замок и грудной, с легкими переливами молодой голос проговорил:

- Девочки, я с дежурства. Подождите, помоюсь, а то нас мама не похвалит...

Встретив вопросительный Васин взгляд, Варя сказала:

- Это длинная история, я тебе потом все расскажу. А пока прошу - будь очень внимателен. Маня - легко ранимый человек. Она много натерпелась, особенно от вашего брата, мужчин. Мы с ней вместе сидели в тюрьме, в одной камере. И я ей очень многим обязана... Работает в детской больнице, пока живет у меня, возится с ребятами. Милая, чудесная девушка, скромная, несмотря на свое нескромное прошлое.

Заслышав в коридоре легкие шаги, Вася повернул голову к двери. На пороге показалась высокая стройная девушка в сером, облегавшем

фигуру платье. Светло-русые гладкие волосы были собраны на затылке в тяжелый узел, открыто и смело смотрели большие, чуть скошенные к вискам, серые глаза. Увидев незнакомого мужчину, Маня в нерешительности остановилась.

- Проходи, Маня, и познакомься. Это наш Вася... Неожиданно с фронта приехал.

Вася поднялся навстречу девушке и пожал протянутую ему руку.

- Очень рад, - проговорил он.

Под откровенно восторженным взглядом молодого человека Маня потупилась. Длинные светлые ресницы легли на вспыхнувшие ярким румянцем щеки. Но девушка быстро справилась со своим смущением и, подняв на Васю спокойные глаза, с достоинством сказала:

- Я тоже. - Повернувшись к Варе, добавила: - Я принесла кое-что из продуктов, посмотрите, Варвара Васильевна.

- Попей чаю, Маня, потом посмотрим.

- Нет, спасибо. Я позавтракала в больнице. Я лучше пойду, а вы поговорите...

Девушка вышла. Вася сидел за столом, помешивая ложечкой в стакане и всеми силами старался не выдать вдруг охватившего его волнения. Он продолжал разговаривать с Варей, слушать ее, отвечать на вопросы, но все его внутреннее внимание было приковано к тому, что делалось за дверью этой комнаты. Вот простучали каблучки по коридору, вот тихий голос позвал: "Надюша!" Он почувствовал, как постепенно, непонятно почему, грудь его наполняет ликование, чувство светлой радости и счастья. Он вдруг со всей полнотой и отчетливостью понял, что он дома, сидит за столом, знакомым с детства, пьют чай из любимого стакана, перед ним сидит тетя Варя, милая, родная тетя Варя... " Как все это хорошо, как чудесно все вокруг! - сказал себе Вася. - И как я счастлив! А почему мне вдруг стало так хорошо?

Неужели все это оттого, что я заглянул в серьезные, смелые серые глаза? Неужели оттого, что я слышу ее голос, ее шаги, мне хочется смеяться, громко говорить, дурачиться? Что это? Разве может быть так, сразу?.. Не

знаю и знать не хочу, - ответил сам себе Вася. - Пусть будет так, как есть..."

33

Высокий, подтянутый, с хорошей выправкой, Зуев привлек внимание начальства училища. Большое впечатление произвели его два солдатских креста. Васю назначили старшим в отделении и заместителем фельтфебеля батареи. Через месяц-два он должен был сам стать фельтфебелем. Но в отпуск его пока что не пускали. - Я полгода пробыл на войне, участвовал в десятке сражений, отличился. А тут быть рядом с домом и не видеться с родными, - возмущался Вася.

Он несколько раз звонил по телефону Звонаревым, надеясь услышать Манин голос. Но напрасно: подходила или Надя, или Варя. Вася тосковал. Он не мог забыть девушку, которая так неожиданно вошла в его жизнь. Не только не мог, но и не хотел забывать. Больше того, он все время думал о ней, вспоминая то внимательный, искоса брошенный на него взгляд ее серых глаз, то грудной, с переливами смех, то ее полные, в красивом изгибе, чувственные губы. Болью в сердце отдавалась мысль о ее прошлом. Нет, не ревность, не горечь и обида, а огромная жалость к ней горячей волной заливала грудь, перехватывала дыхание. Ему хотелось обнять ее, приголубить, доказать, что он не такой, как те, другие. Он любит ее... Да, да, любит! Он понял это сразу, как только увидел ее. А сейчас и подавно - он погибает от тоски, от желания видеть ее. Иногда Васе казалось, что стоит ему выйти на улицу, как он увидит ее. Она где-нибудь стоит рядом и ждет его. Ведь не может же она не чувствовать, как он зовет ее, как умоляет прийти. В такие минуты ему хотелось бросить все, бежать из училища, хоть на край света, только бы видеть ее.

Однажды, не выдержав, Вася позвонил по телефону, решив заранее умолять тетю Варю позвать Маню.

- Кого вам угодно? - услышал он знакомый голос, от которого у него

упало сердце. Он сразу забыл все слова, которые приготовил сказать. А тут еще дежурный торчит, что скажешь при нем?

- Маня, - срывающимся от волнения голосом проговорил он, - это я, Вася.

Теперь на том конце провода наступило томительное молчание. И затем робкое:

- Я слушаю вас...

- Манечка, я все время думаю о вас... Я просто с ума схожу. Я хочу вас видеть...

Молчание.

- Мария, почему вы молчите? Вам неприятно слушать меня? Я не то говорю? Ну скажите что нибудь, ради бога!

- Я тоже думаю о вас...

- Правда, Мария? Неужели это правда? - закричал Вася громовым голосом. - Умоляю вас - придите хоть на минутку. Нас не пускают из училища, а я умру, если не увижу вас.

И снова молчание. "Боже мой, что я говорю, я же испугаю ее, она бросит трубку. Надо говорить что-то другое, нельзя так сразу. Вот она молчит. А как говорить другое?"

- Вы обиделись на меня, Маня? Ну, не молчите же...

Вася ошалело посмотрел вокруг, махнул рукой и вновь закричал в трубку:

- Вы слышите меня, Мария?

- Да...

- Придете?

- Постараюсь...

- Когда?

- Не знаю... Вася. Звонят, кто-то пришел. До свидания.

Трубку повесили.

Вася еще долго стоял, слушая в трубке шорохи и щелчки. Наконец догадался опустить ее на рычажок и нетвердыми шагами, с ликующим, ничего не видящим взглядом пошел к выходу.

34

Между тем время шло. Краснушкина вызвали в Москву к принцу Ольденбургскому, который пожелал видеть Ивана Павловича лично. Вызов обеспокоил всех. Можно было ожидать направления Краснушкина на Кавказский фронт. Это потребовало бы переезда Краснушкиных в Тифлис. Да и работа медиков на Кавказе была очень трудной - врачей не хватало, больных было куда больше, чем раненых. Русская армия несла огромные потери от болезней.

Дизентерия, тиф косили людей. Армия нуждалась во врачах-инфекционистах больше, чем в хирургах. Опасность попасть на Кавказ была реальной.

С тяжелым сердцем провожали Ивана Павловича в Москву. Катя всплакнула, Варя тяжело вздыхала: ей жаль было потерять верного друга, умного, незаменимого советчика.

Настали томительные дни ожидания вестей из Москвы. Наконец была получена от Краснушкина телеграмма, что все обстоит благополучно и на днях Иван Павлович вернется "с победой" в Петроград.

Однажды Варя, как всегда, поздно возвратилась домой из больницы.

Открывая ей дверь, Маня Завидова радостно сообщила, что ее ждет "сам профессор", как она называла Краснушкина.

- Что же ты не прибежала ко мне в больницу и не сказала о приезде Ивана Павловича? - упрекнула Маню Звонарева.

- Привет, коллега, - встретил Варю Краснушкин. - Мы тут очень мило побеседовали с Маней. Ей надо учиться и учиться. Из нее может выйти толковый педиатр. Она очень способная девушка и большая мастерица обращаться с детьми. А теперь обо мне. Слушайте и сотрясайтесь: меня, правда, понизили в должности и назначили всего лишь начальником военно-санитарного поезда... но какого? Во веки веков не догадаетесь, милая свояченица! - шутливо говорил Краснушкин, видя, как Варя вся покраснела от нетерпеливого ожидания. - Поезда ее величества государыни императрицы Александры Федоровны! - наконец выпалил

Иван Павлович.

- Без пяти минут лейб-медик двора его величества! - ахнула Варя, опустившись на стоявшее рядом с ней кресло. - Иван Павлович, дорогой, это ужасно!

- Наоборот! Милая, все очень хорошо. Представляете, какие у нас будут возможности! Уму непостижимо! Если все сделать толково и осторожно, то можно организовать отличное снабжение фронта пропагандистской литературой.

Кому из шпиков придет в голову искать крамолу под самым носом у их величеств? Понимаете, Варенька, иметь поезд в нашем распоряжении - это феноменально! Иван Герасимович в восторге от этой идеи. Я прибыл в ваши пенаты с определенным намерением - сделать из вас будущего лейб-хирурга двора ее величества. Короче, пригласить вас хирургом в вверяемый моему высокому руководству санпоезд.

- Придворные должности не для меня! Вы это отлично знаете. Кстати, кого вы будете обслуживать в вашем поезде? Вероятно, только гвардейских офицеров?

- Мы люди военные, кого прикажут, того и перевезем. Зато поезд будет оборудован по последнему слову медицинской техники. Врачей будут набирать наиболее квалифицированных. Медицинское снабжение почти исключительно заграничное и в нужном количестве. Консультировать больных и раненых будут лучшие профессора России. Мы будем встречаться с самим ее величеством и царевнами, которые работают сестрами в царскосельском лазарете.

- Как только станет известно, что я побывала в ссылке в Сибири и сидела в тюрьме, меня тотчас прогонят взашей из вашего придворного поезда, - отвергла предложение деверя Варя.

- Видите ли, Варенька, - перешел на серьезный тон Краснушкин, - глупо не использовать широкие возможности, которые открываются перед нами. И если хотите откровенного разговора, то совет постараться устроить в санпоезде возможно больше своих людей принадлежит не мне, а Ивану Герасимовичу. Поезд будет ходить до Варшавы. Кроме

литературы, мы сможем переправить и некоторых нужных людей. Понимаете?

- Ну, это совсем другое дело. Я в вашем распоряжении, доктор. Только бы не помешала охранка.

- Поезд будет формироваться на Варшавском вокзале. В Царском Селе я получу от министра двора указание по остальным вопросам. Главное - достать медоборудование из английского посольства и из Америки. Одним словом, постараюсь добыть все наилучшее, что имеется у нас и за границей. А вам, коллега, посоветую завтра же подавать заявление об уходе из больницы ввиду получения "высокого" назначения. Куда - не говорите. Мы все теперь лица строго секретные.

На следующий день Краснушкин побывал у министра царского двора графа Фредерикса. Затем он стал подбирать штат врачей и сестер. Если врачей удалось набрать быстро, то с сестрами дело обстояло хуже. Желающих попасть в поезд императрицы было много: такую честь оспаривали одна перед другой дамы высшего света.

Краснушкин прекрасно понимал, что проку от них не жди, будут только мешать работать другим. Поэтому он без стеснения высказал свои опасения Фредериксу. Граф просил взять хотя бы по одной княгине и графине "для успокоения придворных сфер". Остальных сестер решено было набрать в различных общинах Красного Креста.

Хозяйственный штат тоже набрать было нелегко. Всем было ясно, что зачисление в штат санпоезда освобождает от воинской повинности, и тут появилось множество желающих укрыться от фронта.

Вопреки опасениям Краснушкина, персона Вари не привлекла к себе особого внимания.

На формирование поезда был дан месяц. Работа по переоборудованию классных вагонов под санитарные шла успешно. За поездом были закреплены даже специальные рабочие.

Незадолго до окончания оборудования поезда императрица решила лично посетить поезд и познакомиться с его персоналом. Варя под благовидным предлогом уклонилась от этой встречи.

С царицей были все четыре царевны. Одинаково просто одетые, в одинаковых платьях, они переводили матери русскую речь. Русским языком царица не владела.

Отслужили парадный молебен, окропили поезд и даже паровоз "святой" водой и благословили в дорогу - в первый рейс. Но отправку поезда задержали некоторые технические неполадки.

В поезде один Краснушкин имел отдельное купе. Остальные разместились по двое в четырехместных купе. Всего состав имел двенадцать пульмановских четырехосных мягких вагонов.

На следующий день поезд посетили английский и французский послы и подробно осведомились о том, что еще нужно из санитарного оборудования.

Вопросы задавались, не в пример императрице и ее окружению, очень определенные и деловые. Послы обещали прислать нужное оборудование и просили при надобности обращаться прямо к ним в целях сокращения бюрократической переписки.

Помощником Краснушкина по административно-хозяйственной части был назначен барон фон Кек, призванный из отставки бывший офицер одного из гвардейских кавалерийских полков. Возвращению в полк, находящийся на фронте, барон предпочел должность коменданта санитарного поезда ее величества.

Это был уже немолодой мужчина, всегда подтянутый и блистающий своим внешним лоском. Хорошо воспитанный, он сумел понравиться даже грубоватому и довольно резкому временами Краснушкину. Попытался Кек установить дружеские отношения и со Звонаревой. Но Варя своим сдержанным, холодным обращением дала понять барону, что дружеских отношений между ними не будет.

Перед отправкой поезда Варя прошла по вагонам, которые были в ее ведении. Зашла в купе, где помещались сестры. "Крестовая" сестра Абросимова, приглашенная в санпоезд от общины Красного Креста, уже немолодая, опытная, несколько свысока относилась к Варе. Ей впервые приходилось работать с врачом-хирургом - женщиной, и Абросимова не

верила в то, что женщина-врач может быть настоящим хирургом. Варе еще предстояло завоевать у нее авторитет. К другой сестре, княжне Голицыной, Абросимова относилась с явным пренебрежением, называя ее финтифлюшкой, совершенно не подготовленной к медицинской деятельности.

В крайнем купе помещались два санитара, хоть оба были адвокатами и имели высшее образование. С Варей они были утонченно вежливы и даже стесняли ее этим.

Далее шли два вагона для хирургических больных, которыми ведал старший хирург поезда профессор военно-медицинской академии барон Дистерло. Ему было около сорока лет, образование он получил за границей, в Швейцарии, а по приезде в Россию защитил докторскую диссертацию при военно-медицинской академии.

Суховатый и педантичный, он не пользовался симпатиями подчиненных, и даже находящаяся в прямом его подчинении великосветская сестра-доброволка графиня Апраксина не раз высказывала свои критические замечания в его адрес. Не в пример Голицыной, графиня была молчалива, сдержанна, корректна в обращении со всеми окружающими. Варю она особенно выделяла. Ей импонировало, что Варя - врач-хирург, имеющий Георгиевскую медаль за оборону Порт-Артура.

Графиня подробно расспрашивала, где ее муж и почему он оказался на фронте, будучи инженером военного завода. Варя объяснила это его патриотическим порывом, желанием помочь родине в тяжелую для нее годину.

Ответ Вари вполне удовлетворил любопытство графини.

Три остальные хирургические сестры были профессионалки, лично подобранные Дистерло в различных петроградских госпиталях. Рядовые труженицы, они держались очень скромно и особенно подчеркивали свои симпатии к Варе, как к единственному врачу-женщине в санпоезде.

В следующих вагонах должны были помещаться терапевтические больные.

Здесь начиналось царство Краснушкина, который одновременно был и

начальником санпоезда и главным терапевтом.

Поезд часто задерживали в пути, несмотря на то что он назывался санпоездом императрицы. Барон Кек отчаянно ругался с железнодорожниками, грозил телеграфировать самой императрице, но недостаточная пропускная способность дорог т перегрузка их массой эшелонов с войсками, боеприпасами и интендантскими грузами делали невозможным более быстрое продвижение и поезд часами простаивал, ожидая своей очереди.

До Варшавы тянулись почти трое суток. Варя надеялась сделать мужу сюрприз, нагрянув в Варшаву неожиданно. Каково же было ее разочарование, когда по прибытию на станцию она увидела среди встречающих Звонарева, Борейко и Зайца! Ошеломлен был и Краснушкин.

- Откуда вы узнали, когда мы прибудем? - допытывался он у встречавших.

- От коменданта станции. Мы поджидаем вас уже третий день, - спокойно ответил Борейко.

После шумной встречи, когда все перецеловались и излили свою радость и изумление от встречи со старыми друзьями, на что с явным удивлением взирали Кек и другие сотрудники поезда, Краснушкин отправил Кека узнать о времени отправления поезда. Выяснилось, что это произойдет не раньше завтрашнего утра.

Половина состава сотрудников была отпущена в город до утра.

Варя вместе с мужем, Краснушкиным, Борейко, Блохиным и Зайцем отправились в расположение тяжелого дивизиона, разместившегося в варшавском пригороде Воля.

Когда Варя вышла из купе, за ней вынесли большой, тщательно увязанный в бумагу и крепко-накрепко перевязанный веревками сверток. Кек, издали следивший за Звонаревой, хотел было осмотреть тюк, но тут подошел Краснушкин и приказал не делать этого.

- Может же жена фронтовика захватить мужу кое-что из вещей и продуктов. Подумайте сами, в какое положение вы себя поставите, когда

перед вами развернут, простите, мужские исподники. Да и Варвару Васильевну только обидите.

Едва Звонарева скрылась в дверях вокзала, как в ее купе нагрянул Кек и с помощью санитаров перерыл вещи Вари. Но тщетно, ничего подозрительного обнаружить не удалось. Вещи аккуратно сложили обратно в чемоданы.

Присутствовавшая случайно при этом обыске княжна Голицына с брезгливостью заметила барону:

- Никак не думала, что вы связаны с охранкой. Не дворянское это дело - заниматься сыском. Для этого есть полиция, жандармы и всякие сыщики, - она презрительно сморщила носик.

- Только, ради бога, не вздумайте рассказать Звонаревой или Краснушкину о моих действиях, - упрашивал Голицыну ротмистр.

Княжна, решив при случае предупредить Звонареву, явно стала сторониться Кека.

Когда артурцы вышли с вокзала и стали рассаживаться в экипажи тяжелого дивизиона, к ним, как бы невзначай, присоединились двое неизвестных мужчин в котелках.

Первым на них обратил внимание Заяц. Блохин мигом понял, в чем дело.

Тюк из Вариного купе взял в свой экипаж Борейко и с ним направился прямо в цитадель. Рядом с капитаном сидел Блохин, а на скамеечке устроился Заяц. В цитадели хорошо уже знали Борейко в лицо и пропустили без задержки. Не останавливаясь в цитадели, экипаж выехал в другие ворота. Сыщики потеряли их из виду.

Воспользовавшись этим, экипаж свернул в сторону Мокотова поля и остановился в глухом переулке, около небольшого особнячка.

В дверях показалась молодая рыжеватая женщина.

- Пани Анеля, вам маленький подарочек, - улыбаясь сказал Борейко, - от родственников.

- Прошу, пан, - тоже с улыбкой ответила Анеля, открывая ворота.

Экипаж въехал во двор.

35

Тяжелый дивизион фактически перешел на мирное положение. Офицеры разместились в трех комнатах, по комнате на каждую батарею. Борейко, как всегда, остался в своей первой батарее. Звонарев с женой разместился в номере расположенной неподалеку гостиницы.

- Варенька, ты получила мое письмо, которое я послал с Васей? - сдерживая волнение, спросил Звонарев, когда они остались одни.

Он подошел к Варе, взял ее руки в свои и, притянув к себе, несмело обнял.

- Письмо? Какое письмо? - Варя удивленно вскинула брови. - Вася мне ничего не передавал. Что это значит, Сережа? Неужели он забыл? Вот паршивый мальчишка! Жаль, что его нет, я задала бы ему перцу.

- Нет, он не забыл, - вздохнул Звонарев. - Он просто не захотел его отдать тебе.

- Почему? - Варя внимательно посмотрела на Звонарева. - Почему он не захотел отдать мне именно это письмо? Что в нем было, Сергей?

- Родная моя, не видеть тебя так давно и, увидев, причинить боль...

Это ужасно! Я ненавижу и презираю себя. Но смолчать, не сказать сразу я не могу. Не могу смотреть в твои правдивые глаза...

Варя медленно отстранилась от Звонарева, отвела свой взгляд от его мучительно покрасневшего лица.

- Подожди, помолчи немного. - Она подошла к окну, облокотилась на высокий подоконник. - Сережа, мы живем с тобой не один год, - помолчав проговорила она. - И мне всегда казалось, что ты любишь меня... Или я ошиблась? Что случилось, что ты не можешь смотреть мне прямо в глаза?

Объясни, пожалуйста. Ведь мы же самые близкие люди, кто иначе поймет нас, если не мы сами? Или ты меня уже не любишь? - Варя повернула к Звонареву свое лицо. - Посмотри на меня, Сережа.

Звонарев поднял на Варю глаза, увидел ее бледное от волнения родное лицо и полные слез, темные от гнева и обиды глаза.

- Варя... - начал он, но слова, те убедительные слова, которые он не раз в своем горьком одиночестве последних дней произносил ей, остались где-то глубоко в груди, жгли сердце. Тяжелая спазма сдавила горло, перехватила дыхание, выдавливая из глаз обжигающие, мешающие смотреть слезы.

- Варенька, - наконец, сделав над собой усилие, проговорил Звонарев, - родная, прости меня...

Он не чувствовал, не замечал, что слезы, собираясь на ресницах, срывались и медленно скользили по щекам.

- Я люблю тебя. И всегда любил.

Варя широко открытыми глазами смотрела на мужа. Первый раз в жизни она видела его слезы, тяжелые мужские слезы, которые не облегчают душу. И вдруг она в эту минуту увидела другое лицо, такое же родное и до боли в сердце близкое. Те же расширенные, синие, яркие от слез глаза, те же дрожащие от обиды губы и те же горошины слез, скатывающиеся по щекам.

"Надюшка, - подумала Варя, - господи, как она похожа на него! Я никогда раньше не видела его таким... А сейчас вижу. Когда Надюшка провожала меня на фронт, она так же плакала... как отец. Отец..."

Это сходство дочери и мужа, так резанувшее по сердцу Варю, вдруг растопило в ее душе чувство обиды, страшной горечи, ревности, и пустота, образовавшаяся было в ее груди, постепенно наполнилась щемящей жалостью к мужу, и к дочери, и к себе, такой всепрощающей жаркой материнской любовью, что Варя, боясь показать свои слезы, закрыла лицо руками.

- Я объясню тебе все... Я много передумал, выслушай меня, - услышала Варя глухой голос Звонарева.

- Не надо. Не надо, Сережа. Что тут объяснишь? Пусть пройдет время. Разберемся во всем. Главное, что ты нас любишь... Меня и наших девочек...

Варя с трудом перевела дыхание. Ее глаза выдавали то, что скрывали плотно стиснутые губы - страдание и горе, которое так неожиданно,

незаслуженно обрушились на нее.

"А я думал всегда, что я знаю тебя, - думал Звонарев, пораженный Вариной выдержкой, - я часто видел в тебе своенравную женщину, а оказывается, ты совсем другая. Нет, я не знал тебя, умница моя, не умел ценить и любить по-настоящему. Прости меня. Ты дала мне урок на всю жизнь.

Я не забуду его. Мне не придется больше краснеть перед тобой и тебе стыдиться меня. Спасибо за твой ум и выдержку, за то, что ты не унизила меня, за все... Я понял твою настоящую красоту. Что же я, слепец, этого не видел раньше?.."

Звонарев взял холодные Варины руки, прижался к ним своими горячими губами и почувствовал, как от его ласки они вздрогнули, но остались в его ладонях.

Утром Варя заторопилась на вокзал, куда должны были поступать раненые. Она застала там Краснушкина, который уже успел побывать и в тяжелом дивизионе и в городе.

Иван Павлович ждал раненых и недовольно выговаривал Кеку, что тот не договорился о времени прибытия раненых из Уяздовского госпиталя. Там были сосредоточены почти все подлежащие эвакуации в Петроград больные и раненые офицеры, по преимуществу из гвардейских полков.

Наконец появились первые раненые, ими заполнили вагон Вари, и она с головой ушла в заботы об их устройстве.

Дистерло тоже осматривал каждого вновь прибывшего и отдавал короткие распоряжения Варе. Некоторых растрясло в пути, раны кровоточили и их приходилось подбинтовывать или бинтовать заново. Дистерло старался выяснить, нет ли внутренних повреждений костей. Сразу резко ощутилось отсутствие рентгеноустановки, о которой так много, но безуспешно хлопотал Краснушкин при формировании поезда.

Санпоезд заполнился быстро. В основном это были раненые, хотя имелись и терапевтические больные. Краснушкину и его ассистенту, молодому медлительному врачу Думенко, тоже приходилось много работать.

Погрузкой раненых распоряжался Кек. Он метался по поезду, по вокзалу, следил за "общим порядком", запрещая раненым выходить из вагонов, даже если они и могли передвигаться сами. Краснушкин приказал принимать в поезд только тяжелораненых и серьезно больных, остальных же возвращать обратно в госпитали, откуда они прибыли.

К вечеру поезд полностью был загружен и готов к отправке. На вокзал приехали проводить поезд Борейко, Звонарев и Блохин. Они привезли письма и подарки. Блохин просил передать довольно объемистый сверток Шуре в деревню и письмо Ивану Герасимовичу.

К этому времени княжна Голицына уже успела предупредить Звонареву об обыске в ее купе, и Варя не замедлила сообщить об этом Краснушкину.

Поэтому письмо для Ивана Герасимовича взял себе Краснушкин - купе начальника поезда для Кека было запретной зоной.

Обратный рейс все были заняты обслуживанием раненых. Варе при перевязке обязательно помогала сестра. Больше всех хлопот доставляли некоторые легкораненые офицеры. Они начали с того, что устроили за завтраком хорошую выпивку, пока в это дело не вмешалась дежурившая по поезду Варя. Она без долгих разговоров выбросила в окно все обнаруженные ею бутылки с вином.

- Господа офицеры, - с ледяной вежливостью, отчеканивая каждое слово, проговорила Варя, - предупреждаю вас: если еще раз повториться нечто подобное, о вашем поведении будет доложено в Царскосельский госпиталь.

Надеюсь, вам известно, что государыня ярая поборница трезвости. И еще позволю себе заметить вам, что я своих слов на ветер не бросаю.

- Откуда появилась здесь эта красивая ведьма? - заинтерисовались офицеры. - Ей бы командовать дисциплинарным батальоном, а не быть врачом в поезде ее величества.

- Она родственница начальника поезда Краснушкина, а он назначен сюда самим принцем Ольденбургским. Его, что говорится, не укусишь. Живо пожалуется и царице и принцу. У того рука железная, так всыплет, что до

смерти не забудешь, - предупреждал Кек.

Краснушкин только довольно усмехался, видя, как Варя прибирает к рукам весь медицинский персонал, а также постепенно и многие его обязанности.

- Я бы вас, милая, назначил бессменным дежурным по поезду. Мигом бы у нас установился образцовый порядок. И прежде всего можно было бы уволить Кека за полной ненадобностью. Вы отлично справляетесь со всем хозяйством.

И опять замечу вам - не было бы у нас шпиона. Вот то-то любо было!

- Нет уж, дорогой друг, обязанности Кека - не моя сфера, хотя, конечно, избавиться от него было бы замечательно. Я прежде всего врач по призванию, а администратор - поневоле.

Голицына на первой же перевязке, увидев обильное кровотечение, чуть не упала в обморок. Выбежав из перевязочной в коридор, она расплакалась.

- Чтобы я еще раз взглянула на весь этот ужас - помилуй меня бог!.. Я умру, - всхлипывала она, вытирая стерильной салфеткой крупные детские слезы. - Я не могу. Лучше я буду терапевтической сестрой. Я вас прошу, Иван Павлович.

- Но нам нужны хирургические сестры. Вы сами понимаете, что хирургическая сестра всегда может заменить терапевтическую, а не наоборот.

Может быть, вам будет удобней перейти в Царскосельский госпиталь? - с любезной улыбкой сказал Краснушкин.

Не в пример Голицыной, Апраксина оказалась хорошей сестрой и не терялась при виде даже самых тяжелых ран, хотя и она призналась, что ее мутит во время операции.

Рейс прошел благополучно: не было ни одного умершего в дороге, никого не пришлось снять с поезда за нарушение правил распорядка.

Если к фронту пустой поезд продвигался достаточно медленно, то теперь он нигде не задерживался. Тут уж была заслуга Кека, который отчаянно ругался с железнодорожниками, требуя немедленного пропуска

"собственного поезда ее величества". Это действовало магически. Коменданты станций останавливали и задерживали все эшелоны, мешавшие быстрейшему продвижению "царского поезда".

Менее чем за сутки, под вечер дождливого петроградского дня поезд подошел к дебаркадеру царскосельского лазарета императрицы.

Варя приняла самое активное участие в переноске раненых и в пропускнике столкнулась с высокой рыжеватой девушкой в сестринском форменном платье. Девушка спокойно и уверенно отдавала дельные распоряжения. Варя обратила внимание, что ее титуловали императорским высочеством. Варя поняла, что перед ней одна из великих княжон, дочерей императрицы. Будто ни о чем не догадываясь, Варя умышленно обратилась к ней запросто, назвав ее просто сестрой. Княжна выслушала ее и справилась, кто она.

- Врач-хирург Звонарева, - отчеканила Варя.

- Женщина-хирург? Первый раз встречаю, - удивилась княжна. - Вам не страшно резать людей? Я бы не смогла делать операции. Должно быть, вы очень храбрая, коль стали хирургом.

- Думаю, что и вы, простите, не знаю вашего имени и отчества, прекрасно справились бы с работой хирурга, если бы это понадобилось.

- Зовите меня просто Ольгой Николаевной. Здесь я рядовая сестра и обязана выполнять все распоряжения врача. Что вы мне прикажете делать, господин доктор?

- Меня зовут Варвара Васильевна, - в свою очередь представилась Звонарева. - Будьте добры, сестра, этому больному сделать укол камфары, у него сильно ослабело сердце от большой потери крови.

Ольга Николаевна поспешила выполнить полученное распоряжение, а Варя, довольная собой, пошла дальше.

"Пусть эта девчонка не воображает много о себе. Она не дождется от меня титулования. Для меня она просто сестра и, вероятно, не из очень хороших", - горделиво думала Варя, в душе польщенная разговором с великой княжной в таком независимом тоне.

Она даже разыскала Краснушкина, докладывавшего о первом рейсе

поезда самому Фредериксу и сообщила о своем разговоре с царевной. Иван Павлович вполне одобрил тон, в каком велся разговор и посоветовал и впредь держаться его.

Выгрузив раненых, санпоезд отправился на осмотр и ремонт на Варшавскую железную дорогу. Краснушкин на пять дней отпустил сотрудников в город, а сам с Кеком и Варей занялся дооборудованием поезда. Начали спешно монтировать рентгеновскую установку, полученную из английского посольства, разбирали дополнительные инструменты и медикаменты, мыли и чистили весь состав.

Краснушкин заикнулся было о снятии Голицыной, как не справляющейся с работой, но Фредерикс с этим не согласился.

- Пусть она сама попросит об освобождении, а снять не позволю. Это будет очень плохо принято при дворе. Ведь Голицына вместе с Апраксиной рекомендованы самой императрицей. Одним словом, никого снимать нельзя, а уволить можно лишь по собственному желанию, - объявил Фредерикс.

Краснушкину пришлось только записывать полученные распоряжения.

36

Только на четвертый день Краснушкину и Варе удалось вырваться в город.

- Варенька, вы сразу отправляйтесь домой. Скажите Кате, что я буду к вечеру. А мне надо по весьма важному делу. - Краснушкин усадил Варю на извозчика, сложил к ее ногам свертки и, помахав рукой, зашагал в другую сторону.

Взяв извозчика, он назвал адрес:

- Петровская улица. Да побыстрей, голубчик. Видишь, к больному спешу.

Краснушкин поставил на колени обычный, видавший виды докторский баульчик.

В тихой улочке у небольшого, одноэтажного, с мезонином особнячка пролетка остановилась. Краснушкин, расплатившись с извозчиком и дав

на чай за быструю езду, деловой походкой очень занятого человека взошел на крыльцо, резко позвонил. Открыла дверь средних лет женщина в коричневом платье.

- Кого вам угодно? - сдержанно спросила она.

- Я доктор. Меня вызвали к больному ребенку, к госпоже Борейко.

- Пожалуйте, мы вас ждем, - последовал ответ и Краснушкин вошел в темную прихожую. За ним щелкнул замок закрываемой двери.

- Плжалуйте в комнаты, - тихо проговорила женщина. В светлом проеме распахнувшейся двери стояла маленькая женщина с платком, накинутом на худенькие плечи.

- Иван Павлович, сколько лет, сколько зим! С самого утра ждем. Я просто извелась. Проходите, проходите.

Краснушкин разделся и, захватив свой баульчик, прошел за Ольгой. В маленькой комнате навстречу ему поднялся средних лет человек в простой сатиновой косоворотке. Внимательные серые глаза прятались в приветливых лучиках-морщинках.

- Здравствуйте, Иван Герасимович! - сказал Краснушкин. Пожимая друг другу руки, друзья обнялись.

- Ну, устраивайтесь и можете себя чувствовать совершенно спокойно, - заметила Ольга, пододвигая стул для Краснушкина к столу. - А я пойду все-таки на всякий случай на "вахту". Вы знаете, Иван Павлович, мы живем сейчас в строжайшей конспирации. Очень трудно. Всюду аресты, ссылки, тюрьмы. Охранка просто всбесилась...

- Да, что и говорить, - добавил Иван Герасимович. - Работать трудно. Арестовали многих членов Петроградского комитета... Пятого ноября арестовали пять депутатов-большевиков и отправили в ссылку в Туруханский край. Говорят: на пожизненную каторгу. Только черта с два! Не выйдет у них этого. Рабочие полны революционного энтузиазма, как никогда еще. Ненависть к царскому правительству, к войне растет с каждым днем. Мы накануне революции! В Москве, Риге, Киеве, Харькове, по всей России идут забастовки рабочих, крестьяне бунтуют.

Иван Герасимович говорил, сдерживая волнение. Глаза его широко

раскрылись и Краснушкина поразил их чистый свет, сразу преобразивший все лицо.

Иван Герасимович встал, прошелся по комнате и, остановившись перед Краснушкиным, сказал:

- Вы нам сильно помогаете, Иван Павлович. И мы очень рассчитываем на вас.

- Ну, стоит ли об этом говорить. Мы отправляемся через два дня, готовьте посылочки для солдатиков, - улыбнулся Краснушкин.

- Это все будет готово. Ольга Семеновна, должен вам сказать, просто умница. Смелый, самоотверженный человек. В погребке этого дома - маленькая типография. И вот она, Дарья Терентьевна, - женщина, с которой вы здесь встретились, да несколько наших ребят очень много делают. Дом и его хозяйка вне подозрения. Муж - герой войны, отличные рекомендации. Сама она живет тихо, скромно, с мальчиком, сыщикам и невдомек... Но опасно, конечно. Характер нужен в таком деле и ум немалый...

Иван Герасимович замолчал. Было слышно, как в соседней комнате прошла, тихо постукивая каблучками, Ольга. Где-то вдалеке проехала пролетка, лениво залаяла собака.

- Вы, - проговорил Иван Герасимович, - тоже рискуете и Варвара Васильевна...

- Ну что вы! Где же мы рискуем! Вот вы - это другое дело.

- Что я? - махнул рукой Иван Герасимович. - Профессиональный революционер без риска жить не может. Не обо мне речь... Хотим просить помочь нам в одном деле, очень важном. - Иван Герасимович взглянул Краснушкину в глаза, улыбнулся. - Чтобы не томить, скажу сразу: надо переправить в Варшаву одного человека. Клаву Страхову, вы ее знаете. Ей нужно добраться до Варшавы. А там наши польские товарищи помогут ей. Беда в том, как добраться до Варшавы. Всюду полно шпиков, поезда проверяются.

Совсем недавно взяли двоих наших очень опытных конспираторов. Ну как, Иван Павлович? Что вы скажете?

Краснушкин молчал. Он понимал всю ответственность этого задания.
Провезти прокламации и то нелегко, хотя у него и отдельное купе, которое он закрывает своим ключом. Но такой же ключ может быть у Кека или у другого, кто состоит на службе у охранки. Кто поручится, что во время приема раненых или очередного врачебного осмотра его купе не осматривается? Ведь был же обыск у Вари. Хорошо, что в свое время он распорядился сделать потайной шкаф, якобы для ядов и ценнейших заграничных медикаментов. Замок с секретом и ключ только у него. Но ведь человека туда не засунешь. Как его провезешь? А провал грозил большими бедами...
Краснушкин также понимал, что раз просит Иван Герасимович, значит, это ему нужно. Очень нужно.
- Единственная возможность, - проговорил наконец Краснушкин, - это зачислить ее в штат санпоезда. Иначе провезти нельзя. Но и здесь возможности очень ограничены. Я распоряжаюсь только санитарками и обслуживающим персоналом. Остальные проходят высочайшее утверждение. Даже сестры. И опять трудность: ну, положим, мне удастся ее взять санитаркой или на кухню, предположим, доедет она до Варшавы. И исчезнет. Как объяснить ее исчезновение? В поезде безусловно есть соглядатаи, доносчики полиции, - можно провалить все дело. Следует все хорошенько обдумать. Я все разузнаю, обмозгую. Думаю, что все будет хорошо. Сообщу вам завтра к вечеру. Пусть Дарья Терентьевна или Ольга Семеновна мне позвонит домой около семи. А сейчас рассказывайте мне обо всем подробно - о себе, о новостях, что пишет "Социал-демократ", есть ли статьи Ленина?..

Варя давно мечтала побывать в госпитале императрицы. О нем ходило много слухов среди врачей. Говорили о новейших рентгеновских установках, чудодейственных препаратах, великолепно оборудованных хирургических кабинетах...
Приехав в Царское Село, Варя разыскала великую княжну Ольгу Николаевну. Найти ее не составило большого труда. Княжна вышла в

сером платье сестры милосердия, с ослепительно белыми фартуком и косынкой. Она приветливо встретила Варю и охотно согласилась сопровождать ее при осмотре.

- Я говорила о вас маме, - сказала она, подымаясь с Варей по лестнице. - И вы знаете - она удивилась, узнав, что вы женщина-хирург. Она даже решила пригласить вас работать в нашем госпитале.

Варя поблагодарила за высокую честь, но отказалась, сославшись на уважительную причину: в действующей армии у нее муж, служит в артиллерийских частях и сейчас находится под Варшавой.

- Я каждый рейс могу его видеть. Это редкое счастье во время войны, - сказала Варя с улыбкой.

- Очень жаль! В госпитале вы приобрели бы блестящую практику, нужные связи. У нас много иностранцев. Русская женщина-хирург - это очень эффектно! Правда, что вы всю осаду Порт-Артура провели в крепости и были награждены Георгиевской медалью за храбрость? - неожиданно спросила княжна.

- Да, но никакой особой храбрости я не проявила. Трусила, когда японцы бомбардировали город и тот район, где находился наш Сводный госпиталь Красного Креста.

- Работать под огнем - разве это не храбрость! Теперь понятно, почему вы стали хирургом, - всего насмотрелись в Артуре, привыкли к виду крови и страданиям, - продолжала княжна.

Варя шла с княжной по палатам. Все почтительно отвешивали поклоны Ольге Николаевне, а военные вытягивались перед ней в струнку. Княжна милостиво кивала им.

- Вот и наш главный хирург, профессор Федоров, - указала княжна на пожилого человека в белом халате, который почтительно вытянулся перед ней.

Ольга Николаевна протянула ему руку и, указав на Звонареву, проговорила: - Знакомьтесь, профессор, - женщина-хирург, госпожа Звонарева с маминого санпоезда.

Федоров молча поклонился и пробормотал:

- Не имел чести встречать коллегу! Вы какой университет кончали?
- Женский медицинский институт, - ответила Варя.
- У профессора Горемыкина? - справился Федоров. - Простите, не расслышал вашу фамилию.
Варя громко и отчетливо назвала себя и подтвердила, что действительно училась у Горемыкина.
- Это уж не с вами ли произошла неприятная история у Горемыкина? - осведомился профессор.
- Со мной, к сожалению! - ответила Варя.
- Какая история, Варвара Васильевна? - поинтересовалась княжна.
- Горемыкин воспылал ко мне слишком нежными чувствами и получил от меня должное возмездие, после чего мы оба принуждены были покинуть институт.
- С тех пор Горемыкин не может вернуться в институт, а вам, как видно, удалось стать врачом, - продолжал Федоров.
- До этого я около года провела в ссылке в Сибири и пережила там очень многое, - вздохнула Варя.
- Вы были на каторге? - Глаза княжны сделались круглыми от изумления.
- Нет, просто отбывала ссылку в административном порядке, - пояснила Звонарева.
- Значит, вы были замешаны в чем-то политическом? - не унималась княжна.
- Мне не до политики, коль скоро на руках трое детей. Просто приписали мне то, чего не было, а как разобрались, так и отпустили...
- Что же вы все-таки сделали? - допытывалась княжна.
- Дала по физиономии профессору!
- Но у вас же есть муж, он должен был за вас заступиться.
- Я казачка. Мы умеем и сами постоять за себя.
Княжна с любопытством и удивлением смотрела на Звонареву. Затем энергично тряхнула протянутую ей на прощание руку и произнесла:
- Может быть это и не особенно женственно - бить своих поклонников, но вы мне определенно нравитесь, Варвара Васильевна.

К ним подошла младшая сестра Ольги Николаевны и что-то сказала по-английски.

- Прежде всего поздоровайся с госпожой Звонаревой. Она всю осаду провела в Порт-Артуре и сама врач-хирург, каких мы с тобой еще не видели, - сделала замечание сестре Ольга Николаевна.

- Простите, - извинилась младшая княжна и, присев в глубоком реверансе перед Варей, протянула ей руку, глядя на нее во все глаза.

Варя поняла, что о ней говорили в царской семье и ее имя известно при дворе. Это обеспокоило Варю: она опасалась, что станет известна ее репутация политически неблагонадежной. Тогда, конечно, ей пришлось бы распроститься с работой в санпоезде императрицы.

Поблагодарив Ольгу Николаевну, Звонарева вернулась к своему поезду.

Здесь ее встретил фон Кек и со своей обычной пренебрежительной манерой спросил:

- Чем вы так радостно взволнованы, Варвара Васильевна?

- Только что была осчастливлена милостивым разговором с самой императрицей, - многозначительно проговорила Звонарева. - Ее величество были так внимательны ко мне, долго разговаривали со мной, расспрашивали о работе санпоезда. Я, конечно, подробно обо всем рассказала. Они обещали перед отъездом побывать у нас. Я и спешу об этом сообщить начальнику поезда.

По мере того как Варя повествовала о своей мифической встрече и разговоре с императрицей, небрежная вначале поза Кека сменилась на почтительную, руки его сами собой опустились по швам, лицо приняло застывшее, сосредоточенное выражение.

- Так ее величество посетят наш поезд до отъезда? - еще раз справился Кек.

- Собираются, - неопределенно ответила Звонарева и, кивнув головой, отошла от совершенно обескураженного ее словами Кека. Затем она рассказала Краснушкину уже все без прикрас.

- Вы бы, милая Варя, держались подальше от всяких князей и княжон. Это не наша с вами компания. Поневоле приходится с ними дело иметь, а

в остальное время лучше подальше от них, - наставительно проговорил Краснушкин. - А что напугали Кека - это отлично. Теперь он на вас станет смотреть с немым обожанием и забудет шпионить. Глядишь, не будет придираться, что я увеличил штат на одну санитарку. - Краснушкин лукаво прищурился и подмигнул Варе.

37

Когда Варя рано утром приехала на Варшавский вокзал, санпоезда не оказалось на месте. Дежурный комендант, ознакомившись с документами Вари, объявил, что состав полчаса тому назад ушел.

- Этого быть не может! Я отпущена до девяти часов утра, а сейчас нет и половины девятого. Тут что-то не так.

Неожиданно в комендатуру пришел фон Кек, задержавшийся в городе. Он был обескуражен не менее, чем Варя, и потребовал своей отправки на первом же скором поезде, надеясь догнать санпоезд в дороге. Комендант куда-то позвонил. о чем-то справился и наконец объявил, что сейчас санпоезд направили на особую ветку в нескольких верстах от станции, потому что его намерен инспектировать сам верховный начальник санитарной части принц Ольденбургский.

- Я доставлю вас туда на дрезине, - предложил комендант.

Кек и Варя согласились, но дрезину нашли далеко не сразу. Пока бродили по путям в сопровождении комендантского провожатого, прошло немало времени. Кек волновался, беспокоилась и Варя: приближался час отправления поезда, и за опоздание могли быть неприятности. Но главное ее беспокоило другое. Начальственный осмотр не предвещал ничего хорошего. Варя знала, что вчера вместе с партией перевязочного материала и медикаментов были погружены несколько тюков листовок и прокламаций, размноженных в маленькой типографии Ольги Борейко. И хотя листовки были великолепно упакованы - отличить их от тюков ваты могли только она, Варя, да Краснушкин, - все же на душе было тревожно. Волновалась Варя еще и потому, что как раз в этот рейс в числе

санитарок поезда с ними отправлялась Клава Страхова. Паспорт, рекомендации - все было заготовлено надежно:"Опытная санитарка, может исполнять обязанности сестры... Муж в действующей армии, в настоящее время стоит со своими частями в Варшаве..." Все продумано до малейших деталей, все точно рассчитано, но мало ли что может случиться...

Варя взглянула на Кека, на его испуганные глаза и почему-то успокоилась. Вдруг появилась мысль, что, может быть, к лучшему, что она запаздывает. Ольденбургский уже наверняка начал осмотр и безусловно будет раздосадован ее недисциплинированностью. Что ж, тем лучше - это отвлечет его от пристрастного знакомства со штатом поезда. "ДА, это верная мысль, - подумала Варя. - Надо отвлечь его внимание. Любой ценой..."

Когда Варя и торопливо шагающий за нею Кек подошли к санпоезду, принц Ольденбургский, невысокого роста, щупленький, в генеральской шинели с красными отворотами человек, уже заканчивал свое знакомство с медицинским персоналом. На платформе молчаливо стояли две небольшие шеренги людей: одна - врачи и медицинские сестры, другая - санитары, санитарки, повар и прислуга.

Краснушкин представил Ольденбургскому врачей, сестер милосердия и, указав на стоявшую напротив шеренгу прислуги, объявил с улыбкой:

- Надеюсь, ваше высочество не жаждет знакомства с санитарами?

Ольденбургский брезгливо пробежал глазами по напряженным лицам людей, поморщился:

- Нет, нет. Передайте им сами от меня поздравление с оказание высокого доверия служить в санпоезде императрицы. Пускай хорошенько трудятся.

- Осмелюсь заметить ваше высочество, - с озабоченным видом сказал Краснушкин, - работы во время рейса очень много, а штат весьма невелик.

Придется добавить санитарок...

- Это уж ваше дело, - недовольно проговорил Ольденбургский. - У меня и без того забот сверх меры... А это еще что за фигуры? - Ольденбургский

с раздраженим смотрел приближающихся к поезду Варю и Кека.
- Кто вы такие, господа? И почему так свободно разгуливаете около поезда императрицы? - сдерживая нарастающий гнев, спросил принц.
- Я врач-хирург санпоезда и иду к месту своей службы. Направлена сюда комендантом станции. Поезда к назначенному времени не оказалось на своем месте, - спокойно пояснила Варя.
- Титуловать надо! - рывкнул Ольденбургский.
- Я не солдат, чтобы величать вас. А кричат на женщин только невоспитанные люди, с которыми я предпочитаю не разговаривать. - Варя повернулась спиной к ошалевшему принцу и спокойно направилась к своему вагону.
- Ч-что, что вы сказали? - заикаясь от злобы, с трудом выговорил Ольденбургский. - Как ваша фамилия? Фамилия! - Кричал принц, но Варя даже не обернулась.
Воспользовавшись этой сценой, вконец перетрусивший Кек засеменил в сторонку, подальше от высочайшего гнева.
- А вы кто такой? - остановил Кека гневный окрик принца.
- Я... я... - От испуга Кек не мог выговорить и слова. Лицо его побледнело, глаза,вылезшие из орбит, бессмысленно уставились на начальство.
- Отвечайте, когда вас спрашивают! - Багровый от ярости и возбуждения, принц вплотную подступил к Кеку.
- Никак нет.. никак нет... - лепетал Кек.
Неизвестно, чем кончилась бы вся эта сцена, не подоспей вовремя Краснушкин.
- Не извольте беспокоиться, ваше величество. Это наш комендант, мною был отпущен в город до сегодняшнего утра.
- Черт знает что такое! - гремел принц не обращая уже внимания ни на Кека, ни на все еще продолжавших стоять на платформе людей. - Набрали бог знает кого! Титуловать не умеют, грубят начальству... Надо половину разогнать. Наведите порядок...
- Разрешите отпустить людей, ваше высочество? - спросил Краснушкин. В

глубине его умных карих глаз дрожала усмешка. - Приступим к осмотру поезда?

Ольденбургский махнул рукой и пошел за Краснушкиным к вагонам.

Раздосадованный он нехотя осмотрел новое оборудование, рентгеновскую установку, хирургический кабинет. Здесь он снова столкнулся с Варей. В белом халате и косынке, она неторопливо разбирала хирургические инструменты.

- Ах, это опять вы! Может быть сейчас соблаговолите назвать себя? - снова раздражаясь, спросил принц.

- С удовольствием, ваше высочество. - Варя посмотрела принцу прямо в глаза и улыбнулась. Свет, падавший от окна, мягко освещал ее молодое лицо, легкий румяней щек, спокойные улыбающиеся глаза. Гнев принца постепенно утихал.

- Я Звонарева, врач-хирург...

- Участница порт-артурской обороны, награждена Георгиевской медалью... Варвара Васильевна - дочь генерала Балого, - добавил стоявший рядом Краснушкин.

- Ну что ж, очень приятно, - одергивая свой китель, приосанился Ольденбургский.

Настроение его при виде хорошенькой молодой женщины явно улучшилось.

- К госпоже Звонаревой я не имею претензий, - сказал он, выходя из купе. - Хорошенькие женщины имеют право дерзить нам, мужчинам. Хе-хе! Но вот Кека надо выгнать. Кто его направил сюда?

- Министр двора по распоряжению ее величества, - доложил Краснушкин.

- Пока что я, а не ее величество, ведаю санитарной частью, - недовольно проговорил Ольденбургский.

- Поез ее величества государыни императрицы. Она и считает себя вправе распоряжаться личным составом, как находит нужным, - напомнил Краснушкин.

- Личный состав поезда находится в моем личном ведении! Императрица никогда не назначила бы вас начальником своего поезда, если бы не

знала ваше отношение к одной грязной особе, протеже очаровательной мадам Сухомлиновой! Ведь вы были, если мне не изменяет память, ее врачом? А я, услышав о немилости императрицы, решил обязательно вас назначить начальником поезда. Был твердо убежден, что вы не допустите влияния "святого старца" на вашу работу. Иначе поезд превратится в публичный дом на колесах. Особенно приглядывайтесь к деятельности Кека. Никаких денег и материальных ценностей ему не доверяйте, следите, чтобы он не организовал картежных игр среди раненых. Всех облапошит этот титулованный шулер.

Заметив княжну Голицыну , принц добродушно пошутил с ней, справившись, сколько офицеров она ранила в сердце или поразила своей красотой.

- Я тут скорее жертва, чем охотник. Влюбилась сразу в дюжину молодых гвардейцев и теперь не знаю, на ком остановить свой выбор, - с притворным смущением кокетливо проговорила юная княжна.

- Напишу матери письмо, чтобы поскорее выдавала замуж, пока ты не наделала глупостей и не влюбилась без памяти в каккого-нибудь непутевого офицеришку.

- Я молодых не люблю. Мне больше нравятся почтенные генералы вашего возраста, - стрельнула Голицына глазами в принца.

- Я тебе в деды гожусь! Нечего мне зубы заговаривать. Ты у кого в подчинении? - справился Ольденбургский.

- У Звонаревской. Она строгая и никакого легкомыслия не допускает, - пожаловалась княжна.

- И правильно делает. Звонарева хороший врач? - справился принц у подошедшего Дистерло.

- Звонарева? Прекрасный. Я впервые вижу такую талантливую женщину-хирурга, - ответил Дистерло. - Да притом с большим характером. Она крепко держит в руках весь персонал и всех раненых. Умеет пробрать до самых печенок. Мужчины на нее не обижаются, как на хорошенькую женщину, а женщинам импонирует ее положение и специальность. К ней относятся с уважением и побаиваются ее острого языка, - пояснил

Дистерло.

- Кто ее направил сюда? - справился принц.

- Сам начальник поезда приходится ей деверем и давно знает Звонареву как врача. Она в известной степени его ученица в области терапии.

- Вы, я вижу, тоже находитесь под влиянием ее женских чар, - уже совсем по-дружески проговорил Ольденбургский.

- Любви все возрасты покорны, - в тон ему ответил Дистерло.

Гнев принца совсем улегся.

- Я, кажется, был резок поначалу. Старый солдат, я могу нагрубить под горячую руку, - извиняющимся тоном проговорил он. - Звонарева действительно очаровательная женщина. Приятно иметь таких в своем подчинении. Кека постарайтесь убрать с помощью Фредерикса. Пусть пришлет кого-нибудь взамен этого шулера.

Ольденбургский милостиво со всеми простился, наказал Краснушкину обращаться к нему во всех случаях, когда потребуется помощь. После этого принц отбыл, отдав коменданту станции приказание отправить санпоезд немедленно, чтобы наверстать задержку.

...Поезд мерно постукивал колесами. За окном мелькали телеграфные столбы, поля, припорошенные снегом, далекие, сливающиеся с голубоватым туманом перелески.

Варя сидела на аккуратно заправленной шерстяным одеялом вагонной полке и смотрела в окно. В купе вошел Краснушкин, сел рядом. Варя посмотрела на него и, облегченно вздохнув, улыбнулась. Краснушкин тоже ничего не сказал, только сжал лежавшие на маленьком столике холодные Варины руки.

Поезд, прогрохотав на стрелках колесами, с ходу миновал какой-то полустанок: мелькнул маленький кирпичный домик путевого обходчика с сарайчиком и невысоким стожком сена под деревянной крышей. На протянутой от крылечка к сарайчику веревке тяжело полоскалось на ветру мокрое белье.

Батареи артдивизиона стояли в тылу, в районе города Насельска.

Наступившие холода плохо сказались на здоровье Борейко. Как ни крепился он, надеясь побороть слабость, болезнь его одолела. Проснувшись утром, он попытался подняться, но пронизывающая острая боль в позвоночнике снова свалила его в постель. Жаркий пот покрыл все тело, потемнело в глазах.

Когда пришел Звонарев, Борейко лежал на спине, с усилием сдерживая стоны.

- Тебе плохо, Боря? - испуганно спросил Звонарев.

Борейко не ответил, только медленно повел головой по подушке, будто сказал: "И не спрашивай, - плохо".

Борейко отправили с Блохиным в Варшаву. Со дня на день ждали прибытия санпоезда, а с ним Вари и Краснушкина. Поместив своего командира в ближайший госпиталь, Блохин отправился по делам. До прибытия поезда ему многое надо было успеть сделать, а главное, повидаться с польскими товарищами - с Анелей Шулейко, старой знакомой Енджеевского. Она занимала небольшой особнячок на краю города, работала на пересылочном медицинском пункте, помогая при отправке раненых, а в свободное время шила модные шляпки для панночек. К ней ходило много разных людей, и никто не догадывался, что добрая, живая на острый язык пани Анелька в своей кладовушке среди разноцветных тряпочек и мишуры держала целый склад нелегальной литературы, что частенько в ее маленьком домике появлялись незнакомые люди и, переждав день, к ночи отправлялись с "верным человеком", старым здешним учителем, в прифронтовой поселок. Много людей переправила Анелька из России за границу, и еще ни разу не подвели ее осторожность и ум.

Пани Шулейко встретила Блохина, как родного, усадила на лучшее место за столом, накормила, напоила. Небольшого роста, изящная, она быстро и уверенно ходила из комнаты в кухню, из кухни в комнату, накрывая на стол, подавая кушанье. Между делом, неторопливо и обстоятельно, она

рассказала Блохину, что поезд ждут сегодня вечером или завтра утром. Откуда она это знает? Очень просто: дежурный телеграфист на станции - поляк, ее добрый знакомый, он получил уведомление, чтобы подготовили раненых к отправке. И сегодня ее просили дежурить на эвакопункте, хотя и не ее смена. Срочно сортируют тяжелобольных и легко раненых офицеров и просто солдат.

Начальство решает кого отправлять в первую очередь.

Рассказывая, Анеля собрала со стола и помыла посуду. Руки ее не оставались без дела. Они жили своей деятельной жизнью. Сев к столу, анеля стала разматывать мотки цветной шерсти.

- С вами мы условимся так: вы будете находиться при своем командире. Его отправят в первую очередь: он офицер, и в тяжелом состоянии. Когда придет поезд, поможете грузить раненых. Там увидимся с Варварой Васильевной. Она скажет, что делать дальше. В сутолоке, которая там поднимется, мы перенесем под носом у шпиков все что угодно. У вокзала будет ждать наш Стась с пролеткой. Все очень просто. Поезд будет стоять несколько часов, но лучше взять все, что нам подготовлено, сразу, - это я знаю по опыту.

Погрузка раненых началась часов в десять утра. Но еще ночью, когда пришел поезд, Блохин успел повидать Варвару Васильевну и Краснушкина и сообщить им о болезни Борейко. От них он узнал ошеломляющую новость: среди санитарок поезда находится Клава Страхова. Ее нужно переправить к польским товарищам. В этом ей должны помочь Блохин и Пани Анеля. Так сказал Иван Герасимович.

Утром пошел мокрый снег. Большими липкими хлопьями он сек лицо, забивал глаза, мешая смотреть, покрывал белоснежной простыней платформы, железнодорожные пути, ложился пушистым мокрым слоем на серые солдатские одеяла лежавших на носилках тяжелораненых. Блохин уже давно "определил" Борейко, поместив его на нижней полке в офицерском вагоне. Вместе с "лишними" вещами своего командира он и новенькая санитарка поезда вынесли тюки ваты, бинтов, медикаментов,

предназначенные для местного госпиталя, все это уложили на носилки и передали дежурной сестре эвакопункта Шулейко. Расписавшись в получении, Шулейко распорядилась перенести все это в кладовую, расположенную рядом с приемным покоем. Она открыла дверь и, пропустив вперед носилки, вошла сама.

- Пани Анеля, - глухо проговорил Блохин, разгружая носилки, - вам привет из Питера и горячая просьба. - Иван Герасимович просит помочь нашему товарищу.

Анеля бросила быстрый оценивающий взгляд на санитарку, встретилась с ее спокойными, умными серыми глазами.

- Не боитесь? - тихо спросила она.

- Нет. Не в первый раз, - последовал спокойный ответ.

- Хорошо. Филипп Иванович расскажет, что делать дальше.

Тем временем Блохин отложил помеченные Варей тюки с прокламациями в сторону, сверху положил грязные халаты, простыни, наволочки. Шулейко, разговаривая с Клавой, внимательно наблюдала за действиями Блохина, одобрительно кивала головой.

- Теперь все, друзья. Здесь задерживаться нельзя. - Она открыла дверь и громко добавила: - Не очень щедрое ваше начальство. Маловато принесли.

Несите еще.

Клава с Блохиным вышли на перрон. Снег валил пуще прежнего. Небо посерело. Сквозь плотную снежную пелену трудно было различить фигуры людей. Блохин взглянул Клаве в лицо. Из-под белых пушистых снежных бровей смотрели улыбающиеся милые серые глаза, которые будто говорили: "Все будет хорошо. Не волнуйся! Кругом товарищи - видишь, как все помогают. Не пропадем".

- Поезд будет стоять в Варшаве два дня. Завтра к вечеру я буду у Шулейко, - заговорила Клава. - Адрес я знаю от Вари. Меня отпустят к мужу, - Клава улыбнулась, - который со своей частью стоит неподалеку от Варшавы.

Тут все точно сделано, даже если проверят - не придерешься. Теперь,

наверное, долго не увидимся, дорогой Филипп Иванович... Желаю вам удачи.

Берегите себя от пули и от дурного глаза.

- И вам, Клавочка, желаю счастья и удачи. Передайте от нас, солдат-большевиков, е м у привет. Пусть тоже бережет себя. Уже скоро. Не за горами тот час, когда все свидимся. На н е г о вся надежда наша.

Прошло два дня. Блохин провожал поезд один. Звонарев, оставшийся на батарее за командира, не смог выбраться. Грустная, уставшая, с покрасневшими от бессонных ночей глазами Варя передала Блохину письмо и тысячу наказов для своего Сереженьки. Помолчали, думая об одном: как сейчас Клава? Одна, среди опасностей, поджидавших ее на каждом шагу.

Маленькая мужественная женщина! Но страха не было. Вспомнилось ее красивое, удивительное лицо, серьезные умные глаза, и почему-то рождалась уверенность, что она пройдет через все преграды, пройдет мимо жандармов, шпиков и сыщиков, стерегущих ее на пути к человеку, имя которому - Ленин.

39

Оставшись на батарее за командира, Звонарев привлек себе на помощь солдат портартуровцев: фельдфебель Родионов следил за общим порядком на батарее, снабжением ведал Блохин, канцелярией - Заяц. Жили одной семьей - вместе столовались, сообща решали все дела. Родионову помогали пришедшие с ним на батарею два солдата из донецких шахтеров. Блохину - Лежнев с разведчиками. Близко сошелся последнее время Блохин с ездовым Кондратом Федюниным.

Офицеры других батарей избегали появляться в первой батарее, не желая встречаться с солдатами, которые непрерывно окружали Звонараева. Зато солдаты из других батарей валом валили в первую. По дивизиону шел слух, что солдаты там обходятся совсем без офицеров и сами следят за всеми распоряжениями в батарее. Офицеры негодовали,

считая такие порядки недопустимыми и подрывающими их авторитет.

Возвратившись однажды из штаба дивизиона, Звонарев застал у себя в батарее прапорщика Зданкевича, недавно окончившего артиллерийское училище.

Высокий, щеголеватый, с тонкими, лихо закрученными усиками, прапорщик с особым удовольствием подчеркнул свое польское происхождение.

- Для меня это не имеет значения, - холодно заметил Звонарев. - Для артиллерийского офицера важны знания и воинский опыт. Поскольку у меня в батарее других офицеров нет, назначаю вас старшим офицером. Примите от Блохина батарейное хозяйство.

Зданкевич начал с того, что запретил солдатам появляться в помещении офицеров. Звонарев отменил это распоряжение. На следующий день произошла стычка с Зайцем, которого новый офицер обругал и пригрозил поставить под ранец за непочтение к его, Зданкевича, персоне.

Опять Звонареву пришлось одергивать своего старшего офицера.

Прапорщик не стерпел и отправился с жалобой к временно исполняющему обязанности командира дивизиона Плешкову. Узнав, что прапорщик заядлый преферансист, Плешков обрадовался:

- Соскучитесь, приходите к нам на пульку. Ей-богу, это интереснее, чем возиться с делами звонаревской батареи. Имейте в виду, мадам Звонарева состоит врачем в поезде императрицы и потому часто встречается с ней.

Поверьте, если мадам Звонарева захочет, то сумеет всем подложить хорошую свинью. Не трогайте Звонарева и его порядков в батарее, черт с ними со всеми. Давайте лучше перекинемся в картишки. Это истинно благородное дело, достойное офицера. Карты и женщины! Женщин здесь нет - потому да здравствуют карты! Ура, господа!

- Из первой батареи тлетворная зараза распространяется по другим батареям, - не согласился с ним Зданкевич. - Солдаты там совершенно перестают слушать офицеров.

- Это смотря каких! Меня слушают беспрекословно, а вас - еще

неизвестно. Ха-ха! Знаете поговорку: курица не птица, прапорщик не офицер.

Нечего вам и в амбицию ломиться. Побываете в боях, проявите личную храбрость и умение командовать в бою - поверьте, и у вас появится авторитет.

Зданкевич приутих, перестал спорить со Звонаревым, но с солдатами обращался грубо, не стесняясь, раздавал зуботычины.

Вскоре прибыл новый командир дивизиона - подполковник Киradонжан.

Обращала на себя внимание его наружность - лицо с тонкими правильными чертами, большие серо-голубые глаза, аккуратно подстриженная борода. Голос приятного тембра, мягкий, но достаточно четкий.

Киradонжан производил впечатление мягкого и приятного человека. Из разговоров выяснилось, что он всю жизнь служил в приморских крепостях и отправился на войну для того, чтобы не отставать по службе.

Подполковник поместился в первой батарее, с ним должны были перебраться к Звонареву и адьютант дивизиона, уже немолодой желчный поручик Цылов, и двое чиновников, состоящих при штабе.

Порядки батареи пришлось менять. Близость с солдатами, к которой так привык Звонарев, нарушилась. Киradонжан побывал во всех трех батареях и убедился, что больше всего порядка в первой батарее.

- Потому что в ней меньше всего офицеров, - пояснил Звонарев.

- По-вашему выходит, что офицеры вносят беспорядок в жизнь части? - удивился Киradонжан.

- Офицер офицеру рознь, господин подполковник, - ответил Звонарев. - Такой, как наш Зданкевич, и даром не нужен батарее.

Вскоре произошел случай, чуть не стоивший Блохину жизни.

Тяжелый дивизион получил распоряжение выступить на позицию, в тридцати километрах к северу от Насельска. В этом районе намечался короткий удар по немцам для улучшения невыгодного расположения русских войск.

Надлежало выбрать надежную и выгодную огневую позицию. Для этого

были посланы офицер Зданкевич и Блохин с несколькими опытными содатами-разведчиками.

Из разведки вернулся один Зданкевич.

- В чем дело, прапорщик? Потрудитесь подробно доложить, - потребовал Звонарев. - Где данные разведки и наши солдаты?

Зданкевич подчеркнуто небрежно откозырял:

- Прошу вас с этим быдлом мне поручений больше не давать. Можете представить себе, пся крев, эта звероподобная морда Блохин грозил убить меня, своего офицера! Я думаю дать ход этому делу. Такого оскорбления я не потерплю - добьюсь, чтобы расстреляли мерзавца.

Зданкевич побелевшими от злобы глазами смотрел на Звонарева.

- Потрудитесь все объяснить, господин прапорщик. Из вашего бестолкового лепета ничего не ясно. Я знаю не один год Блохина. Тут что-то не так.

- Ах, вы солдату верите больше, чем офицеру? По закону как раз наоборот, вы обязаны верить мне! Впрочем, ваше свободомыслие известно в дивизионе.

Звонарев всерьез обеспокоился. "Что могло произойти? Почему Блохин хотел прихлопнуть этого трусишку? Неужели сорвался, не выдержал характера?.. Дело не шуточное, рядом фронт. Долго ли до беды..."

- Все-таки я вас прошу объяснить, что произошло, - настаивал Звонарев.

- Это быдло попыталось меня учит. Когда я указал на намеченные мною огневые позиции, он рассмеялся мне в лицо и сказал, что это чепуха, мол, я еще мало понимаю и что он сам сделает лучше меня. Вы только подумайте, какая наглость! Ну, разумеется, я поучил его малость, просто хлестнул по его дурацкой морде. А он, вообразите, весь затрясся от злобы и схватился за винтовку, еще бы немного - и, матка боска, страшно подумать... Ужас просто, до чего вы распустили эту сволочь!

Прошло немало времени, пока вернулся Блохин с солдатами. Звонарев, с нетерпением его ожидавший, бросился к нем навстречу. Блохин остановился перед своим командиром и по форме стал докладывать о выполнении задания: огневая позиция выбрана, командный и

наблюдательный пункты найдены. Он протянул карту со своими пометками. Звонарев выслушал рапорт, сдерживая поднимавшееся против Зданкевича негодование. Он видел разбитое в кровь, изуродованное лицо солдата.

- Спасибо за службу, - сказал он, принимая от Блохина карту.

Отпустив солдат, Звонарев задержал Блохина.

- Ну и здорово тебя отделал этот мерзавец, - проговорил Звонарев. - Как ты его не хлопнул, просто диву даюсь.

- Сам удивляюсь, - попытался улыбнуться Блохин, но разбитая щека не поддалась, лицо осталось распухшей безобразной маской. - Просто рассудок помутился от злости и обиды. Еле сдержался. А то бять бы ему сейчас самой последней падалью.

- Да и тебе бы не поздоровилось, Филипп Иванович, - сказал Звонарев, - ведь под расстрел бы подвели. И сейчас будет звону - только держись...

И в самом деле, "звону" было много. Кирадонжан поручил расследование своему адьютанту, начались допросы, расспросы. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не активное вмешательство Звонарева. Блохин отделался десятью сутками строгого ареста. Зданкевичу был объявлен строгий выговор за рукоприкладство.

Время шло, и постепенно люди стали забывать эту историю. Батарея заняла новые позиции. Изредка шли столкновения с немцами. Поговаривали то о предстоящем большом наступлении немцев, то о наступлении русских. А между тем по всему фронту наступала зима... Сразу обнаружились недостатки в теплом обмундировании, нехватка сапог. Плохо было с продовольствием.

Голодны, плохо одетые и подчас разутые солдаты производили жалкое впечатление. Участились болезни и случаи обмораживания. Среди солдат росло недовольство и озлобление против начальства. Звонарев не мог этого не видеть. Он боялся бунта. Не потому, что страшился за свою жизнь, нет, его отношения с солдатами были хорошие. Он знал, что его уважали за простоту и душевность. Он боялся другого - бунт вызвал бы кровавую расправу, "Зачем?

- думал он. - Что можно изменить?" Но и в его душе поднималась дикая злоба, ненависть к "тыловым героям" и снабженцам. "Жулики! Разворовали всю Россию! Наживают миллионы, и на чем! На крови солдат, на их беде!...

Бьешся, бьешся - выколотишь две пары сапог на всю батарею. Осчастливишь солдата, а сапоги на другой день развалились: подметки-то картонные!..."

Зданкевич не забыл истории с Блохиным. Он ненавидел солдат, истощенных, грязных, обовшивевших, жалких в своих отрепьях, жгучей ненавистью никогда не знавшего голода человека. "Скот, свиньи, - с презрением цедил он сквозь зубы. - Я вам еще покажу!"

И он "показывал" свою власть. Зуботычины, затрещины, избиение солдат стали его любимым занятием. На предупреждения Звонарева он отвечал доносами по начальству на самого Звонарева.

Однажды Звонарев получил приказ - обстрелять немецкие окопы и блиндажи. Для корректирования огня батареи на передовую он решил отправить Зданкевича. Но, зная, что прапорщик храбр только со своими подчиненными, "для верности" решил послать с ним одного из разведчиков. Но кого? Блохина? Он опытный, знающий, но вместе с этим проходимцем? Выдержит ли на этот раз? Не сорвется ли? Рисковать здесь нельзя. Пусть идет Лежнев.

Зданкевич и Лежнев отправились на передний край ранним утром и вернуться могли лишь поздним вечером, когда на землю вместе с сумерками опускалась тишина. На батарею вернулся Лежнев один. Зданкевич не вернулся, не пришел он и утром. На расспросы Звонарева Лежнев рассказал, что прапорщик, сам оставшись в безопасном месте, в воронке, на передовую послал одного Лежнева, где он один сидел весь день в пехотных окопах.

- Я ничего не знаю, ваше благородие, - испуганно твердил разведчик. - Хоть у пехтуры спросите. Они скажут... Что не сказать - ведь это же правда. Зданкевича нашли к полудню. Он лежал, уткнувшись лицом в землю. Когда перевернули скорчившийся и давно уже остывший труп,

все отшатнулись: вместо лица прапорщика дрожала кровавая студенистая каша - разрывная пуля попала ему в затылок.
Началось следствие. Но как ни докапывались, как ни старались - виновных найти не смогли. Дело постарались замять, но за первой батареей прочно утвердилось прозвище "красной".

40

Санпоезд шел в свой очередной рейс. Варя постепенно привыкла и полюбила трудную и напряженную жизнь врача-хирурга и революционера-подпольщика. Она, как никогда прежде, вдруг поняла, что делает трудное дело, маленькую частицу того большого дела, которому лучшие люди отдают свою жизнь. "Быть конспиратором - это искусство", - сказала ей в тот памятный рейс в Варшаву Клава Страхова. И она сама видела, как Клава, красивая, умная, тонкая Клава Стахова, владеющая несколькими языками, вдруг перевоплотилась в простую женщину, в робкую, застенчивую, испуганно-исполнительную и немного неуклюжую. Она вызывала сочувствие, в не подозрительность. И только Варя знала, ценой какого чудовищного напряжения всех душевных сил давались Клаве эта выдержка. Стоило немного оступиться, не так посмотреть, не так сказать, и случилось бы непоправимое несчастье...
Та дорога в Варшаву стала для Вари поворотным моментом в ее жизни.
Она вдруг поняла - не так, как раньше, умом, рассудком, а сердцем - свою полезность, почувствовала, что найдет в себе силы, умение сделать многое.
Она теперь "не лезла на рожон", не "задиралась", как любил говорить Краснушкин, с "чиновными" людьми, а держалась осмотрительно, с мягким женским тактом.
Последние рейсы они перевозили много литературы из Петрограда в Варшаву, в скромный домик Анели Шулейко. На этот раз они везли типографский шрифт. В поезде стало легче работать после того, как убрали Кека. Его место занял полковник Семеновского полка Лялин,

челдовек степенный. В санпоезд привели его связи при дворе и отдаленное родство с царской фамилией. Для Вари и Краснушкина он был хорош тем, что не вмешивался в дела поезда и ненавидел всех "фараонов" - жандармов и шпиков.

Заметив, что полковник старательно следит за всоей внешностью и с интересом посматривает на женщин, Варя несколько раз, будто мимоходом, похвалила его бравый вид, чем окончательно завоевала его благосклонность.

В день отправления поезда Варю и Краснушкина на вокзале встретил сияющий, подтянутый и благоухающий духами Лялин.

- Варвара Васильевна, - проговорил он, грассируя, - позвольте вашу ручку. Соскучился и, как видите, исстрадался.

- Поэтому у вас такой праздничный вид? - улыбаясь, спросила Варя.

- Видеть вас - для меня всегда праздник. - Полковник звякнул шпорами.

- И праздник вдвойне, если их императорское величество высказали намерение побывать у нас. Надеюсь, вы рады?

- Ну, еще бы, такая честь, - вставил свое слово Краснушкин.

Императрица появилась в сопровождении своих четырех дочерей, нескольких флигель-адьютантов и придворных дам. Александра Федоровна поздоровалась с персоналом на ломаном русском языке и обошла вдоль фронта сотрудников. Когда императрица поравнялась с ВАрей, Ольга Николаевна что-то сказала матери по-английски, и та, протянув Варе руку, пробормотала что-то похожее на "благодарю".

- Мама благодарит вас за службу и работу в Порт-Артуре и здесь, - перевела Ольга Николаевна слова матери.

Варя не знала, что ей отвечать, и ограничилась поклоном.

Потом княжна подошла к Краснушкину и, мило улыбаясь, проговорила:

- Я прибыла в ваше полное распоряжение, господин доктор!

Краснушкин слегка пожал протянутую ему руку и, в свою очередь, справился, где бы хотела работать княжна.

- Где вы укажете! Может быть лучше всего под руководством госпожи Звонаревой? Я слышала о ней хорошие отзывы. При условии, конечно,

если сама Варвара Васильевна против этого не будет возражать, - обернулась к Звонаревой великая княжна.

Варя также ответила княжне улыбкой и поклонилась. А сама подумала:"Нелегкая тебя принесла на нашу голову! Будет теперь морока!"

- Быть может Варвара Васильевна разрешит мне поместиться с ней? Я буду за это очень признательна и благодарна, - сказала княжна.

- С огромным удовольствием, - не задумываясь, ответила Варя.

Перед самым отправлением императрица вручила дочери небольшой сверток с нательными крестами и иконками - личное благословение "святого старца" Григория Распутина.

Поездка была трудной. На каждой большой станции княжну встречали "отцы городов" - депутации с изъявлением вероподданнических чувств. Поезд приходилось задерживать. Краснушкин нервничал, клял в душе всю императорскую фамилию, но изменить ничего не мог. С большим опоздание прибыли в Варшаву. И снова на вокзале стояла в почтительном поклоне целая свита варшавских городских властей. Среди вельмож княжна увидела бравого гвардейского офицера со стеком в руках - своего дядюшку великого князя Дмитрия Павловича. По тому, как порозовело ее лицо,шея, даже мочки ушей, как вспыхнули радостью глаза, нетрудно было догадаться, что встречи этой она ждала всю дорогу, что может быть, из-за нее была затеяна и вся эта поездка.

Княжна сразу забыла о поезде, о своих обязанностях сестры, о раненых, о "святых дарах" "святого старца" и, поддерживаемая под руку великим князем, в сопровождении пышной свиты удалилась в город.

- Даже не изволила доложить, куда поехала и когда осчастливит своим возвращением, - кипела негодованием Варя. - И это монархи, печалящиеся о своих страдающих подданных! Да плевать они на всех хотели. Здесь,может быть, раненые умирают, а им что - увеселительные прогулки, рауты.

- Тише, Варя, тише, - взмолился Краснушкин. - Интересно, разве можно было другого ожидать?

- Ничего я не ожидала, просто я извелась за эту дорогу. Всякие княжны рядом, а тут у них под носом везем пять тюков прокламаций и типографский шрифт. С ума сойти можно!

- Наоборот, - засмеялся Краснушкин. - Ни один шпик не осмелится носа показать.

Варя и Краснушкин переодевались, мыли руки, готовясь к приему раненых.

В окно вагона Варя увидела улыбающиеся лица Блохина и Анели.

Получив распоряжение доктора Дистерло осмотреть двух тяжелораненых офицеров на месте, Варя поспешила на эвакопункт. Небольшой, на скорую руку организованный госпиталь был забит ранеными, пострадавшими от морозов, и просто больными солдатами. Худые, с провалившимися, лихорадочно блестевшими глазами, они стонали, звали сестер, врачей, просили, требовали и просто молили оказать помощь. Мест не хватало. Раненые лежали в коридорах, на полу, на тоненьких подстилках или просто на шинелях, метались в бреду, запекшимися от палящего жара губами просили пить.

У Вари упало сердце. Она привыкла к виду крови на операционном столе, не боялась стонов больных, которых оперировала, потому что знала: им будет лучше благодаря ее заботе. А здесь она содрогнулась: сотни людей нуждались в помощи, и им не могли помочь. Они стонали, и крики их были страшны.

Санпоезд забирал только офицеров, и то небольшую часть, а остальные оставались на произвол судьбы...

В небольшой комнатке-кладовушке у Анели навстречу Варе поднялась молодая женщина в темном полупальто с меховым пушистым воротником и в такой же теплой шапочке. Круглое белое лицо, светлые заплаканные глаза - лицо очень знакомого человека. Женщина всхлипывала, с трудом выговаривая слова:

- Варвара Васильевна, родная, помогите! Видно, судьба посылает вас, когда очень трудно. Помните Красноярск? Пурга, ночь, молодой человек с простреленной ногой - Павел, мой жених, и я, Зоя Свинцова. Как мы

выхаживали его вместе, помните?

- Господи, - прошептала Варя. - Вот встреча... Но что случилось, почему вы здесь, где Павел? Вы же уехали тогда за границу?

- Мы уже давно в России. Жили в Москве. Павла мобилизовали. А сейчас он умирает... - Зоя залилась слезами.

С трудом расспрашивая то Анелю, то Зою, Варе удалось узнать, что Павел Сидорин, один из членов Московского комитета большевиков, по заданию партии вел на фронте большую пропагандисткую работу. Его обнаружили. Он сумел бы уйти, скрыться, если бы не несчастный случай. Рядом с ним разорвался снаряд. Павел был ранен осколками в ногу и руку. Его подобрали хорошо знавшие Павла солдаты. Они-то и дали знать Анеле. А она - Зое, работавшей здесь, в Союзе городов. Павла пока еще не опознали.

- А если опознают?.. - Остановившимися от ужаса глазами Зоя смотрела на Варю. - Его же расстреляют! Они звери, они даже не подумают его лечить...

Варя присела на кучу грязного белья. Ноги не держали ее. От всего пережитого, от усталости и волнений последних дней тяжкая дурнота подступала к горлу, не хватало воздуха, хотелось просто по-бабьи, навзрыд плакать. Но плакать она не имела права. От нее ждали помощи, и она должна была помочь.

- Анеля, оформите документы на Павла как на офицера, сделайте это любыми средствами. Лишь бы пронести в поезд, а там я все беру на себя. Мы его сохраним. Не плачь, Зоя.

Варя поднялась, глубоко вздохнула. Зоя кинулась к ней на грудь, плача уже от радости, от надежды на спасение.

К девяти часам вечера все раненые были приняты. Врачи, сестры, санитары валились с ног от усталости, а впереди ждала масса работы: осмотр больных, оказание им квалифицированной помощи - снова бинты, йод, лекарства...

В отдельном купе поместили троих тяжелых - поручика 54-го Сибирского полка Павла Сидорина с перебитыми осколками снаряда рукой и ногой.

Документов при нем не оказалось - было только составлено в эвакопункте медицинское заключение. Поручик был без памяти. В жару метался и второй больной - молодой черноволосый и черноглазый офицер. Разрывная пуля раздробила ему бедро, начиналось нагноение, грозившее перейти в общее заражение крови. Требовалась немедленная операция, немедленное хирургическое вмешательство, клинический квалифицированный уход. Не в лучшем состоянии был пожилой капитан со слипшимися от испарины жидкими волосами. Восковой бледностью лицо, запавшие виски и заострившийся нос пугали Варю. Больной тяжело дышал, хрипел и кашлял кровью - сквозное ранение в грудь, пуля прошла, задев легкое.

"Что же мы стоим, пора давно отправляться, - тревожно думала Варя, в то время как ее руки спокойно, независимо от нее делали свое дело. Сделав инъекцию камфары капитану и посадив около него сестру Абросимову, Варя вышла в коридор на поиски Краснушкина. Она застала его в перевязочной вместе с Дистрело.

- Что делать - ума не приложу, - растерянно говорил Дистерло. - Уехать без княжны невозможно.

- А ждать, ждать возможно? - горячо вступила в разговор Варя. - Вы же врач и сами знаете, что мы рискуем жизнью троих людей.

- Вы оба правы, господа, - сказал Краснушкин. - Поэтому я предлагаю съездить за княжной. Сейчас же. Во всяком случае, мы предупредим ее, что уезжаем. Попросим полковника Лялина и вас, Варвара Василиевна, больше некому. Я узнал: княжна на бале у генерала Рузского...

Когда Варя и Лялин подъезжалина извозчике к резиденции Рузского, дворец сиял огнями. У подъезда было много карет, изящных модных пролеток.

Слышалась музыка, смех, царила атмосфера праздничной суеты. Дежурный офицер, взглянув на полковничьи погоны Лялина и его форму Семеновского полка, с поклоном отворил дверь, и Варя очутилась в роскошном, залитом светом вистибюле. Причудливые тропические растения обвивали белые мраморные колонны, огромные пальмы лениво

дремали, раскинув свои темно-зеленые резные ветви, алый, с серебристым, как иней, ворсом ковер застилал широкую мраморную лестницу, ведущую в зал, откуда доносилась музыка. Слышался смех и праздничный говор нарядной толпы.

Варя смело поднялась по лестнице, и то, что увидела она, первое мгновение ошеломило ее. Люстры, сверкание огней и хрусталя, роскошные дамские туалеты, обнаженные напудренные плечи, бриллианты, жемчуга, дорогие живые цветы, блеск эполетов, орденов, мундиров, и всюду - обворожительные улыбки, смех и сладостная мелодия вальса...

После стонов раненых, запаха крови, смешанного с запахом пота и гноя, после тех страданий и предсмертных мук обреченных людей, что прошли за этот бесконечно длинный и трудный день перед Варей, вид этой чудовищной роскоши и беззаботного веселья как ножом резанул Варю по сердцу. Будто чья-то сильная рука сдавила горло, на глазах выступили слезы.

В центре большого круга на зеркале паркета медленно и красиво двигалась одна пара: молодая тоненькая девушка в простом белом платье грациозно склонила голову с копной рыжеватых волос к плечу своего кавалера в блестящей парадной форме.

- Полюбуйтесь, Варвара Васильевна, не правда ли, грациозно танцует княжна, - услышала над ухом Варя сдержаный шепот Лялина.

"Боже, мой, так это же княжна! - подумала Варя. - Она танцует, а там умирают люди. Может быть, уже умер Павел или тот, другой, с раздробленным бедром... А она грациозно танцует... и долго собирается танцевать?.."

Варя рванулась в круг. Но сильная рука полковника удержала ее на месте.

- Сейчас нельзя. Остановить княжну во время танца - это скандал. Вон там сидит Рузский, подойдемте поближе. Княжна, видимо сядет рядом с хозяином дома.

Варю била нервная дрожь. Она побледнела, глаза сделались большими и

темными от волнения и клокотавшей в груди злобы.

Лялин, умело лавируя между праздными, оживленно беседующими людьми, вел Варю в противоположный угол зала.

Музыка смолкла. Оживленная, с сияющими от счастья глазами, чуть сдерживая дыхание, подходила к Рузскому великая княжна. Варя, стоявшая неподалеку, сделала шаг вперед.

- Ольга Николаевна, - громко и отчетливо сказала она, - поезд ждет вас. Там умирают люди. Надо немедля возвращаться, или... оставайтесь здесь.

Княжна остановилась. Варя увидела, как краска оживления покинула хорошенькое лицо княжны, как светлые глаза постепенно налились холодом, тонкие брови надменно изогнулись.

- Хорошо, идите, - ледяным тоном проговорила княжна. - Я сейчас спущусь за вами.

Спускающихся по лестнице Варю и Лялина обогнали два адьютанта. Через некоторое время около подъезда стояла машина Рузского. В сопровождении всей знати вышла закутанная в шубку княжна.

Варя молчала всю дорогу, боясь сказать лишнее. Долго ли вызвать высочайший гнев, и тогда прости-прощай! Иван Герасимович не скажет ей спасибо. Нет, надо молчать, а то она сказала бы этой красотке, что она о ней думает. Ишь, сидит, губы поджала, брови дадменно вскинула. Но Варя не скажет ей ничего, наоборот, она даже улыбнется ей, похвалит ее за танец.

Лишь бы удалось довезти Павла до Петрограда!..

Варя и сестра Абросимовна всю ночь не отходили от тяжелобольных. У Павла Сидорин то пропадал пульс, и у Вари замирало сердце, то вновь бился, будто успокаивал: "Ничего, я еще буду жить". Варя делала инъекции камфары, давала проглотить воды, и Павел успокаивался. Вдруг часа в три Павел открыл глаза, ласково посмотрел на Варю, на сестру и вновь закрыл глаза, не сказав ни слова. Он крепко уснул. Павел был спасен.

Хуже было с капитаном. Он задыхался. Восковое лицо наливалось

синевой. Усилился кашель, горлом пошла кровь. Дистерло решил немедленно делать операцию. Остановили поезд. Спешно стали готовить инструменты. Но спасти жизнь больному не удалось. Когда пришли за ним санитары, чтобы нести в операционную, капитан только слабо махнул рукой. говорить он не мог. К утру он скончался.

Нервы Варины не выдержали. Прислонившись головой к плечу Краснушкина, она заплакала, по-детски всхлипывая и не вытирая слез.

41

Почти всю зиму жила Маня одна в квартире Звонаревых. После Вариного отъезда с санпоездом детей забрала Катя. Маня понимала почему. И не обижалась. Конечно, ей было больно, но винить людей за то, что они помнили ее прошлое, она не могла. Откуда им знать, что она стала другой? Для этого нужно было иметь душу Варвары Васильевны или Ольги Семеновны Борейко. Они видели сердцем, а не глазами. Они верили ей и заставили ее, Маню, поверить в людей. Она в жизни своей видела много грязи, много обид и очень мало света, а гоавное - очень мало настоящих людей. И привыкла к тому, что от них добра ждать нечего...

Но вот в последнее время в ее жизни вдруг все переменилось. Она узнала людей, которых никогда не знала прежде, - очень чистых, очень добрых и очень смелых. Как-то Варвара Васильевна послала ее Ольге Борейко.

После работы она сразу же пошла к ней. Маня много знала об Ольге по рассказам, но увидела ее впервые. Маленькая, худенькая, с умными уставшими глазами, Ольга сразу понравилась ей. Маня хорошо выполнила ее просьбу. Да и просьба была пустяковая - подумаешь, сходить на Выборгскую сторону по адресу и передать упакованные свертки Захару Петровичу. А Выборгскую она знала вдоль и поперек, все дома, все проходные дворы, как свои пять пальцев. Правда, идти туда, где тебя звали только Манькой, где каждый мальчишка мог вслед бросить

грязное слово, идти туда было страшновато и противно. А вышло все хорошо. Захар Петрович, она знала его еще прежде, он работал токарем, встретил ее с удивлением, а получив свертки, с уважением пожал ей руку. Серьезно расспрашивал ее о жизни и просто по-дружески проводил, звал бывать почаще. После этого случая Маня стала заходить к Ольге. Ей было приятно и интересно сидеть в тихой комнате, слушать рассказы маленькой женщины. И Ольга постепенно на многое раскрыла ей глаза. Она теперь знала, что за свертки носит на заводы, в железнодорожное депо, увидела новых для себя людей, которые называли ее "товарищем". Когда она впервые услышала это слово, у нее что-то растопилось в груди, такое горячее, радостное, что она вдруг заплакала от счастья, от большой благодарности к этим людям, принявшим ее в свою семью.

- Маня, - сказала ей как-то Ольга, - ты умная, способная и молодая. У тебя вся жизнь впереди - учись!

И Маня стала учиться. Было трудно, конечно, но только первое рвемя, а потом стало интересно. Она вдруг почувствовала себя, будто вышла в поле, широкое, зеленое, залитое ярким весенним солнцем. Ветер, полный терпкого запаха луговых трав, бьет ей в лицо, в грудь, развевает тяжелые косы. И легко дышать, и хочется жить... Перед ней раскрылся мир непривычных для нее мыслей, но очень понятных и волнующих. И Маня старалась. Даже Ольга удивлялась ее успехам. Маня старалась еще по одной причине, но даже себе она боялась признаться в этом.

В ее жизни появилось новое, необыкновенное, радостное до восторга чувство. Оно наполняло ее грудь, смывая усталость с лица, когда она думала о Васе.

Что и говорить, в ее горькой жизни было много мужчин, но Вася был совсем другой, и все было другим. Вася любил... Она это видела, чувствовала сердцем.

Вот и сейчас, когда она бежала домой из больницы, уставшая и продрогшая, стоило ей вспомнить о Васе, как горячая волна счастья залила грудь. Сразу стало тепло, хорошо, сразу прошла усталость.

Мария вспомнила свою последнюю встречу с ним. Она сама пришла в училище - он очень просил. Васю отпустили на несколько часов. Боясь встретиться с ним в приемной, где было много курсантов, пяливших на нее шлаза, Маня ушла к воротам. Через их чугунную решетку она увидела, как Вася, запахивая на ходу шинель, показался в дверях. Окиннув кругом взглядов, увидел ее и кинулся навстречу. Здесь же, у ворот, не обращая внимания на прохожих, он прижал ее к груди крепкими, сильными руками и скорее выдохнул, взволнованно и горячо, чем сказал:

- Мария!

А потом они бродили по улицам, забыв обо всем на свете. И Маня видела только его сияющие, сумашедшие глаза. Они почти ни о чем не говорили. Что могли сказать слова? А когда стемнело и Маня озябла, он распахнул шинель и прижал ее к себе. Маня робко просунула свои озябшие руки ему под мышки, замерла, слушая редкие и сильные удары его сердца. Тогда он впервые ее поцеловал. Она увидела освещенное фонарем Васино побледневшее лицо, его большие, ставшие темными глаза. Он смотрел жадно, не отрываясь, и вдруг, обхватив ее руками за плечи, приник к ее губам. Задыхаясь, он прошептал:

- Мария, люблю тебя на всю жизнь!!!

Маня вздохнула и, запрятав руки в поношенную маленькую, из беличьего меха муфточку, быстрее побежала к дому. она как-то сказала Ольге о своей любви: уж очень хотелось с кем-то поделиться, посоветоваться... Ольга тогда помолчала, а потом сказала:

- Не спеши! Приглядись получше. Хорошо это только тогда, когда прочно. А прочно ли?..

Маня открыла ключом квартиру, вошла. В передней остановилась перед зеркалом. Увидела высокую девушку. Синяя жакетка с беличьим воротником ладно облегала стройную фигуру, высокую грудь, маленькая, тоже из беличьего меха пушистая шапочка, надвинутая на лоб, открывала тяжелый золотой узел волос. Маня провела озябшей ладонью по крепким, алым с мороза щекам, дотонулась пальцем до пушистых

бровей. Серые, мерцающие радостью глаза улыбались.
Маня разделась, сняла шапочку, пригладила блестящие волосы и прошла в свою комнату по пустой, холодной, сверкающей чистой квартире. Она хотела немного отдохнуть и потом пойти к Ольге. Вот уже неделя, как к ней из госпиталя вернулся муж. Маня не хотела мешать им. "Пускай помилуются, ведь ему скоро ехать на фронт", - подумала она. но сегодня Ольга позвонила ей в больницу и просила зайти.
Маня прилегла на кушетку, закуталась шерстяным пледом и, согревшись, задремала.
Разбудил ее резкий звонок в передней. Вскочив, со сна ничего не понимая, она кинулась к двери и, не спросив кто, открыла. На пороге стоял Вася. Он сделал всего один шаг и обнял ее, теплую со сна, такую домашнюю и родную.
- Родная моя, - прошептал он, прижавшись к Мане своей холодной щекой.
- Не могу без тебя... Что хочешь со мной делай - не могу...
Маня вдруг почувствовала, что весь мир, что существовал вокруг нее, вдруг исчез куда-то. Она видела только Васю, восторженный взгляд его глаз, чувствовала его руки, его губы...
- Манечка, счастье мое... - слышала она его страстный шепот, - люблю тебя...
Маня очнулась из забытья, когда зазвенел телефонный звонок. Звонила Ольга. Она ждала Маню. Узнав, что Маня должна уходить, Вася обиженно проговорил:
- Ты меня не любишь. Ты уходишь, когда я могу побыть с тобой здесь...
до утра. Не уходи!
Девушка быстрыми пальцами заплетала косу, ловко, привычным движением уложила ее на затылке, застегнула на груди кофточку, одернула ее и взяла Васю за руку:
- Люблю тебя, как никогда никого не любила. Жизнь за тебя готова отдать, только скажи! Но остаться на ночь с тобой - нет. Этого не будет. И не проси. Не обижай меня... Ты должен меня поныть. Кто же еще

поймет меня?

Когда Ольга открыла дверь и смороза, раскрасневшиеся, счастливые, в комнату вошли Вася с Маней, Борис Дмитриевич только крякнул от удовольствия:

- Ну и парочка! До чего же хороши, чертяки! Плут ты, Василий, какую кралю отхватил. Царевна!

Он бережно взял Манину руку, поздоровался с ней, потом обнял Васю, похлопал его по налитому силой молодому плечу.

- Ишь, отъелся на казенных харчах! Давай скорей на фронт. Там по тебе немцы скучают.

- Да и по вас тоже, - отшучивался Вася, - помогая раздеваться Мане и раздеваясь сам. - Выгдядите отлично. А чувствуете себя как?

- А чувствую еще лучше. Одно плохо - уезжать надо. А не хочется. не хочется, брат, от семьи уезжать. Стареем мы, что ли, Оля, как-то тяжелее становятся разлуки... Давайте все вместе посидим немного, будто в мирное время, будто забот нету. Маню мы принимаем в нашу петербургскую семью...

Звонаервых. Как твое мнение, Вася? Ну, и без слов вижу твое мнение, молчи.

Только, хитрец, береги ее. Такую красоту беречь надо...

Долго сидели одной семьей за скромной трапезой. орейко выпил немного с Васей. #Так, чтоб не журилось", - пошутил он. И всем было очень хорошо,

как-то по-особенному тепло на душе.

- Споем, что ли, Оля, - сказал вдруг Борейко, - тряхнем стариной. А?

Славка спит, мы потихоньку.

Оля пододвинулась к мужу, прижалась головой к его плечу и, полузакрыв

глаза, тихо и уверенно повела песню:

Степь да степь кругом...

Борейко осторожно, будто пока несмело, подхватил мелодию:

Путь далек лежит...

Вдруг и Оля и Борейко примолкли, услышав и душой почувствовав, как в их песню вошел третий голос - молодой, сильный. Это пела Маня. Широко
распахнутыми, немигающими глазами она смотрела на горящий огонек лампы,
сидела прямо, как струнка, сложив руки на скатерти.. оля незаметно уступила ей место в песне, а сама, не отрываясь, смотрела на нее.

"Где же ты научилась так петь, девочка? - думала она, глядя на вдохновеннное, побледневшее лицо Мани. - Как могла почувствовать душой всю
красоту и необъятную тайну русской песни? Тебе всего восемнадцать лет. Сколько же ты выстрадала, вынесла, бедная моя, что можешь так петь..."

Оля перевела взгляд на Васю. Подавшись вперед, он неотрывно смотрел на Маню. Губы его полуоткрылись, а глаза чуть покраснели от подступивших
слез.

"Любит, - подумала Ольга. - Любит, очень любит. Ну и слава богу. Ее надо любить".

Когда Маня и Борейко кончили, все долго молчали, так было полно и хорошо у всех на душе. Потом попросили спеть Маню одну. Она взглянула на
Васю, в его полные любви и радости глаза, и уже не отводила взгляда. Чуть
откинув голову назад и припустив веки, она тихо, будто разговаривая с Васей, легко и свободно запела:

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимая
Попусту в изъян...

Она пела с таким чувством, так искренне и красиво рассказывала о своей любви, что все слушали затаив дыхание.

Стены дома словно радвинулись, и все увидели залитую солнцем вешнюю полянку и хоровод веселых белоствольных березок, спустивших к земле свои

зеленые пахучие косы...

Всем было удивительно хорошо, как-то ясно и отрадно, будто не было войны, будто не нужно было Ольге завтра провожать мужа на фронт, будто нет

сыщиков, полиции тюрьмы, а есть одно счастье и большая человеческая радость.

- У вас талант, Манечка, - сказала Ольга и погладила девушку по голове. - Вам надо учиться. И вы будете учиться, когда... - Ольга перевала

дыхание и твердо закончила: - Когда мы возьмем власть.

- О, - грустно сказа Маня, - к тому времени я, пожалуй, успею состариться.

- Нет, не успеете, - так же серьезно и твердо продолжала Ольга. - Посмотрите, - она погасила лампу, подошла к окну, отдернула штору, - посмотрите, уже встает заря. И это будет заря новой жизни...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

После окончания Лодзинских боев в ноябре 1914 года на русско-германском фронте наступило длительное затишье. Обе стороны успели

закопаться в землю, и к началу 1915 года непрерывная линия колючей проволоки окопов протянулась от Балтийского моря до румынской границы.

Началась позиционная война. Попытки сторон прорвать линию обороны противника оканчивались неудачей. Тогда немцы решили испробовать новое оружие - ядовитые химические газы. В начале апреля 1915 года они произвели газобаллонную атаку на западном фронте. Ни англичане, ни французы не были к ней подготовлены и понесли колоссальные потери. Началось спешное изготовление противогазов. Наиболее удачно эту задачу решили русские ученые. Но русская промышленность не могла быстро изготовить противогазы, и царское правительство передало заказы на их изготовление союзникам.

Одновременно русское правительство закупило некоторое количество противогазов английйсткого и французского изготовления, которые оказались весьма несовершенными.

В конце мая 1915 года немцы решили испробовать действие ядовитых газов в районе Болимова и Боржимова.

С этого момента газы стали пугалом для всех русских солдат. Как следует защищаться от них, никто толком не знал. И одно упоминание о газах повергало солдат в панику.

Хитер немец! Пока наши генералы себе затылки чесали, он приготовил нам хороший гостинчик! Все кровью умоемся... - зло усмехаясь, говорили солдаты.

Зловещие слухи дошли и до тяжелой батареи Звонарева. Вася Зуев, недавно вернувшийся из Петрограда уже прапорщиком, первый узнал о газах и

поспешил к своему командиру. Звонарев сразу понял, какое непоправимое
несчастье может обрушиться на передний край русской обороны. Стараясь
сдержать волнение, он присел на пустой ящик от снарядов. Звонарева
оеружили солдаты.

- Вытравит нас немец, как чумных сурков в степи, - нарушил напряженное молчание разведчик Лежнев.

- Похоже, дюже плохо будет, - поддержал его ездовой Кондратий Федюнин, - хуже всего придется лошадям, потравят газом всех начисто. Куда
мы денемся без лошадей? Тяжелые пушки на себе не попрешь.

- Ничего, друзья, не робейте! - проговорил, окинув взглядом своих солдат, Звонарев. - То же самое сказал бы нам Борейко, будь он сейчас с нами. Не то видели и целы были.

В конце мая фельдмаршал Макензен собрал ударный кулак к востоку от Кракова и прорвал им оборонительные рубежи русских. В недельный срок
Русские оставили Западную Галицию, сдав Львов и недавно захваченную крепость Перемышль, отошли на линию Холь - Люблин. Одновременно началось
наступление германских войск из Восточной Пруссии. Возникла реальная угроза окружения всей Зависленской группировки русских. Началась трагедия
томительного отступления измученной, полуголодной, плохо вооруженной
русской армии перед прекрасно вооруженными, обильно снабженными боеприпасами германскими полчищами.

После того как выздоровевший Борейко был направлен командованием в Новогеоргиевскую крепость и вместе с ним ушел Блохин, звонарев чувствовал
себя на батарее сиротливо. На его плечи легла большая ответственность.

Прежде он знал: есть умный, опытный командир, который все решит, и он,
Звонарев, с легким сердцем выполнял его приказания. Теперь же ему самому
надлежало принимать решения и отдавать приказы. А это куда труднее!
Правда, вовремя возвратился из училища Вася. Хоть и молодой, но способный
парень, и главное - свой.
Весна полностью вступила в свои права, зазеленела трава, распустились листья на деревьях, потеплел воздух, и только по утрам долго держались ночные холодные туманы. Все живое пробуждалось к жизни, а тревога не покидала сердца людей.
Тяжелую батарею передвинули из Насельска в район Болимова на реке Раве. Ровная местность затрудняла маскировку тяжелых орудий, но облегчала
наблюдение за проти ником.
Звонареву позиция не понравилась.
- Хоть нас отделяет от немцев река, форсировать ее не представляет труда. На всякий случай надо держать передки боближе к батарее, - решил
Звонарев.
Корчаковский, приехавший из штаба армии, сообщим, что ожидается наступление немцев, возможно, под Болимовом или на реке Бзуре в районе
Боржимова.
- Наш участок очень подходит для газовой атаки, - встревоженнл
заметил Звонарев. - Местами окопы сближены на двадцать - дтридцать шагов.
Даже если заметишь сразу газ, то никуда от него не упеешь убежать. Немец
может всех нас начисто вытравить.
По фронту были разосланы приказы, чтобы в случае появления газов

немедленно разводили большие костры. Предполагалось, что нагретый воздух
поднимет газы вверх. Смешиваясь с большой массой воздуха, они потеряют
свою опасную концентрацию. Но все понимали, что это не действенные средства борьбы.
Русская армия настороженно ждала появления нового, страшного оружия.
Следили за немцами, стараясь заранее обнаружить, где установлены баллоны с
газом. Стоило в том или ином районе заметить движение немцев, как начали
считать, что газавая атака должна происходить именно там.
И вот однажды на рассвете ясного погожего апрельского дня в немецких окопах послышалось отчетливое шипение.
Сначала ничего не было видно в утреннем тумане, но вдруг резко
ощутился неприятный запах. Только тогда пехотные офицеры сообразили, что
против них выпущены удушливые газы. Начали зажигать костры, но они помогали мало. Объятые ужасом люди стремились в тыл, ища спасение от неминуемой и мучительной гибели.
Звонарев выехал на шоссе и остановился, поджидая свои запряжки.
Хорошо натренированные солдаты действовали быстро и сноровисто. Все восемь
запряжек на предельной для тяжелых орудий скорости пронеслись мимо него в
тыл. Звонарев и Вася двинулись следом. Со всех сторон к шоссе шли легкие
батареи, обозы, повозки с полковым имуществом. Солдаты бежали, побросав
винтовки, с выпученными от ужаса и удушья глазами. Липкий пот застилал им

глаза, надсадно, с хрипом и кровавой пеной вырывалось дыхание.
Но убежать от стремительно растекавшегося по равнине газа было невозможно. Люди падали, с трудом поднимались и снова падали, чтобы уже не
встать. Смерть наступала в тяжелых мучениях. Проклятия, стоны, крики о помощи слышались со всех сторон.
Санитарных повозок нигде не было видно, не было и врачей или фельдшеров. Только в ближайшей деревне виднелся флаг Красного Креста, но
добраться туда могли лишь здоровые люди. Около халупы, занятой перевязочным пунктом, столпилось много народу,все они просили о помощи.
Врачи с растерянным видом разводили руками. Они не знали, как лечить отравленных газами людей. Солдаты валились на землю в агонии и ждали
смерти.
Звонарев только сейчас понял всю варварскую, страшную, истребительную
силу нового оружия врага. Выехав на возвышенность он оглянулся. Вся линия
русских окопов была закрыта облаком буро-зеленого сплошного тумана.
Газовое облако высот ю в несколько метров и километров пять по фронту медленно плыло в глубь расположения русских войск. По мере продвижения оно
росло ввысь и, как вода, растекалось в стороны. Постепенно пллотность газа
уменьшалась, и сквозь газовый туман стали различаться деревья, дома и даже
фигуры бегущих людей.
- посмотрите, Сергей Владимирович, не только люди, но и все живое убегает от газа, - сказал Родионов. - Видите, газ только что подошел к тем

халупам. Люди давно оттуда убежали и увели животных, а теперь бегут собаки
и кошки. Даже птицы и мыши и те спасаются.
Звонарев взглянул на часы. Прошло немногим больше часа с момента начала газовой атаки. А сколько жертв, сколько человеческих жизней унес он
с собой! Подозвав Васю, он распорядился осмотреть людей и спешно двинуться
дальше.
Звонарев миновал вторую оборонительную полосу, расположенную примерно
в километрах пяти от переднего края. Здесь торопливо окапывалась пехота, а
за ней легкие батареи. Вторая полоса обороны была слабо разработана, и
теперь тут, как муравьи, копошились тысячи людей, приспосабливая окопы и
блиндажи к обороне.
- Неужто и сюда газ доберется? - испуганно спрашивали солдаты, когда мимо них проезжали Звонарев и Зуев.
- Не доберется, ветер развеет, - успокаивал Звонарев, хотя вовсе не был уверен в правоте своих слов.
К полудню ветер переменился и понес ядовитое облако на север, где были расположены германские части. В бинокль было видно, как у немцев
началась паника. Они разбегались во все стороны, отводили солдат с опасного участка в тыл.
Был получен приказ командования вновь занаять оставленные окопы. Впереди двинулись разведчики и санитары. Они должны были подбирать еще
живых людей. Но газ сделал свое дело - погибли все, кого захватила газовая

волна.

Звонарев не торопился возвращать свою батарею на прежнюю позицию. Высланные вперед разведчики вместе с Лежневым сообщили, что район еще не очищен от газа. В низинах и особенно перелесках газ держался, и, как говорили солдаты, там "дюже смердило".

Опасно было пользоваться и водой, которая на вкус отдавала хлором. Врачи запретили употреблять в пищу продукты, испытавшие на себе действие газа. Кое-кто из солдат пренебрег этим, и у них началась рвота.

Немец не воспользовался отходом русских войск и не занял передний край обороны русских, ограничившись лишь разрушением проволочных заграждений.

К ночи стали ждать новой газовой атаки. Почти никто не спал. Звонарев находился на батарее и каждые полчаса справлялся о направлении ветра, но он упорно дул с востока.

Под утро пошел дождь, окончательно прибив газ к земле и очистив атмосферу.

Стали подсчитывать потери, понесенные от газовой атаки. На участке, куда непосредственно был выпущен газ, погибли все до единого человека, начиная с командиров полков и кончая последними рассыльными и связистами.

Единственно, кто уцелел, были обозники второго разряда, артиллерийские парки и другие тыловые учреждения, до которых газ не дошел. В артиллерии особенно сильно пострадали лошади.

Сгоряча люди Звонарева не жаловались на недомогание. Все были рады, что спаслись и вовремя унесли ноги. Но к вечеру поднялся кашель у Кондрата

Федюнина. На это сначала не обратили внимания. Но когда кашель стал душить
других солдат, все взволновались. К утру начали падать лошади.
- Не могу смотреть , когда скотина сдыхает, - плакал навзрыд Кондрат Федюнин. - Дюже коняку жалко... Сердце на части разрывается. Лучше бы сам
сдох. Если война, то воюй честно...
- Ишь чего захотел! У кого этой чести-то искать, может, у наших генералов? - зло усмехнулся Лежнев.
- А правда, Сергей Владимирович, интересно знать, много ли штабников пострадало от газовой атаки?
- Ну что вы спрашиваете? - разозлился Звонарев. - Ясно, что ни одного. Штабы наверняка только услышали про газы, сломя голову поскакали
поглубже в тыл, кинули свои полки и дивизии. А что касается генералов, то
ведь генералы-то разные бывают...

2

На другой день Звонарева вызвали в штаб армии. Кочаровский, осунусшийся, с синими кругами под глазами, хмуро выслушал донесение Звонарева о потерях при газовой атаке.
- Огромные потери, Сергей Владимирович. Страшно сказать. Немцы сообщают, что не захватили ни одного поленного. понимаете? А мы знаем, что
погибло больше двадцати тысяч человек, некоторые полки и батареи полностью
уничтожены, и это без единого выстрела! Ужас! - Кочаровский взял со стола

карандаш, повертел его в руках, бросил.
- Я вчера объезжал зараженную территорию, - после долгого молчания вновь заговорил он. - Там даже листочки зеленые на деревьях и то пожули,
как осенью, трава повяла, как от мороза.
Кочаровский надолго замолчал. Сообщение о потерях потрясло Звонарева.
Двадцать тысяч человек за несколько часов! И это за одну только атаку! Кто
поручится, что сегодня-завтра не последует еще и еще?..
Нужен только попутный ветер - и жди неминуемой смерти.
"И что, в самом деле, думает наше начальство?" - с возмущением спросил себя Звонарев и посмотрел на Корчаковского:
- Неужели разведка не знала, что немцы готовят новое оружие? И не могли подготовить защиту... противогазы, например?
- Да, Сергей Владимирович, о газах не знали ни мы, ни союзники! Я хочу с вами посоветоваться, - погасшим голосом сказал Корчаковский. - Затем и вызвал вас к себе. Надеюсь, я могу быть откровенным?
- Да, да.
- Я в этом не сомневался. Мне всегда была симпатична ваша батарея. - Он ласково, по-отечески взглянул на Звонарева. - Война наполовину проиграна. Сдали Львов, на очереди варшава, Новогеоргиевск. Нашему другу
Борейко там будет туго. Новогеоргиевск обречен. У нас нет заготовленных
рубежей, где бы мы могли задержаться. У нас нет оружия, снарядов... Армия
пока еще держится, но солдаты перестают верить и уважать своих командиров... Я переживаю све это как личную трагедию. Я русский человек,
честный солдат. Я не понимаю, что происходит, но ясно чувствую, что Россия

катится в пропасть.
Звонарев замолчал.
Его поразило, что мысли, которые тревожили и его, и Борейко, и Болхина, высказал вдруг полковник, и высказал с такой болью и горечью.
"Значит, уже доспело, раз Кочаровский видит, и не только он один, - подумал Звонарев. - Прав Болхин: Стоит только тряхнуть яблоню, и яблоки посыплются."
- Не предусмотрели газовой атаки! - Кочаровский говорил тихо, будто думал вслух, не поднимая глаз, скорбные складки около губ прорезались четкими и глубокими линиями. - Это же чудовищно, это преступление! Что думал генералитет, командование? Как я могу уважать такое начальство! Генерал Самсонов после поражения Застрелился, и это делает ему честь, но, к сожалению, только он один... Или, например, чего стоит история с противогазами? Они имеются в ничтожном количестве. Разве это не прямое предательство?
И Звонарев, не веря своим ушам, услышал удивительные вещи.
Оказывается, Россия первая создала противогазы и заказала их в Англии и Франции. Сами изготовить не сумели. С заказами не спешили. Первую партию противогазов, присланную еще задолго до войны, не опробовали, не проверили. Противогазы валялись где-то на складах в интендантствах. И вспомнили о них только после боржимовской трагедии:
- Вот полюбуйтесь, разве это противогазы? Простая маска с марлевой прокладкой у рта, смоченной гипосульфитом. А высохнет он, что тогда делать? Есть инструкция, но на английском языке. Вы прочитаете? Нет? Ну, и

вани солдаты не прочитают. Впрочем, им не придется читать, потому что на
весь дивизион прислано десяток противогазов, в первую очередь получила
гвардия, начальство. Вам на батарею полагается один. Что вы с ним будете
делать?
У Звонарева от возмущения прилила кровь к лицу так, что на глазах показались слезы.
- Как - один противогаз? Зачем он мне нужен, один проивогаз, господин полковник? - Звонарев поднялся и, глядя прямо в глаза полковнику, сказал:
- Мне просто обидно это от вас слышать. Что же вы думаете, я буду спасаться, а солдат брошу? Пусть они погибают? Я тоже русский человек и
тоже знаю, что такое честь! И потом - при чем тут честь? Солдаты - мои. Я
прошел с ними вместе от самой Вязьмы, и я предам их? Нет. Спасибо за заботу, господин полковник. Разрешите идти?
- Подождите, Сергей Владимирович, пороть горячку. Я рад, что вы отчитали меня. Дайте пожать вашу руку! Я, признаться, все это хотел услышать от вас. Спасибо, уважили старика! Я тоже отказался от этой игрушки. И с негодованием. Но не сказал раньше, чтобы не предварять вашего
решения. - Кочаровский хитро прищурился. - Перед вами был Киradонжан. Так
он выпрашивал противогаз хотя бы один, для себя... Видите, разные бывают
люди.

3

Как только в санпоезд стали поступать пострадавшие от газовой атаки, Варя потеряла покой. Остановившимися от ужаса глазами она смотрела на страшные страдания людей. Краснушкин, все врачи, сестры сбились с ног, позабыв про еду и сон. Что они могли сделать, чем помочь? На Краснушкина она не могла смотреть. Он как-то сразу постарел лет на десять: черные глаза его запали, щеки осунулись, кожа на лице пожелтела. В поезде не было слышно его шуток. Когда на станции принимали раненых, Варя слышала, как Лялин напомнил Краснушкину о необходимости брать только офицеров. Варя увидела, как побледнело лицо Краснушкина, какой ненавистью сверкнули его глаза.

- Господин полковник, - резким голосом, четко выговаривая слова, сказал он. - Начальник поезда я. И я еще врач. Был им и останусь до гробовой доски. Мое право лечить людей без различия чинов и званий... Потрудитесь обеспечить досрочную отправку поезда - это ваша обязанность.

Он повернулся к Лялину спиной и, обращаясь уже к санитарам, спокойно, но твердо сказал:

- Принимать всех, кто пострадал от газов. И быстро.

В первую минуту, кода до поезда дошло ошеломляющее известие о газах, Варе сделалось дурно. Она вдруг со всей отчетливостью увидела лицо мужа, сведенное судорогой страдания. Варя гнала от себя эту мысль, но

видение
неотступно стояло перед глазами. Она немного пришла в себя, когда среди
последней партии больных увидела солдата-артиллериста с батареи Звонарева,
ездового Федюнина. От него она узнала во всех подробностях об этой страшной катастрофе. Узнав, что Звонарев жив и здоров, она немного успокоилась, но ощущение неминуемой беды не проходило.
После того тяжелого для нее разговора, когда она из уст мужа узнала о его измене, Варя много пережила и еще больше передумала. Были минуты,
когда ей хотелось отомстить за обиду, показать ему свою гордость, написать
резкое письмо, уйти, наконец. То она, оправдывая его, винила себя, свою резкость, может быть, излишнюю твердость характера и восхищалась его искренностью и мужской прямотой: "Не утаил, не солгал"Ю
И вот сейчас, когда Варя вдруг представила реальность возможной потери, она содрогнулась, она поняла, что потерять Сергея - это значит умереть. А жить, радоваться, бороться, работать, смотреть на улыбки своих
детей, на солнце, на цветы - это значит любить Сергея, быть с ним.
Варя, Краснушкин, который теперь, как терапевт, стал основным лечащим
врачом, и весь персонал поезда старались, как могли, помочь людям, облегчить их страдания, наконец, просто довезти до госпиталя живыми. Но не
всегда это удавалось. Многие в страшных мучениях умирали по дороге.
В Петрограде стало известно, что Краснушкина на время оставляют в Царскосельском госпитале в качестве терапевта-консультанта и что санпоезд
уйдет в очередной рейс без него. При распределении раненых по госпиталям

Краснушкин постарался оставить Федюнина при себе.

Прошло несколько дней, как Краснушкин был в госпитале императрицы, лучшем из госпиталей России, но постановка дела в нем не обрадовала его.

Было здесь много хороших врачей, новейших заграничных медицинских препаратов, едва ли все это можно было встретить где-либо еще. Но не было сердечности, той теплоты и заботы, которая так нужна в любой больнице. В высоких, светлых, с белоснежным бельем палатах царил холодный дух чинопочитания, угодничества. Хорошо здесь было высокому начальству, но низшим чинам приходилось туго.

Краснушкин вел палаты больных, пострадавших при газовой атаке. Это были самые тяжелые палаты и потому, что в них были по преимуществу рядовые - истощенные, измученные, озлобленные люди, и потому, что многие из них были обречены на смерть.

Как-то поздним вечером Федюнин подозвал доктора к себе. Солдат сильно похудел, дышал с трудом, долго и надрывно кашлял, видимо, он сам понимал, что жить ему осталось недолго. Краснушкин присел к нему на койку, взял руку и стал по привычке считать пульс.

- Брось ты его считать, что толку, - с досадоц проговорил солдат. - Ты поговори со мной лучше! Тут все важные такие, принцессы да баронессы, и поговорить-то не с кем.

Он надолго замолчал, с трудом переводя дыхание. Его волновала

какая-то мысль, и от желания высказать ее, от напряжения, он побледнел.
Федюнин потянул за руку доктора к себе поближе и, когда тот наклонился,
зашептал:
- Я знаю, ты свояк нашему Сергею Владимировичу, потому и верю тебе. Скажи, Христа ради, ну за что я должон погибать? А? Ведь у меня малец есть
такой славный, ласковый такой... Кто его до дела доведет без меня? - Он судорожно проглотил слюну, губы его вздрагивали. - У нас под Тулой леса
хорошие, Засека называется. Мы с ним зимой по дрова ездили.. Ах, хорошо,
господи, до чего хорошо было! - Глаза его потеплели, налились слезами. -
Ты пропиши-ка мне письмецо бабе. Я хочу ей наказ дать. А то, видать, не встану. Кто ее надоумит?..
И Краснушкин еще долго сидел у койки солдатат, слушая его
прерывистый, горячий шепот.
Наутро, когда доктор пришел в палату, его поразила суета, царившая всюду - в вестибюле, в коридорах. Сестры бегали, постукивая изящными каблучками, шуршали накрахмаленными фартуками. На его вопрос одна, взмахнув длинными ресницами, ответила:
- Разве вы не знаете - ждем святого старца!
"Этого еще не доставало! - чертыхнулся про себя Краснушкин. - Здесь люди умирают, а для них спектакль".
Часам к двенадцати двери в палату распахнулись, на пороге показалась высокая фигура в черной шелковой рясе. Грудь человека украшал крест, висевший на массивной золотой цепи. Осенив всех крестным знамением, Распутин прошел в палату. За ним хлынула толпа великосветских дам, военных. Они говорили о чем-то своем, по всей вероятности, интересном для

них и веселом, стараясь при этом сохранить постное, пристойное для данного
случая лицо.
"Спектакль, спектакль!.." - не покидала мысль Краснушктна.
Он задыхался от возмущения и злобы. Ему хотелось тут же , на глазах у всех солдат, ударить по лицу или плюнуть в глаза этому "святому" проходимцу.
Распутин остановился неподалеку от койки Федюнина, благословил всех размашистым сильным жестом и собирался повернуть обратно, как вдруг его
остановил слабый, но спокойный и твердый голос:
- Подожди, не уходи...
Краснушкин узнал голос Федюнина. Сердце его бешено заколотилось в груди.
- Ишь ты, какой гладкий... - Солдат говорил неторопливо, будто рассматривая Распутина. - Белый да румяный, и борода завитая. И крест на
пузе золотой... Что ж, выходит, это я за тебя здыхать должон? А?
Голос Федюнина вдруг поднялся до высокой ноты, задрожал слезами и ударил по сердцу, по нервал лежащих в палате солдат. Многие поднялись, со
злобой глядя на растерявшегося "старца" и его придворных дам.
- Братцы! - уже кричал Федюнин. - Гони их в шею, кровопийцев! Навязались на нас... Душегубы! Распутники!
Краснушкин кинулся к Федюнину, на ходу видя, как солдаты с остервенением и ненавистью бросали в Распутина подушками, пузырьками,
лекарствами...
Размахивая широкими рукавами рясы и придерживая рукой крест, "святой
старец" быстрым шагом прошел мимо доктора, обдав его запахом ладана и

духов.
Узнав о случившемся, разгневанная императрица приказала перевести "недостойного" солдата из ее госпиталя. Но Федюнину стало хуже. После нервного напряжения наступил упадок сил, началось кровохарканье. Он умирал, но глаза его были довольны, в них появился хитроватый огонек.
- Потешился хоть перед смертью, - хрипел он Краснушкину. - Тут небось отродясь такого не бывало... Не смели... А я посмел. Не то бы еще посмел,
да вот смерть приходит...
Умер он перед вечером, наказав доктору отправить в деревню письмо и узнать, "если выпадет случай", как мальчонка.

4

Немецкая армия наступала по всему фронту, особенно на Варшаву. Отбиваясь часто только штыками за неимением винтовочных патронов, без
поддержки своей артиллерии, героическая русская пехота умудрялась сдерживать немецкое наступление, а кое-где даже отвечать на него короткими
контрударами.
На восток эвакуировалось все - штаб фронта, штабы армий, обозы, артиллерийские парки, тяжелая артиллерия и часть легкой. Эвакуировалось
население Варшавы, не пожелавшее оставаться при немцах. Анеля Шулейко и
Зоя Сидорина уехали вместе с отрядом Союза городов. Вагонов, платформ не
хватало. Войска двигались походным порядком, создавая у мостов пробки.

Батарея Звонарева двигалась на Брест-Литовск, где надлежало сосредоточиться всему тяжелому дивизиону.

Звонарев направил свою батарею на переправу южнее Варшавы. Когда они спустились ужасающая картина: широким потоком ехала, шла, двигалась, как могла, отступающая армия. Повозки, двуколки, пушки, пулеметы, интендантские, штабные машины и главное - солдаты, солдаты и солдаты - здоровые, больные, раненые - все двинулось на переправу. Скорей за Вислу!

Напряжение последних дней, голод и усталость бессонных ночей, обида за отступление, за напрасно пролитую кровь и злоба, лютая, страшная злоба к офицерам и начальству, к тем, кто сначала приказывал наступать, а теперь гнал армию вспять, - все это Звонарев отчетливо прочитал на лицах солдат и ужаснулся: "Ну, быть беде! Народ дошел до крайности. Довольно одной искры, чтобы вспыхнул бунт..."

У понтонного моста образовалась пробка. Комендант моста обещал переправить батарею только к вечеру. Приказав ездовым подтянуть поближе к переправе, Звонарев стал наблюдать за мостом.

В это время переправлялся походный полевой госпиталь. Раненые с восковыми, заросшими щетиной лицами, с окровавленными грязными бинтами сидели, лежали на повозках, медленно пробирающихся к мосту. Солдаты, рвавшиеся к переправе, нехотя, угрюмо уступали им дорогу. На мост вступила вторая повозка, как вдруг из укрытия вышел комендант. Подойдя к

переправе,
он приказал прекратить продвижение госпиталя. Солдаты глухо зашумели,
угрюмо поглядывая на коменданта, но с переправы не ушли.
- Кому сказано - освободить переправу! - с надрывом закричал комендант. - Нужно срочно переправить штабное имущество. А ну, сторонись!
К переправе спускалось несколько фурманок, груженных аккуратно упакованными ящиками.
- Братцы! Да что же это такое? - закричал сидевший на повозке раненый.
Воспаленными, с набухшими веками глазами он смотрел на коменданта. В глазах солдата была такая злоба и ненависть, что у Звонарева мороз прошел
по коже.
Опираясь здоровой левой рукой о плечо товарища, солдат тяжело поднялся во весь рост. Он поднял высоко над головой запеленутую окровавленными бинтами руку.
- Гляньте, братцы! - всхлипывая, кричал он. - Окалечить сумели, а теперь - катись с переправы! - Солдат задохнулся от злобы.
И без того бледное лицо его налилось мертвенной желтизной:
- Кровопийцы! Сволочи! Бей их, братцы!
- Ты что орешь? - взвизгнул комендант. - Бунтовать?! Ты у меня побунтуешь... - В руке его плясал револьвер.
Толпа притихла, затаилась как перед бурей. Слышно было с трудом сдерживаемое дыхание.
- Плевал я на твой револьверт! - Солдат презрительно плюнул в сторону коменданта. - Поехали, солдатики. - И он дернул здоровой рукой поводья.
Лошадь тронулась, солдат покачнулся, но удержался, и повозка, скрипя колесами, двинулась к мосту.
Комендант с перекошенным от злобы лицом выстрелил два раза в спину

солдату. Тот рухнул ничком, будто кто-то его толкнул сзади. Дико, страшно
заржала лошадь - видно, пуля задела и ее, - взвилась на дыбы и забилась в
постромках.
- А-а-а! - как из одной могучей глотки вырвался крик ненависти.
Солдаты кинулись на коменданта.
"Ну, все, - подумал Звонарев. - Собаке собачья смерть!"
- Дядя СЕрежа, - подошел Вася, - отойдите подальше. Народ озверел. Увидят офицерские погоны - несдобровать. Видите, как кинулись штабные
врассыпную.
К Звонареву спешили Лежнев и Родионов.
- Ваше благородие, дозвольте поцти к переправе. Надо успокоить солдат да скорее наладить переправу. А то ведь и виноватому и невиновному - всем
попадет. У нас начальство на расправу коротко.
В это время кто-то из солдат прикладом вскрыл один из ящиков. Там оказалась посуда - старинные серебрянные кубки, блюда, позолоченные бокалы, ковры, меха...
- Вот оно, штабное имущество!
- Барахольщики!
- Мы кровь проливаем, а они...
- Сволочи!
- Вали все в реку!
Солдаты с остервенением рванули ящик на землю и, поддавая ногами, прикладами, улюлюкая, опрокидывали в реку. Следом бросили и растоптанное
тело коменданта.
Родионов и Лежнев уже орудовали на мосту, расставляя повозки, людей. Вот тронулась первая фурманка, за ней другая, вот пошли солдаты...
- Давай, братцы, давай! Веселее! - торопил Родионов. - А то сейчас

нагрянет начальство либо того хуже - полиция, все под расстрел попадем.

СОлдаты понимали, что произошло страшное дело, надо поскорей уносить
ноги. И ско , соблюдая порядок, поехали подводы госпиталя, потом пошли
стрелки, а за ними двинулись и артиллеристы.

Когда к переправе вернулись насмерть перепуганные штабные офицеры с
солидной охраной и полевой полицией, через мост уже шли другие части, ничего не знавшие о происшедшем.

А солдаты потом долго из уст в уста передавали подробности страшной расправы на переправе. История обрастала вымыслом, и уже выходило, что
взбунтовался целый полк солдат, перебил своих офицеров, а потом подался
весь по домам.

- Вот бы и нам тоже, - вздыхали солдаты, - а то доколе терпеть
будем...

- Погоди, дождутся своей пули и наши...

5

Крепость Новогеоргиевск занимала выгодную позицию. Висла и впадающая
в нее река Нарев были естественными рубежами обороны: Нарев - при атаке с
Севера и Висла - при атаке с востока или запада. Через эти реки были сооружены постоянные мосты, прикрываемые небольшими укреплениями с севера

и запада.

Цитадель - ядро крепости - была окружена глубоким и широким рвом с таким же высоким насыпным валом. Внутри цитадели расположился штаб крепости, тут же возвышался собор. Белокаменный, с золотым крестом, он первый бросился в глаза Борейко и Блохину, когда те подъезжали к крепости.

Через крепость проходила железная дорога Варшава - Млава и далее к немецкой крепости Торн. Здесь германцы сосредоточили части, предназначенные для осады крепости, и прежде всего осадную артиллерию. Эта линия железной дороги прикрывалась фортами N 17-17-бис передовой линиии, которые находились близ деревни Черново. Во второй линии железная дорога проходила в непосредственной близости от форта N 3 Помехово. Здесь протекала небольшая речка Вкра, приток Нарева. Она могла служить на некоторых участках рубежом внутренней обороны крепости.

Форт N 3 и форты 17 и 17-бис составляли один сектор обороны, считавшийся главнейшим и важнейшим в крепости. Тут был сосредоточен целый полк пехоты, на фортах имелось свыше двухсот орудий различного калибра, по преимуществу шестидюймового. Сектор был хорошо обеспечен боеприпасами, продовольствием и инженерным имуществом.

Считалось, что немцы, вероятнее всего, в этом направлении начнут ускоренную атаку крепости,стараясь прорваться черех внешний обвод фортового пояса, а затем, разгромив слабый форт второй линии N 3, прорвутся к самой цитадели, что и приведет к сдаче крепости.

Все это вспомнил Борейко на пути к крепости, хорошо известной ему по прежним временам. Именно то обстоятельство, что он служил в этой

крепости
раньше, знал ненешнее ее начальство еще по Ивангороду, и определило судьбу
его назначения. По просьбе Борейко в крепость направили Болхина.
Когда повозка оказалась у крепостнух ворот, хорошо знакомых капитану по прежним поездкам в Новогеоргиевск, крепостные жандармы потребовали
документы для проверки.
- Только до утра ни в штабе крепости, ни в управлении никого, кроме дежурных нет, - предупредил жандарм.
Капитан и Блохин зашагали по пустынным улицам цитадели. Встретился им
сонный патруль, у которого узнали, как пройти в управление артиллерии.
Дежурный по управлению посмотрел документы и предложил им лечь в соседней
комнате на диване или просто на полу.
- В семь утра придут заместитель начальника артиллериии полковник Качиони и адъютант. С ними и поговорите.
Борейко и Блохин устроились на полу, на соломе, в одной из комнат штаба крепости. Разбудило их церковное пение, раздававшееся из соседнего
помещения. Оказалось, там находится домовая церковь штаба крепости. По
распоряжению коменданта в ней с раннего утра и допоздна беспрерывно служили молебны о даровании над врагами и супостатами. Блохин поморщился,
услышав поповские вопли.
- Лучше бы занялись укреплением обороны фотов, чем этими молебнами, -
пробупчал он.
Только после восьми часов утра появился командир артиллерии генерал

Карпов. Среднего роста, полуседой, с всклокоченной головой и бородой, он
производил впечатление не вполне нормального человека.
Борейко он узнал сразу и, по-дружески пожав ему руку, принялся расспрашивать.
- Мы с тобой не виделись больше десяти лет. Тогда, в Ивангороде, ты был дерзким мальчишкой и большим пьяницей. Я тогда был капитаном и командиром роты.
- За это время вы, ваше превосходительство, стали генералом, а я дослужился до капитана, пережил артурскую оборону, побывал в плену и теперь опять попал к вам под начало, - ответил Борейко. - Долго ли продлится осада крепости?
- Месяц-другой продержимся, а там что бог даст. Надеемся, что подойдет полевая армия и освободит крепость от осады. Продовольствия и
боеприпасов имеется на полгода, да немцы к этому времени разобьют все наши
форты и цитадель. Хотя пушек две с половиной тысячи, но современных орудий
всего триста, остальное старье.
- Кто же комендант крепости и как он готовит крепость к осаде? - спросил Борейко.
- Бобырь! Он очень богомольный человек. Всем твердит, что без воли божьей ни один волос не упадет с головы человеческой. Будет воля божья -
отстоим крепость, не будет - сдадимся! Поэтому Бобырь решил мобилизовать
всех православных попов. На каждом форту, при каждом секторе обороны
имеется по священнику, да, кроме того, при штабе крепости находится резерв
около сорока попов и дьяконов, - полушутя-полусерьезно говорил

Карпов.

- Нашел, значит, генерал новый вид оружия для обороны крепости! А пулеметов он не придал этому поповскому воинству? - насмешливо спросил

БорейкоЮ

- Ты и прежде был богохульником, как, впрочем, все семинаристы! - заметил генерал. - Только не вздумай богохульничать перед комендантом.

Мигом разжалует в солдаты и отправит на передовые форты, немцам на расправу.

Борейко слушал с улыбкой генерала, вставляя острые словечки и язвительные реплики.

- Тебя я решил назначить начальником артиллерии девятого сектора, - продолжал генерал. - В него входят форты первой линии: семнадцатый и семнадцатый-бис. Промежуток между этими фортами почти сплошь забетонирован. Имеются орудийные установки с броневыми колпаками. Во

второй линии находится известный тебе форт номер три Помехово. В секторе

более ста орудий, половина - новейшие скорострельные. Три роты артиллерии

и полк пехоты. Штаб сектора на форту Помехово. При штабе есть поп и причетник.Собор, что неподалеку от форта, превращен в лазарет.

Появился адъютант и доложил, что немцы начали обстреливать северные секторы крепости, подняли сразу в воздух несколько аэростатов, выслали

самолеты и вообще производят усиленную разведку крепости.

- Коменданту доложили? - спросил Карпов.

- Так точно! Приказали спешно служить молебен.

- Погода, как назло, ясная и тихая, видимость даже на далеком расстоянии прекрасная. Немцы не замедлят ее использовать для разведки и

артиллерийского обстрела фортов второй линии, и даже, быть может, цитадели, - проговорил Борейко.

В кабинет Карпова без доклада вошел немолодой, но еще красивый полковник. В отличие от Карпова, он был аккуратно побрит и причесан, от
него пахло духами.

- Знакомьтесь, Борис Дмитриевич, это мой первый заместитель полковник Качиони. - Моя правая рука во всех вопросах, касающихся обороны. По хозяйственной части у меня другой - подполковник Хатов.

- Хатова знаю еще штабс-капитаном. Ему слишком везло в карты, и его перевели на Кушку, - проговорил Борейко.

- Совершенно верно! Его из Кушки после начала войны вернули сюда. Он спит и видит во сне поскорее удрать из крепости, - добродушно усмехнулся
генерал.

В кабинет вошел небольшого роста широкоплечий генерал. Густейшие седые брови совсем закрывали ему глаза. Седые усы свешивались вниз, полностью скрывая рот, что делало Бобыря похожим на старого моржа. Голос у
генерала был низкий и невыразительный.

Узнав, что Борейко прибыл в крепость на пополнение артиллерийских офицеров и что он боевой портартурец, комендант справился, набожный ли он
человек и давно ли был на исповеди.

Приглядевшись, Борейко увидел на шее генерала Бобыря орден с мечами,
а под ним иконку Спаса Нерукотворного. Почти все пуговицы его защитного
кителя были увешаны маленькими иконками и крестиками, похожими на диковинные амулеты дикарей.

"Вот потеха", - усмехнулся про себя Борейко.

- Каковы ваши виды относительно обороноспособности крепости? -

спросил Борейко полковника, когда они остались вдвоем.
- Самые наиблестящие, - любезно улыбнулся Качиони. - Продержимся месяц, от силы два. А там погуляем и отдохнем в плену. Должен признаться:
лень - моя слабость.
- Я около года пробыл в плену, - сдержанно заметил Борейко. - И хочу вас разочаровать: плен - это не рай. В плену тяжело и унизительно.
В комнату вошел еще не старый широкоплечий генерал, бритый, но с пышными усами. Он поздоровался с Качиони, кивнул Борейко и, не произнеся
ни слова, вышел из комнаты.
- Начальник штаба крепости генерал антипов. До нас командовал дивизией в Галиции, но весьма неудачно. Едва избег плена, дивизию почти
полностью потерял, с нею всю артиллерию, обозы и оказался в резерве чинов.
В крепостях никогда не служил и в крепостной войне мало что понимает. По-видимому его сплавили сюда, зная, что крепость долго не продержится.
Такого генерала и потерять не жалко.
- Нате вам, боже, что нам не гоже! - уточнил мысль полковника Борейко.
- Примерно так! - согласился Качиони.
Вернувшись от коменданта крепости, генерал Крапов официально сообщил
Борейко о назначении его начальником артиллерии девятого сектора обороны.
- Штаб сектора находится на форту номер три, куда я и попрошу вас следодвать, - распорядился Карпов.
- Я тоже собирался туда! Вот мы вместе и отправимся, - добавил Качиони.
В парном экипаже поместились Качиони, Борейко и Блохин. Солдат

устроился на облучке рядом с кучером. Чемоданы привязали сзади.
День выдался теплый и солнечный. Экипаж быстро катился по ровному шоссе, обсаженному с обеих сторон деревьями. На горизонте были ясно видны
три вражеских аэростата. В воздухе непрерывно летали немецкие самолеты,
бросая сигнальные разноцветные ракеты. С севера и северо-запада гремела
артилерийская канонада. Над передовыми укреплениями крепости рвались белые
комочки шрапнелей и вскидывались черные фонтаны разрывов тяжелых снарядов.
Осадные батареи пристреливались к переднему краю обороны крепости.
- В общем, крепостные форты и батареи вряд ли выдержат
сосредоточенный огонь осадных батарей, - горько усмехнулся поковник. - Еще
хуже с гарнизоном. Из восьмидесяти тысяч человек только тридцать тысяч
имеют винтовки, из них половина - устарелые берданки, а остальные и вовсе
безоружны. Должны подбирать винтовки убитых. Да и патронов к ружьям мало.
Артиллерия имеет всего по сто - полтораста выстрелов на пушку. На несколько дней боя. Тут и воюй! В сущности крепость уже сейчас обречена на
сдачу в самом ближайшем времени.

6

Штаб сектора обороны помещался в тыловых казармах форта N 3. Это

были
сводчатые от самого пола казематы из кирпича, сверху прикрытые полуметровым слоем железобетона. В темном углу одного каземата висела
икона Спаса Нерукотворного. Перед ней горела неугасимая лампада, и монах
гнусавым голосом читал молитвы. несколько солдат, стоя на коленях, истово
крестились.

В соседнем каземате за перегородкой и находился штаб сектора обороны, как гласила надпись на двери.

Качиони и Борейко направились туда. За письменным столом сидел полковник с давно нечесанной шевелюрой. Перед ним стояла начатая бутылка
водки и лежали два больших ломтя черного хлеба, круто посоленных грязной
крупной солью, и круг копченой колбасы.

Полковник пил водку из горлышка бутылки и заедал хлебом с колбасой. Он нехотя приветствовал вошедших.

- Встать, умыться и привести себя в порядок, тогда обо всем доложить,
- скомандовал Качиони.

Полковник лениво встал и, пошатываясь, вышел из каземата. Качиони сел
за стол полковника, брезгливо поставил недопитую бутылку водки под стол.

Взглянув на вошедшего в кабинет адъютанта, попросил доложить обстановку на
фронте сектора обороны крепости.

Поручик вынул из принесенного с собой портфеля сложенную карту и расстелил ее на столе.

- Два батальона пехотного полка находятся на переднем крае обороны крепости. Солдаты поностью вооружены винтовками и имеют восемь

пулеметов,
по одному на роту...
Блохин, стоявший у дверей, с трудом разбирал монотонную речь поручика. "Столько-то пушек, столько-то снарадов... Разве только в этом дело? А солдаты? Какие солдаты? Боеспособны ли? При таких командирах не
очень повоюешь. Один помешался на молитвах, другой запойный пьяница... С
кем же в бой идти? Не удивлься, если крепость при первых же штурмах падет".
Он прислушался к глухому голосу поручика:
- Главная беда в том, что солдаты не хотят воевать, мечтают о сдаче в плен. Офицеры - из запаса или отставки, им под стать. Только и разговоров
что о капитуляции. - Поручик понизил голос: - "Не хотим, - говорят, - подыхать в этом каменном мешке. Плен - это не пуля, жить еще можно."
"Вот об этом бы и надо говорить, - продолжал размышления Блохин. - Скверное дело. Видать, влипнем тут крепко."
Расставшись с Качиони, Борейко приступил к осмотру артиллерийского хозяйства форта. Он подробно осмотрел орудия, размещение боеприпасов,
проверил готовность солдат к бою, устроив тревогу. Орудийные и взводные
фейерверкеры были подготовлены и знали, что надо делать в случае начала
штурма крепости и форта.
Прододвольствием и боеприпасами форт был обеспечен более чем на месяц. Зато пехота, расположенная на предовом участке, произвела на Борейко гентущее впечатление.
Главное, Борейко поразил угрюмый, настороженный вид солдат. Они нехотя ответили на его приветствие, вяло отвечали на вопросы.
- Как ты думаешь, - спросил Борейко Блохина, когда они отошли в

сторону, - что здесь происходит? У меня какое-то впечатление, что солдаты
не очень-то рвутся в бой.
- Еще бы им рваться, беднягам... Призваны из запаса, пороха еще не нюхали. А тут перед глазами пример начальства. Один к одному. Как на подбор. Не хватает еще какого-нибудь вора-проходимца, тогда полный комплект. Чудное дело! Крепость хотят защищать одними молитвами. Ружей и
тех одно на четырех человек. Разве солдаты слепые, не видят, что им уготовано!.. Ну, а помирать, вестимо, никому не охота...
Среди деревьев Борейко увидел высоченную вышку для наблюдений. С нее
открывался большой кругозор в сторону противника. В стереотрубу Борейко
внимательно разглядывал хорошо замаскированные форты первой линии немецкой
обороны. Зато возвышавшийся за фортом N 3 величественный православный
собор демаскировал форт и, конечно, служил прекрасным ориентиром для
осадных орудий.
"Какая беспечность - оставить собор, который явно демаскирует крепость! Давно надо было бы его взорвать, - думал с возмущением Борейко.
- Надо посмотреть на этот собор вблизи".
Красивый белокаменный собор был сооружен на славу. Стены толщиной больше метра, сводчатые потолки, массивные колонны поддерживали купол, все
это поражало прочностью, строилось на века. Огромный флаг Красного Креста
развевался над главным куполом церкви.
Внутри храма было прохладно, прямо на полу стояло несколько десятков

носилок. В одном из притворов были оборудованы перевязочная и хирургическая. В нишах церкви была помещена аптека. Человек пять солдат,
видимо доставленных с передового края обороны, стонали на носилках.
В то же время на амвоне перед алтарем шла церковная служба. Пара попов читала молитвы и сама себе подпевала дребезжащими голосами. Солдат-причетник размахивал кадилом, наполняя здание запахом ладана.
Осмотрев церковь, Борейко забрался на колокольню. Он хотел поместить здесь командирский пункт, но запротестовали священники и медики, считая,
что перевязочный пункт не может быть использован для военных целей.
Под собором оказались огромные подвалы, тоже сводчатые и прочные. Но
они были заняты интендантством под склады зерна, консервов, сапог, обмундирования.
- Вот здесь бы надо было оборудовать перевязочный пункт, провести освещение и оборудовать как следует операционную. А не разводить мышей,
устраивая склад из зерна, - возмущался Борейко.
- Здесь мы бессильны, Бори Дмитриевич! - отвечал сопровождающий Борейко поручик. - Так решил штаб крепости, конечно, с ведома коменданта.
Значит, и быть по сему.
- Напишем докладную в штаб крепости по этому вопросу, - настаивал Борейко.
- Сейчас не до докладных, мы в осажденной крепости, все внимание отдается ее обороны.
- Это прямо и непосредственно относится к обороне - укрытие раненых от огня противника. Это должны понимать даже в штабе крепости и даже религиозный фанатик генерал Бобырь.
В штабе обороны сектора их ждал уже отоспавшийся и бодрый полковник

Потапов. Он был аккуратно причесан, умыт, опрятно одет, от него даже пахло
духами. полковник извинился за утреннюю встречу своих гостей:
- Ночь не спал, с голодухи навалился на водку и захмелел. Больше этого не повторится...
Он толково рассказал о первой линии обороны, о двух имеющихся там фортах новейшей конструкции. Все это говорило, что Потапов хорошо знал
свое дело.
Блохин, ни на шаг не отходивший от Борейко, снова водрузился на облучок рядом с кучером. Дорога шла через мост на реке Вкре, далее через
поселок Помехово, чье название носил форт N 3.
Шоссе было с обеих соторон обсажено деревьями. Они так разрослись, что соприкасались ветвями, образуя зеленый коридор. Это хорошо маскировало
движение на дороге. От шоссе вправо и влево отходили дороги на промежуточные батареи и различные укрепления.
За дорогами внимательно следили немцы и тотчас открывали огонь, если замечали движение. Экипаж проехал километра четыре. До фортов первой линии
оставалось еще три километра, когда экипаж был остановлен регулировщиком,
выскочившим из окопа, расположенного при шоссе.
- Вашскородие, дальше ехать нельзя! - доложил он. - Немец шибко по шоссе бьет, как заметит, что по нем едут, - предупредил солдат. - Ежели вам на форт, то вдоль шоссе идет ход сообщения. Немец его не видит и не
стреляет.
Так и пришлось сделать - Борейко, Поатонов и Блохин гуськом тронулись по узкому и глубокому, в рост человека, ходу сообщения. Пройдя километр,

офицеры и Блохин присели на небольшом расширении хода.
Было около четырех часов жаркого летнего дня. На безоблачном небе висели три немецких аэростата, наблюдая за происходящим в крепости. С
преднего края доносилась вялая ружейная перестрелка, изредка прерываеамя
гулким пушечным выстрелом. С визгом проносился над головами снаряд, взрываясь в тылу.
В районе фортов, возвышавшихся неподалеку, ничего не было видно. Казалось, что в крепости все вымерло, но тысячи глаз наблюдали за малейшим
движением немцев. В темной голубизне неба реяли, подобно блестящим серебряным бабочкам, немецкие самолеты, зорко осматривая все расположенное
на территории крепости. Русских самолетов не было видно.
Проходящие мимо телефонисты тянули провод прямо по деревьям, а где их
не было, устанавливали рогатки.
- И это в первоклассной крепости! - возмутился Борейко. - Не могли проложить подземный кабель! Надо считать, что никакой связи, кроме зрительной, с фортами в бою не будет.
- Прибавьте к ней ординарцев. Хотя они при сильном обстреле не дойдут куда надо, - добавил Потапов.
- Хуже, чем было в Артуре. Там хоть за горами можно было сховаться. А тут все как на ладони. Совсем некуда укрыться, - вздыхал Блохин.
Пошли дальше. Вскоре ход сообщения кончился, пришлось выйти на шоссе.
Оно было сильно разрушено попаданиями снарядов, деревья сломлены и повалены на дорогу. Идти было трудно.
- Прикажу саперам нынешней ночью исправить дорогу до самого форта, - заметил Потапов.
Форт оказался ближе, чем можно было думать, глядя издали. Незаметно

подошли к спуску в тыловой ров форта.

Начался осмотр форта. Сооружен он был добротно. Железобетонные своды поражали своей массивностью. Казематы тоже были отделены друг от друга прочными простенками-траверсами. Солдаты-артиллеристы размещались в казематах повзводно. Тут же находились пирамидки для ружей. На этаж ниже, на уровне дна фортового рва, располагался перевязочный пункт.

Здесь же помещалась икона с вечно горящей лампадой, рыжий захудалый попик тянул церковные песнопения. Рядом находился насос от артезианского колодца.

Форт снабжался электроэнергией с соседнего форта. Из разговоров выяснилось, что нефтепродуктов, при экономии горычего, хватит на два с половиной месяца.

- А дальше придется пользоваться фонариками "летучая мышь" или церковными восковыми свечками. Их запасено несколько пудов, на полгода, если не больше. Лампадного масла тоже целая бочка, сообщал комендант форта Ежиков.

- А божьей благодати запасено много? - усмехнулся Борейко.

- Этого добра, в ущерб всему остальному, бесконечно много. ТОлько боюсь - от нее толку будет мало. На форту два попа и дьякон с причетником, на соседнем - столько же. А вот врачей на два форта и промежуточные батареи всего один и один ротный фельдшер. Куда бы лучше было, если б у нас имелось четыре врача и столько же фельдшеров, а попов и вовсе не

было.

Они здесь совершенно не нужны, - продолжал Ежиков.

Затем комендант форта провел Борейко на свой командный пункт. Он находился в толще переднего вала форта.. хорошо замаскированный, он представлял небольшой бетонный каземат с броневым колпаком., прикрытым
землей. В узенькую щелку-амбразуру открывался огромный кругозор. Перед фортом проходила полоса стрелковых окопов в несколько рядов, к которым шли ломаные линии сообщения. Сверху они были прикрыты маскировочными сетками и едва различались на зеленом фоне травы.

С командного пункта можно было пройти в казармы. Изо рва шел такой же
крытый ход на промежуточные батареи и далее на соседний форт 17-бис.

Потапов предложил Борейко, как только стемнеет, пройти на передний край обороны.

Я познакомлю вас со всем участком пехотных окопов, - предупредил Потапов.

- Чтобы не терять напрасно времени до вечера, побываю-ка я на промежуточных батареях, - сказал Борейко.

На батареях прямо от орудий открывался широкий вид в сторону противника. Просматривались немецкие окопы, спешно возводимые осадной
армией.

- Почему вы не мешаете немцам сооружать укрепления? - удивился Борейко.

- Мы экономим снаряды для настоящего штурма. Начни немец штурм - и отбивать нечем. Снарядов-то - кот наплакал, - пояснил командующий промежуточной батареей, молодой подпоручик.

С командного пункта батареи было видно, как немцы совершенно спокойно
во весь рост ходили по переднему краю своей обороны.

- Да дайте вы по ним хоть один выстрел! - возмутился Борейко.

Потапов разрешил сделать несколько выстрелов по немцам. Подпоручик скомандовал. Одна за другой загремели пушки. Четыре белых комочка разрывов
шрапнели появились над немецкими окопами. Немцы мгновенно попрятались.
Тотчас откуда-то издалека донеслись ответные выстрелы, и перед промежуточной батарей выросли четыре огромных черных фонтана дыма и земли.
Снаряды падали и перед и за батарей, вызвав в бетоне несколько небольших
трещин.
- Напрасно только немца дразним, - проговорил комендант.
- Странное у вас представление о войне! Она мало похожа на отдых, - усмехнулся Борейко. - И давно вы здесь находитесь?
- Больше месяца, а раньше сидел в управлении крепостной артиллерии, - ответил подпоручик.
- От вас и веет затхлым духом канцелярии. Потрудитесь ежедневно утром и вечером обстреливать немцев и о результатах доносить мне, - распорядился
Борейко.
Молодой офицер молча вытянулся и недовольно поглядел на капитана.

7

Стемнело. Потапов предложил Борейко направиться в пехотные окопы переднего края обороны. По ходам сообщения они добрались до блиндажа
командира одного из батальонов. Блиндаж был перекрыт в несколько рядов
накатами бревен и казался весьма прочным. Командир батальона

хвастался,
что все окопы у него прекрасно оборудованы и имеют хорошее укрытие от
снарядов.
- Вы, господин полковник, забываете одно: здесь против вас действует не полевая артиллерия, а осадная. И ваши окопы и укрытия перед ней беззащитны, - предупредил Борейко.
Потапов с неподдельным испугом смотрел на него, считая Борейко знатоком крепостной войны.
- Есть еще вторая линия обороны. Она вся бетонирована и расположена между фортами. Там у нас помещается резервный батальон, - сообщил Потапов.
- Вы больше дня не усидите в этих передовых окопчиках, - предупредил Борейко.
- Отойдем на основную укрепленную тыловую позицию! - успокаивал Потапов.
Борейко попросил его немедленно познакомить с этой "укрепленной позицией". Она протянулась между фортами N 17 и 17-бис на протяжении
полутора километров. В плане это была ломаная линия с выдвинутыми вперед
краями. Брустверокопов имел двухметровый бетон, защищавший солдат от
снарядов средних калибров. Затем Потапов и Борейко прошли на соседний форт
17-бис, комендантом которого состоял молоденький артиллерийский офицер,
подвижной и веселый. Он старался по мере возможностей усовершенствовать
оборону форта и усилить огневую мощь.
- Это любимчик полковника Качиони. Его фамилия очень подходит к этому

эпитету - Любимов, - сообщил Потапов.

Любимов понравился и Борейко своей инициативностью и стремлением усовершенствовать все, что только возможно.

С темнотой появились саперы с приданным им на помощь пехотинцами и артиллеристами. Они занялись исправлением дороги, телефонных проводов,

рыли и углубляли ходы сообщения.

Командный пункт всего сектора обороны помещался примерно на линии промежуточных батарей. Он представлял углубленный в землю железобетонный

каземат с почти двухметровым перекрытием сверху.

Борейко остался доволен КП и решил в нем временно поселиться.

Наступила безлунная звездная летняя ночь, полная приглушенных звуков.

По всем направлениям шли люди, двигались повозки. Изредка на короткое

мгновение вспыхивал огонек зажженной спички или фонарика и тотчас потухал.

С командного пункта хорошо были видны костры у немцев. На предложение

Брейко обстрелять их немедля Потапов воразил:

- Сейчас с переднего края обороны отправилась разведка, и пока люди не вернутся, не следует открывать огня.

Борейко пришлось подчиниться. Он спросил какие цели хорошо видны с командного пункта.

- На рассвете немецкие тылы отсюда видны как на ладони. Немец усиленно строит осадные батареи, прокладывает пути для тяжелой осадной

артиллерии, - доложил артиллерист.

Около полуночи разведчики вернулись. Борейко приказал прожектором осветить немецкие окопы. Два ярких луча света пронизали ночную тьму. Стали

видны немецкие окопы и копошащиеся в них люди. Промежуточные батареи
обстреляли их. Немцы быстро попрятались в свои траншеи.
Едва засерел восток, Борейко забрался на вышку в лесу. Теперь перед ним открылась широкая панорама вражеских тылов. В глубине обороны обнаружились осадные батареи. На своем участке Борейко насчитал их около
десятка. Далее ясно проступала при утреннем свете насыпь сооружаемой железной дороги.
Борейко прикинул на карте расстояние до возводимой немцами дороги и увидел, что она строится вне досягаемости крепостных орудий. Вообще немцы
не маскировали своих тылов, считая, что недальнобойная русская артиллерия
до них не достанет.
Вскоре над немецкими линиями поднялся аэростат, и почти тотчас осадные батареи открыли огонь по фортам и промежуточным батареям.
От обстрела пострадали передовые пехотные окопы, которые местами были
совсем разрушены. Оставив в них только часовых для наблюдения, потапов
отвел солдат в тыловую бетонированную линию пехотных окопов.
С наступлением темноты немцы повели методический обстрел фортов и укреплений, мешая работам. Борейко почувствовал себя, как некогда в Артуре, когда приходилось отдыхать в короткие промежутки затишья. Он вспомнил об Ольге, Славке и затосковал.
Утром он решил подняться на привязном аэростате и осмотреть вражеские
тылы. Чтобы не перегружать аэростат, Борейко решил подняться один. Его
обучили пользованию парашютом, условились о сигналах на случай порчи

телефона, проверили оснащение воздушного шара, и он влез в корзину аэростата.

- Вира помалу! - скомандовал воздухоплавательный офицер, и шар начал медленно подниматься.

Канатная лебедка была старая. Несколько солдат вращали рукоятку, и канат медленно раскручивался.

По висевшему над корзиной альтиметру Борейко видел, как постепенно росла высота подъема - тридцать, сорок, пятьдесят сажен. Кругозор все время расширялся. Борейко по карте спешил нанести все замеченные батареи,

дороги, укрепления. С высоты прекрасно была видна железная дорога, которую

немцы сооружали в своем тылу. Борейко заметил несколько огромных платформ,

тщательно укрытых брезентом. По очертанию груза капитан заподозрил, что на

платформах тяжелые осадные орудия.

Платформы отцепили от эшелона. Это еще более укрепило Борейко в его догадке.

Вскоре Борейко заметил, как платформы перевели на другую ветку, прикрытую небольшой рощицей. Можно было предположить, что здесь будет

огневая позиция сверхтяжелых гаубиц. Борейко нанес это на свою карту.

Но тут тревожно загудел телефон, известивший о приближении вражеских

самолетов. Корзина под ногами капитана поплыла вниз.

Борейко был доволен результатами воздушной разведки и вызвал к себе комендантов обоих фортов сектора. Вскоре появился Потапов.

- Вы действительно герой, Борис Дмитриевич! Не успели появиться, как все облазили , взлетели к небесам и готовы громить немецкую осадную артиллерию, - восхищался полковник.

- Следовало бы и вам, господин полковник, взмыть к небесам и

полюбоваться на немцев. Как вы на это смотрите? - справился Борейко.
Потапов неожиданно согласился:
- Один не полечу, а с вами - когда хотите. Вы мне объясните, если я что не пойму, и покажете, что нужно.
На следующее утро, едва занялась заря, начался методичный обстрел немцами всего сектора.. Он продолжался весь день. Были прямые попадания в пехотные окопы и форты, имелись убитые и раненые.
- Раздразнили вы немца, Борис ДвитриевичЮ Несем напрасные потери, - недовольно бубнил Потапов.
А вечером, оставшись наедине с Борейко, Блохин шепотом сообщил, что пехотные солдаты решили убить Борейко, "если он не перестанет дразнить немца".
- Не хочет воевать пехтура за царя Николашку. Все, как один, говорят: поднимем руки вверх и сдадимся в плен, - сообщил Блохин.
- Недолго удержится крепость с таким гарнизоном! - печально проговорил Борейко.
- Может быть это и к лучшему.. В самом деле, за кого же смерть принимать? За веру, царя и отечество?..

8

Борейко беспокоили осадные сверхтяжелые пушки, которые он увидел в первый день своего пребывания в крепости с наблюдательного пункта. Он понимал, что как только немцы подведут железную дорогу и, следовательно, смогут подтянуть платформы с орудиями, они начнут обстрел фортов. Итогда

несдобровать! Все эти укрепления разлетятся вдребезги, как стекло от удара
камнем. Что сделать, чтобы хотя бы оттянуть этот роковой для крепости час?
Единственное, что казалось возможным, - это вести обстрел, мешая немцам
прокладывать ветку, попытаться вывести из строя самые орудия.
Борейко вместе с Любимовым и Блохиным начал срочную переделку орудий
для стрельбы под большим углом возвышения. Когда несколько орудий было
готово, поручик Любимов предложил произвести пристрелку орудий.
- Нет, дорогой поручик, - хитро прищурил глаза Борейко. - Сделаем это неожиданно. Немец не подозревает, что мы сможем обстрелять станцию, повредить пути. Он спокоен. Я поднимусь на аэростате, все хорошенько рассчитаю, и тогда ударим. А пока вести наблюдение с вышки.
Немцы действительно не догадывались о грозящей им опасности, спокойно
делали свое дело. Они передвигали платформы с осадными орудиями на новый,
только что готовый участок дороги. Борейко видел, что работали они посменно, без перерыва, энергично, и, дело быстро подвигалось.
Первого августа день выдался солнечный и жаркий. С самого утра во многих местах крепости начались торжественные богослужения по поводу
церковного праздника - первого спаса.
Борейко в этот день, как всегда, на рассвете был уже в воздухе. В двенадцать часов он начал обстрел намеченного участка немецкой обороны. Он
видел, как после первых выстрелов забеспокоились, забегали немцы. Снаряды
упали сразу около свеженькой, аккуратно сделанной насыпи. Борейко

уточнял
данные стрельбы. Теперь снаряды ложились близко к цели. Вот один ударил по
насыпи, разворотил рельсы, платформа накренилась, и огромное тело пушки,
потеряв устойчивость, медленно заскользило к краю.
- Молодцы, ребята! - закричал Борейко в телефон. - Еще прибавьте огня!
Борейко увидел, как один за другим снаряды ударили почти в одно место по насыпи. Платформа накренилась еще больше и, наконец, увлекаемая тяжестью падающей пушки, полетела под откос...
ОБстрел продолжался более тридцати минут. Было разбито полотно железной дороги и выведены из строя еще две пушки. Растерявшиеся немцы не
сразу ответили на артиллерийскую атаку русских. Заметив поднимающийся в
воздух немецкий самолет, Борейко дал команду опускать аэростат.
- А ну-ка, братцы, теперь прячься поскорее, - зычным голосом распорядился Борейко. - Сейчас немец со злости даст жару. Задали мы ему
работенки.
Борейко тут же послал связного в штаб крепости с просьбой прекратить богослужение на открытой местности ввиду возможного огня противника. Но
богослужение продолжалось.
Немцы начали систематический обстрел всего сектора. Крупнокалиберные
снаряды били по укреплениям русских, выводя из строя замаскированные
пушки, бетонированные укрытия.
- СИлен, стервец, - качал головой Блохин. - Эдак мы недолго высидим тут, одолеет...

На открытой небольшой площадке, окруженной деревьями, шла праздничная
служба. Попа, облаченного в светлые, сверкающие на солнце ризы, окружала
толпа солдат. Коленопреклоненные, они истово молились. Когда начался немецкий обстрел, солдаты, тревожно оглядываясь, пытались потихоньку убежать в укрытие.
Громкие голоса попа и дьякона тоже потеряли свою силу. Поп испуганно посматривал в сторону вражеских позиций и часто крестился. Вдруг крупнокалиберный снаряд с воем врезался в гущу молящихся, положив на месте
попа с причетником и около двадцати солдат. Уцелевшие, с тяжелыми ранениями, проклиная немцев и всевышнего, поспешно убрались в укрытия.
Наблюдения дальнейших дней подтвердили предположение Борейко: близился штурм крепости. Немцы за последнюю неделю удвоили число батарей,
приблизили свои пехотные окопы к крепостным, подтянули хорошо замаскированные сверхтяжелые батареи.
- Ну с чем воевать прикажете? - негодовал Борейко, когда на форт прибыл Качиони. - Вот они обстреляют из осадных батарей, и все наши укрепления полетят насмарку.
- Да, положение у нас тяжелое. Придется перебираться в цитадель. Но и там продержимся недолго. Это ясно...
Все говорило за то, что немцы готовятся к штурму.
Под вечер они начали сосредоточенный обстрел форта номер три ПОмехово.
Борейко по телефону справился у Потапова, что происходит на второлитейном форту. Полковник ответил кратко:
- Дело плохо. Форт обстреливают сорокасантиметровыми снарядами, которые пронизывают все бетонные сооружения до фундамента и все сносят на

своем пути.
- У нас форты тоже чуть держатся. Промежуточные батареи наполовину разрушены, прожекторы все сбиты, пехота бежит. Необходимо ваше присутствие
здесь, - ответил Потапову Борейко.
Полковник обещал с темнотой прибыть в район расположения резерва переднего края обороны.
Форт 17 молчал. Простым глазом было видно, что тыловые казармы и капониры форта превращены в груду развалин, рвы засыпаны, конрэскарпные
галереи разбиты. тем не менее сверх тяжелая осадная артиллерия продолжала
добивать эти развалины.
Вскоре немцы почти полностью разрушили промежуточные батареи.
Пришлось их оставить. Фактически перед осадной немецкой армией больше не
было препятствий, но немцы, не зная этого, не рисковали идти на штурм: опасались излишних потерь.
Одновременно осадные батареи вели сосредоточенный огонь по цитадели крепости. Издали было видно, как над ней беспрерывно вздымались к небу
огромные черные столбы.

9

С темнотой в сектор Потапова подошли пехотные подразделения на подкрепление остатков пехоты. С ними прибыли и две легкие батареи в упряжках. Их задачей было противодействовать прорыву немецкой пехоты за
линию пеередовых фортов. Вскоре появился и Потапов.

Вместе с Борейко и прибывшими пехотными начальниками полковник наметил линию обороны на случай занятия немцами передовых фортов сектора.

Около полуночи прибыл на командный пункт Борейко и Качиони. Он сообщил, что уже двое суток свярхтяжелая немецкая артиллерия ведет сосредоточенный огонь по цитадели. Крепостной собор дал возможность быстро

и точно пристреляться к штабу. Один из снарядов угодил прямо в церковь.

Там шла соборная служба чуть ли не всего духовенства крепости.

ПРи взрыве снаряда погибло больше двадцати священников, остальные были тяжело ранены или контужены. Когда об этом доложили коменданту, он

проговорил:

- Сами виноваты, не сумели у господа бога вымолить покровительства и защиты. Значит, такова воля божья!

Штаб крепости поместился в самые глубокие подземелья, но и они постепенно обрушивались от попадания сорокасантиметровых снарядов.

- Генерал Карпов тоже был контужен в церкви, но некоторое время держался на ногах и продолжал командовать, а затем у него закружилась голова, он прилег на кушетку и незаметно для окружающих тихо умер. Я вступил в командование всей артиллерии крепости...

Когда Блохин вошел в казарму, солдаты еще не спали. Тяжелый, спертый воздух плохо убранного помещения ударил в нос. Блохин остановился в дверях. Большая, сумрачная, с тяжелыми сводами комната. В переднем углу

икона, освещенная тусклыми светом лампадки. Солдаты сгрудились в одном

месте, около Николки Кирсанова, маленького, худощавого солдата-пехотинца.

По всему было видно, что шел крупный разговор. Лица солдат были разгоряченные, красные. Громкий разговор мгновенно смолк - все повернулись
в сторону Блохина.
- А-а... начальство пришло, его превосходительство генерал-адъютант.
- Николка Кирсанов, осторожно ступая по каменному полу казармы, подошел к
Блохину, остановился, подбоченясь и зло уставившись в него глазами.
За ним двинулись солдаты.
- Какой там адъютант, - махнул рукой Блохин. - Ты что, рехнулся?
"Никак, бить собираются, - мелькнуло у него в голове. - Интересно, за что бы это?" Блохин смело шагнул вперед к своим нарам, - солдаты было расступились, но тут же полукольцом двинулись за ним.
- Ты хвостом не крути, ты прямо скажи. Если будешь доносить, пристукнем, не пикнешь...
Побелевшие от злости глаза Николки, не мигая, смотрели на Блохина.
- Объясни сначала, в чем дело. Чем я вам не угодил? Что я, не ваш брат солдат? Пять лет в Порт-Артуре мне морду били, да тут на брюхе всю
Восточную Пруссию прополз. свой я, братцы, не сумлевайтесь.
Солдаты недоверчиво смотрели на него, некоторые отошли.
- А, черт с тобой, - Николка плюнул на пол, - только знай, мы тебя упредили: будешь трепать языком - простишься с жизней. Братцы, - горячо
зашептал он, обращаясь к солдатам. - Вы посмотрите, что деется кругом. Немец несколько дней лупит без передыху, начисто смел, как языком корова
слизала, передовые укрепления, форты взял... Чуть поднатужится, и нам крышка. А генералы наши только и знают, что жрут да водку хлещут, да грехи
замаливают... Разве ж так воюют? Нет, вы как хотите, а я сдыхать не согласный...

- Ты не крути, ты толком говори, что делать-то? - раздавались голоса солдат.
- А очень просто, - живо откликнулся Николка. - К немцу идти, вот что. В плен. Пущай генералы сами воюют... Только мы не глупее их...
- Дело говоришь, - поддержал его бородатый, с черными цыганскими глазами солдат. - Сговорились бы все солдаты да дали бы деру с форту - глядишь, и войне конец.
Блохин подошел к солдатам, присел рядом на нары, закурил,
- Ну, что скажешь? - миролюбиво посмотрел на него Кирсанов. - Слыхать, ты питерский рабочий, грамотный.
- Ну, коли ты добром спрашиваешь - скажу. Не гоже в плен бежать. Не шуми, послушай лучше. Уж ежели давать деру, так домой, до деревни подаваться, да винтовочку с собой прихватить. Пригодится. Нам еще, братцы,
земельку нужно будет у помещиков позабирать. Слыхали о таком?
- Слыхали, - опять заговорил черноглазый. - Только нам это не сподручно. Далеко, да и время еще не приспело. А тут погибель надвигается.
Начальству что - сел на ероплан, и дома. Да денежки с собой прихватил. Вон
как Хатов. Комендант распорядился деньги раздать по солдатам из казны,
потому как видит, конец подходит. А Хатов с чиновниками из казначейства
чемоданы нагрузили, на воздушный шар - и поминай как звали. Мы вон с Кирюхой, - черноглазый показал на молодого голубоглазого солдата, - шар-то
помогали снаряжать.
- А про деньги откуда знаешь? - спросил Блохин.
- В наряде был, помещению убирал в штабе. Ну и услыхал. Там переполох. Одни клянут, а у других слюнки текут. потеха!
- Дела...

- Я знаю, на форту семнадцатом солдаты порешили перейти к немцу. И ждать нечего. Глядишь, завтра на штурм полезет. Тогда уж пощаты не жди, -
горячо поглядывая глазами, сказал Кирсанов.
"Вот так скоро и по всей армии пойдет, - думал Блохин, посматривая на солдат. - Озлобился народ, натерпелся... А главное, вдруг понял, что не за
кого кровь свою проливать. И смелость появилась. Да с таким народом многое
можно сделать!.."

На рассвете был получен приказ штаба крепости выбить немцев с фортов.
Решено было контратаковать врага на участке фортов N 17 и 17-бис. Общее
командование было возложено на Потапова.
С первыми проблесками зари пехота должна была двинуться в атаку.
Подавая подчиненным личный пример, Потапов пошел впереди полка. Пройдя
сотню шагов, он остановился. Солдаты не двинулись с места.
- Не срамите, братцы, меня старика! Пусть за мной идет только тот,
кто хочет. Я один пойду в атаку на немцев, погибну у них на штыках, но позора не переживу. - И Потапов бросился в сторону немцев.
Многие солдаты на этот раз последовали за ним. Молодые, быстроногие, они скоро обогнали своего командира и с винтовками наперевес кинулись на
немцев. Потапов воспрянул духом и, крича из последних сил, поспешил за
солдатами. И тут произошло то, чего никак не ожидал полковник. Подбегая к
немцам, солдаты бросали свои винтовки на землю и с поднятыми руками

сдавались в плен. Потапов сразу остановился, затем в полном отчаянии закричал:

- Братцы, что же вы делаете? - но его уже никто не слушал.

Потапов снял фуражку, перекрестился и, сунув дуло нагана себе в рот, выстрелил. Его тело грузно опустилось на землю.

После неудавшейся атаки Борейко был вызван в штаб к полковнику Качиони. Когда он доложил о трагической гибели Потапова, Качиони тяжело

опустился на стул.

- Очень жалко. ЧЕстный солдат. Выпивал изрядно, но, как говорится, ума не пропивал. Старый служака. Теперь таких все меньше становится. Карьеристы, холодные, расчетливые душонки - вот кто забирает власть... Вот, к примеру, наш Хатов. Вывез всю казну крепости... Позор! Такой позор

перед всеми! Перед штабными офицерами, перед солдатами... Никому нельзя

доверять. Потому и вызвал вас, Борис Дмитриевич. Вам верю, не подведете.

Хоть мало знаю, а вижу. Спасибо за службу, за старание...

- Ну что вы, ваше превосходительство, какое старание... Беда вся в том, что воевать нечем. ПУшек тяжелых нет, да и укрепления не по нынешним

временам. До первого выстрела. Просто обидно...

- Если бы нам технику, как у немцев, мы бы показали им. А сейчас выхода нет. Новогеоргиевск падает не сегодня, так завтра. Я остаюсь с гарнизоном потому, как мне вверено командование артиллерией. А вас буду

просить взять на себя одно ответственное дело. - Качиони подошел к Борейко, положил ему руку на плечо, заглянул в глаза, тепло улыбнулся. - Я

должен отправить секретные документы, карты и некоторые ценности в Брест-Литовск. Аэроплан наготове. ответственность за доставку хочу

возложить на вас. И не возражайте. Мне самому жалко расставаться с вами. А
я? Что ж, плен - не могила, как говорят солдаты. Бросить их не могу. Будет
время - еще увидимся.
Качиони и Борейко обнялись и по-русски троекратно поцеловались.
И еще одно слово... - остановил Борейко полковник. - Хоть это и проитивно. Но постарайтесь проучить Хатова...
- Все будет сделано, господин полковник, - сказал Борейко и крепко пожал ему руку.

10

Брест-Литовск был переполнен военными учреждениями и организациями,
госпиталями, беженцами. Было такое впечатление, что все сдвинулось с места
- машины, повозки, войска, раненые - все самое сложное хозяйство отступающей армии, где, как им стало известно, находился Кочаровский. Но
увидеть его удалось только поздно вечером. Он подъехал к шьабу утомленный
и чем-то озадаченный, что даже не сразу узнал Борейко.
- Сейчас умоюсь, тогда обниму вас, дорогой Борис Дмитриевич, - проговорил Кочаровский извиняющимся голосом и ушел в свою комнату.
Борейко остался поджидать, пока он выйдет. Тем временем Блохин обегал весь штаб и узнал, что тяжелый дивизион находится в двадцати километрах от Бреста.
- Завтра дивизиону дадут дневку, тогда мы их и нагоним, - решил солдат.

Борейко одобрил это. Прошло довольно много времени, когда денщик почтительно доложил Борейко, что его превосходительство просит пожаловать
к себе его высокоблагородие. Капитан удивился.
- С каких это пор полковник стал генералом? - спросил он.
- Да с неделю будет. Еще не привыкли откликаться на "превосходительство", погоны надели генеральские, а брюки остались прежние, без лампасов, - сообщал словоохотливый денщик.
Пройдя к двери комнаты, где помещался Кочаровский, Борейко слегка постучал и почтительным тоном попросил разрешения войти. Кочаровский уже
успел сменить китель, освежить лицо и радушно обнял Борейко.
- В Новогеоргиевске-то вы были? - справился он. - Как там поживают Карпов и Качиони?
Борейко подробно рассказал о всем пережитом в крепости, о смерти Карпова, Потапова, о том, как ему удалось выбраться из осажденной крепости.
- Карпова жаль. Я его знал. Хоть и не очень толковый был, но честный солдат. А Качиони - молодец! Просто молодчина! Очень благородный, настоящий командир!
- Да, ваше превосходительство, своим возвращением из осажденной крепости я обязан только ему. С секретными документами он свободно мог бы
улететь сам. Его никто бы не упрекнул за это. Настоящий человек, не то что
подлей Хатов...
И борейко, хотя ему и неприятно было, доложил о недостойном поступке Хатова, по существу укравшего крепостную казну.
Сообщение это настолько возмутило Кочаровского,, что лицо его, шея покрылись красными пятнами от волнения.
- Старик Потапов застрелился, потому что не мог пережить
неповиновения своих солдат, а этот проходимец Хатов польстился на

деньги.
Нет, я этого так не оставлю!
Кочаровский тут же вызвал своего адъютанта и дал указание разыскать Хатова и доложить ему.
Затем разговор перешел на батарею Борейко.
- Хорошо бы нам вернуться, Борис Дмитриевич, на старое место. Нет, не подумайте, что я не доверяю Звонареву. Он отличный офицер, честный человек. Но это, как бы вам сказать, родная ваша батарея. Я понимаю это. И
не хочу отрывать ее от вашего сердца. Тем более, что у меня есть виды на
всю вашу батарею. Недавно здесь был генерал Али Ага Шихлинский. Вы его
должны знать по Порт-Артуру. Сейчас он состоит при великом князе Сергее
Михайловиче.
- Шихлинского хорошо помню по Артуру. Там он был капитаном. ЕГо тяжело ранило в ноги, и японцы отпустили в Россию. Генералом его не встречал. Не знаю как он изменился за это время, - ответил Борейко.
- Думаете, поглупел, как все генералы, по вашему мнению? - съехидничал Кочаровский.
- Не смею ваше превосходительство переубеждать в этом мнении, - ответил Борейко.
- Шихлинский молодец, энергичный и толковый человек. Большой дипломат, сумел ужиться даже с таким самодуром, как великий князь. Так
вот, Шихлинский рассказывал, что при Ставке верховного собираются организовать в качестве средства усиления Верховного командования сверхтяжелую артиллерию.
- Нечто вроде немецких осадных орудий сороаксантиметрового калибра на
железнодорожных платформах? Я такие издали видел под

Новогеоргиевском. И
наблюдал их всесокрушающее действие при обстреле наших лучших фортов, -
ответил Борейко.
- Не совсем то" На Западном фронте союзнички изобрели сверхмощные полевые пушки вплоть до двенадцатидюймовых полевых гаубиц и дальнобойных
пушек. Создается и у нас ряд дивизионов таких крупных полевых орудий. Их
собираются наименовать тяжелой артиллерией особого назначения, или, коротко, ТАОНом. Этот ТАОН будет находиться в распоряжении Ставки верховного, - рассказал Кочаровский.
- Но как же эти тяжелые пушки будут передвигаться в полевых условиях? Ведь конная тяга для них уже непригодна, - спросил Борейко.
- Тяга только механическая. Тягачи с двигателями внутреннего
сгорания. Обслуживающий персонал весь на автомобилях, перевозка снарядов -
на грузовиках, даже разведчики вместо лошадей получат мотоциклы.
- То, о чем с самого начала войны мечтали мои офицеры Звонарев и Зуев, - вставил Борейко.
- Как только я услышал от Шихлинского об этом, сейчас же вспомнил вашу батарею. Звонарев и Зуев очень подходят для службы в этих частях. Да
и вы, конечно, быстро освоитесь с такой техникой. Формирование начнется
осенью и должно быть закончено к весне. Район формирования намечен под
Москвой. Да и солдаты хорошие - обученные, натренированные, дружные. Вот я
и заготовил вам сюрприз.
Кочаровский, плотно прикрыв дверь, тихо спросил:
- Самую последнюю новость знаете?

- Нет, ваше превосходительство, - ответил Борейко.
- В связи с нашими неудачами на фронте царь сместил великого князя НИколая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего.
- И кто же вместо него?
- Сам царь.
- Было плохо, а стало еще хуже. Царь не будет командовать. Он для этого не пригоден. Зато им будет повелевать царица, а ею - Гришка Распутин. Он фактически у нас и станет верховным главнокомандующим, пьяный
конокрад! То-то немцы обрадуются, - с горечью произнес Борейко.
- Генерал Алексеев назначан начальником штаба его величества, - продолжал Кочаровский.
- Редкостная по своей полной бездарности в военном деле личность, - со злостью сказал Борейко.
Когда капитан сообщил о смене Верховного командования Блохину, содат только плюнул.
- Хрен редьки не слаще. Николай большой ли, маленький - все одно. Солдатам лучше от этой перемены не станет.
Переночевав в штабе армии вместе с Кочаровским, Борейко на следующее
утро выехал к месту стоянки тяжелого дивизиона. Опять те же дороги, бесконечные беженцы, жалкие, голодные, больные, плачущие дети и страдающие, полные отчаяния глаза женщин.
- Какой ужас, какие страдания! - возмущался КОчаровский. - Никто не отвечает за эти безобразия! Поневоле начинаешь понимать, почему нашими
порядками возмущаются революционеры.
- Никак и ваше превосходительство начинает понимать кое-что? - усмехнулся Борейко.
...Тяжелый дивизион только что подошел к месту бивуака, когда подъехали Кочаровский и Борейко. Бореко направился к своей батарее. Блохин уже успел предупредить солдат о возвращении командира. Они

быстро построились, прибежал весь запыленный и измазанный Звонарев. Прилетел Вася Зуев.

- Здорово, орлы! - громко с большим чувством поздоровался Борейко с батареей.

Солдаты ответили четко и весело. Бореко прошелся по фронту, всматриваясь в лица солдат. Они сильно загорели, похудели, но выглядели бодро.

После трех недель отсутствия Бореко снова почувствовал себя дома.

ПОследние дни Борейко многое делал, чтобы разыскать Хатова. Но он как в воду канул - ни слуху ни духу. Каково же было его удивление, когда он в списках награжденных за особые заслуги увидел имя Хатова, "с риском для жизни спасшего ценности Новогеоириевской крепости".

"Что за чушь! - подумал Борейко, в растерянности потирая себе лоб. - Не может быть! Тут явно какое-то недоразумение".

Наведя справки в штабе о Хатове, Борейко узнал, что он, "совершивший невиданный подвиг отваги и бескорыстия", сейчас на заслуженном отдыхе. О чиновнике из казначейства, прилетевшим вместе с Хатовым на шаре, никто ничего не знал.

Борейко понимал, как много в прояснении этой странной истории значат показания именно этого чиновника, и потому начал его розыски. "Не может быть, чтобы ошибся Качиони! Не может быть. Тогда как же деньги оказались не в кармане Хатова, а в государственных сейфах? Нет, тут что-то нетак,

нужно проверить, - говорил себе Борейко. - И я это сделаю, чего бы мне это
не стоило".

11

Тяжелый дивизион после дневки двинулся дальше на Кобрин - Пружаны - Барановичи. Борейко сообщил своим офицерам о предполагаемом создании
ТАОНа. Больше всех от этого был в восторге Вася Зуев. Заинтересовался этой
идеей и Звонарев. Его, конечно, больше устраивало возвращение на завод, о
чем он уже не раз писал Техменеву. Но генерал неизменно отвечал, что еще
не подошло время.

В Кобрине получили дневку, и все занялись хозяйственными делами. Беспокоило состояние лошадей, крайне истощенных.

Борейко собрал солдат, рассказывал им о состоянии лошадей, просил помочь ему выйти из трудного положения. Это обращение командира возымело
свое действие. Вскоре Кирадонжын с удивлением заметил, что лошади первой
батареи стали значительно лучше выглядеть, и просил Борейко поделиться
секретом.

- В единении солдат и офицеров батареи, - усмехнувшись, проговорил Борейко.

- Либеральничаете с солдатней на свою голову. Знаете, теперь всеми тяжелыми батареями в Ставке ведает тоже портартурец, конечно хорошо

вам
известный генерал Шихлинский, - брюзжал Киpадонжан.
- Али Ага Шихлинского я знал еще капитаном. Был тогда он очень порядочным человеком... - ответил Борейко.
...Спустя несколько дней, когда батарея двигалась по шоссе, ее встретил Кочаровский. С генералом было еще двое офицеров, которых Борейко,
как ему показалось, не знал.
Капитан скомандовал "смирно" и подъехал к Кочаровскому. Генерал указал на ехавшего рядом всадника, в котором Борейко узнал Али Ага Шихлинского.
- Али Ага! - радостно воскликнул Борейко, узнав генерала, и тот час опомнился, добавив: - Ваше превосходительство!
- Для старых друзей я, как прежде, Али Ага. Прошу меня так и величать, - ответил Шихлинский.
Когда батарея остановилась на ночлег, оба генерала снова появились у Борейко. Борейко подробно рассказал обо всем, что произошло в Новогеоргиевске. Шихлинский внимательно слушал и что-то записывал в блокнот.
- Весьма поучительно все, что вы рассказали. Мое мнение, что крепости отжили свое время, подтверждается. Так я и буду докладывать по начальству,
- резюмировал свои мысли Шихлинский.
Затем он поинтересовался "делом Хатова", как он выразился. Борейко рассказал все, что знал.
- Вы правы, надо найти чиновника. И в этом я вам помогу, - сказал генерал.

12

Общее летнее наступление германских войск от Балтийского моря до черного изменило маршруты санпоезда. Рейсы стали частыми, но короткими, а маршруты - неожиданными. Поэтому, когда Краснушкин узнал, что поезд идет через Брест-Литовск до города Пружаны, он не удивился.

- Пружаны так Пружаны!

Трудно стало с доставкой нелегальной литературы. В поезде появилось много новых врачей, сестер и полицейских соглядатаев. Уже не один раз устаривались обыски. Все более подозрительно посматривал Лялин на Варю.

Обстановка в поезде ухудшалась, создалась атмосфера недоверия и настороженности.. Кто-то умело работал, сея слухи и сплетни, и добивался разобщенности и подозрительности среди служащих.

С каждым рейсом поезд терял свой аристократический профиль. Сначала понемногу, а потом все больше и больше в его вагонах появлялись раненые армейские рядовые солдаты.

Краснушкин сам видел как изменилось настроение русского войска. У солдата уже не было мужичьего смирения, не было страха перед высоким начальством. В стонах и муках, в крови рождалась злоба, жгучая ненависть к "кровопийцам". Солдат теперь понимал, чего он хотел, - мира и земли. И часто, отправляясь из поезда, раненые уносили за пазухой, в грязных котомках, как самое дорогое, листовку о мире, о земле, о власти...

К поезду был прикомандирован художник Сологубенко, могучего телосложения человек. В его веселых карих глазах всегда дрожали лукавые искорки. И, может быть, потому он всем пришелся по сердцу. Рокочущий бас Сологубенко раздавался то в одном, то в другом вагоне. Он трудился

честно,
не зная покоя, его талантливые руки не отдыхали. Он перерисовал всех сотрудников поезда, врачей, сестер, с вдохновением рисовал солдат.
- Люблю простые русские лица, - признавался он. - Сколько в них ума, мудрости и хитринки... У интеллигентов этого не найдешь. Да-с!
Особенно любил рисовать Варю. Когда ему удавалось упросить ее посидеть спокойно несколько минут, он весь светился изнутри, лицо дышало
покоем и радостью.
- Полонила Варвара Васильевна сердце художника, - с обезоруживающей искренностью отвечал он на шутки врачей. - Прризнаюсь. Но, увы, без взаимности... Как-то после ремонта неожиданно перед самой отправкой поезда
прибыл Распутин в окружении небольшой свиты придворных дам и военных.
Появление его вызвало большой переполох среди сотрудников санпоезда. И
никто не обращал внимания на художника, с лукавой усмешкой в глазах стремительно рисующего всю "почетную" делегацию.
Когда Распутин, благословив санпоезд, уехал, Сологубенко показал Краснушкину свои рисунки.
- Вот это да! - только и мог сказать доктор, в изумлении разводя руками.
С бумаги ни Краснушкина смотрело лицо Распутина с холеной бородой, с надменными, злыми и похотливыми глазами. Жадные толстые губы кривила
самодовольная ухмылка. Талантливая рука художника обнажила то, что так
умело скрывал под благопристойной личиной "святой старец". Похоть, лживость, жажда власти и холодная низкая душонка, одетые в черную рясу, с
наглым откровением смотрели с листа бумаги.

- Вот опубликовать бы в прессе, - сказал Краснушкин. - Портрет нашего истинного владыки, думаю, имел бы успех. А?
- А что, и опубликуем, - засмеялся Сологубенко. - Мы не робкого десятка.
Поезд отправился в рейс и об этом разговоре Краснушкин как-то забыл. Он вспомнил о нем, когда однажды Сологубенко развернул журнал, и на развороте на мелованной бумаге Краснушкин увидел известный ему рисунок.
- Ну, заварили кашу, - проговорил Краснушкин, - теперь держись "гнева всевышнего".
- Э... бог не выдаст, черт не съест, - махнул рукой художник.
Это было накануне рейса в Пружаны. И вот сейчас Краснушкин, вспоминая всю эту историю, с тревогой ждал возвращения в Петроград.
Когда поезд подошел к Брест-Литовску, Варя поспешила в гвардейский штаб. От Кочаровского-сына ей удалось узнать место пребывания тяжелого дивизиона. С ликующим, счастливым лицом она возвратилась в купе к Краснушкину.
- Едем в Пружаны! - закричала она.
- Что с вами, милая коллега? Что вас ждет в этом маленьком и скверном городишке?
- Любовь моя, счастье мое, радость моя!
- Огосподи! Это значит - Сережа.
- Ага. Они в Пружанах. И мы их увидим. Кочаровский обещал сообщить туда. Я так соскучилась, так изволновалась, что, верно, не доживу до этого дня. Поклянитесь, что отпустите меня на целый день. Ну, Иван Павлович, милый... Мне так нужно...
Когда поезд остановился на грязной, забитой народом станции, Варя, встав на подножку, с трудом увидела мужа. Расталкивая толпу, Звонарев спешил к Варе. Она видела похудевшее, загоревшее до черноты родное

лицо.
Оно стремительно приближалось.
- Варенька, - услышала она родной голос, - что же ты плачешь?..

Батарея стояла недалеко от города в небольшом, но живописном лесочке. Ранняя осень только коснулась своей рукой верхушек деревьев, как по головепозолотила. кое-где на выбор, прихотливо, как капризная женщина,
поцеловала то клен, то осину, и те вспыхнули живым огнем, ярко-пунцовым
румянцем от гордости и счастья. Стоят и красуются среди еще буйной зелени
первые избранницы осени, нарядные и гордые в своем новом, ярком уборе.
- Как хорошо, Сережа, какое чудо все-таки осень! - вздохнув всей грудью, проговорила Варя. - И воздух необыкновенный какой-то, свежий, но
полный новых запахов: и палого листа, и поздних цветов, и увядающей травы,
а быть может, и грбов. Будто настоен на осени. Удивительно хорошо. Правда?
- Прелесть...
Звонарев присел на траву, потом лег навзничь, подложив руки под голову.
Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса... -
тихо и как-то по-особенному проникновенно сказал он. Варя подошла к нему поближе, остановилась у березы, обняла ее, прислонившись щекой к
бело-серому стволу. И так же тихо и немного грустно добавила:
Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и золото одетые леса...

Варя подняла голову. Сквозь легкие, еще зеленые листочки березы глядело густой синевы небо, чистое и спокойное мирное небо.

"Вот уже два года воюем, - подумала Варя. - Два года... Сколько горя, крови и жизней стоили они людям! Как искалечила она их судьбы! Женщины, наверное, всегда были и будут против войны. Потому что женщина - это мать и жена. Она теряет любимого..." Варя взглянула на мужа. Он теперь лежал, раскинув руки. Его широко распахнутые глаза смотрели в небо. "Боже мой, у него такое же синие, как небо, глаза. Синие-синие... " - ахнула Варя.

Вот и у нее война чуть не отняла любимого... Правда, она сжала свое горячее ревнивое сердце, заставила его замолчать, но ведь дело не только в ее сердце. А он, что думает он? Любит ли свою Варю, или сердце его разрывается между двумя близкими женщинами?..

Год прошел, как Варя узнала об измене Сергея. Она простила ему все за его искренность, настоящую мужскую прямоту и честность. Она любила его и постаралась забыть обиду. Но забыть было нелегко... Как-то в совй очередной рейс санпоезд стоял в Брест-Литовске. В эвакогоспитале Варя случайно встретила Юдифь, свою давнюю подругу. После того как все дела были сделаны, они разговорились, как-то очень тепло, до конца откровенно и искренне. Тут-то Варя и решилась спросить об Акинфиевой. Она давно хотела узнать, где она, что с ней.

- Ушла из госпиталя, - невыразительным голосом ответила Юдифь.

- Почему?

Варя спросила и тут же поняла по плотно сжатым губам Юдифи, что спрашивать было не нужно. Страшная догадка обожгла ее сердце. Варя почувствовала, что бледнеет: медленно от лица отхлынула кровь. И когда
Юдифь подняла на нее свои добрые близорукие глаза, беспомощно умолявшие ее
не настаивать на ответе, она все-таки повторила вопрос:
- Почему?
- Она ждала ребенка...
Ее тихий голос как ножом резанул Варю по сердцу. Чувство неизбежной, неотвратимой беды и тоски темной и мутной волной заполонило грудь. Но Варя не выдала себя, она спокойно перевела разговор на другую тему. И только поздним вечером, когда она уже прощалась с Юдифью, спросила:
- Сына родила?
- Да...
А потом, спустя несколько дней, она переслала Юдифи деньги для Нади. В письме к Юдифи просила, чтобы та отправила их будто бы от себя. Юдифь
исполнила просьбу. Так Варя стала помогать Наде.
И вот теперь, стоя у березы, глядя в синеву глаз мужа, Варя думала, сказать ли ему о сыне или промолчать. Но ей хотелось первой сказать об этом самой и увидеть в эту минуту его глаза.
- Сережа, - позвала Варя мужа. Она не подошла к нему и осталась стоять у березы, опираясь на ее белый ствол.
Звонарев оторвал взгляд от неба и посмотрел на Варю. В его глазах мягко горел синий свет нежности и любви.
- Что милая?
"И вот сейчас я погашу этот свет, подумала Варя. - Сама оторву его от себя... Но что же делать? Что делать? Он должен знать, должен сам решить... И я тоже. Если он дрогнет, или будет колебаться, я уйду с его дороги..."

Варя не слышала своего голоса, когда она произнесла те несколько невыносимо трудных для нее слов, она смотрела, не отрываясь, на мужа. Она
увидела, как дрогнули его глаза. Нет, не испуг, радость отцовства подняли
его с земли, заставили обнять ее колени, прильнуть к ним жаркими губами. В
его глазах Варя прочитала ту же любовь, и боль, и желание облегчить ее страдание, и горячую просьбу о прощении.
- Родная моя, единственная... Я все знаю, - тихо сказал он. - Я люблю тебя. Прости, если можешь...
Он все крепче сжимал ее колени, притягивая к себе. Варя оттолкнулась от березы и, протянув к нему руки, упала в его раскрытые объятия. Он целовал ее мокрое от слез лицо, дрожащие детски припухшие губы.
- Ненаглядная... - слышала Варя его горячий шепот. И, чувствуя, как руки Сергея бережно и властно обнимают ее, она вдруг прижалась к нему всем
телом. Вздрагивая от слез, Варя судорожно перевела дыхание и вместе с пряным ароматом осенних листьев ощутила родной, до боли знакомый запах
близкого человека, его здорового молодого тела. Варя закинула руки за шею
Сергея и, опрокидываясь на спину, увидела синюю голубизну неба...

Санпоезд прибыл в Петроград. Не успели толком отправить раненых по госпиталям, как Краснушкину был вручен приказ принца Ольденбургского:
"Освобождаю вас от должности начальника санпоезда императрицы и одновременно повелеваю вам занять должность начальника эвакочасти Кавказского фронта. Начальником санпоезда назначаетс полковник Лялин, его

заместителем по медицинской части профессор барон Дистрело.
Принц Ольденбургский".
И маленькая записочка, запечатанная печатью принца:
"Дорогой мой, чем-то вы прогневали государыню и одну премного презираемую особу. А потому сочувствую вам и делаю все, что в моих силах.
Благодарю за службу и преданность".
Краснушкина не удивили ни отстранение от должности, ни это, в сущности, большое повышение. Он понимал, что и то и другое вызвано одной
причиной. Только императрица действовала из любви к Григорию Распутину, а
принц - из ненависти к нему.
Беспокоила Краснушкина судьба Сологубенко. Ему грозили большие беды.
Предчувситвия не обманули доктора. К вечеру стало известно высочайшее
решение - за недостойное осмеяние "святой" особы разжаловать Сологубенко в
рядовые солдаты и отправить на фронт. Краснушкину пришлось использовать
все свои связи, чтобы определить художника в одну из действующих частей в
районе Ровно.
Варя, узнав об увольнении Краснушкина, тоже покинула санпоезд.

13

Только в октябре наконец вызвали с фронта в штаб ТАОНа Борейко, Звонарева, Зуева и десяток солдат, которые могли быть полезными во

вновь
формируемых батареях. Штаб формирования ТАОНа находился в Вязьме. Здесь и
намечалось создание дивизионов сверхмощной артиллерии.
Борейко приехал вместе с своими офицерами и солдатами. В штаб отправились только офицеры. Встретил офицеров Али Ага Шихлинский весьма
дружески, как старых пртартуровцев. Он справился, в каких бы батареях они
хотели служить.
- Прежде всего просим вас не разлучать и всех вместе с солдатами направить в одну батарею, - начал Борейко.
- Что ж, это хорошо, - пообещал генерал.
- Затем отправить в батарею, где пушки самые большие, - продолжал капитан.
- Значит, направим вас на формирование двенадцатидюймовых батарей виккерсовских гаубиц. Там наиболее сложная материальная часть и плохо еще
разработанные правила стрельбы и пристрелки. Тяга только механическая.
Ваши солдаты составят костяк батареи. Кроме того, к батарее придается привязной аэростат с водородным заводом. Надо ознакомиться и с воздухоплавательным делом. Выделите для этого одного из офицеров, - предупреждал Шихлинский.
Уже на следующий день закипела работа. Прибывали десятки новых солдат. Это были рабочие, направляемые в армию по совей политической неблагонадежности. Родионов снова стал фельдфебелем. Заяц взял на себя
хозяйственные заботы в батарее. Команду разведчиков возглавил Вася Зуев.
Его помощником оказался Блохин. Всем автомобильным хозяйством, состоящим

больше чем из двух десятков грузовых и легковых машин, ведал Звонарев.

Материальной часть орудий и ознакомлением с правилами стрельбы руководил
сам Борейко.

Очень затрудняло изучение пушек отсутствие каких-либо инструкций или сборных чертежей. Заводы умышленно не снабжали ими русских, пытаясь тем
самым заставить принять своих английских инструкторов и переводчиков.

- Обойдемся и без варягов, - заявил Борейко Шихлинскому. - Сами в технике кое-что прнимаем.

Шихлинский заколебался, обдумывая предложение Борейко. В это время прибыл помощник начальника ТАОНа по технической части артиллерист-академик
полковник Рейн. Он в начале войны командовал гвардейской батареей и дивизионом. Будучи весьма тщеславным человеком, Рейн дошел до того, что
сам себя представил к Георгиевскому кресту. Ему, конечно, отказали и предложили покинуть ряды гвардии. Рейн ушел в ТАОН.

Рейн довольно хорошо владел английским языком. Он и Звонарев с помощью Зуева проверили расчеты на прочность как орудий, так и лафетов.

Они даже рискнули реконструировать некоторые механизмы, показавшиеся им
ненадежными.

Вскоре батарея Борейко стала образцовой во всем ТАОНе. Командиры других батарей приезжали сами или присылали своих офицеров для ознакомления с деятельностью "конструкторского бюро Борейко". Тут в дело
вмешался великий князь Сергей Михайлович, ведавший всей артиллерией

русской армии. Он был пайщиком иностранных фирм и воспретил какие бы то ни
было переделки в заграничных орудиях.
- Всякий хлам покупают за золото за границей, а потом мы должны своими боками отдуваться, - возмущался Борейко, продолжал проверку и переделку иностранных пушек.
- Атака сверху отбита, - посмеивался Вася Зуев.
Но вскоре последовала атака "снизу". Московская охранка не дремала. Зная о наличии большого числа политически неблагонадежных солдат во вновь
вормируемых частях ТАОНа, она сделала внезапный налет на батарею Борейко.
Капитан успел сообщить об этом Зуеву, и вся нелегальная литература была
быстро спрятана в секретном сейфе. Обыскав всю батарею, жандармы ничего не
нашли. Обозленные неудачей, они отправились с жалобой к Али Ага Шихлинскому.
Генерал предложил им намедленно убираться из района расположения вновь формируемых батарей.
- Все, что делается у нас, весьма секретно, и вам нечего сюда совать нос. Если еще раз появитесь, арестую как немецких шпионов, - предупредил
опешивших жандармов генерал.
Через несколько дней на отдаленном посту у порохового погреба часовой - солдат батареи Борейко - подстрелил неизвестного солдата, проходившего в
ночное время мимо пгреба. Началось следствие.
По материалам, которые батарея представила в штаб, было очевидно, что солдат был убит за нарушение непреложного правила военного времени - он
подошел, несмотря на предупреждение часового, к охраняемому

секретному
объекту. Когда же в расследование этого вмешались жандармы и повели свои
допросы с пристрастием, всем стало ясно, что у порохового погреба подстрелили жандармского агента.
Вскоре от солдат других батарей Лежнев узнал о сходке, которая происходила в соседнем хуторе в тот день, когда "убрали" шпиона.
Жандармский агент пробирался в эту сходку и был опознан солдатами. Они
позволили ему выслушать все "крамольные" речи, воззвания большевиков к
солдатам, ответ, составленный тут же солдатами... Шпион слушал с открытым
ртом, на своей груди он уже видел награду за верную службу престолу и царю-батюшке, ему грезилось повышение по службе, деньги... Он старался
запомнить имена ораторов, запомнить их мятежные слова. И ему было невдомек, что вокруг него плотным кольцом собрались солдаты. Он почувствовал неладное только после окончания сходки, когда ему не удалось
ускользнуть от молчаливых, враждебно посматривающих на него солдат. Ничего
другого не оставалось, как возвращаться вместе со всеми. Он знал, что дорога проходила около порохового погреба. Знали о пороховом погребе и
солдаты. И потому, когда шпик бросился бежать, что-то истошно крича и умоляюще взмахивая руками, они не остановили его. Раздался выстрел, и фигура с нелепо поднятыми руками рухнула на землю, солдаты поспешили на
свою батарею.
Как ни усердствовали жандармы, установить, кто навел "пострадавшего" на часового, не удалось. Тем не менее жандармы потребовали ареста

чуть ли
не десятка солдат с батареи Борейко. И только активное вешательство генерала Шихлинского, потребовавшего прекращения дела, освободило артиллеристов от нависшей над ними серьезной опасности.
- Этих солдат я знаю, - заявил он в жандармском управлении, куда последовало разбирательство "дела об убийстве". - Знаю еще со времен Порт-Артура. Их командир Борейко, и они отличные, надежные солдаты. Если
они будут арестованы, я не смогу гарантировать своевременную готовность
батареи.
Шихлинский заявил решительный протест против вмешательства жандармов
в дела, ему подведомственные:
- Поймите, у меня же новейшей системы пушки. А вы посылаете, простите
меня, безмозглых дураков соглядатаями. Господа, увольте меня от жандармов.
В противном случае, если застану их на своей территории, я просто вынужден
буду высдать их из части.
Так была отбита атака "снизу".
Время шло, настал новый, 1916 год, стали поговаривать о предстоящем весной решительном наступлении против немцев на всем фронте. Надо было
срочно заканчивать формирование тяжелой артилерии. С жандармскими наветами
перестали считатся. Работа пошла ровнее.
...В один из приездов в Вязьму Варя познакомилась с Шихлинским. Она его встречала в Артуре, но тогда Али Ага мало обращал внимания на девочку-подростка. Жена Шихлинского Тамара-ханум, была азербайджанка и

кончила институт Святой Нины в Тифлисе. Варя дружески сошлась с ней, расказала о своей горести - отсутствие сына.
- У магометан в таком случае муж имеет право взять другую жену, - горько улыбнувшись, заметила ей ханум.
Варе показалось, что она услышала именно то, о чем давно думала - имеет право взять другую жену, чтобы родить от нее сына. Ее муж так и сделал.

Сидеть без дела Варя не могла, она постепенно обходила все помещения батарей и возмущалась царящей в них грязью:
- А мы еще удивляемся, откуда у нас инфекционные болезни,откуда тиф, оспа...
Варя пожаловалась Борейко, но капитан только рукой махнул: не до этого мол, сейчас. Дел поважнее много. Чистоту будем наводить потом.
Не долго думая, Варя отправилась прямо к Шихлинскому и обо всем рассказала ему.
- Вай, вай! Еще беда на мою голову! То жандармы житья не давали, а теперь врачи, - шутливо ответил генерал и, вызвав к себе всех докторов, приказал им вместе с Варей обойти расположение частей и навести порядок.
С неделю Варя и трое врачей объезжали район расположения частей ТАОНа.
Ругая про себя Варю на чем свет стоит, врачи расплывались перед ней в льстивых улыбках. Варя заставила при себе осмотреть всех солдат. Обнаружив
вшей, она пришла в ярость.
- Вы забываете, господа, - набросилась она на командиров, - что тиф - самый надежный помощник наших врагов. Он косит людей почище снарядов. Бани
необходимы в каждой батарее. Запомните это.
Обозленные медики и командиры шли жаловаться на Звонареву

генералу, но Али Ага был неизманно на ее стороне.
- Как вам, господа не стыдно жаловаться на такую красивую женщину!- шутил генерал.
Скрепя сердце врачи и командиры подчинялись требованиям Звонаревой.
- Жаль, женщин врачей не берут в армию, а то я наверняка зачислил бы вас в штат ТАОНа главным врачем, - шутил Али Ага.

14

Внимание Вари привлекли мотоциклы. Еще не так давно она скакала верхом на лошади, и ей захотелось научится ездить на мотоцикле. Блохин с разведчиками целыми днями пропадали на велотреке. Материальную часть и двигатель им помог освоить Вася Зуев. Появление Вари было встречено с недоумением. Блохин прямо сказал, что езда на мотоцыкле не женское дело.
- Это еще почему? Меня вызывают к больному, и я мчусь к нему на мотоцикле. Ездят же женщины на велосипедах. Почему же мне не поехать на мотоцикле?
- Отродясь не видал и не слыхал, чтобы бабы, то бишь женщины, носились по дорогам на мотоцикле, - вздыхал Блохин.
- Что правда, то правда, - поддержал Блохина Вася. - Им гораздо привычнее летать на помеле, чем ездить на мотоцикле.
- Ах ты, нахал этакий! Выходит, что я , по-твоему, ведьма? - набросилась на зуева Варя.
- Вы - ангелочек, тетя Варя. Прывыкли безшумно летать на крылышках. А тут грохот,дым,вонь, - сверкая белыми зубами, смеялся Вася.
Варя все же настояла на своем, чтобы ее научили управлять мотоциклом. Блохин грозился пожаловаться Звонареву и Борейко, но что могло испугать Варю?
- Ишь, какое мне начальство сыскалось! Пойду к Шихлинскому. Он наверняка мне разрешит.
В это время к ним подошел офицер из другой батареи и справился, на

каком основании Варя обучается езде на закрытом велотреке.

- Откуда вы взялись такой невежа? - спросила Звонарева вместо ответа.

- Вежливые и воспитанные люди,какими я привыкла считать офицеров, прежде всего здороваются, а затем уже начинают разговор. Кто вы, откуда взялись и ваша фамилия?

- Вы-то кто сами сударыня?-вспыхнул офицер.

- Я?-И, тряхнув головой, Варя резко ответила: - Я жена генерала Шихлинского. Надеюсь, вам он известен?

- Но я видел Тамару-ханум...

- А вам известно, что Али Ага магометанин? Им разрешается иметь и несколько жен. Так как же ваша фамилия, поручик? - настаивала Варя.

Офицер засмеялся.

- Боитесь назвать себя? Я сегодня обо всем раскажу генералу, и он, как настоящий рыцарь устроит вам хорошую нахлобучку, - лукавые искорки дрожали в глазах Вари.

- Прапорщик, - обратился офицер к Зуеву, - удалите отсюда эту особу.

- Не имею права! Варвара Васильевна находится здесь с разрешения Али Ага Щихлинского, - доложил Зуев офицеру.

Порутчик недовольно пожал плечами и отошел ни с чем.

- Здорово вы его отделали, тетя Варя. Смотрите теперь, как бы дядя Сережа не вызвал на дуэль генерала!-улыбнулся Вася, поглядывая на оживленное веселое лицо Вари.

- Где уж ему, он даже ревновать не умеет, - блеснув глазами, засмеялась Варя.

Она продолжала заниматься под руководством Блохина и скоро уже могла самостоятельно вести мотоцикл. После окончания занятий Варя отправилась прямо к Шихлинскому и рассказала ему обо всем происшедшем. Генерал от души хохотал.

- Сегодня же обрадую Тамару-ханум, объявлю, что обзавелся второй женой, так как она не хочет рожать мне детей.

Затем Али Ага, вызвав адъютанта, приказал узнать фамилию офицера, грубо обошедшегося с Варей, и немедленно вызвать к себе.

Варя и Али Ага заговорили о лошадях. Оба оказались завзятыми конниками, страстными любителями верховой езды.

Шихлинский припомнил скачущую по узким артурским улицам шалую девицу, озорную генеральскую дочь, родственницу самого Стесселя.

- Так это были вы? - удивился генерал.

- Я самая. Что, сильно изменилась, став дамой, и матерью трех детей? - спросила Звонарева.

- Наружность вашу я плохо помню, но рассказы о вашей экспансивности остались в памяти. Помните скандал, который вы устроили Стесселю около Этажерки? Помню, вы тогда надели чью-то офицерскую фуражку и отдали честь Стесселю. Вот была потеха!

- Этот офицер стал моим мужжем и вашим подчиненным. А лошадей я люблю и посейчас, но уже давно не ездила верхом, - призналась Варя.

- Давайте поедем втроем - вы, Тамара-ханум, щоа тоже не дурно ездит верхом, и я. Пусть все увидят "мой гарем" в полном сборе, - шутил генерал.

- С большим удовольствием, - согласилась Варя. - Как ни приятно носиться на мотоцикле, верхом гораздо лучше. Красивее и поэтичнее.

- Поедемте верхом хоть завтра. Сергей Владимирович не будет возражать против этого?

- Я мужского деспотизма не признаю.

- Ва! Мне такой жены в гарем не надо, - улыбнулся генерал. - А какое мнение на этот счет у вашего супруга? Не раскаивается, что женился на амазонке?

- Не посмеет раскаятся, - улыбнулась Варя. - А для меня он самый лучший в мире.

- Вот это я понимаю! У нас на Кавказе говорят жене, когда возвращается ее муж: "Свет в глаза тебе, ханум". Это значит - без мужа жена не могла смотреть на солнце. И ясный день для нее был темнее ночи.

Их разговор был прерван приходом вызванного к генералу офицера.

- Поручик Пономарчук по вашему приказанию прибыл, ваше превосходительство, - отрапортировал он.

Варя хотела было уйти, но Шихлинский задержал ее в кабинете.
- Вам известна эта дама?-спросил генерал, кивнув на Варю.
- Никак нет, ро я видел ее сегодня на велотреке, - ответил Пономарчук.
- И изволили нагрубить ей, - сразу вскинулся Шихлинский. Он встал и вплотную подошел к провинившемуся офицеру.
- Я не знал, что эта особа... имеет к вам отношение, ваше превосходительство, - сумрачно ответил Пономарчук.
- Особа! Наглец вы этакий! Приказываю сейчас же извинится перед этой дамой за грубость, - распорядился генерал. - Мои офицеры должны быть блестательны во всех отношениях. На войне - храбрые воины, с дамами - любезные рыцари. Понятно, порутчик? Извольте принести извинение.
Порутчик извинился, посматривая сумрачно на Варю и испугано на генерала. Повернувшись по уставному, он вышел из кабинета Шихлинского.
Генерал с улыбкой повернулся к Варе.
- Итак, завтрв едем целой кавалькадой, - предупредил Шихлинский.
- А как же Тамара-ханум? Согласится ли она?-усомнилась Варя.
- Наша восточная пословица говорит: когда муж решил, женщина с ним не спорит, - усмехнулся Али Ага.
На следующий день генерал с женой и Варя с Васей Зуевым в сопровождении нескольких ординарцев совершили прогулку верхом. Варя воспользовалась ею, чтобы показать Али Ага "залежи грязи", как она выразилась. Действительно, во многих местах, невзирая на указания санитарной комисии, ничего не было убрано.
Шихлинский тут же на месте учинил виновным разнос.

Провожали Варю почти всей батареей, нагрузили письмами, гостинцами для своих близких. Приехал на проводы и генерал Шихлинский.
- Варвара Васильевна, не забывайте про нас, - он склонился и поцеловал руку Вари. - Наведывайтесь! А то без вас все грязью зарастем и умываться позабудем! - шутил он.

По весне тяжелые батареи были сформированы. их приехал смотреть перед отправкой на фронт великий князь Сергей Михайлович в сопровождении Кочаровского. Он сразу выделил батарею Борейко как найболее хорошо организованную. Кочаровский предложил назначить Борейко командиром бригады всех сверхтяжелых гаубичных батарей, но капитан категорически отказался.

- Тут нужен артилерист-академик или хотя бы инженер, вроде Звонарева.

С этим мнением согласился и Кочаровский. Командиром всех сверх тяжелых батарей был назначен полковник Рейн.

В начале мая батарея Борейко была направлена на Юго-Западный фронт в район Ровно. Узнав об этом, Варя поспешила оставить работу в больнице и устроилась в передовой перевязочный отряд Союза городов, который находился в том же районе.

15

Днем 29 мая 1916 года командиры всех батарей 102-й артиллерийской бригады во главе с ее командиром полковником Гатовским выехали на детальную рекогносцировку позиций противника и выбор наблюдательных пунктов батарей в предстоящих боях.

Стояла ясная, но по-весеннему прохладная погода. Под горячими уже лучами солнца земля быстро высыхала. На одной из небольших горок, в глубине леса, на старом ветвистом дубе была устроена высокая наблюдательная вышка. Яркая зелень молодой листвы прекрасно маскировала одетых в защитный цвет офицеров. На верхнюю площадку вышки приходилось взбираться по нескольким деревянным лестницам. У подножья дуба царил зеленый полумрак, на верху же все утопало в ослепительных солнечных лучах.

Поднявшись на вышку, офицеры некоторое время стояли зажмурившись, привыкая к яркому цвету, и только потом принимались рассматривать развернувшуюся перед ними щирокую панораму.

Передний край обороны 102-й дивизии проходил по западной опушке

большого леса, перед которым широко раскинулись ровные открытые поля. На них четко вырисовывались темные полосы неприятельских укреплений. Они отстояли почти на километр от края леса и представляли собой ряд оборонительных полос, прикрытых с фронта проволочными заграждениями.

Укрепленный район имел много железобетонных огневых точек, фланкирующих подступы к проволоке. Все оборонительные сооружения были связаны между собой глубокими ходами сообщения.

Несмотря на отличную видимость, во вражеских окопах не было заметно людей, и только поднимавшиеся кое-где вверх тонкие струйки дыма указывали на присутствие солдат в траншеях.

- За полугодовое стояние в этих местах противник успел соорудить настоящую крепость! Нам придется основательно потрудится над разрушением проволочных заграждений,не говоря уже об узлах сопротивления, - проговорил отвлекшийся на минуту от наблюдения Гатовский,обращаясь к своим офицерам.

- Разрушение бетонных опорных пунктов не под силу нашим легким пушкам, - отозвался один изкомандиров батарей.

- Эта задача возлагается на гаубичные и тяжелые батареи, что здесь сосредоточатся, - пояснил Гатовский. - Теперь,господа,я укажу вам на местности расположение дивизионов: справа от железной линии на Ковель, вон до того отдельного корявого дерева, - участок первого дивизиона,а левее железной дороги,до выступа в австрийских окопах, - второго дивизиона. Удар будет нанесен вдоль железной дороги, в районе второго дивизиона.

Левофланговой батареей на участке бригады оказалась четвертая, которой командовал совсем еще молодой, двадцатипятилетний капитан Кремнев. Война застала его в чине поручика,но за два года он,как боевой командир,получил повышение еще на два чина и Георгиевский крест. Веселый,жизнерадостный, энергичный и очень подвижный, он за несколько месяцев командования третьеочередной батареей,укомплектованой одними запасниками из ополченцев, сумел

превратить ее в образцовую артиллерийскую часть.Поэтому теперь именно ему поручили наиболее трудный участок на фронте 102-й дивизии.

Добравшись до переднего края обороны, Кремнев стал подискивать в стрелковых окопах найболее подходящее место для передового наблюдательного пункта своей батареи.

Приветливо здороваясь с солдатами-пехотинцами,капитан спросил их, откуда лучше видны окопы противника. Пехотинцы с готовностью повели хорошо им известного по минувшим боям артиллерийского офицера по бесконечным лабиринтам глубоких, выше человеческого роста, ходов сообщения на переднюю линию обороны.

- Здесь у нас всегда стоит часовой, - сказал солдат, ныряя в узенькую шелку в стенке окопа.

Пройдя несколько шагов по темному коридорчику, Кремнев попал в небольшую железобетонную круглую башенку, прикрытую сверху толстыми бревнами и землей. Сквозь узенькую щель под самым потолком башни были прекрасно видны широкая травянистая лощина, отделяющая русские окопы от немецких, и по средине нее небольшая, поросшая молодым камышом речка Путиловка.

По-весеннему зеленые и еще совсем не высокие заросли камыша у реки слегка покачивались на ветру, на траве яркими пятнами проступали голубые, желтые, розовые полевые цветы. Под теплыми лучами весеннего солнца брустверы окопов,воронки от снарядов и мин быстро покрывались изумрудной дымкой свежей растительности.

- Ночью наши секреты сидят на самом бережку Путиловки, а немец - по той стороне. Случается даже балакают помеж себя, когда там стоят чехи-славяне, - словоохотливо проговорил один из солдат.

Наскоро набросив в полевой книжке панораму всего видимого, Кремнев решил поместить здесь передового наблюдателя батареи и отправился договариваться по этому вопросу к командиру 408-го Кузнецкого полка полковнику Хоменко, который был начальником этого участка обороны.

Он успел уже получить полк и "глядел в генералы". Как всегда

энергичный, он много времени проводил среди солдат. Хотя ему было за пятьдесят, в его по запорожски длинных усах еще не белел ни один седой волос, и только виски слегка серебрились первым инеем лет.

Кремнева он встретил с отческой лаской.

- Здорово,сынку! Чем порадуеш своего названого батька?-спросил Хоменко и дружески пожал руку артиллеристу.

- Зашел проведать вас, папаша,и поговорить о предстоящем настаплении.

- Добре,добре! Ось подывысь на мои малюнки, - и полковник протянул капитану несколько схем,разрисованых красным и синим карандашами. - Тут у него пулеметы, тут минометы, за этой горкой.

Кремнев тотчас перенес все эти сведения на свою карту, затем попросил указать ему места, где надо было пробивать проходы в проволочном заграждении противника.

- Ось туточки, - ткнул пальцем в карту Хоменко.

- Завтра осторожно пристреляю батареи по этим местам и до начала атаки буду хранить молчание, чтобы противник не догадался, где мы собираемся ударить, - прощаясь пообещал Кремнев.

- Добре, сынку! Чарку горилки на дорогу, щоб ноги швыдше шлы!

Эй,Панас, бисова душа, где ты?

Через минуту в дверях блиндажа появилась улыбающаяся физиономия денщика.

- Горилки две чарки та два шматка хлиба, - распорядился Хоменко.

Чокнувшись и пожелав своему "батьке" успеха, Кремнев пошел к себе на батарею.

Позиция 4-й батареи 102-й артиллерийской бригады находилась примерно в двух километрах от переднего края обороны, непосредственно за лесом.

Прекрасно замаскированная со всех сторон, с хорошо оборудованными блиндажами, она была надежно укрыта от обстрела противника. При приближении Кремнева к огневой позиции батареи его встретил младший офицер батареи прапорщик Павленко.

- Где выбрали передовой пункт, Александр Васильевич? - справился он.

- В расположении Кузнецкого полка. Завтра начнем пристрелку по нужным целям. Начальство не заезжало?

- Кроме командира дивизиона, полковника Корнилова, никого не было. Он сообщил, что позиции объезжает командующий армией генерал Каледин, и приказал внзде прибрать и подмести, а главное - засыпать свежей хлоркой отхожие места. Говорят, они - конек командующего.

- Старший офицер знает об этом?

- Да, Григорий Александрович уже отдал нужные распоряжения и отправился к передкам.

- Завтра ты, Боря, пойдешь вместе со мной на передовой наблюдательный пункт. Быть может, и сумееш отличится в предстоящих боях, - тепло сказал Кремнев.

Юноша горячо поблагодарил своего друга и командира, который всего на пять лет был старше его. Выпущеный несколько месяцев назад из военной школы, прапорщик мечтал о подвигах и военной славе. Но пока это были только мечты: батарея вот уже несколько месяцев стояла на укрепленных позициях, не принимая попыток завязать бой.

Вскоре на огневую позицию батареи пришел и старший офицер - щегловатый и педантичный штабс-капитан Крутиков - с прапорщиком Сологубенко, который избежал высочайшего гнева за публикацию портрета "святого старца" только благодаря стараниям доктора Краснушкина.

Подтянутый Крутиков обращал внимание подчеркнутой парадностью своих движений. Сологубенко держался проще, свободнее; большая курчавая борода и густые брови придавали его лицу особую выразительность.

- Садитесь-ка, Леонид Романович, чертить схемы к предстоящему наступлению, - протянул Кремнев пачку бумаг Сологубенко.

- Будет исполнено,господин капитан! - с шутливой почтительностью отозвался прапорщик.

- Разрешите зайти, вашескородие? - раздался низкий бас, и в дверях

появилась высокая кряжистая фигура фельдфебеля. - Дозвольте доложить: на батарее, передках и коновязи всеприведено в порядок, старые отхожие места велел засыпать и вырыть новые, чтобы их высокопревосходительство не придирались.

Запишал полевой телефон. Сологубенко снял трубку.

- Адьютант дивизиона передает, что генерал Каледин уже выехал в наш район, - тот час доложил он Кремневу.

- Надо одеваться, господа. Я с прапорщиком буду на батарее, а вас, Григорий Алексеевич с фельдфебелем попрошу пройти к передкам, - распорядился капитан.

Затем он приказал солдатам построится за орудиями и лично осмотрел людей. обмундирование на них было поношенное, но аккуратно заштопаное и по возможности вычищенное. Рослые, в большинстве уже не молодые солдаты выглядели здоровыми и сытыми. Окладистые русские бороды придавали им благообразный иконописный вид.

Несмотря на молодость, Кремнев пользовался уважением своих подчиненных, как справедливый и заботливый начальник.

- Сейчас к нам приедет командующий нашей Восьмой армией генерал Калндин. Титуливать его следует "ваше высокопревосходительство". Если генерал обратится с вопросом, не теряться, отвечать толково, - предупреждал капитан.

- Едут! - крикнул Павленко, указывая на группу всадников.

- Станови-и-сь!-скомандовал Кремнев. - Разведчики на правом фланге, господа офицеры - у своих взводов.

Вскоре всадники подъехали к батарее и спешились. Впереди шел высокий, мрачного вида генерал, в широких шароварах, с казачьей шашкой на боку.

Капитан подошел к нему с рапортом.

Каледин окинул строй сумрачным, тяжелым взглядом и что - то под нос.

Солдаты, тоже нахмурившиеся, продолжали молча смотреть на него.

- Оглохли, что ли, ваши олухи? - сердито обернулся к Кремневу командующий. - Здорово,глухари! - еще раз сердито выкрикнул генерал.

Артиллеристы дружно ответили. Каледин, тяжело переступая на ходу, прошел по фронту, исподлобья глядя на солдат. Его лицо по прежнему было мрачно.
- А где у вас, капитан, отхожие ровики? - спросил он , немного оживившись и со всей своей свитой двинулся за Кремневым.

Ровики блистали чистотой. Каледин не замедлил примерить, будут ли они удобны для пользования. Вся свита в почтительном внимании следила за упражнениями командующего армией.
- Надо здесь положить доску, а там уширить ровик, иначе пользоваться им будет затруднительно, - изрек генерал мудрое решение и отправился дальше, на коновязь. Здесь его внимание привлекли конские хвосты, которые по его мнению, были обрезаны не по уставному.
- Немедленно исправить и впредь не допускать подобного безобразия, - приказал он.
На этом генерал и закончил свой осмотр батареи.
- В артиллерии я мало смыслю. Ваше артиллерийское начальство даст вам необходимые указания. Главное - при наступлении действовать осмотрительно и позабыть про русское авось! Современная война требует прежде всего точного расчета, - поучил Каледин офицеров перед отьездом.
- ...Помноженного на русскую удаль, - заметил Кремнев.
- Поменьше ухарства и побольше осторожности, капитан. Наш противник очень и очень силен, умен и предприимчив, - еше раз предупредил генерал, садясь на лошадь.
- Зачем, собственно, он к нам приезжал?-недоумевал Сологубенко, когда генерал уехал.
- Должно быть для того чтобы посеять неверие в наши собственные силы, - отозвался Кремнев.
- По видимому, он сам не очень-то надеется на успех наступления, коль ведет такие речи сосвоими подчиненными, - покачал головой Крутиков.
- Мы с тобой собрались поехать сегодня в Бронники, Александр

Васильевич, - напомнил своему командиру Павленко, который уже давно нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

- Под вечер можно будет съездить, - согласился Кремнев. - Но не надолго - нв часок, не больше. Завтра с зарей мы займемся пристрелкой батареи.

Прапорщик поспешил распорядится, чтоб через два часа лошади были оседланы. Капитан приказал подать себе новый китель, тщательно побрился и осмотрелся в зеркало. Одновременно он отдавал распоряжения о подготовке батареи к завтрашней стрельбе.

Когда Кремнев и Павленко широкой рысью двинулись в Бронники, солнце уже скрылось за лесом, с низин и речек пахнуло прелвечерней сыростью. По пыльным дорогам по направлению к позициям тянулись вереницы кухонь, лазаретных линеек, зарядных ящиков. Вскоревсадники подъехали к небольшой, утопающей в зелени садов деревушке. Около одной из хат, на которой развевался флаг Красного Креста, офицеры остановились и, справившись здесь ли сестры милосердия Осипенко и Ветрова, слезли с лошадей и направились во двор...

Знакомство с сестрами началось еще зимой. Только что получивший назначение командиром батареи Кремнев разыскивал свою часть и, сильно продрогший и голодный, наткнулся на передовой перевязочный пункт Союза городов. Передовым в это время пункт конечно , не был. До переднего края обороны было не менее двадцати верст. Но считалось, что в боевой обстановке его передвинут на линию дивизионных резервов, во второй эшалон.

Капитан заехал справиться о месторасположении штаба 102-й дивизии, которой был придан перевязочный отряд. Его встретила Ветрова - молодая, со строгими темными глмзами сестра, дежурившая в этот вечер на пункте.

Перевязочный пункт одновременно был и питательным: при нем имелась столовая для солдат и офицеров. Ветрова провела капитана в столовую и пробыла с ним пока он поел и напился чаю. Сначала они сидели почти молча,лишь изредка перебрасывались словами. Девушка скупо и сдержано отвечала на вопросы офицера. Кремнев тоже, казалось, не

замечал ее, стараясь поскорее согрется. Однако он обратил внимание на ее темные глаза, на свежее, с нежным румянцем и правильными чертами личико и стройную фигурку. Ему хотелось поговорить с ней, но мешало смущение, и он робко задавал вопросы. Потом как-то незаметно они разговорились. Ветрова сообщила, что вопреки воли мужа, уехала на фронт, чтобы работать в организации Красного Креста. Кремнев был очень растроган этой историей, заботливостью, аглавное милыми глазами сестры милосердия и попросил разрешения изредка посещать перевязочнопитательный пункт и ее лично.

Молодая женщина улыбнулась и слегка кивнула головой в знак согласия. Так Кремнев приобрел приятное знакомство неподалеку от места расположения его батареи.

Павленко тоже познакомился с Ветровой и недавно прибывшей новенькой сестрой Осипенко. Вскоре он и его командир зачастили в Бронники, став там желанными гостями. Ирина Осипенко недавно окончила гимназию, курсы сестер милосердия и, к великому ужасу своей матери, вдовы недавно умершего адвоката,отправилась на фронт.

Ветрова была всего на два года старше Осипенко,однако в отряде она давно занимала должность старшей сестры, и Ира оказалась в ее подчинении.

...Кремнев и Павленко вошли под навес,служивший столовой передпвого перевязочного отряда Союза городов, приданного 102-й дивизии. Здесь их радушно встретили обе молоденькие сестры милосердия и, пригласив к чаю, стали усердно угощать бутербродами и печеньем.

- При всем моем волчьем аппетите, больше не могу... - взмолился Павленко.

- Наш Боб, очевидно, сегодня не здоров: съел всего десяток бутербродов и осушил полдюжины стаканов чаю, - смеялась Ирина. Ее вздернутая верхняя губа обнажили острые белые зубы.

- Диагноз установить не трудно: он влюблен. И в кого - догадаться еще легче. Посмотри,Иринка, какими глазами он на тебя смотрит, - с улыбкой проговорила Ветрова. - Бедняга, он так страдает, что совсем потерял

аппетит.
- Скорее это я страдаю от тоски по вас, Татьяна Владимировна. - Кремнев не сводил восхищенных глаз с Ветровой.
- Я замужем!-спокойно сказала она и показала обручальное кольцо.
- За мифическим мужем!
- Увы, вполне реальным, который к тому же никак не хочет дать мне развод.
- Скажите, где он и я моментально освобожу вас, - пылко проговорил прапорщик.
- Вы-то тут причем, Боб?
- Для своего командира я готов на все, даже на самоубийство, - шутливым тоном ответил Павленко.
- Ой, какие страсти вы говорите! - лукаво играя черными, как агат, глазами, сказала Ирина.
Прапорщик в шутку состроил свирепую физиономию. Все захохотали.
- Правда, чтоскоро начнется наступление?-справилась Ветрова.
- Вот уже четыре месеца, как я веду ожесточеннейшие атаки на ваше сердце, Татьяна Владимировна, - ответил Кремнев.
- И совершенно безуспешно, Александр Васильевич! Все ваши атаки и впредь будут отбиваться с огромными потерями для вас, - улыбнулась Ветрова.
- В ближайшее время я подвезу тяжелую артиллерию своей боевой славы, и вы принуждены будете сдаться на милость победителя, - пригрозил Кремнев.
- Вы итак окружены ореолом героя, но это на меня мало действует, - ответила Татьяна Владимировна. - Если вы действительно начнете наступать против немцев, то наш отряд двинется непосредственно за сто второй дивизией...
- ...Вместе с нашей батареей, - живо добавил Павленко.
- Мы вам не товарищи! Вы, артиллеристы, народ шумный, все время стреляете, раненые этого не любят. Скорее мы пойдем за пехотой, - сказала Ирина.

- В таком случае наша батарея пойдет рядом с вами. Мы тоже двинемся за пехотой, - не унимался прапорщик.
- Нет уж избавьте хоть в наступлении от вашего общества.
- Как вы нас гоните? Подобное оскорбление смывается лишь поцелуями, - наступал прапорщик на раскрасневшуюся от удовольствия Ирину.
- Нам пора домой, - взглянул на часы Кремнев, поднимаясь из за стола.
- Нет ли у вас новых газет, а то мы ничего не знаем, что делается на свете.
- Так скоро? - разочаровано проговорила Ирина. - Ирочка, принеси, пожалуйста, последние номера газет "Киевской мысли" да попробуй стащить у Емельянова "Русское слово", - распорядилась Ветрова.
Девушка исчезла.
Откинув брезентовую полу, которая прикрывала вхд под навес, офицеры вышли во двор. После освещенной столовой ночная темнота показалась им особенно густой и плотной. Кое-где проглядывали очертания черных силуэтов деревьев, хат. На черном небе ярко мерцали крупные звезды.
Кремнев и Павленко медленно направились к воротам, вслед за ними вышла из столовой и Ветрова.
- Кликни-ка, Боб, вестового с лошадьми, а я подожду здесь, - попросил Кремнев.
Прапорщик направился к соседнему двору и громко крикнул вестового. Из глубины сада показалась коренастая фигура солдата. Рядом с ним мелькало светлое женское платье.
- Сию минуту, вашбродие, - отозвался солдат и направился к лошадям. - вот только хозяйка откроет ворота.
- Танюша!-страстным шепотом говорил Кремнев, сжимая маленькую и холодную от волнения руку сестры. - Немучьте меня, скажите - свободны вы или нет?
- Увы, Александр Васильевич, я занята, и вы это знаете. Муж собирается приехать сюда с какой-то научной химической комиссией. Они будут исследовать состав немецких отравляющих газов, - так же тихо и, казалось, спокойно ответила Ветрова.

Подошла Осипенко с пачкой газет в руках.

- Вытащила у Емельянова не только "Киевлянина" и "Русское слово", ни и петербургскую "Речь", - с торжеством сообщила Ирина.

- Очень, очень вам благодарен, - с чувством поблагодарил Кремнев - Правда, "Киевлянина" я никогда не читаю. Это черносотенно-погромная газета самого низкого пошиба.

- Вы придерживаетесь либеральных взглядов?-спросила Ветрова.

- К черносотенцам себя не причисляю. Я сторонник мирного обновления нешего государственного строя, - ответил капитан.

- А я социалист, - вмешался Павленко.

- Вы, Боб, просто-напросто... дурачек. Куда вам соваться в политику!

- фыркнула от смеха Осипенко.

- Вы не верите? Помянете мое слово: если после войны случится революция, то вы увидите меня на барикадах с красным флагом, - пылко уверял прапорщик.

- Уцелейте сначала во время войны, - спокойно заметила Ветрова.

- Пока что вся революционность Боба заключается в том, что он готов ухаживать за всеми встречными девушками, - съязвил Кремнев.

- Ах, так!-подхватила Ирина. - Значит, он ветрогон, которому нельзя верить?

- Я думала, что ты наблюдательнее, Ира, - обняла подругу Ветрова.

Девушка обижено замолчала.

Вэто время вестовой подвел лошадей.

Застоявшиеся в ночной прохладе лошади нетерпеливо топтались на месте и громко фыркали. Кремнев и Павленко легко вскочили в седла и, пожав на прощание руки сестрам, широкой рысью двинулись по дороге.

- Тебе Ирина, Боб, не говорила, что за муж у Татьяны Владимировны?- задумчиво спросил Кремнев, когда они проехали деревню. - Кто он?

- Упоминала вскользь, что он известный профессор, что-то лет на двадцать старше своей жены, но тем не менее она его очень любит, - ответил Павленко.

- не почему-то этому не верится, - проговорил капитан.

Остальную дорогу оба приятеля молчали, погруженные в свои думы.
Прапорщик по молодости мечтал о невероятных подвигах, которые он совершит в первом же бою этого грандиозного наступления.
"Да, именно грандиозного!-думал Павленко, горяча свою лошадь. - Я, конечно, маленький человек, всего только прапорщик, но и я вижу, какое большое готовится наступление, как стягивают части пехоты, сколько нам подбросили вооружения. А не днях,говорят, к нам прибудет какая-то сверхтяжелая артиллерия.Это, дорогой Боб, тебе не фунт изюма! Хорошо бы тебе, дружище, в этих частях послужить, Да впрочем, нет, - мне и здесь хорошо! Ведь главное - учавствовать в историческом наступлении. А что оно будет историческим - это определенно. Ведь не даром командующий фронтом сам генерал Брусилов".
И Боб Павленко, взволнованый своими мыслями представил себе, как он , увенчаный славой героя, предстанет перед Ириной. Она после этого, конечно, разрешит ему поцеловать себя. Кремнев не мечтал о боевой славе, он решал мучительный для него вопрос: любит ли его Таня, или ему только кажеться.
Он вспоминал ее ласковые теплые карие глаза, и надежда загоралась в его душе. "Но голос, почему такой спокойный голос?-в который раз спрашивал он себя, чувствуя, как холодеет его сердце.
Вернувшись на батарею, капитан справился у дремавшего на постели Крутикова, не было ли новых распоряжений от начальства, и передал привезенные с собою газеты. Штабс-капитан с жадностью накинулся на них, забыв про сон. Быстро просмотрев киевские газеты, Крутиков впился в "Русское слово", вчитываясь в каждую статью.
- Большие умники кадеты. Вот бы создать ответственное перед Государственной думой министерство во главе с Павлом Николаевичем Милюковым! Он живо бы прибрал к рукам Гришку Распутина вместе с царицей.
Тогда мы наверняка кончили бы войну если не в нынешнем, то в следуюшем году. Побывали бы в Берлине, посмотрели бы на немецкие порядки и вернулись бы домой, - вслух мечтал штабс-капитан.

- Ты поступил бы в Академию Генерального штаба, а я - в артиллерийскую, - подхватил его мысль Кремнев.
- А я женился бы на Ирочке, - отозвался Павленко.
- Так она и пойдет за такого дурачка , как ты, - охладил пыл прапорщика Кремнев. - Ложись-ка лучше спать, а то завтра нам рано вставать.
- Слушаюсь, господин капитан, - официально отозвался обиженый прапорщик.
Сам Кремнев тоже лег спать, приказав разбудить себя на рассвете.

16

Было четыре часа утра, когда Кремнев с Павленко вышли на двор умываться. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но золотисто огненный пожар зари уже загорался на небосклоне. Деревья и травы блистали алмазными капельками утренней росы. В бездонной глубине утреннего чистого неба неслась радостная песня жаворонка. С запада тянул чуть заметный ветерок, едва шелестя верхушками деревьев. Воздух был необычайно прозрачен, на десятки километров четко виднелось каждое дерево. Грудь дышала глубоко и свободно.
- Чудно! Чудно! - сказал дежуривший на батарее сологубенко, подходя к своему командиру. - И какой дрянью должен быть человек, чтобы пакостить войной это великое создание природы!-показал он рукой вокруг.
- Что это ты расфилософствовался, Леня?-удивился Кремнев.
- Какая тут философия! Я художник и восхищаюсь прекрасным утром. Где нам, жалким рисовальщикам, ровняться с этими чудесами природы! Нет, никогда не сможет человек создать такое богатство красок, тонов, такую гармонию, - Сологубенко рукой описал большой квадрат неба, - вот такую!
Написать бы - и можно умереть, ибо имя твое станет бессмертным.
- Мы с Павленко сейчас уйдем на передовой наблюдательный пункт, а тебя я попрошу остаться за старшего на батарее, - прервал сологубенко

капитан.

Художник разочаровано вздохнул и начал торопливо собираться.

В воздухе послышалось гудение мотора, ивысоко вверху, чуть поблескивая на солнце, показался немецкий самолет. Он, гигантская птица, распростер свои крылия, зорко всматриваясь в еще погруженные в утреннюю дрему поля и леса. Изредка в небе раздавались короткие пулеметные очереди, которыми немец подавал своим какие-то сигналы.

Кремнев тревожно обернулся в сторону батареи, на которой уже суетились солдаты.

- Как бы немец не заметил нас сверху! Передай, Боб по телефону, чтобы люди не ходили около орудий, пока в воздухе кружит самолет.

Солнце уже выглянуло из-за горизонта и осветило землю первыми, еще нежаркими, красноватыми лучами, когда Кремнев и Павленко добрались до пехотных окопов.

- Хорошо будет пристреливаться, - бросил Кремнев.

- Да, быстро закончим пристрелку. Утром солнце светит нам в спину, а немцам в глаза, и они не смогут разглядеть, где расположен наш наплюдательный пункт.

В блиндаже Хоменко артиллеристы застали уже в сборе командиров батальйонов и рот, которые должны были первыми атаковать немецкие окопы.

Полковник неторопливо излагал свой план наступления и указывал на карте направление движения подразделений самого полка.

- Нам дан участок протяжением по фронту всего триста сажен. Впереди пойдут разведчики и гренадеры, затем уже роты в густых цепях, следуя одна за другой на растоянии полутороста - двухсот шагов. Я намечаю двинуть один за другим первые три батальена, четвертый же батальен останется в моем частном резерве, - появнил Хоменко.

- Как же мы полезем на десять рядов колючей проволоки, да еще сомкнутым строем?-спросил один из офицеров. - Нас моментально перекосят из пулеметов!

- Наши друзья артиллеристы проделают в проволоке три прохода на

атакуемом участке: справа, посредине и слева, а тяжелые батареи разрушат первую линию вражеских окопов и заставят молчать немецкие батареи. Только после этого мы двинемся вперед. Послушаем теперь командира батареи, как он собирается действовать при наступлении.

Кремнев подробно рассказал, как будет происходить артиллерийская подготовка наступления, условился об организации связи снаступающими ротами и попросил точно указать, где надлежит сделать проходы в проволоке.

Пехотные офицеры задали ему множество различных вопрсов, уточняя детали связи и сигнализации. Когда беседа закончилась, Кремнев отправился на передовой наблюдательный пункт и осторожно, чтобы не привлечь внимание противника, двумя-тремя выстрелами пристрелял батарею по нужным направлениям. Затем он приказал записать исходные данные для стрельбы.

- Теперь можно и домой. Я думаю, что мы за полдня пробьем все проходы, израсходовав по пятьсот - шестьсот гранат на каждой из них, - прикинул он вслух. - Если я выбуду из строя, ты заменишь меня на наблюдательном пункте.

- Слушаюсь! Я сегодня внимательно следил за всей пристрелкой и хорошо запомнил, где нужно разрушать проволоку. Только прошу вас: берегите себя в бою, - просил прапорщик.

Было уже около полудня, когда они вернулись на батарею. Солнце немилосердно припекало. Люди и лошади укрывались от жары в тени деревьев.

Батарея казалась вымершей. Фронт молчал. Воспользовавшись этим, Кремнев и Павленко занялись уточнением организации связи с пехотой во время наступления. Сологубенко чертил различные панорамы, иллюминовал карты.

Крутиков с фельдфебелем обсуждал текущие хозяйственные вопросы. Солдаты чинили одежду, стирали белье или просто вели нескончаемые разговоры о том, скоро ли выйдет "замирение" и дадут ли им после войны землю.

Среди призваных из запаса солдат были и участники русско-японской войны. Первую революцию они пережили,находясь в рядах армии. Видели и волнения рабочих, и крестьянские востания, в госпиталях, на фронте в окопах встречались с интересными людьми - большевиками, агитаторами. Над многим приходилось задуматься солдатам, и поэтому теперь они лучше других разбирались в политике, событиях и имели свое мнение о том, что будет после войны.

- Никакой прирезки земли не будет, коли мы ее сами себе не прирежем!

- неторопливо говорил наводчик Солопов, Георгиевский кавалер еще за японскую войну. - Воюем мы, братки, свою кровь проливаем, а доходы от войны получают генералы да помещики: генералы - чины, кресты, ордена, а помещикиденьги. Им почет и уважение, а нам только деревянные кресты да три аршина земли.

- Пусть бы тогда генералы да помещики войну воевали, а нас отпустили по домам, - заметил еще не старый кадровый бомбардир-наводчик Грунин.

- Без солдатской кровушки войны не будет. Господа не больно охочи свою проливать. На то, мол, мужик нужон, чтоб было кого убивать за Росею-матушку да за царя-батюшку, - заметил рядовой Кедров, из луганских рабочих.

- А мы все враз домой подадимся. Пущай, кому охота, в окопах вшей кормят, - вмешался в разговор телефонист Петров.

- Так тебя, дурака, и отпустят с фронта. На войне, брат, все продумано. Вперед на немца бежать разрешается, а как в тыл подашся, тебя мигом схватят жандармы да полиция. На то они и поставлены. Они знают: коль солдат побежализ окопов, то их заместо солдат пошлют на фронт кому же охота свою шкуру под пули подставлять? Тебя словят и начальству представят: так, мол, и так - дезертир, надобно его поскорей обратно в окопы загнать, а то некому господ от немца защищать, - пояснил Кедров.

- Да, дело тут темное... Ну, мне надо идти в пехоцкие окопы, сменять телефониста. - И Петров отошел.

Приближение Крутикова заставило солдат замолчать. Штабс-капитан,

заметив на траве окурки от солдатских цигарок и мелкие бумажки, приказал тщательно подмести около орудий.

- Что твой театр: ни плюнь, ни окурка наземь не брось, - ворчал Солопов, подметая около своего орудия.

Когда все было убрано и подметено, Крутиков успокоился и ушел.

Уже в сумерки к дому лесника подъехала группа всадников, оказавшихся командирами и офицерами тяжелой батареи, приданной 102-й дивизии. Они сообщили, что батарея подойдет на рассвете, и, чтобы не терять даром времени, принялись по карте знакомиться с лежащим впереди участком фронта.

За ними прибыли офицеры 39-го мортирного дивизиона, тоже направленного в район расположения 102-й дивизии.

Офицеров угостили чаем, подробно рассказали им о расположении наших и немецких окопов и, в ожидании подхода батарей, предложили вздремнуть на сеновале.

- Подваливают, однако, батареи на наш участок. Видимо, ему придается большое значение, - заметил Кремнев, когда офицеры ушли.

Крутиков взглянул на часы. Было уже около полуночи.

- Надо думать, что сегодня никто больше нас не навестит, - проговорил он, - можно, пожалуй, и на боковую.

Через десять минут все спали на походных кроватях, а еще через четверть часа к домику подкатил автомобиль, и в дверь громко постучались.

- Прошу прощения за бесспокойство, - прогудел густой протодьяконовский бас, и в комнате появилась огромная фигура в кожаном пальто. - Командир особой тяжелой батареи капитан Борейко прибыл для выбора позиции в этом районе.

Кремневу пришлось снова подняться и зажечь свечу. Он пригласил Борейко присесть к столу и развернул свою карту.

- У нас уже побывал один командир тяжелой батареи. Сейчас он спит в сарае.

- Какой части?-спросил приезжий.

- Первого тяжелого дивизиона шестидюймовых гаубиц.
- У нас калибр немного побольше - двенадцатидюймовые английские гаубицы Виккерса, - усмехнулся Борейко.
- Ого! Я даже не слыхал еще о таких пушках, - вскочил с постели Павленко. - Нельзя ли на них посмотреть?
- Отчего же нельзя? Через час батарея подойдет. Завтра днем вы их увидите во всей красе и мощи.
- Вы, если так можно выразиться, сверхтяжелая артиллерия, - улыбнулся Кремнев.
- Около того.
Постучавшись, в комнату вошел еще один офицер - высокий поручик со спокойными ясными глазами на загорелом, румяном лице.
- Знакомьтесь, господа, - мой старший офицер, поручик Звонарев, - представил его Борейко.
- Сергей Владимирович? - сорвался с постели Сологубенко. - Вот уж не ожидал вас здесь встретить! - и художник, как был в нижнем белье, полез обнимать поручика.
Расцеловались, затем художник засыпал звонарева вопросами.
- Почему вашу батарею направили сюда? Как поживает Варвара Васильевна? Я слыхал, что она теперь находится на фронте?
- Да. Узнав, что наша батарея придается сто второй дивизии, она выпросила себе назначение в передовой перевязочный отряд Союза городов, который стоит где-то здесь поблизости.
- В деревне Бронники! В этом отряде работают сестры Ветрова и Осипенко, - сразу оживился прапорщик. - Вы их, конечно, знаете, господин поручик?
- Представления не имею. Чем знамениты эти особы?
- Ничем, кроме того, что в одну из них влюблен наш Боб, - пояснил Сологубенко.
- Поди сюда, Сережа, - подозвал поручика Борейко. - Покумекаем, где нам разместить на ночь орудия, автомобильный парк и нашу колбасу. Мы должны дествовать главным образом на участке четыреста восьмого

полка, вот тут, около железной дороги.

Офицеры склонились к карте.

В раскрытое окно донесся шум бешено мчавшегося мотоцикла, и вдали сверкнул огонек фары.

- Что за сумасшедший так несется в ночной темноте? - взглянул в окно Кремнев. - Этак недолго и сломать себе шею.

- Не иначе, как твоя супруга, Сережа! - буркнул Борейко Звонареву.

- Варя собиралась приехать только утром, а не сейчас.

- Между тем шум мотоцикла стремительно приближался, в окне мелькнул свет, и выключенный мотор сразу замолк. В следующую минуту раздался энергичный стук в дверь, и громкий женский голос спросил:

- Можно войти?

- Сию минуту, - испуганно отозвался за всех Сологубенко, торопливо одеваясь.

Офицеры засуетились, поспешно приводя себя в порядок.

- Прошу! - распахнул двери Кремнев.

В комнату вошла Варя, в кожаной куртке, с повязкой Красного Креста на левом рукаве. На лбу красовались автомобильные очки, из-под берета упрямо выбивались локоны волос. Звонарева окинула взглядом присутствующих, подошла к Борейко, который по-прежнему продолжал рассматривать карту, и слегка хлопнула его по плечу.

- Здравствуйте, Боречка! - приветствовала она капитана.

- Здравствуйте, Варенька! Прилетели-таки на своем трескучем помеле? - неторопливо поворачивая голову, ответил Борейко.

- Не вытерпела, так соскучилась по вас!

- И я, как видите, извелся от тоски! - в тон ей отозвался капитан.

- Здравствуйте, Леонид Романович! Познакомьте меня с вашими сослуживцами.

Художник поспешил представить Варе офицеров.

- Звонарева, - крепко, по-мужски, встряхивала руку Варя.

Потом подошла к мужу, молча обняла его, прижалась щекой к груди.

- Где же застряли мои девочки? - обернулась она к двери. - Таня, Ира,

идите сюда!

Услышав эти имена, Павленко поспешил к двери и ввел обеих сестер милосердия. Вид у них был довольно растрепанный и испуганный.

- Мы все еще не можем прийти в себя после бешеной скачки на мотоцикле. Думали, что и в живых не останемся, - оправдывались они, оправляя платье, волосы и косынки.

- Зато в двадцать минут долетели до места!

- Как же ты их двоих привезла на одном мотоцикле? - справился Звонарев.

- Очень просто: посадила одну в каретку, а другую на багажник. А теперь, - обернулась Звонарева к офицерам, - прошу вас, милостивые государи, немедленно очистить это помещение. Здесь будет развернут перевязочный пункт. Даю вам четверть часа на сборы, - безапелляционно закончила Варя.

- Позвольте, я протестую, - возразил Кремнев. - Тут расположились офицеры трех батарей: моей, мортирной и тяжелой. Сейчас ночь, темно, и переселение в другое место весьма затруднительно.

- Согласно приказу по сто второй дивизии, перевязочный пункт должен быть открыт здесь к пяти часам утра. Сейчас половина первого.

Только-только хватит времени, чтобы привести в поряжок этот свинушник. - Звонарева махнула рукой на почерневшие от копоти стены.

- Об этом мне ничего не известно, - возразил было Кремнев.

Звонарева выхватила из карманасложенную бумагу и, развернув ее, ткнула в нее пальцем.

- Читайте пункт двадцать второй, а затем без долгих размышлений поскорее выселяйтесь отсюда.

Кремнев принужден был подчиниться и велел крикнуть денщиков.

- Дайте мне хоть с картой разобраться, - взмолился Борейко. - Сергей, да укроти ты служебный пыл своей супруги.

- Зачем, Варя, в самом деле, так торопиться? До утра времени еще много.

- А грязи в этом хлеву еще больше. Уборки хватит до завтрашнего вечера, не то что до утра. Марш отсюда!-холодно проговорила Варя.

Мужчины, охая и ворча, стали выходить из комнаты. Павленко хотел увести и Иру, но девушка испугано запротесовала:

- Пустите, а то мне здорово влетит. Видели бы вы, как она сегодня распушила за медлительность нашего уполлномоченого Емельянова! Тот совсем растерялся и не знал, что ей ответить, - шепотом сообщила Ира. - И откуда ее принесло на нашу голову? Жили тихо, мирно, а изволь теперь скакать, как блоха, с места на место.

- А мне эта особочка определенно понравилась. Из нее вышел бы лихой командир батареи, заметил Павленко.

- Вы прсто глупы, Боб, - обиделась Ира. - Звонарева врач, говорят не плохой хирург, любит делать самые рискованные операции, и с успехом, но все же она нам не командир, и мы ей не солдаты.

- Это чисто женская логика. На войне все разделяются на командиров и подчиненных. Поняли, миледи?

- Убирайтесь немедленно вон отсюда! Варвара Васильевна, велите ему уйти, а то он упирается, - разозлилась Ирина.

Прапорщик исчез за дверью.

К домику подъехал еще мотоцикл, и кто-то громко спросил Борейко.

- Здесь!-крикнул капитан в окно.

- Ох, испугали меня!-даже вздрогнула от неожиданности Варя.

- Разрешите доложить, - раздалось из комнаты. - Батарея подходит.

- Воздухоплавательная команда не отстала?

- Никак нет! Аэростат и газгольдеры идут вместе с батареей.

Здравствуйте, тетя Варя!-произнес вск тот же голос. - У окна появилась высокая плечистая фигура запыленного офицера.

- Прошу познакомиться. Мой приемшик Василий Александрович Зуев, или просто Вася, студент четвертого курса технологического института в Петербурге, - представила она сестрам офицера, который улыбался стоя перед открытым окном хатки.

Когда наконец денщики все вынесли из комнат, Звонарева еще раз осмотрела потолок, стены и, вздохнув, произнесла, обращаясь к сестрам:

- Начнем с побелки. Где наша известь?

Через десять минут, переодевшись в белые халаты, все трое неумело, но старательно мазали кистями стены и потолок. Запобелкой последовало мытье полов.

Выйдя из домика, Борейко со Звонаревым и Зуевым потихоньку пошли на встречу батарее. Издали уже доносился гул многочисленных моторов. В темноте виднелась длинная цепь автомобильных фар. От нее отделилось десятка полтора светлых точек, и послышался треск мотоциклов.

- Это разведчики выехали вперед, - пояснил Зуев.

- До утра расположимся всей батареей вдоль опушки леса, а с рассветом выясним, где поставить наши пушки, - решил Борейко.

- Слушаюсь!-вытянулись офицеры и пошли навстречу мотоциклистам.

Когда разведчики подъехали, порутчик указал, куда вести батарею, и мотоциклисты умчались к подходящей колонне.

Через четверть часа подошли тягачи, влекущие за собой лафеты орудий на огромных колесах с широченными пластинчатыми ободами. За ними на машинах отдельно везли тела орудий. Далее двигались несколько десятков автомобилей с солдатами, боеприпасами и хозяйственным инвентарем. В полуверсте за колонной, чуть проступая в ночной темноте, плыли по воздуху прикрепленный к автомобилям аэростат и два газгольдера. Лес сразу ожил, наполнившись шумом моторов и голосами людей. Прошло около часа, пока все разместились на указанных местах и суета постепенно начала утихать.

- Вели, Сергей Владимирович, разбить нашу палатку возле орудий, а ты, Вася, останешься около колбасы. Пуще всего смотри, чтобы поблизости не разводили огня, - распорядился Борейко.

Павленко, который все это время вертелся около батареи и восторгался ее техническим оснащением, идя к себе домой, с сожалением подумал: "Вот бы нам вместо лошадей да тягачи с мотоциклами! Можно было бы смело маневрировать, появляясь в неожиданных для противника местах. Вот это было бы дело!"

Когда он поравнялся с домиком лесника, то услышал громкий голос Звонаревой, отчитывающей уполномоченного отряда.

- Опять вы бог знает как долго копались, Герасим Зиновьевич! Если бы я заранее не приехал сюда, то до утра пункт едва ли был бы развернут. С такими порядками на войне мириться нельзя.

- Это уж моя забота, сударыня. Вы хирург, и прошу в мою административную деятельность не вмешиваться, - вспылил Емельянов.

- Ваше разгильдяйство граничит с преступностью! - громила Варя Емельянова.

На крик сбежались сестры и начали успокаивать своего начальника и расходившуюся Звонареву.

- Неужели вы до сих пор все еще занимались побелкой? - подошел к ним Павленко.

- И мытьем полов также, - добавила Ира. - У меня с непривычки страшно разболелась спина, не знаю, как я завтра буду работать.

- Отоспитесь до утра, - отозвалась Звонарева, - на войне с усталостью не приходится считаться, - и с Ветровой вышла из домика.

- Боевая особочка, - кивнул Павленко вслед Звонаревой. - Скоро вас совсем загоняет, поняните мое слово.

- Зато с ней работать весело. Сама все делает: белит, моет полы, не дерет нос, держиться с нами по-дружески, - сказала Ира.

- Муженек ее совсем другого характера - спокойный, выдержанный, простой и любезный. Мне эти "двенадцатидюймовые" офицеры определенно понравились, - проговорил Боб.

- А мне приглянулся Вася Зуев, - вскользь бросила Ира.

- Он, по-видимому, слишком много о себе воображает! - заметил Борис.

- Не больше, чем вы!

Простившись с девушкой, Павленко направился ночевать на батарею.

Солдаты спали прямо на земле около своих орудий, только дежурные телефонисты и дневальный коротали ночь около костра. К ним присоединился и прапорщик.

- Должно быть, скоро будет большой бой? - неторопливо спросил дневальный наводчик Солопов. - Больно много подвезли сюда всяких пушек.

Даве баяли, что прибудут сюда пушки самые агромадные, какие есть в Расее.

Павленко рассказал им о гаубицах Виккерса.

- И далече они бьют? - спросил телефонист Тонких.

- На двадцать верст, снаряд весит почти пятьдесят пудов и разбивает любое бетонное перекрытие.

- Телефоны у них тоже особенные, беспроволочные, с ручкой, как на телеграфе, - сообщил Тонких. - Такой телефон всегда будет действовать: проводов нет, значит немцу нельзя и повредить, разве попадет в самый телефон.

Особенно поразил солдат привязной аэростат.

- На нем поднимешься до небес и все увидишь. Потом как вдаришт с самой большой пушки, тут немцу и прийдет конец, - мечтал наводчик.

Павленко, как всегда, внимательно прислушивался к солдатским разговорам и не перебивал их. По своей молодости он годился в сыновья большинству бородачей-запасных. Понимая это, прапорщик старался поменьше командовать и побольше советоваться с солдатами, особенно с фейерверкерами. Последних он, подчеркивая к ним уважение, неизменно величал по имени и отчеству. Это нравилось солдатам, которые ласково называли прапорщика "наш стригунок".

- Молодой он, и хочеться ему все время скакать по-жеребячему, а как до дела - нас, стариков, слухает. Подрастет, войдет в разум, геройским командиром будет, вроде нашего Кремня Васильевича, - говорили они между собой.

Незаметно летела тихая теплая ночь. Высоко поднявшись на небе, стожары начали опускаться к горизонту. Под мерный журчащий разговор солдат прапорщик уснул около костра. Солопов заботливо укрыл его своей шинелью.

- Умаялся, видать, наш стригунок-то! - проговорил солдат и подсел поближе к костру. - Теперь можно и про интересное прочитать.

Солопов вытащил из-за пазухи сложенный в несколько раз листок, развернул его, тщательно разгладил и при свете костра стал внимательно

читать:

- "Товарищи солдаты! Двадцать месяцев уже продолжаеться бойня, затеянная в интересах жадных до наживы капиталистов - палачей всех стран.

На полях сражений гибнут миллионы ваших товарищей, в то время как в тылу шайки бессовестных грабителей безнаказанно разоряют и обирают ваши семьи, заработанные ими трудовые гроши и составляют себе многомиллионные богатства. Они щедро платят палачам, чтобы наемкики, защищая капиталистов, вешали и ссылали в Сибирь на рудники ваших товарищей, сопртивляющихся организованному грабежу. Они наполняют тюрьмы всеми, кто оказывает им сопротивление. Расстреливают и казнят тысячи солдат, требующих конца войны. Мы не хотим больше крови, не хотим слез и горя, не хотим больше переносить ужасы войны. Товарищи, нашу кровь отдадим делу борьбы с заклятыми врагами - банкирами, заводчиками и помещиками. Отдадим свою кровь делу борьбы за свободу народа. Долой царскую монархию. Да здравствует социальная революция! Да здравствует республика!

Донской комитет РСДРП (большевиков)".

Солопов еще раз внимательно прочитал листовку, аккуратно ее спрятал и решил в ближайшие дни ознакомить с ней своих единомышленников-солдат.

- Скоро засветает. Пора будить артельщика. Пока чай согреет - уже и побудка будет, - сказал он после короткого раздумья и поднялся от костра.

А солдаты, молча глядя на костер, продолжали каждый по-своему обдумывать услышанное.

17

Первое, что увидел Кремнев на батарее, выйдя утром из своей палатки, была длинная вереница обнаженных по пояс солдат, которые по очереди подходили к Звонаревой. Она внимательно осматривала каждого из них,

разглядывала белье и делала какие-то замечания почтительно слушавшему Павленко.

- Это что? - удивленно спросил капитан у своего денщика.

- Дохтурша осмотр делает, нет ли вшей или каких заразных больных.

- Я нашла ваших людей, Александр Владимирович, в полном порядке - все здоровы, хорошо кормлены, чисты и опрятны. Нет чесоточных. Приятно на них смотреть, - вместо приветствия проговоррила она.

- Разрешите узнать, почему, собственно, вас заинтересовало здоровье людей моей батареи?

- Надо знать, нет ли вблизи перевязочного пункта очагов инфекционных заболеваний, - пояснила Варя. - Позвольте мне теперь осмотреть людей на передках.

Польщенный похвалой, капитан не замедлил согласиться и пошел вместе с ней. Осмотрев ездовых, яшичных и коноводов, Варя и здесь не нашла ничего подозрительного.

Простившись с Кремневым, Варя вместе с Павленко направилась к батарее Борейко. Несмотря на ранний час, работа там шла полным ходом. Сам капитан руководил установкой своих огромных пушек. При помощи высоких домкратов тела орудий укладывались на лафеты, затем пушки маскировались сверху ветками и зеленой листвой. Борейко, чуть прихрамывая, ходил возле орудий.

При дневном свете ясно выступали многочисленные шрамы на его лице, голове и шее. Движение левой руки тоже было явно затруднено.

- Где это так сильно изранили капитана? - спросил прапорщик.

- Давно, еще в японскую кампанию, при осаде Порт-Артура, - сообщила Варя.

- Нога, что ль побаливает? - подошла она к капитану.

- Всю ночь дергало, должно быть, к перемене погоды, - отозвался Борейко, пожимая руку Варе. - Ваш драгоценный Сережа осматривает автомашины, там и Вася.

Варя с Павленко пошли дальше.

Прибывшие ночью автомобили были тщательно укрыты под деревьями на

опушке леса; даже привязной аэростат и газгольдеры вместе с походным парусиновым эллингом скрывались среди высоких вековых дубов.

- Большие, однако, они мастера маскироваться. Кто бы мог подумать, что здесь расположиться целая двенадцатидюймовая батарея! - восхитился прапорщик.

- Борейко толковый и опытный командир, но с начальством плохо ладит, и ему не дают хода, - сказала Варя. - По существу, он давно должен был бы командовать дивизионом, если не бригадой, а его держат командиром батареи.

Ну, вот и мой грозный муж и повелитель. Здравствуй, Сереженька, - ласково приветствовала она своего супруга.

Звонарев, окруженный солдатами, с испачканными в масле руками, обходил одну за другой машины, заглядывал в моторы, пробовал покрышки. Заметив жену, он расплылся в улыбке.

- Приложи к моим губам твою лапку, Варенька, а то я грязен, как черт, - ласково сказал он жене и нежно поцеловал ее руку.

Поговорив с мужем, Варя пошла с Павленко вдоль опушки леса. Через несколько шагов она наткнулась на мотоциклистов, которые усердно чистили и перебирали свои машины. К ней подошел Блохин и глубоким, чуть глуховатым баском поздоровался.

- Здравствуйте, Филипп Иванович! - крепко тряхнула его руку Варя. - Покажите-ка мне ваши новые машины.

- Вот американские, развивают скорось до шестидесяти верст в час, - показал Блохин.

Варя присела на землю и стала внимательно разгляывать машину, слушая пояснения солдата.

- Что хорошенького привезли нам из Питера, Варвара Васильевна? - тихонько спросил Блохин у докторши.

- Привет вам от Ивана Герасимовича. Продолжайте и дальше вести вашу работу, но только осторожно, а то много товарищей за последне время попалось и топравлено кто на фронт в штрафные роты, а кто в ссылку в Сибирь! Есть литература из Питера и из Москвы. Зайдите вечером,

передам.
Как у вас здесь дела?
- В батарее совсем хорошо. уже с десяток человек постоянно читают и беседуют со мной на всякие политические темы - все больше о земле, есть кое-кто и в легких батареях. А вот в пехоте плохо: народ малограмотный, в бога веруют, царя чтут. Разговаривать можно с большой лишь осторожностью, - в свою очередь сообщил Звонаревой Блохин. - Связь-то с Иваном Герасимовичем как держать?
- Пока через меня, Филипп Иванович. Муженек и Борейко вам не мешают в работе? - справилась Звонарева.
- Капитан только просят быть осмотрительней. Дюже строго теперь с нашим братом поступают. Подпоручик Зуев еще молодые и без надобности свою революционность показать хотят. Вы его, Варвара Васильевна, малость к рукам приберите, чтобы он не рисковал зазря, - вполголоса предупреждал Блохин.
- Приберу его к рукам. Молод, горяч и пока неопытен, - проговорила Звонарева. - Филипп Иванович, мне можно прокатиться? - указала на мотоцикл Звонарева.
- Почему нельзя! Разве капитан заругают, так нам не впервой. Покричит и успокоиться. Сейчас выведу мотоцикл на ровное место.
Звонарева деловито повязала косынку на голове, достала из кармана автомобильные очки и, заведя мотор, легко прыгнула в седло. Проделав несколько поворотов около опушки, она весело крикнула: - Опля! - и стремительно понеслась по лесной дороге. Ветром у нее сорвало с головы косынку, растрепавшиеся волосю развевались кудрявой гривкой, но оона продолжала лететь на предельной скорости, низко склонив голову к рулю. Через минуту мотоцикл казался уже маленькой точкой на горизонте.
- Блохин, кто это умчался на машине? - неожиданно подошел Звонарев.
- Варвара Васильевна. Хотели попробовать новый мотоцикл.
- Напрасно дал. Не справится с незнакомой машиной, поломает ее и разобьется сама.

- Никак нет, они ловкие, хорошо умеют ездить.

Треск мотоцикла раздался с противоположной стороны, и через минуту Звонарева на всем ходу остановила машину около мужа.

- Чудесно прокатилась, прекрасная машина! - восхищенно проговорила она, слезая с мотоцикла. - Надо будет приобрести себе такой мотоцикл.

От быстрой езды ее лицо раскраснелось, возбужденные глаза ярко блестели. От нее так и веяло молодостью, здоровьем и энергией.

- Ты расшибешься когда-нибудь, если будешь носиться, как угорелая.

- Что же мне, миленький делать, коль я совсем схожу с ума от света, тепла, воздуха, простора? Знаешь, я начинаю подумывать, не поступить ли мне в летную школу. Летать, надо думать, еще приятнее!

- Час от часу не легче! - послышался сзади голос Борейко. - Мало вам мотоцикла, так вы и впрямь хотите лететь на шабаш на Лысую гору. Сидели бы вы, Варенька, себе в Питере, не знали бы заботы. Что вам делать на передовой?

- Чинить после драки таких забияк, как вы, - не осталась в долгу Звонарева. - Подберите, пожалуйста, мою косынку, - обернулась она к Павленко. - Я у вас осмотрю солдат. Вы ведь не возражаете? - обратилась она снова к капитану.

- Смотрите, коль вам это доставляет удовольствие.

Когда солдаты были выстроены, Звонарева начала осмотр и сразу же наткнулась на вшивых и чесоточных.

- Полюбуйтесь на ваших грязнуль, Борис Дмитриевич! Немедленно устройте им баню, прикажите сменить белье. Через день я снова побываю у вас, - объявила она, окончив осмотр.

Капитан был явно смущен и заверил ее, что немедленно все будет исправлено. Подхватив затем под руку мужа, Звонарева велела ему вести себя на кухню. И здесь она сделала несколько замечаний относительно грязи и мусора.

- вели, Сережа, немедленно убрать все это. - И, кивнув на прощание Борейко, пошла обратно.

Вскоре она встретила Павленко, который почтительно подал ей косынку.

- Вы, кажется, приударяете за Ирой? - неожиданно спросила она прапорщика.
- Не совсем... Мы, конечно, друзья... - запинался от смущения Павленко.
- ...Но я никаких серьезных намерений не имею, да? - закончила Звонарева. - Так и запишем и сообщим Ире. Головы девушкам кружить вы все мастера!
- Вы меня не так поняли. Я готов... Но надо, конечно, подождать конца войны. Вы только, пожалуйста, ничего не говорите Ирочке.
- Испугались, трусишка! А еще геройствовать в бою собираетесь. Так и быть - помолчу! - смилостивилась Варя.
Подходя к палатке Кремнева, они встретили сильно загорелого молодого артиллерийского капитана Бояровского, прихрамывающего на левую ногу. Он предупредительно пропустил вперед Варю и пожал руку вытянувшемуся перед ним прапорщику.
- Кто эта интересная дама? - тихо спросил Бояровский.
Прапорщик объяснил и предупредил:
- Не любит ухаживаний.
- Никогда не поверю, чтобы существовали такие женщины, - ответил капитан и вошел в палатку.
- Здравствуй, Александр Васильевич. Моя батарея стала несколько правее и сзади твоей, - сообщил он Кремневу. - Бояровский, - представился он затем Варе.
- Где расположена ваша батарея? Я завтра же произведу у вас медицинский осмотр, - объявила оторопевшему капитану Звонарева.
- У нас имеются в бригаде два врача, которые и следят за санитарным состоянием батареи, - возразил было Бояровский.
- Мне некогда их разыскивать, а с утра мы уже развернем перевязочный пункт, и я должна знать, нет ли у вас инфекционных заболеваний.
- Попал, брат, в медицинский переплет. Рекомендую сдаваться без сопротивления, - улыбнулся Кремнев.
- Я всегда рад видеть вас, мадам, у себя, - поспешил расшаркаться Бояровский.

- Я не мадам, а врач, и посещу вас не как гостья, а по делу. Прошу вас к семи часам построить людей. - и Звонарева вышла из палатки.

Вскоре подошли командиры мортирной и тяжелой батарей. Уже по дороге к Кремневу Варя успела и повидать их и договориться с ними об осмотре солдат. Оба командира были в восторге от ее решительности и энергии.

- Таких бы врачей нам побольше. Чистоты и порядка сразу бы прибавилось.

Через четверть часа к кремневской палатке подошел Борейко вместе со Звонаревым и Зуевым.

- Теперь все в сборе, не хватает только командира Кузнецкого полка, за которым стоят все наши батареи. Я думаю, мы должны с ним сообща обсудить все вопросы, связанные с предстоящими боями, - предложил Борейко.

Это предложение встретило всеобщее одобрение. За полковником отправили Павленко и в ожидании его занялись чаепитием. В центре всех разговоров было предстоящее наступление и участие в нем двенадцатидюймовой батареи Борейко. Таких орудий еще никто из присутствующих не видел, и офицеры просили после совещания подробно ознакомить их с материальной частью и техническим оборудованием батареи, на что Борейко охотно согласился.

С приходом полковника Хоменко должно было начаться совещание. Но едва полковник подошел, Борейко оглушительно рявкнул: "Смирно, господа офицеры!" - и подошел было, чтобы отдать строевой рапорт. Вдруг Хоменко радостно бросился обнимать капитана:

- Борису Дмитриевичу! Вы ли это? Опять нас с вами свела судьба!

Помните Восточную Пруссию в августе четырнадцатого года, под Бишоуфсбугом это было. И теперь увиделись вновь, чему я несказанно рад.

- В первый раз вы, Михаил Игнатьевич, были капитаном и командывали ротой, а сейчас вы уже полковник, командир полка. Если, бог даст, встретимся еще через год, вы наверняка будете генералом и командиром дивизии, - весело ответил Борейко.

- Хай ему грец, генеральству! Не люблю я этих чинов, - насупился Хоменко. - Одного уважаю - нашего командующего, генерала Брусилова. И потому верю, что это наступление будет удачным. Не зря прольеться кровь.

- За это я вас так и уважаю, дорогой Михаил Игнатьевич, - потряс руку полковника Борейко.

- Ну, давайте заседать, хотя я страшно не люблю эти занятия, - пригласил Хоменко офицеров в палатку.

Борейко, как старший, коротко сообщил о расположении артиллерии на участке 408-го полка, наметил задания для каждой тяжелой и легкой батареи и попросил полковника высказаться по этому поводу.

Хоменко, поглаживая свои длинные запорожские усы, неторопливо изложил, как и в чем должна помочь артиллерия его полку в предстоящем наступлении. После небольшого обмена мнениями все было окончательно выяснено.

- Легкие батареи пробивают по два прохода в проволокес в местах, указанных полковником Хоменко. Гаубичная и тяжелая батареи громят первую и вторую линии окопов и легкие батареи противника. Я из своих двеннадцатидюймовок разбиваю наиболее прочные опорные пункты, уничтожаю тяжелые батареи немцев, - резюмировал Борейко. - Эх, нам бы сюда еще хотя бы парочку дальнобойных пушек Виккерса или шнейдеровских шестидюймовок для обстрела по дальним тылам противника! Тогда ни один немец не ушел бы отсюда.

- Поговорю со штабом дивизии, попрошу генерала Микулина помочь нам в этом, - пообещал Хоменко.

- Да вот он, никак, сам! Легок на помине, - проговорил Кремнев, показывая на трех всадников, широкой рысью направлявшихся к позиции кремневской батареи, и поспешил навстречу начальству.

Высокого роста, не по годам стройный, генерал наскоро выслушал рапорт Кремнева и вместе с ним обошел батарею, громко здороваясь с солдатами.

Затем он направился к палатке, около которой стояли офицеры. Хоменко

доложил Микулину о совещании и ознакомил его с принятыми решениями.

Генерал быстро разобрался во всем.

- Господа, вам следует помнить, что на нашу восьиую армию возлагаеться задача - прорыв полосы укреплений противника и переход в наступление в общем направлении на Луцк - Ковель, - пояснил Микулин. - Командующий фронтом генерал Брусилов придает особо важное значение именно участку сто второй дивизии, которую он считает ударной. Мы должны приложить все усилия, чтобы оправдать это доверие. Поэтому я думаю, что ваша просьба о дальнобойных орудиях будет уважена и вам придадут хотя бы две дальнобойные пушки. Общее руководство артиллерийским огнем поручаю командиру двенадцатидюймовой батареи, на которую возлагаються наиболее сложные задачи. Теперь прошу вас, капитан, показать мне ваши чудовищные пушки, - обернулся Микулин к Борейко и вышел из палатки.

Когда генерал с офицерами подошел к месту стоянки тяжелых орудий, последние еще только устанавливались под руководством Звонарева. Солдаты поднимали тела орудий и укладывали их на лафеты, после чего начиналась сборка всей системы.

- Для того, чтобы собрать и отрегулировать такую пушку, необходимо располагать весьма солидными познаниями в области техники, - заметил Микулин.

- Поручик Звонарев по образованию инженер-механик, а подпоручик Зуев - студент четвертого курса технологического института, - доложил Борейко.

- А капитан Борейко прошел курс офицерской артиллерийской школы, - добавил Звонарев.

Борейко и Звонарев подробно ознакомили генерала и остальных офицеров с устройством своих гаубиц и их баллистическими свойствами.

- Все расположенные перед нами немецкие железобетонные опорные пункты легко и быстро будут разрушены моими пушечками, - любовно похлопал капитан гаубицу.

Это сообщение привело Хоменко в полный восторг.

- О, це дило дуже гано буде! Побьемо мы нимцив начисто, не правда ли, сынку? - обернулся он к Кремневу.

- Правда, правда, батько.

Заглянув затем на кухню, Микулин остался очень доволен царившей здесь чистотой и вкусно приготовленной пищей. Тепло поблагодарив Борейко, он уехал.

- Теперь я должен договориться с вами, господа, об условных сигналах для обозначения времени начала артиллерийского огня. Три часа будут обозначаться трепожником, четыре - столом, пять - пятистенком, шесть - шестигранником, семь - семисвечником. Получив такую телефонограмму, вы должны подготовить батареи к указанному сроку, - предупредил офицеров Хоменко.

- Мне приказано открывать огонь позднее всех, - заметил Кремнев. - Чуть ли не в двенадцать часов дня.

- Тогда вам сообщат... не подберу нужного слова с цифрой "двенадцать", - задумался Хоменко.

- Двенадцатиперстная кишка, - подсказала подошедшая Варя.

Все засмеялись.

- Вы уж тут как тут! - с комическим ужасом проговорил Борейко.

- Да, дорогой! К вам влечет меня неведомая сила, - шутливо сказала она.

Офицеры с веселыми улыбками следили за этой дружеской перебранкой.

Все направились к домику лесника.

У меня есть предложение о моральной подготовке войск к предстоящим боям, - проговорил Борейко. - Еще Наполеон говорил, что моральный фактор к техническому относится, как три к одному. Едва ли это соотношение сильно изменилось и в настоящее время.

- Я поручил офицерам разъяснить всем солдатам важность предстоящего наступления и сказать, что в случае успеха может быть закончена в этом году, - сообщил Борейко.

- Говорить с солдатами, конечно, нужно, но это, по-моему, не все.

Надо, чтобы солдат повеселился перед боем. Веселье придает русскому

человеку храбрость. Скучный солдат всегда труслив. Вы, Михаил Игнатьевич, прикажите сегодня вечером поиграть полковому оркестру что-либо веселенькое, плясовое, а я у себя устрою песни, игры и пляски, - продолжал развивать свою мысль Борейко.

- В своей батарее я это обязательно проведу, - горячо присоединился Кремнев.

- Устроим, значит, общими силами полка и артиллеристов вокально-музыкально-танцевальный вечер, - согласился Хоменко.

- Я вас, Михаил Игнатьевич, приглашаю станцевать со мной гопака, - обернулась Варя к Хоменко.

- Дуже старый я для цьего дила, моя кохана! Вы б узяли себе в пару моего сынка, - указал полковник на Кремнева.

- Его ждет не дождется Таня Ветрова, да и стара я для него. Тряхнем, что ли, с вами стариной, Боря? - обратилась Звонарева к Борейко, приветливо взглянув на него.

- Разве вы давно знакомы? - удивился Хоменко.

- С времен обороны Порт-Артура. Я его еще девчонкой перевязывала, этого лихого вояку. Да и не раз мы вместе отплясывали гопака на Залитерной батарее и Электрическом Утесе в минуты затишья.

- Сколько же вам лет, доню моя?

- Много, Михаил Игнатьевич, скоро тридцать стукнет, - вздохнула Звонарева.

- Больше двадцати пяти не дал бы я вам.

У домика лесника офицеры распрощались.

Из палатки, расположенной рядом со сторожкой, вышел Сологубенко.

Прищурив глаза, он смотрел на залитый солнцем лес, на белоствольные, с трепещущими нежными листьями березы.

- Варвара Васильевна, разрешите по старой дружбе нарисовать вас здесь, прямо в лесу. Вы - живое аоплощение женской красоты. В моем воображении вы сливаетесь с извечной красотой природы, - сказал художник, широким жестом руки показывая вокруг.

- Терпеть не могу позировать. Уж очень это скучно. Рисуйте лучше моего

муженька, он может сидеть на одном месте хоть целый день.
- Садитесь, Сергей Владимирович, сделаю набросок с вас, - предложил Сологубенко и вынес с палатки складное кресло.
Звонарев молча повиновался, поудобнее уселся в кресло.
- Сиди смирно и сделай веселое лицо, а то ты совсем сонный. Ну, улыбнись, Сереженька! - как ребенка, уговаривала мужа Звонарева.
Сеанс продолжался около получаса, и все это время Варя теребила мужа, который меланхолически отбивался от своей неугомонной супруги. Борейко вместе с Кремневым наблюдали за ними из палатки.
- Оригинальная пара, - вполголоса заметил Кремнев. - Он - воплощение невозмутимости и спокойствия, а она - живая, как ртуть.
- Противоположности, говорят, сходяться! Они понравились друг другу с первого взгляда, и вот уже двенадцать лет не могут жить один без другого, - отозвался капитан.
Борейко не стал дожидаться Звонарева и поднялся.
- Пойдем-ка, Вася, до дому, - обратился он к Зуеву, который в стороне оживленно беседовал с сестрой милосердия Ириной.
Подпоручик вытянулся и, распростившись с сестрой, последовал за Борейко.
Прикажите принести мне пробную порцию, - распорядился капитан, когда они подошли к тяжелой батарее и направились в свою палатку.
Там Борейко достал из походного чемодана фляжку, отвинтил крышку, наполнил ее до краев, наполнил ее до краев и с видимым удовольствием выпил, закусив корочкой хлеба.
- Дозвольте зайти, ваше благородие, - спросили снаружи.
- Заходи, заходи, - узнал голос Блохина Борейко.
Солдат вошел и тотчас потянул воздух носом.
- Что, царской слезой попахивает? - спросил капитан.
- Больно приятный запах у царских слез? Почаще бы плакал царь-батюшка, все народу жилось бы веселей.
- Ты ведь знаешь, что с начала войны царь запретил водку и даже сам ее пить перестал.

- Мы-то с вами, вашскобродие, чай, не цари, нам и выпить можно, - бойко ответил солдат. Тоски да печали меньше было бы...

- Борейко громко захохотал.

- Язык у тебя, Филя, без костей. Ничего не поделаешь, прийдеться и тебе поднести, - налил капитан еще чарку вина.

- Покорнейше благодарю. Дай бог здоровья вам, супруге вашей Ольге Семеновне и Славке, - торжественно проговорил солдат и, осушив чарку, вытер губы.

- Знаешь, - протянул капитан кусок хлеба. - И никому ни полслова.

Ясно?

- Не извольте бкспокоиться. Махорки пожую, она весь царский дух мигом отобьет.

Попробовав затем принесенный артельщиеом солдатский обед, капитан прилег подремать.

18

Уже сгустилься сиреневый вечерний сумрак, когда в лесу раздались звуки военного оркестра, который расположился невдалеке от кремлевской батареи, вблизи резервных батальонов полка Хоменко. Сам полковник с групой офицеров обходил собравшихся солдат и добродушно шутил с ними. Кремнев, в свою очередь, поручил Сологубенко организовать хоровое пение, и в тихом вечернем воздухе попеременно раздавались то мягкие лиричиские украинские песни, то медь духового оркестра. Вскоре Сологубенко перешел на плясовые мотивы.

Эй, кумо, не журысь, туды, сюды повэрнысь!.. - с присвистом и притоптыванием пустились солдаты вприсядку.

К батарее подошла Варя вместе с обеими сестрами. Они с увлечением следили за танцами.

- Ира, Таня, входите в круг! - подзадоривала Варя девушек. Но они, смущаясь, отнекивались.

- Вы бы сами попробали, Варвара Васильевна.

- Вспомнить, что ли, в самом деле, старину! - тряхнула головой Звонарева и, растолкав солдат, вошла в круг.

- Русскую, да поживее! - скомандовала она гармонисту и поплыла по траве, помахивая над головой платочком.

Солдаты почтительно расступились перед ней и один за другим ачали выходить из круга.

- Что вы удираете от меня? - обиженно остановилась Варя.

Солдаты засмеялись. Еще утром эта самая докторша без стеснения осматривала их и показалась таким строгим начальником! Теперь же перед ними стояла молодая озорная женщина с веселыми задорными глазами. Солдаты смущенно улыбались и прятались друг за друга.

- Выходи-ка ты! - хлопнула Звонарева по плечу взводного фейерверкера Линника, показавшегося ей побойче других.

Один из самых молодых солдат в батарее, разбитной Линник был из ярославцев. Он широко улыбнулся, блеснув белыми зубами на загорелом лице, пронзительно свистнул и пустился вприсядку. Быстро перебирая ногами и задорно поглядывая на своего партнера, Варя кокетливо повела плечами и закружилась стремительном танце.

При мерцающем свете костра ее гибкая фигура и разгоревшееся от движений молодое лицо казались необыкновенно красивыми. Юбка Вари развевалась по ветру, волосы растрепались, но, увлеченная пляской, она ничего не замечала.

Толпа с восторгом следила за ними, отбивая такт руками.

- Ну и танцует ваша докторша! - восхищенно шепнул Кремнев на ухо Ветровой.

- И кто бы мог только подумать, что она способна так плясать! - удивилась сестра. - Мы с Ирой считали ее немного чудачкой и синим чулком.

- Козырь-баба! И не подумаешь, что ученая дохтурша, а не деревенская деваха, - солидно проговорил наводчик Солопов, поглаживая свою бороду. - Глянешь на нее - и ноги сами в пляс просяться. - И, неожиданно растолкав солдат, он присоединился к танцующим.

- Ай да Солопов, ай да наводчик! Бородач наш и тот заплясал, - ахнули в толпе.

Теперь Варя кружилась уже между двумя солдатами, с азартом молотившими по земле каблуками. Солопов плясал с серьозным, сосредоточенным видом, как будто он делал трудную работу, а не веселился.

Зато на смуглом цыганском лице Линника светилась ухарская улыбка. Он то и дело вскрикивал, хлопая ладошами по голенищам сапог, затем неожиданно, высоко подпрыгнув, кувыркался через голову и мгновенно опять оказывался на ногах.

Прошло добрых четверть часа, когда наконец запыхавшаяся Звонарева вышла из круга, усиленно обмахиваясь платком.

Кремнев, Сологубенко, сестры, офицеры и солдаты - все зааплодировали ей.

Борейко и Зуев тоже пришли посмотреть на развлечения солдат и теперь шумно выражали свой восторг. Даже Звонарев довольно улыбался, глядя на жену.

- Как я жалею, что не могу уже, как в Артуре, пройтись с вами в пляске! Сегодня вы поразили в самое сердце. И я наконец-то понял, что вы работаете не по призванию. Ни Анна Павлова, ни Кшесинская не смогли бы соперничать с вами, - задушевно проговорил Борейко, когда Звонарева подошла к ним.

- Побольше бы вы милый, берегли свое здоровье, - может быть, мы сегодня еще и поплясали бы с вами. Не правда ли, Сережа?

- Тебе, как врачу, виднее! Ты сегодня превзошла самое себя, Варенька, - погладил жену по руке Звонарев.

- Тетя Варя, я теперь буду танцевать с вами вместо Бориса Дмитриевича, - предложил Вася.

- Куда тебе, птенцу, до него! - отмахнулась Звонарева.

- Ой, яка вы гарна жиночка, Варвара Васильевна! - восторженно проговорил подошедший Хоменко. - Милости прошу зайти до моих солдатив и потанцевать с ними. После такой пляски воны, як черти,

будут драться.

Варя охотно согласилась. Полковник почтительно взял ее под руку и повел в расположение своего полка. Кремнев тепло поблагодарил Звонареву за доставленное ему и солдатам удовольствие. Один только Емельянов, который тоже находился в толпе, недовольно брюзжал:

- Балерина какая-то, а не хирург! Представляю себе, как эта коза будет оперировать и перевязывать раненых! Завтра обо всем напишу уполномоченному.

В пехотном полку Варя выступала с еще более шумным успехом. Сам Хоменко не удержался и прошелся вприсядку вокруг молодой женщины. В круг вошли и Осипенко с Ветровой, но Вариного огня, ее ловкости задора у них не было. Из приличия похлопали и им.

- Откуда вы родом, позвольте узнать? - спросил Хоменко.

- Казачка я, с Кубани. С детства любила смотреть, как танцуют на майдане наши парубки и дивчата.

- Чуло мое сердце, что в вас есть добра запородска кровь... Так на Сечи плясали в свое время наши деды и прадеды.

Распростившись с Хоменко, Звонарева вместе с Зуевым и Кремневым прошла к батарее Борейко.

Тут тоже веселились вовсю. Сам капитан дирижировал хором, а Блохин, растянув до отказа талбянку, наигрывал изо всех сил "Барыню".

Звонарева разыскала своего мужа.

- Устала я, отбила все подошвы, - пожаловалась она. - Найди мне стул, Сереженька.

Поручик разыскал скамейку для жены, и Варя стала издали наблюдать за происходящим, опершись спиной на стоящего сзади мужа.

- Мне в жизни еще неприходилось встречаться с таким сочетанием чисто мужской енергии и женской красоты, как у вас, - пылко говорил Кремнев,

любуясь Варей.

- У нас на Кубани в любой станице найдете сколько угодоно таких, как я, женщин и девушек. Они издавна привыкли делить с отцами, мужьями и

братьями все тяготы войны и плясать до упаду на майдане в минуты радости.

Отдохнув, Варя прошлась по кругу с Зуевым.

- куда тебе до твоего командира! Тот в свое время умел плясать не то что ты. распростившись затем с ними, Варя вернулась в сопровождении целой свиты офицеров в дом лесника, где уже все было готово к приему раненых.

- Вы, доктор, вместо того, чтобы развлекаться в обществе офицеров, лучше бы проверили все ли у нас на месте по медицинской части, - встретил Звонареву упреками уполномоченный Емельянов.

- Для чего же тогда сушествуете вы, милостивый государь? - ощетинилась Варя.

- Хотя бы для того, чтобы призывать к порядку таких врачей, как вы, милостивая государыня, - вспыхнул Емельянов.

- Вам вредно волноваться при плохом сердце. Не хочу нести моральной ответственности за вашу преждевременную смерть и умолкаю, - съязвила Звонарева и вышла из домика.

Она направилась к батарее Борейко. Лесная тропинка чуть проступала в ночной темноте, и Варя шла медленно и осторожно. Сквозь деревья виднелся свет от дальних костров. Они служили маяками для Вари. На полпути к батарее Варю встретил Блохин, давно поджидавший ее.

- Варвара Васильевна? - окликнул он докторшу.

- Я самая, Филип Иванович, - отозвалась она и передала захваченую с собой пачку листовок.

Обменявшись потом несколькими словами о необходимости строго соблюдать конспирацию и быть сейчас особенно осторожными, они разошлись.

Звонарева отправилась дальше к батарее, около которой в палатке помещались ее муж с Борейко, а Блохин свернул в лес и скрылся в густом кустарнике.

Вскоре солдат вышел на небольшую лужайку. Здесь его окликнули наводчик Солопов и солдат-разведчик Кузнецкого полка Гриценко. Не

зажигая огня, они на ощупь поделили между собой листовки и разошлись по своим частям.

Блохину очень хотелось поскорее прочитать но он неторопливо обошел расположение батареи, уселся у самого отдаленного костра, огляделся и только тогда принялся за чтение.

"Товарищи солдаты и матросы! Скоро уже два года, как идет эта братоубийственная для рабочих и крестъян война.Миллионы людей убиты и искалечены на полях сражений, сотни городов, селений и деревень обращены в развалины, цветущие страны превращены в пустыни. Скоро два года, как лучшие сыны народов Европы посылают друг на друга ураганы свинца, стали, жгут огнем и истребляют друг друга газами. Кому нужно все это? Миллионы людей истекают кровью на полях сражений, тысячи калек вынужденны нищенствовать и побираться; лишившись кормильцев, стонут вдовы и сироты, стонет весь народ, изнемогая под тяжестью дороговизны и голода, а в сундуки банкиров текут миллиарды за миллиардами.

Натравив народы друг на друга, капиталисты повели поход на народные права, организовали удушение народной свободы. Восстановлена в армии порка. В деревне крестьяне снова превращены в рабов-крепостных и принуждены насильно обрабатывать помещичьи земли под присмотром урядников и стражников. На фабриках и заводах открытое рабство введено уже давно. И если голодные рабочие начинают бороться за улучшение своей жизни, нас заставляют быть их палачами.

Товарищи, так продолжаться не может! Пора положить конец этрой преступной войне, пора начать решительную борьбу за жизнь и свободу народов. Рабочие всех стран апизывают к борьбе не против друг друга, а против своих правительств и их правящих классов.Сметем всех насильников и угнетателей, проложим дорогу к вечному миру и свободе! Долой преступную войну, долой монархию и палачей-офицеров! Да здравствует вторая российская революция!

Кронштадская военная организация С.-Д. Российской Рабочей Партии".

Закончив чтение, Блохин с особым смаком произнес:

- "Долой монархию и палачей-офицеров!" Очень даже правмльно! Пока мы не избавимся от этих скорпионов, кровососов и царя-палача, не видать нам свободной жизни как своих ушей. Избавить нас от них может только новая революция, - прошептал про себя Блохин и стал укладываться спать.

На батарее Кремнева в эту ночь дежурил Сологубенко. Он улегся у костра и вглядывался в золотую россыпь звезд на темном небосклоне.Узенький серебристый серпик ущербной луны бросал слабый свет на уснувшую землю.

Художник думал о Вере. В его голове складывался сюжет новой картины - танцующая казачка в кругу чубатых длинноусых казаков-запорожцев. Два парубка в лихо заломленных на затылок кубанках отбивают бешеную чечетку вокруг лукавой и быстроногой дивчины.

Сологубенко усиленно тер рукою лоб, стараясь более полно представить себе композицию будущего полотна. Наконец он вытащил записную книжку и при дрожащем свете костра сделал несколько набросков.

- Понравилось вам, как вечером плясала докторша? - справился он у дневальных.

- Глядели мы на нее и диву давались. Ученая - и вдруг так пляшет.

Даже сразу в уме такого не укладывалось, - живо ответил телефонист Горновой.

Ночь тихо плыла над землей. прапорщика и солдат все больше клонило ко сну. Откуда-то издалека доносился заливистый собачий лай, с коновязей слышалось сонное пофыркивание лошадей и ленивые оклики дневальных.

Сологубенко задремал.

19

В начале четвертого часа тревожно и настойчиво запищал телефон.

Горновой поднял трубку.

- Постой, ничего я не пойму, - тяжелые - стол, мортирщики - пятистенок,

легкие - семисвечник. Так, что ли? Чудно больно что-то!
Повтори-ка еще раз.
Помусолив карандаш, телефонист каракулями начал выводить полученую телефонограмму.
"Подписал командующий армией генерал Каледин, - с замысловатым росчерком вывел он генеральскую фамилию. - передал Середа, принял Горновой. Три часа пятнадцать минут двадцать второго мая тысяча девятьсот шестнадцатого года".
Затем солдат осторожно разбудил Сологубенко. Прапорщик тоже ничего не понял и велел отнести телефонограмму Кремневу. Капитан прочел ее внимательно, посмотрел на часы и приказал будить солдат в пять часов утра, затем он повернулся на другой бок и заснул. Еще было совсем тихо, когда Зуев начал выводить из ангара привязной аэростат. Опробовав работу лебедки, проверил стропы выпускного клапана, добавил через аппендикс газа из газгольдеров.
Около гаубиц хлопотал Звонарев, при свете фонарей в последний раз перед боем проверял исправность материальной части. Подошел Борейко, сипловатым со сна голосом поздоровался с солдатами, справился у Звонарева, все ли в порядке на батарее.
- Помни, в случае, если я выйду из строя, продолжай огонь по выбранным мною целям, не задерживай стрельбы, - приказал капитан.
Затем он подошел к привязному аэростату и, подозвав к себе Зуева, распорядился:
- Если немецкий самолет атакует нас, бейте по нему ружейными залпами, не думая обо мне. Лучше подстрелить своего командира, чем пропустить врага. Кто из разведчиков пойдет со мной в полет?
- Дозвольте мне ваше высокоблагородие! - немедленно отозвался Блохин.
Борейко потрепал кго по плечу.
- Полезай в корзину, Филя.
Без четверти четыре Борейко занял место в корзине, за ним влез и Блохин. Оба прикрепили к себе парашютные стропы, сами парашюты

повисли на бортах корзины.

- Лебедка виру помалу! - скомандовал капитан, и серебристый аэростат медленно поплыл в спокойном прохладном воздухе.

На востоке стало заметно сереть, свет прибавлялсь с каждуй минутой.

Борейко, поеживась от холода, в бинокль рассматривал покрытые еще ночной мглой линии немецких окопов. Найдя наконец нужную цель, он повернулся к Блохину, который с телефоном примостилмя на дне корзины.

- Так начнем, говоришь, Филя? - улыбнулся капитан.

Блохин взглянул на охваченный заревом наступающего дня восток.

- Как раз время разжигать кон, Борис Дмитриевич.

- Цель номер один, орудиями огонь! - скомандовал Борейко, и Блохин точас же повторил это в телефон.

Ровно в четыре часа утра на аэростат упали первые лучи солнца, и в это мнгновение внизу, в чаще леса, блеснул столб огня. Через несколько секунд до капитана долетел раскатистый гул тяжелого выстрела, и в воздухе зашелестел быстро удаляюшийся снаряд. Около цели, чуть вправо и немного не долетев до нее,взвился столб черного дыма.

- Левее ноль-ноль два, прицнл больше на одно деление, батареей огонь!

- произнес Борейко.

Блохин, как эхо, повторил команду в телефон, и вскоре снизу донеслись удары трех выстрелов. Немного повременив, капитан поднес биеокль к глазам.

Перед ним четко вырисовывался сильно укрепленный узел сопротивления - три ряда проволочных заграждений и многоярусная огневая оборона из железобетонных укреплений, господствующих над всей окружающей местностью.

Три огромных взрыва взметнулись как раз над укреплением. Высоко вверх взлетели глыбы бетона, бревна, колья проволчных заграждений и туча камней и земли. Когда дым рассеялся, стало видно, как стремительно бежали во все стороны от места взрыва немецкие солдаты.

- Как жаль, что нет дальнобойных пушек, тут бы их как следует

припудрить шрапнелью! - вздыхал Борейко. - Тридцать секунд выстрел - огонь!

Двенадцатидюймовая батарея начала методичный обстрел укрепленного узла, как гигантским молотом, разбивая железобетон, бревна, проволоку и уничтожая людей.

Капитан осмотрелся по сторонам. Справа черная завеса дыма и земли показала места, обстреливаемые тяжелой и мортирными батареями, слева доносилась резкая стрельба легких орудий, которые били по проволоке и ближним тылам противника. Воздух наполнился раскатами артиллерийской канонады. Казалось, среди безоблачного голубого неба разразилась страшная гроза. Испуганые птицы стаями взлетали над лесом и устремлялись на восток.

Немецкие батареи молчали, зато в воздухе появилось около десятка вражеских самолетов. Они, как орды-стервятники, кружились над русскими, высматривая артиллерийские позиции.

- Наблюдать за воздухом! - приказал Борейко аэростатной команде, и только внизу, около подъемной лебедки, зашевелился взвод солдат с винтовками и два автомобиля с установленными на них сдвоенными пулеметами.

Блохин тут же вытащил из угла ручной пулемет Кольта и приладил к борту корзины.

Капитан продолжал следить за результатами стрельбы. После двух попаданий двух десятков пятидесятифунтовых снарядов укрепленный узел превратился в бесформенную груду развалин.

- Стой! Цель номер два, орудиями! - перенес огонь Борейко на группу пулеметных гнезд во второй линии обороны, и через минуты огромные гаубицы обрушили на них свои всесокрушающие смертоносные удары.

- Ваше высокоблагородие, самолет, - торопливо проговорил Блохин и застрочил из пулемета.

Побдескивая на солнце своими серебристыми крыльями, немецкий аэроплан стрелял из пулемета, стремительно приближаясь к аэростату. Блохин успел дать лишь короткую очередь, и немец скрылся за

оболочкой аэростата. Снизу, с земли, раздавались рвущие ухо ружейных залпов и лихорадочная дробь пулеметов, отчаянно запищал телефон.
- Аэростат горит, скорее прыгайте на парашютах! - услыхал Борейко взволнованный голос Зуева.
- Горим, прыгай вниз! - скомандовал Борейко Блохину и тотчас же почувствовал, как дно корзины уходит вниз.
Солдат испуганно взглянул за борт корзины. Там, далеко внизу, метрах в трехстах, по зеленому полю ползали люди, размахивая чем-то белым.
- Боязно, Борис Дмитриевич! - с сомнением проговорил Блохин. - Может, и так спустимся?
Но корзина все быстрей уходила из под-ног.
- Прыгай, рябой черт! - рявкнул капитан и схватил солдата за шиворот.
- Эх, была не была, - вскочил на борт корзины Блохин и, ухватившись за кольцо парашюта, прыгнул.
Через мгноаение на зеленом фоне леса распахнулся оранжевый круг парашюта. Борейко тяжело перебросил ноги через борт, взгянул, расправлены ли парашютные стропы, и онгами вниз выбросился из корзины, одновременно выдергивая парашютное кольцо. В ушах засвистел воздух, на мгновение захватило дух, но резкий толчок привел его в чувство. Капитан понял, что парашют раскрылся. Его отчаянно вертело в воздухе, и это мешало разглядеть, что происходит вокруг. Затем пахнуло жаром и на секунду совсем близко мелькнул падающий, охваченный пламенем аэростат. Где-то над головой затрещал пулемет, и Борейко почувствовал, как что-то сильно обожгло его левое плечо; на груди и рукаве появились темные струйки крови.
"Добивает, сволочь, из пулемета. Неужели погибну?" - с волнением подумал капитан и крепко выругался в бессиль ной злобе. На мгновение вспомнилась жена, первая встреча с нею в далеком Артуре. Превозмогая боль, Болейко взглянул вниз. Под ногами, в десятке-другом саженей, пасстилалось зеленое море леса. Он понял, что ветром его отнесло в глубь леса.
"Только бы не зацепится за сучья и не повиснуть на них, - забеспокоился

капитан, с опаской поглядывая на быстро приближающуюся зеленую чащу деревьев. - Не повредить бы и без того раненое плечо".

Обломав несколько веток на своем пути, парашют благополучно приземлился. Исцарапаный, окровавленнный, в разорванном кителе, без фуражки, капитан сохранил присутствие духа. С трудом поднявшись на ноги, отказался от носилок и, зажав рану носовым платком, пешком отправился на батарею.

- Блохин жив? - прежде всего сравился он у встретившего его Звонарева.

- Так точно, - бойко отозвался сам солдат. - Только портрет малость о сучки поцарапал. Хлебнуть бы водочки, а затем и опять лететь под небеса.

- Немедленно наполнить запасную оболочку, - приказал капитан подошедшему Зуеву. - Через полчаса снова подъем.

- Не успеем так скоро, Борис Дмитриевич. Газгольдеры наполовину пусты, прийдется занятся добычей водорода. Раньше вечера не управимся, да и вам надо отдохнуть и прийти в себя, а то на вас лица нет. Я уже послал мотоцикл за тетей Варей.

- Напрасно ее беспокоил. Она занята у себя на пункте, а меня перевяжет и фельдшер, - недовольно сказал Борейко.

- Как твое самочувствие, Боря? Тебе надо немедленно сделать перевязку, - подошел Звонарев.

- Отправляйся на вышку и начинай обсирел цели номер три. Немцы перепуганы до смерти и от одного артиллерийского огня бегут в тыл без оглядки. Надо ковать железо, пока горячо, - вместо ответа приказал Борейко. - Как только перевяжусь, сам притопаю к тебе. Кто остался за старшего на батарее?

- Родионов. Он знает прицелы и угломеры для всех целей. Не торопись, Боря, приходить, я и без тебя сравлюсь. - И Звонарев ушел.

У себя в палатке Борейко прежде всего выпил водки и угостил Блохина.

- Теперь зови фельдшера, пусть перевяжет меня, - сказал капитан, садясь на складной стул.

Не успел фельдшер начать перевязку, как подъехала мотоциклетка, и в

палатку вбежала Варя в сопровождении Осипенко, которая несла в руках бинты и ящик с хирургическими инструментами.

- Боренька, милый, что с вами приключилось? Ножницами распороть рукав, приготовить пинцет, йодный тампон! - без суеты, толково распоряжалась Звонарева.

Осмотрев рану, она двумя взмахами ланцета очистила ее и удалила разорваные ткани. Борейко только скрежетал зубами от боли.

- Все, все, все... Сейчас я заштопаю вас по всем правилам медицинской науки. Держитесь, - предупредила Звонарева, обильно смазывая рану йодом.

- О-о-о! - совсем по-педвежьи взревел капитан. - Варя, помилосердствуйте!

- Вату, марлю, бинты, тампон, - не обращая внимания на вопли Борейко, командовала Звонарева.

Вскоре перевязка была окончена.

- Сегодня вы первый мой пациент! Теперь до завтра, полежите спокойно, дайте успокоиться ране. И поберегите себя, Боренька. - Варя присела на край походной койки, провела рукой по волосам Борейко. - За что и за кого лить кровь, жертвовать жизнью? Поберегите ее - еще пригодиться для более интересных дел. - Помолчав, Варя прибавила: - И не забывайте про Славку и Олю... если о себе не хотите помнить. Ну, руку, герой! - Варя попрощалась и вышла из палатки.

Стрельба тяжелых батарей разбудила Кремнева и Павленко. Они поднялись, не спеша умылись, напились чаю и в начале шестого часа пришли на батарею. Здесь они узнали об уничтожении аэростата и ранении Борейко.

Думая, что капитана доставили на перевязочный пункт, они направились к домику лесника и увидели Звонареву, которая уже вернулась от Борейко. Она сообщила все подробности проишедшего.

- Кто же теперь будет объединять действия батарей на нашем участке? - забеспокоился Кремнев.

- Я думаю, Борейко скоро поправиться и возьмет командование в свои

руки. Его батареей пока что командует мой муж. Он сидит на какой-то вышке в лесу.

Поблагодарив Звонареву за сообщение, Кремнев решил справиться по телефону у самого Борейко, как он себя чувствует.

- Команды не сдаю. Буду находиться на наблюдательном пункте тяжелой батареи, куда вам и надлежит обращаться в случае нужды, - коротко ответил капитан.

Кремнев и Павленко направились на передовой наблюдательный пункт.

В пехотных окопах они застали необычайное оживление. Солдаты вылезли из окопов и с восторгом следили за действиями тяжелых артиллерийских снарядов. На всем протяжении фронта ежесекундно взлетали вверх огромные фонтаны дыма, пыли и раздавался крякающий грохот разрывов. Камни, бревна, проволока то и дело мелькали в воздухе. Солдаты громкими криками выражали свою радость.

Сколько офицеры не гнали солдатов в окопы, они продолжали оставаться наверху, благо немецкие батареи хранили упорное молчание. Тут же находился и Хоменко. Он с добродушной усмешкой расхаживал вдоль окопов и беседовал с солдатами.

- Ось, бачите, хлопцы, як немцев молотят наши гарматы. Он, бисова душа, наверно, полные штаны наклал со страху. Когда артиллерия разобьет окопы, мы пойдем в атаку.

Узнав о ранении Борейко, полковник всполошился:

- Что же мы без головы будем делать? Такой храбрый и толковый офицер!

Как жаль, что он вышел из строя! Борейко не из украинцев?

- Нет. Русский. Ранен не очень серьезно, обещал вскоре опять принять бразды правления в свои руки, - сказал Кремнев и пошел дальше.

На передовом наблюдательном пункте артиллеристы расположились со всеми удобствами. Прочно прикрепили стереотрубу, проверили связь с батареей и точно в семь утра дали первый выстрел. Быстро пристреляв все шесть орудий батареи, капитан начал разрушать проволоку. Рядом с огромными фонтанами тяжелых снарядов разрывы легких батарей

казались совсем незначительными. Кремнев даже усомнился: сможет ли он при таком слабом фугасном действии своих снарядов выполнить поставленную перед ним задачу?

- Не сомневайтесь, Александр Васильевич, пробьем проходы как следует, - утешал Павленко своего командира.

Вскоре к ним подошел Хоменко.

Бояровскому повезло: тяжелый снаряд упал как раз в проволочном заграждении и одним ударом устроил такой широкий проход, хоть на тройке проезжай, - сообщил он. - Сейчас он заканчивает уже второй, тогда приметься за один из ваших.

- Мы сами, папаша, справимся с ним! - вспыхнул Кремнев. - Я разделю орудия батареи на две части - три пушки будут заканчивать первый проход.

Этим ты и займешься, Боб, а остальными я приймусь за второй.

- Слушаюсь! - вытянулся прапорщик.

Батарея усилила огонь.

Около полудня к Кремневу подошел Бояровский.

- Не помочь ли тебе, Александр Васильевич? - предложил он. - Свои проходы я уже закончил.

Кремнев из самолюбия отклонил предложения. Кроме того, ему хотелось и самому приобрести опыт стрельбы попроволчным заграждениям.

- Сходи-ка ты лучше, Владимир Зенонович, к Борейко, доложи ему обо всем и сообщи мне по телефону, если будут какие-либо новые приказания.

Бояровский ушел, а Кремнев с новым ожесточением начал долбить проволоку. Снаряды рвались между кольями, но при этом проволока оставалась целой. С батареи сообщили, что от сильной стрельбы орудия очень накалились и на них начала гореть краска. Пришлось на время прекратить огонь. Это еще больше расстроило Кремнева. Запищал телефон.

- Вас просит капитан Борейко, - доложил телефонист.

Кремнев взял трубку.

- Сейчас вам поможет мортирная батарея. Я приказал ей дать несколько выстрелов по вашей проволоке.

Почти в тоже мгновение перед Кремневым во вражеской проволоке взвилось несколько черных фонтанов, в воздух взлетели колья, и когда дым рассеялся, капитан увидел, что проволока была разрушена и уничтожена.

Кремнев мог приняться за второй проход. Здесь дело у него пошло лучше, и к четырем часам оба прохода были проделаны. Усталый и оглохший от грохота, капитан вернулся на батарею, оставив в пехотных окопах Павленко.

Чтобы скорее остыли орудия, Кремнев приказал открыть замки пушек, от которых так и веяло жаром и запахом горелой краски. Сологубенко, утомленный ипосеревший от пыли и гари, охрипшим от команды голосом доложил капитану, что батарея выпустила за день 1250 снарядов и что в двух орудиях поломались пружины накатника.

Распорядившись заменить их запасными, Кремнев пощел к Борейко.

Капитана он нашел на вышке, устроенной на верхушке дерева. Тут же находились командиры тяжелой и мортирной батарей. Борейко не спеша отдавал распоряжения, глядя в окуляры стереотрубы.

- Обе легкие батареи участка уже выполнили свои задачи. Мортирной осталось разрушить еще один узел сопротивления. Как только будет наполнена газом новая оболочка аэростата, я попрошу командиров всех батарей подняться в воздух и детально ознакомиться с тылами противника.

- Но мы не умеем прыгать с парашютом, - возразил командир тяжелой батареи.

- Я сегодня впервые в жизни проделал такой воздушный эксперимент, и, как видите, вполне удачно, невзирая на свой рост и вес.

Командиры нехотя повиновались.

Несмотря на острую боль, Борейко продолжал оставаться на вышке, наблюдая за действиями артилерии на своем участке.

- Все намеченные укрепленные точки основательно разрушены. Зато

немецкие батареи, повсей вероятности, уцелели, - резюмировал он, внимательно осмотрев в бинокль линию немецких окопов.

- Разведчикам следовало бы провести усиленные поиски. Возможно, что немцы примут их за атакующие части, откроют артиллерийский огонь и обнаружат свое расположение, - предложил Звонарев.

- Неплохая идея. Сейчас же договорюсь об этом с Хоменко и заставлю в это время подняться на колбасе наших мортирщиков и тяжелых, пусть полюбуються на германские батареи.

Условившись по телефону с пехотой о высылке разведчиков, Борейко предложил командирам тяжелой и мортирной батарей следить с аэростата за немецкой артиллерией и открыть огонь по всем намеченным батареям противника.

Но немцы разгадали план капитана и открыли по разведчикам лишь слабый огонь, и то легких батарей. Артиллерия противника впервый день артиллерийской подготовки осталась невредимой. С темнотой в палатке Борейко собралиь все командиры батарей, приданных Кузнецкому полку. Тут же находилсь и Хоменко. Необходимо было срочно обсудить боевую обстановку.

Командиры поочередно доложили о выполнении всех поставленных задач.

- С рассветом мой полк должен двинуться вперед. Я прошу вас поддержать меня огнем всех своих орудий, - обратился к артиллеристам полковник.

- Само собой разумеется, что полк только тогда двинеться вперед, когда вся артиллерия противника будет полностью уничтожена. Кроме того, вас будут сопровождать при наступлении батареи Кремнева и Бояровского, - сказал Борейко. - На них я возлогаю обязанность: подавлять огнем, прямой наводкой, все огневые точки, которые обнаружат себя.

- Будет в точности исполнено, - отозвались в один голос оба командира.

- Теперь хочу я с вами, господа командиры, побалакать по секретному делу: появились у нас шпигуны и мерзотники, що смущают солдат подпольными листами. Ось побачте! - И Хоменко протянул листовку

Донского комитета РСДРП, которую читал Солопов. - Ци шкидники перед боем смущают солдатскую душу всякими мерзостями. Есть у меня сведения, что ци листы с ваших гарматов, Борейко. Там много мастеровщины с Питера, она и привезла с собой прокламации. Треба вчиныть у усих ротах, батареях и командах обыск и цю мерзостину изъять, а виновных в распостранении предать суду, - решительно предложил Хоменко. - Сегодня в вечер и за ночь обыскать все места и Уничтожить всю нелегальщину.

- Бесполезно, господин полковник! Надо обыскивать не роты и батареи, а всю округу, все деревья в лесу, все ямы в поле, все хаты и сараи в деревне. И все же мы едва ли что-либо найдем, - возразил Борейко. - Пока мы сюда добрались, я раз пять перетряхивал все имущество батареи и солдат - и ничего не нашел. Да и без листков солдаты все время ведут разговоры на ту же тему, что изложена в листках. Политическая обстановка в стране не может не отражаться на настроении солдат.

- Надо вести разъяснительную работу среди солдат, - вставил Кремнев.

- Трудно разъяснить тебе, что ты сыт, когда у тебя в брюхе пусто, - усмехнулся Борейко. - А бороться с рапостранением нелегальщины должна жандармерия. Мы заняты подготовкой к предстоящему наступлению и нам не до политики.

- Все же я предлагаю всем командирам произвести обыски в своих частях. Надо все-таки изъять прокламации, - распорядился Хоменко.

На этом совещание кончилось.

Звонарев пошел проводить Хоменко до домика лесника, надеясь повидать жену, но ее на переваязочном пункте не оказалось. Вместе с Ветровой и Осипенко она уже перебралась в окопы пехотного полка, где и решила обосноваться на время наступления.

Хоменко пришел в восторг от такой предприимчивости Звонаревой и не стал слушать Емельянова.

- Ведь это просто бабье сумасбродство, - тонким голосом жаловался уполномоченный. - Всякий раненый стремиться прежде всего попасть в

безопасное место. Да и медицинский персонал под огнем будет работать плохо. Какая уж тут работа, когда кругом снаряды рвуться.

- Бегут из боя только трусы, а чем скорее раненым будет оказана помощь, тем лучше. Это им сохранит жизнь. Что же еще нужно для солдата и командира? Неужели не ясно. что поступок госпожи Звонаревой правилен и благороден? - отрезал полковник и отправился лальше.

Варю Хоменко нашел в своем бдиндаже.

- Надеюсь, вы не в претензии, Михаил Игнатьевич, что мы выселили вас к телефонистам, а сами обосновались здесь? - встретила его Звонарева.

- В тесноте, да не в обиде, лишь бы раненым было хорошо да вам, врачам и сестрам, удобно работать. За всю войну первый раз вижу, чтобы передовой перевязочный пункт действительно оказался передовым и распологался в пехотных окопах.

К перевязочному пункту начали собираться ротные фельдшера и санитары.

Они с любопытством поглядывали на Варю и сестер милосердия.

- Неужто и в бою вы останетесь тут? - спрашивали солдаты.

Вы будете здесь, отчего же и нам не остаться? - отвечала Варя.

- Так мы солдаты, мужчины, а вы женщины - доктор да сестры.

- Вот именно - врачи да сестры. И быть здесь наш долг. Какие же мы тогда сестры милосердия, если за милосердием вам прийдеться тащиться версту с гаком?

Варя показала своим гостям некоторые новые способы перевязки. Сначала солдаты только слушали, но потом заинтересовались и сами начали задавать вопросы. Завязалась беседа, которая затянулась надолго. Хоменко тоже подсел к Варе и, посасывая трубку, одобрительно кивал головой.

Потом полковник подозвал к себе старшего разведчика Гриценко.

- Слухай, що я тоби буду казать, - проговорил полковник и, показав листовку солдату, приказал: - Щоб ты, як хочешь, разузнал мне, яки шкидник листы разбрасывает. Мерзостники эти нам у спину нож всажают.

Поняв, хлопчик, що от тэбэ треба?

- Так точно, ваше высокоблагородие, понял. Изловить щпигунов и шкидников, - ответил Гриценко и отошел от командира, стараясь понять, каким образом попали к Хоменко им самим так секретно розданные листовки.

Не иначе в темноте обронил, а какая-то шкура отнесла начальству.

Когда Хоменко наконец ушел, Гриценко неожиданно окликнула Звонарева.

- О каких листках говорил с вами полковник? - поинтересовалась докторша.

- Якись подпольни листки. Я их и не бачив. Що в них писано, не знаю, - уклончиво ответил солдат.

- А вы бы поинтересовались, - посоветовала Звонарева.

- Мы и без чтения знаем, что в них написано. Только про то балакать не треба, - замкнулся солдат и поспешил отойти от докторши.

Звонарева решила завтра же поговорить с Гриценко и с Блохиным.

Около полуночи разведчики тихонько выбрались из окопов и незаметно направились в сторону немецких укреплений, откуда доносился смутный ушм голосов, стук лопат и кирок. Немцы торопились исправить повреждения.

Увлеченные работой, они не слышали продвижения русских разведчиков, хотя стояла тихая теплая ночь. С речки поднимался легкий туман, над которым методично взлетали германские ракеты. Не было слышно ни единого выстрела, и только нестройный лягушачий концерт нарушал ночную тишину.

Разведчики осторожно навели легкие мостики через речку и перебрались на вражеский берег. Подрывники положили патроны под кое-где уцелевшую еще проволоку, подожгли фитиль и вернулись назад.

Только когда грохнул взрыв, немцы начали усиленно пускать ракеты, застрочили их пулеметы, заполыхали зарницы орудийных выстрелов, и несколько снарядов с визгом разорвалось над русскими окопами.

Русские батареи не замедлили с ответом, и скоро загрохотал весь фронт.

Прошло с полчаса, пока артиллерийская дуэль утихла, и только легкие батареи еще продолжали вести редкий огонь, мешая немцам исправлять поврежденные заграждения.

Хоменко, обходя окопы, делал последние наставления командирам наступающих рот:

- Не терять связи со мной и артиллерией. Солдатам идти смело и бить немчуру беспощадно. Работать штыком и гранатой, и только когда захватим окопы - приниматься за стрельбу. Смотри, Гриценко, щоб ты мэни завтра десяток германцев в плен забрав, - обернулся он к чернявому разведчику с Георгиевским крестом.

- Цилу дюжину заберу, а не десяток, ваше высокоблагородие, - бойко отозвался солдат.

Проходя мимо одного из свободных блиндажей, Хоменко заметил в нем белую косынку и, осветив блиндаж электрическим фонариком, увидел сконфуженные лица Зуева и Осипенко.

- Тю, хай ему грец! Никак, ковбасник! Я-то думаю, шо вин свою ковбасу стереже, а вин замисть ковбасы та гарну дивчину тутечке караулыть, - засмеялся Хоменко.

- Никак нет! Я только проводил сестрицу и хотел повидать тетю Варю, - смущенно оправдывался молодой офицер.

- Твою дивчину, сынку мий, постережуть четыре тысячи чоловик, тетя твоя спыть, а сам ты иди-ка до своей ковбасы. Смотри, як тилько займется заря, я поднимусь з нею, - сказал Хоменко артиллеристу.

Ира тоже поторопилась прошмыгнуть в свой блиндаж.

После полуночи Хоменко прилег, не раздеваясь, вздремнуть до рассвета.

В полку остались бодрствовать лишь дежурные и часовые.

Батарея Кремнева должна была всю ночь вести редкий огонь по противнику.

Теплая ночь медленно плыла над израненной, искалеченной фронтовой землей, призывая к отдыху и покою. Только резкие звуки орудийных выстрелов, грубо нарушая ее тишину и обаяние, будили многоголосое эхо в лесу.

Выстрелам кремневской батареи вторила батарея Бояровского. На рассвете предстоял бой. Солдаты это знали. Прислушиваясь к выстрелам, не спали, и ночь казалась бесконечной.

Солдаты то и дело выходили из блиндажей, зевади, почесывались, справлялись, долго ли еще до рассвета, и опять скрывались в бликдажах в тщетной надежде заснуть под грохот пушек.

- Когда эта проклятущая война кончится? - сердито бурчали бородачи кремневской батареи. - Ни днем ни ночью нет покоя.

- Дурак, кто на войне думает о спокое. Живым бы остаться и непокалеченным - и то хорошо, - отозвался Солопов.

- Как побьем немцев, так и пойдем по домам, - проговорил фейерверкер Симонин. - Но долгонько того нам прийдеться ждать.

21

Едва засерел восток, как на батарею Кремнева пришел Хоменко.

- Пидлетим пид небеса, сынку! Треба побачить, що робится у немчуры, - предложил он командиру батареи.

Капитан мигом оделся, и они вместе направились к батарее Борейко.

Аэростат еще только выводили из эллинга, когда офицеры подошли к нему.

Зуев хриплым от сна голосом отдавал нужные приказания. Хоменко и Кремнев наскоро ознакомились с парашютом и заняли места в корзине.

Утренний туман сильно ограничил видимость, но ждать, когда он разойдеться, не было времени. Осмотрев немецкие тылы против своего участка, Хоменко тут же на местности указал Кремневу рубежи, которые он намечал занять в течении дня.

Гул моторов возвестил о приближении самолетов, и аэростат поспешили опустить на землю.

С первыми лучами солнца раздались и первые выстрелы тяжелых батарей.

Хоменко Кремнев заторопились на передний край обороны. Там они

застали уже готовые к атаке головные роты.

И вот под прикрытием дыма от разрывов тяжелых снарядов роты двинулись вперед. Передняя волна атакующих быстро докатилась до Путиловки, переправились через нее и без единого выстрела достигла линии вражеских окопов. Содаты быстро распространились по ним вправо и влево. Из уцелевших блиндажей виднелись поднятые вверх руки перепуганых немцев.

Пока головные роты обосновывались в занятых окопах, следующие за ними цепи шли дальше. Поддерживая их, русская артиллерия перенесла огонь на тылы противника.

Но внезапно усилившийся огонь немецких батарей приосиановил дальнейшее продвижение русских. Роты отощли на только что занятые позиции.

Обеспокоенный этим Хоменко поспешил в передние окопы, над которыми ежеминутно рвались десятки легких и тяжелых немецких снарядов, уничтожающих все живое. Солдаты забились в блиндажи, пережидая огненный шквал.

Этого момента со вчерашнего дня ждали командиры всех тяжелых русских батарей. Наконец-то немецкая артиллерия полностью обнаружила себя. Борейко едва успевал засекать взблески выстрелов вражеских батарей и распределял цели между мортирной и тяжелой батареями. Наиболее удаленные и поэтому наиболее опасные цели он оставлял для себя.

Страдая от раны, капитан поддерживал силы малыми дозами водки. Мешая команды с бранью, Борейко ежесекундно требовал усиления огня, хоть и без того орудия до предела использовали свою скорострельность.

Как раз в этот момент Хоменко приказал вызвать Борейко к телефону.

Не успел полковник взять трубку, как сзади раздался громоподобный грохот тяжелых батарей, и воздух наполнило воем многопудовых бомб. Огонь вражеских батарей сразу ослабел.

- Прошу вас, капитан, и впредь не давать ходу немцам, - всеже предупредил Борейко полковник.

- Слушаюсь, буду неустанно следить за германской артиллерией и постараюсь привести ее к полному молчанию.

Русские батареи отлично справились со своей задачей.

- За мной, вперед! - скомандовал Хоменко, как только огонь немецкой артиллерии был подавлен.

Он неторопливо выбрался из траншеи и спокойно пошел к переправе через речку. Солдаты выскакивали на бруствер, устремлялись за своим полковником к немецким окопам. Издали доносились крики "ура". Это вторая и третья волны русских цепей продвигались в глубь вражеской обороны. Справа неожиданно затрещал оживший германский пулемет. Очередь скосила сразу несколько человек. Внимательно осмотревшись вокруг, полковник заметил среди обломков разбитых блиндажей дуло пулемета.

- Гриценко, возьми несколько гренадер и уничтожь его, да поживее, - приказал Хоменко.

Разведчики метнулись в сторону пулемета, раздалось несколько взрывов ручных гранат, и пулемет смолк.

Видя, что цепи снова беспрепятственно продвигаются вперед, полковник вернулся к своему штабу. Здесь он приказал двигаться последним двум батальонам: одному правее, другому левее рот головного батальона.

Затем Хоменко на минуту заглянул на перевязочный пункт. Легкораненые шли теперь беспрерывным потоком, тяжелых переносили на носилках.

Звонарева, обе сестры и человек десять санитаров быстро осматривали и перевязывали раненых. Варя, держа в руке окровавленный ланцет, ловко и умело орудовала им, удаляя раздробленные кости, соколки снарядов, подрезая края ран.

- Шприц морфия... лигатуру... тампон... забинтовать, - бросала она спокойно и уверенно.

Варино лицо было сосредоточенно и сурово, глаза смотрели остро и твердо, руки, смоченные йодом, действовали точно и безошибочно. Глядя на нее, трудно было представить, что это та самая веселая и кокетливая

женщина, лишь накануне вечером лихо отплясывавшая вместе с солдатами, которые теперь, искалеченные, беспомощно лежали перед ней на операционном столе.

- Вам ничего не нужно, доченьки мои? - ласково спросил полковник.

- Если можно, побольше вина или горилки, мий тату! Она прекрасно предохраняет от раньевого шока. Нам не хватает также воды, - в тон Хоменко ответила Звонарева, не торываясь от работы.

- Сейчас прикажу доставить и то и другое.

- Ира, получишь в штабе полка водку и будешь давать по чарке каждому тяжелораненому. Разумееться, кроме черепных, - распорядилась Варя, все так же не поднимая головы, сосредоточенно оперируя раненого в плечо солдата. - Шприц камфары!

Хоменко оставил при себе лишь несколько разведчиков и связистов и знаменной полк. Он перенес штаб полка в первую линию германских окопов, а сам отправился вперед. За ним неотступно следовал Борейко, чтобы в нужную минуту поддержать пехоту артиллерийским огнем. Тут же находились Кремнев и Павленко.

Вдруг впереди раздалась частая ружейная перестрелка и пулеметная трескотня, прерываемые взрывами ручных гранат.

- Ваше высокоблагородие, немец перешел в контратаку! - прибежал связной от головной роты.

- Выдвинуть все пулеметы вперед! - отдал приказание полковник. - Помогите и вы нам, - обратился он к Борейко.

- Немедленно выведите сюда на рысях один взвод, - приказал Борейко Кремневу.

- Слушаюсь, сейчас прикажу по телефону подать передки на батарею.

Отправляйся на батарею, - коротко приказал капитан прапорщику.

Павленко исчез.

Пехота, наскоро приспособив с тыла захваченные окопы, отбивала немцев ружейным и пулеметным огнем. Сзади загремели частые выстрелы легких батарей. Перед атакующими немцами выросла огневая завеса шрапнелей и снарядов. Мортирная и тяжелая батареи, несколько

уменьшив прицел, тоже обрушились на вражеские цепи, которые моментально утонули в дыму и пыли.

Немцы в панике отхлынули назад.

Едва контратака была отбита, как Кузнецкий полк вновь ринулся вперед, но это продвижение задержала своя же артиллерия, которая не сразу перенесла огонь в тыл немцев.

- Сынку, скомандуй своим батареям, щоб воны мне дорогу не закрывали, а расчищали, - попросил полковник Борейко.

- Сейчас будет исполненно! - И капитан бросился к телефону.

Но провод оказался перебитым, связь прервалась. Капитан с досады выругался и послал связистов по проводу.

В это время показалось несколько тяжело нагруженных солдат. Они торопливо пробирались среди бревен, обломков бетона, обрывков колючей проволоки, перескакивая через рвы и воронки.

- О, сейчас мы дело поправим! - обрадовался Борейко. - Блохин, установи рацию, - приказал он старшему разведчику.

На двух шестах протянули небольшую проволоку, разместили в одном из блиндажей тяжелую аккумуляторную батарею и телеграфный аппарат. Связист надел наушники, застучал ключом, послушал и наконец доложил:

- Связь с батареей установлена, ваше благородие.

Борейко приказал батареям перенести огонь в тыл противника. Не прошло и минуты, как заградительная стена огня и дыма передвинулась вглубь немецкого расположения.

- Оце добре дило! - улыбнулся Хоменко. - Два шматка проволоки - и связь готова. Шо це за штукенция?

- Беспроволочный телеграф, Михаил Игнатьевич, изобретенный двадцать лет назад нашим русским ученым Поповым, а затем вновь открытый итальянцем Маркони. Весьма удобен в боевой обстановке. Только аккумуляторы уж очень громоздки и весят больше шести пудов.

- Нельзя ли вашу рацию, - кажись, так она называется? - прикомандировать к моему штабу? - попросил Хоменко.

- Ее не следует часто перемещать с места на место. Это расстраивает работу аккумуляторов, а штаб все время находится в движении. протяните свой провод к рации, она будет передавать батареям ваши распоряжения, - предложил Борейко.

Наладив связь с артиллерией, Хоменко пошел в район третьей линии немецких окопов, где вели бой передовые роты. Здесь находилась приспособленная немцами к обороне и сильно укрепленная деревня Ставки.

Полковник подоспел в тот момент, когда 3-й батальон полка уже обосновался в Ставках. Тут Хоменко заметил, что соседние части сильно отстали от Кузнецкого полка и находились еще во второй, а частью даже в первой линии немецких окопов. Это делало дальнейшее продвижение полка рискованным, и Хоменко решил закрепиться на захваченных рубежах.

Сразу за деревней остановился приведенный Павленко взвод кремневской батареи. присутствие артиллерии придало устойчивость стрелковым частям.

Борейко приказал также продвинуться вперед и обеим легким и мортирной батареям. Тяжелую и свою батареи он временно оставил на месте.

22

Вечерело. После жаркого дня над землей белыми косами плыл туман.

Растекаясь, он постепенно заполнил низины, а потом, набравшись силы, белым плотным облаком лег на землю. грохот орудий стал утихать. Последними замолчали легкие батареи, которые использовали оставшиеся светлые минуты, чтобы пристреляться к ночи по важным целям и ориентирам с новых позиций.

Хоменко со своим штабом занял хату на окраине деревни. рассыпавшиеся за день по полю сражения солдаты теперь собирались к своим ротам, связисты тянули линии связи, артиллеристы устраивались

на новых позициях. Как бы прочищая глотку на ночь, впереди раздалась скороговорка пулемета и смолкла.

Было уже совсем темно, когда в штаб Хоменко пришла Варя, бледная, осунувшаяся, с синими кругами под глазами. Сев на табуретку у стола, обратилась к полковнику:

- За сегодняшний день я сделала около пятидесяти операций, всего прошло через перевязочный пункт свыше четырехсот человек. Израсходован весь запас перевязочных материалов. Пока его подвезут, я решила перенести свой пункт сюда. Я займу соседнюю хату, попрошу дать людей для уборки.

Нельзя ли у вас попросить стакан чаю? За весь день мне так и не удалось поесть.

Хоменко поспешил отдать нужные распоряжения.

- Ладно, доченька. От лица своих солдат благодарю всех вас за работу, - с чувством проговорил полковник, прижимая руку к сердцу.

- Гриценко, иди сюда, чернявый хлопчик! поможешь со своими разведчиками докторше.

- Он сегодня дважды ранен - в ногу и в бок, но отказался от эвакуации. Как себя чувствуешь? - спросила Звонарева у солдата.

- Трохи пече в боци, быстро идти трудно, а воевать ще можно!

Звонарева вышла вместе с солдатом. В темноте безлунной туманной ночи очень трудно было продвигаться по изрытой снарядами улице. В намеченном для перевязочного пункта помещении при слабом свете простого деревенского масляного каганца Ветрова и Осипенко наводили порядок. гриценко не замедлил привести десяток солдат, которые принялись убирать мусор, обметать стены. Хозяйка хаты принесла мел и вместе с сестрами принялась за побелку. Общими усилиями пункт был быстро оборудован. поздно вечером пришел проведать жену Звонарев. Он принес ей еду и фляжку с вином.

- С утра наступление продолжится. Эту деревушку, конечно, будут сильно обстреливать, напрасно ты поторопилась с переездом сюда, Варя. По-моему, перед рассветом вам следовало бы отодвинуться в тыл, -

посоветовал Звонарев жене.

- Ты сам говоришь, что предстоит наступление. Следовательно, если нас и обстреляют, то недолго, пересидим и здесь, а затем пехота продвинется дальше, и мы окажемся в глубоком тылу, - возразила она.

- На батарее у Кремнева есть большие и прочные немецкие блиндажи. Он предлагает вам в случае сильного обстрела переместиться туда. До него отсюда сажен двести, не больше.

- Будем иметь это в виду, а пока спасибо за угощение и уходи, - сказала она мягче. - Меня ждет не меньше десятка раненых.

Звонарев вышел.

Со стороны немцев слышался скрип повозок, шум автомобильных моторов.

Ракеты то и дело взлетали вверх, смутно белея в тумане. Хоменко со своим адъютантом несколько несколько раз обошел расположение полка.

- Собирает немец против нас свою силу, вашскобродие. Больно сильно гомонят у него, - подходя, доложил Гриценко.

- Добре, надо и нам подтянуть сюда резервы. Телефонная связь со штабом дивизии уже работает?

- Так точно.

- Попросите к телефону начальника дивизии, - распорядился полковник.

Через несколько минут генерал подошел. Хоменко подробно доложил обстановку и просил подтянуть резервы к его полку.

- Все командиры полков меня уверяют, что против них скапливаются немцы. Обходись своими силами. С рассвета вас поддержит тяжелая артиллерия, - отказал начальник дивизии.

Хоменко оставалось лишь вздохнуть.

- Придется перевязочный пункт перевести в тыл, в один из блиндажей первой немецкой линии. Там, насколько я помню, сохранился один большой железобетонный блиндаж. В нем они и разместятся.

Узнав о распоряжении Хоменко, Варя энергично запротестовала и с возмущением сообщила о нем своим сотрудникам, но не встретила сочувствия ни у сестер, ни у санитаров. Хоть было и обидно и досадно

уходить с передовой, не подчиниться приказу Варя не могла.

Скрепя сердце Варя попросила Кремнева отправить разведчиков на поиски нового перевязочного пункта, в ожидании возвращения прилегла на сено и почти сразу заснула.

- Ты, Боб, отправляйся на поиски. Увидишь, кстати, и свою Ирочку, - обратился Кремнев к Павленко.

В темноте он увидел несколько двигающихся светлых точек. Кто-то освещал себе дорогу, идя по изрытой воронками и окопами местности.

Прапорщик пошел в этом направлении и вскоре нагнал перевязочный отряд.

- Где наша балерина? - лукаво улыбаясь, спросила Ветрова.

- Спит у нас на батарее.

- А вы, надо думать, оберегали ее сон? - заметила Ирина.

- Зачем же я, достаточно заботы моего командира, - в тон ей ответил Павленко.

Болтая таким образом, они добрались до нужного им блиндажа и немедленно приступили к его оборудованию. работа спорилась, и вскоре все было готово.

Павленко отправился уведомить об этом Звонареву.

На батарее прапорщик застал по-прежнему спящую Варю и Кремневу, дремлющего у костра. Прапорщик доложил капитану, что пункт готов.

- На рассвете я сам разбужу Варвару Васильевну. А ты, Боб, пока приляг отдохнуть: нам предстоит большая работа.

Вскоре на батарее все, за исключением часовых, спали крепким сном.

Незадолго до рассвета за деревней Ставки затрещали пулеметы, и мгновенно сильная ружейная перестрелка, раздались взрывы ручных гранат, донеслись отдаленные крики. В воздухе запели ружейные пули.

- Тревога! Номера, к орудиям, приготовиться к стрельбе на картечь, - скомандовал прислушавшийся и быстро разобравшийся в обстановке Кремнев.

У орудий все пришло в движение. Варя заторопилась к себе на перевязочный пункт.

- Прапорщик вас проводит, заодно и разведает дорогу в тыл, - распорядился капитан.

Шум боя быстро нарастал; загремели гулкие в тумане орудийные выстрелы, заговорили пулеметы, и вскоре все слилось в один протяжный тяжкий грохот. В темноте беспрестанно сверкали зарницы выстрелов и разрывы снарядов.

На перевязочном пункте Варя застала переполох. Ветрова, Осипенко и санитары метались около блиндажа, не зная, что предпринять.

- Надо приготовиться к приему раненых, - первое, что произнесла Варя, как только перевела дыхание после быстрой ходьбы.

- Да что вы, Варвара Васильевна! Слышите, что творится? Немец с минуты на минуту может прорваться, и мы окажемся в плену, - хором запротестовал весь персонал.

- Впереди нас целый полк и две батареи. Атака, конечно, будет отбита. Приготовить бинты и инструмент. Таня, будешь ассистировать мне. Ира, займешься легкими ранеными, - не допускающим возражения тоном проговорила Звонарева.

Пункт начал работать.

Между тем немцы, обрушившись на деревню Ставки, выбили оттуда полк Хоменко, но дальнейшее продвижение их было приостановлено картечным огнем легких батарей. Хоменко сосредоточил свои резервы на флангах и приготовился к контрудару. По рации полковник сообщил Борейко о тяжелом положении на своем участке. Тяжелые батареи ударили по пристрелянной накануне деревне. Их огонь сразу внес расстройство в ряды врага. При первых проблесках рассвета сквозь серую пелену тумана было видно, как вражеские солдаты метались среди черных фонтанов земли.

Хоменко, смотревший в бинокль с наблюдательного пункта, был поражен величественной и грозной картиной боя.

У батареи Кремнева за старшего был Крутиков, тут же находился и Сологубенко. когда непосредственно за орудиями стали разрываться тяжелые снаряды, Крутиков приказал всем свободным номерам укрыться

в вырытые около орудий ровики. У пушек остались лишь наводчики, правильные и заряжающие да взводные и орудийные фейерверкеры. Батарея продолжала вести огонь. Один из снарядов попал в третье орудие, исковеркал пушку и перебил расчет. В соседних расчетах тоже оказались раненые.

- Снести раненых в офицерский блиндаж, заменить выбывших из строя, - скомандовал Крутиков. - Батареей огонь!

Твердый, уверенный голос офицера внес успокоение.

Артиллеристы вернулись к орудиям, стрельба возобновилась. Желая подбодрить солдат, Сологубенко сам сел за наводчика. Взводный первого взвода Батурин, контуженный и оцарапанный камнями, остался в строю и, превозмогая слабость, громко покрикивал на солдат:

- Не робей, братцы! Тонка кишка у немца сбить нашу батарею! Солопов, цельсь в самого главного колбасника!

Наводчик Гребенюк с украинской неторопливостью протирал окуляр панорамы и затем припадал глазом к панорамную прицелу.

- Чуть вправо! Много, малость левее, ось так, прямисенько в ихнего генерала. Готово! - балагурил он.

- Огонь! - И ствол пушки с грохотом откатывался назад.

Взводный командир 3-го взвода Требных, спокойный коренастый сибиряк, то и дело подгонял своих номеров:

- Поскорей двигайтесь, язви вас в душу! Ровно блох ловите, а не немцев бьете, - ворчал он.

- Блох-то, Тимофей Максимович, ловить надо быстро, не то они враз ускачут, а немцам наша пехота не даст далече уйти, - ухмылялся солдат.

- Подвяжи свое болтало и поворачивайся поживей! - прикрикнул взводный.

Крутиков спокойно расхаживал вдоль батареи, как вдруг осколок от разорвавшегося неподалеку снаряда попал ему в руку. Охнув от боли, штабс-капитан пытался зажать рану носовым платком, но кровь продолжала течь.

- Примите командование батареей, Леонид Романович, пока я перевяжусь

в блиндаже, - приказал он Сологубенко.
- батарея, слушай мою команду! - заорал прапорщик во всю глотку. - По проклятым врагам два патрона - беглый огонь!
Громовые раскаты выстрелов потрясли воздух. Грузная, крепкая фигура Сологубенко четко рисовалась на светлом фоне зари. Густые брови сдвинулись к переносице, на лице застыло выражение боевого воодушевления.
- Огонь! - то и дело вскрикивал он с металлическим звоном в голосе, и новая партия снарядов, урча, улетала вдаль.
Телефонисты едва поспевали передавать распоряжения Кремнева.
- Левее ноль-ноль пять, уровень тридцать ноль - один патрон беглый огонь! - кричал из блиндажа телефонист. Взмах руки Сологубенко - и снова грохот орудий.
За суматохой бой все перестали замечать разрывы немецких снарядов и свистевшие в воздухе осколки.
"Та-та-та"! - застрочили из пулемета по батарее с аэроплана.
Пули защелкали по земле и щитам6 с характерным взрывом возникали маленькие фонтанчики голубого дыма. Немец бил разрывными пулями. Солдаты прижались к щитам, но Сологубенко только отмахивался от пуль и осколков, как от надоедливых мух. Опасность только расжигала его азарт. Глаза загорелись злобой, большие добрые ладони сжались в кулаки.
- На тоби, на тоби, бисов сын! - приговаривал прапорщик после каждой очереди, грозя кулаком в сторону немецких позиций.
Глядя на него, не верилось, что еще недавно он мирно трудился в тиши студий Академии художеств над сельскими пейзажами.
- Приготовиться к отражению газовой атаки. Надеть противогазы, - вдруг передал с наблюдательного пункта Кремнев.
Но вскоре газовое облако неожиданно сменившимся ветром понесло в сторону немецких войск. Немцы поспешно убегали в тыл. Видя это, Хоменко только потирал руки:
- Ось так - чого хотели, того получили! - И он отдал распоряжение своим

частям, миновав зараженное газами пространство, двинуться в обхват флангов.

Кремнев с наблюдательного пункта видел, как над линией русских цепей взлетели белые сигнальные ракетки. одновременно над окопами появилась волна быстро движущихся, поблескивавших штыками солдат. Солдаты бежали во весь рост. Они быстро нагнали врага и перемешались с ним в жаркой рукопашной схватке. Лишь ветер доносил издали мощное "ура".

Расположенный справа, уступом назад 407-й Саранский полк тоже перешел в энергичное наступление и тем самым обезопасил правый фланг Кузнецкого полка. Это дало возможность Хоменко все свои резервы направить на свой фланг и, ударив в тыл немцам, отрезать значительную группировку от главных сил.

На пространстве в несколько квадратных километров металась в панике немецкая пехота, скакали артиллерийские запряжки в тщетной надежде найти выход из железного кольца русских войск. Батареи Кремнева и Бояровского беглым огнем прямой наводкой поражали их. Вскоре над немецкими войсками появились прикрепленные к штыкам белые флажки. Хоменко приказал прекратить огонь артиллерии. И тут-то произошло совершенно неожиданное. Часть немецких солдат кинулась на поднявших белые флаги, и на глазах у русских началась кровавая свалка между немцами.

- Такого сроду не бачив! - бормотал себе в усы Хоменко. - Не разберешь, кому тут помогать. Пускай уж дерутся сами, - решил он. - Гриценко, Гапотченко, помните, что я вам приказал захватить немецкие гарматы и самих немцев набрать побольше!

- Слушаемся, ваше высокоблагородие. Усэ будэ исполнено до точности.

Прошло с четверть часа. Русская пехота все более сжимала кольцо окружения. Сотни немецких солдат, побросав оружие, поднимали вверх руки.

- Какой части? - по-немецки спросил одного пленного Хоменко.

- Сто десятого полка тридцать седьмой австрийской дивизии, - по-русски,

но с акцентом ответил пленный.

- Так вы чехи?

- Русины, словаки, чехи... Одним словом - западные славяне. Но среди нас есть и немцы. Сейчас вы видели, какая "дружба" между нами и ими, - усмехнулся пленный.

- Где тут берут в плен? - спросила подошедшая к Хоменко обезоруженная группа австрийцев.

Хоменко захохотал:

- Ось як дело обернулось! И воевать не треба - сами до ас бегут.

Вскоре подошли еще пленные. Безоружные, угрюмые немцы были окружены австрийцами, которые с винтовками наперевес не спускали глаз со своих бывших союзников.

- Позвольте вам представить взятых нами в плен германцев, - вытянулся перед Хоменко австрийский лейтенант.

Затем в сопровождении конных разведчиков подъехала целая австрийская батарея. Ее командир тоже объявил о сдаче в плен и протянул Хоменко свою саблю.

- Честь имею представить германские гарматы, - доложил Гапотченко. - Приказ вашего высокоблагородия сполнен.

- Спасибо, хлопчик!

Полковник вызвал к себе Борейко.

- Принимайте немецкую батарею и поскорее пускайте в дело, - распорядился полковник.

В захваченной батарее были легкие орудия. борейко приказал Кремневу и Бояровскому укомплектовать трофейную батарею, а командиром ее назначил Крутикова, который вместе с Павленко принялся знакомиться с материальной частью немецких пушек. Австрийские офицеры любезно давали им подробные пояснения и снабдили Крутикова правилами и таблицами стрельбы. Узнав, что он не владеет немецким языком, один из австрийцев вызвался перевести их на русский язык.

Радостно возбужденные австрийские артиллеристы быстро передали русским пушки, зарядные ящики, лошадей, амуницию, телефоны,

стереотрубы и, построившись под командой своих офицеров, пошли в плен. К ним был приставлен лишь один солдат - проводник и он же конвойный.

Пошла сдача в плен окруженных частей, бой на фронте продолжался.

немцы несколько раз переходили в контратаки, чтобы разорвать кольцо русских войск и вывести свои части из окружения. Но попытки эти легко отбивались.

23

Хоменко стал подготовлять новый бросок вперед. Борейко с полковником тут же разработали план дальнейшего наступления. Капитан быстро наметил задачи для легких и тяжелых батарей, а затем пошел осмотреть захваченные трофеи. Медленно шагая по полю в сопровождении Блохина, Борейко попутно подробно знакомился с устройством и оборудованием австрийских окопов. Они были устроены прочно и аккуратно. Стены в блиндажах обшиты досками, пол зацементирован. Во всех окопах и ходах сообщения имелись канавы для стока воды, а стенки были укреплены плитняком, местами раскрашенным в различные цвета. Встречались даже небольшие клумбы с цветами, заботливо огороженные ивовыми прутьями.

- Видал, Блохин, культура-то какая! Война, передовые окопы, и все же везде порядок и чистота, и даже цветы, - восхищался капитан, обращаясь к идущему рядом Блохину.

- Оно, конечно, порядку здесь много. Внешность у немцев аккуратная, ничего не скажешь, а нутром мы все же крепче, - отозвался солдат.

- Это верно. Как нам плохо пришлось в прошлом году! Ни одной крепкой части не осталось! Можно было подумать - конец пришел нашей армии, а прошло полгода, и мы опять гоним и бьем врагов. Зато голова гнилая.

Министры да генералы, как на подбор, один другого хуже.

- Их убрать можно. Найдем, кем их заменить.

- Например, нас с тобой сделать министрами и генералами, - усмехнулся

капитан.

- Отчего бы вам, к примеру, не стать генералом и начальником над всей артиллерией, а мне не командовать батареей.

- Чином мы, брат, не вышли для этого.

- А мы и без чинов управимся! Кончится война - всему разбор пойдет.

Посмотрите только, Борис Дмитриевич, - показал солдат на отбитую у немцев землю, - сколько здесь полегло народу - и наших, и немцев. Ежели их уложить в ряд друг около друга, то они не уместятся на той земле, на которой дрались и сложили свои головы. Тысячи, миллионы людей гибнут на войне. Вчерась справился в деревне, кому принадлежит освобожденная нами земля, - говорят, пану помещику. Только вон с караю маленький клочок крестьянской земли. Выходит, что и полегли наши солдатики не за свою, а за помещичью землю, - с возмущением проговорил Блохин.

- Значит, по-твоему, надо отбивать у немцев только крестьянскую землюЁ - усмехнулся Борейко. - Так вести войну нельзя.

- Очень даже можно, Борис Дмитриевич, но не здесь, а в России: забирать землю у помещика и делить промеж крестьян. А заводы отдать рабочим. Пусть работают и управляют сами, - с жаром говорил солдат.

- Новую пугачевщину проповедуешь? Не те, брат, сейчас времена. Живо придушат бунтовщиков, - ответил Борейко.

- Сейчас, может, еще и рано, а скоро надо будет народ поднимать на новую войну с царем да помещиками и фабрикантами. Воевать мы с вами малость научились, а у помещиков солдат не будет, разве только соберут жандармов, казаков да кое-кого из кулачья.

Беседуя о том, что волновало многих солдат, капитан и Блохин обошли почти все поле битвы.

Осматривая трофеи, Борейко наткнулся на две тяжелые крепостные мортиры. К ним нашлось некоторое количество бомб и пороховых зарядов.

Капитан проверил калибр, он оказался равен 28 сантиметрам.

- Одиннадцать дюймов! - перевел на русские меры капитан. - Мы такие

видели в Артуре. Дальнейбойность их до семи верст. Надо сегодня пустить их в дело. Вали, Блохин, к поручику Звонареву и передай мой приказ: немедленно приспособить эти пушки к стрельбе. Пусть с собой возьмет десяток солдат порасторопнее.

Солдат, откозыряв, исчез.

И только теперь Борейко понял, что уже сутки не был на перевязке.

Рана горела и пульсировала, при движении левая рука сильно болела, казалась значительно тяжелее правой. Капитан решил зайти к Звонаревой и направился на перевязочный пункт. Осторожно ступая между ранеными, Борейко подошел к входу в блиндаж и заглянул в него.

Нагнувшись над операционным столом, Варя орудовала ланцетом и пинцетиками, ей помогала Ирина. В стороне Ветрова перевязывала легкораненых, изредка спрашивая указаний.

- Здравствуйте, Боренька! И вы пожаловали на перевязку? - заметила капитана Варя. - Обратитесь к Танюше, быть может, она снизойдет к вашим мольбам. Я занята операцией.

- Не смею утруждать вас заботами о своей ничтожной персоне, драгоценная Варенька. Что же касается сестрицы, то пусть она сначала перевяжет всех солдат, - сказал Борейко, хотя рана его сильно беспокоила.

- У меня немного людей, всего четверо. Они могут подождать.

- Командир должен быть первым в бою и последним на перевязочном пункте. Я подожду, - отказался Борейко.

Выйдя из блиндажа, он увидел группу немцев, которых вели под конвоем.

Среди них двое были с повязками Красного Креста на рукавах. Один - краснолицый, упитанный шваб лет тридцати пяти - при виде офицера вытянулся и молодцевато отдал честь. Другой - худощавый брюнет с огромными круглыми очками на носу - выглядел штатским человеком, на которого случайно надели военный мундир. Он тоже поспешил неловко приложить руку к козырьку.

- Вы врачи? - спросил их Борейко по-русски, ткнув пальцем в повязки

Красного Креста.

В ответ пленные оживленно заговорили по-немецки, - Мы, ваше высокоблагородие, сейчас приволокем сюда австрияка или чеха. Они понимают по-германскому и наш язык многие знают, - предложили солдаты.

В ожидании их возвращения конвойные посадили немцев на землю и отправились за водой.

Вернулись солдаты с двумя австрийцами, которые, щелкнув каблуками, вытянулись перед Борейко.

- Чем можем быть полезны, господин капитан? - спросил один из них довольно чисто по-русски.

Борейко попросил их быть переводчиками. С их помощью он узнал, что толстый немец - полковой врач фон Валь, а другой - молодой врач Гирштейн, австрийский еврей из Вены.

- Пошли за мной, - скомандовал врачам Борейко.

- Ваше высокоблагородие, нам бы расписочку.

Капитан на бланке полевой книжки написал расписку.

- Получайте помощников! - заглянул в блиндаж Борейко, когда они подошли к перевязочному пункту. - Привел вам двух врачей.

Звонарева подняла голову и увидела двух немцев.

- Переведите им, - обернулся капитан к австрийцам, кивнув на врачей, - что они будут в подчинении у этого врача и чтобы не вздумали хорохориться. Ясно?

Варя кивнула головой своим новоявленным помощникам и заговорила с ними по-немецки:

- Прошу вас, коллега Гирштейн, перейти в соседний блиндаж и приступить там к работе, а вам, господин фон Валь, придется ассистировать мне. Таня, ты отправишься с Гирштейном, возьми с собой и австрийского толмача.

Гирштейн элегантно раскланялся и, вымыв руки, ушел вместе с Ветровой.

Прошло с полчаса, наплыв раненых временно прекратился.

- Пошли, Боря! Так и быть, перебинтую вас сама, - пригласила Звонарева

Борейко.

Она усадила Борейко в кресло, помогла ему снять китель и рубашку.

Готовя инструменты, сказала:

- А знаете, Боренька, сегодня много у меня прошло раненых. Очень трудный день, но когда победа, работать веселее и солдатам легче. Просто не перестаешь удивляться, до чего же терпелив русский человек... Раненый, истекает кровью, а улыбается. " Ничего, - говорит, - переживем, главное - наша взяла..." Солдаты это наступление по-своему окрестили. - Варя подошла к Борейко, держа в руках шприц.

- Как же? - спросил капитан.

- Брусиловским прорывом! - ответила Варя.

Борейко долго молчал, следя за Варей, за ее ловкими руками.

- Да, это хорошо сказано, - наконец тихо проговорил он. - Настоящий прорыв. Лучше не скажешь. Теперь немцы покатятся... Только бы у нас хватило пороху...

В буквальном и переносном смысле, - подхватила Варя его мысль.

Звонарева пинцетом вскрыла кровоточащую рану, извлекла из нее несколько мелких металлических осколков и сразу покраснела.

- Полюбуйтесь, - ткнула она один из них под нос немцу. - Ваши мерзавцы стреляют разрывными пулями.

- Только слабость и несовершенство русской техники не позволяют нам применять такие пули, - возразил Валь.

- Вздор! Мы не варвары и строго придерживаемся постановлений Гаагской конференции.

Обратившись к Борейко, она сказала:

- Счастливы вы, Боренька! На вершок правее - и мы сегодня уже не беседовали бы с вами. Теперь держитесь, дорогой.

В руке Звонаревой сверкнул ланцет, и она двумя точными ударами глубоко вскрыла рану, из которой показался гной. Очистив рану, она вставила тампоны для дренажа. Капитан, бледно-серый от боли, с широко раскрытыми глазами, жадно хватал ртом воздух.

- Не найдется ли у вас стаканчика спирту? - наконец прохрипел он.

Варя налила ему полмензурки и, разбавив водой, подала ему.

- Больше не дам.

- Налейте, пожалуйста, верхнюю половину мензурки, - взмолился капитан.

Варя со вздохом повиновалвсь. Дрожащей от боли рукой Борейко взял мензурку и выпил спирт.

- Спасибо! Теперь потопаю к вашему мужу.

Варя, проработавшая беспрерывно почти целые сутки, валилась с ног.

Посмотрев, как фон Валь перевязывал раненых, она дала ему несколько указаний и вышла, оставив в блиндаже Ирину.

- С пяти часов утра я на ногах. Совсем одурела от запаха крови и эфира, - устало пожаловалось Звонарева сестре. - Где тут можно растянуться на земле и полежать спокойно хотя бы с четверть часа?

- Вон там, на берегу Путиловки, случайно сохранилось несколько кустиков, - показала Ирина.

Варя прилегла в слабой тени кустарника и тотчас уснула.

Изредка доносилась редкая ружейная трескотня, прерываемая иногда дробью пулемета. Лениво стреляли тяжелые батареи. В воздухе надоедливо жужжал германский самолет. Казалось, полуденный жар заворожил обе воющие стороны. Напряженность боя явно спадала. Немцы и русские производили перегруппировки, подтягивали резервы, готовясь к новым ожесточенным схваткам.

Вдали басовито грохнула тяжелая пушка, и высоко над головами просвистел снаряд. Через некоторое время долетел отдаленный ревущий звук разрыва.

Варя открыла глаза.

"Это пушки Сергея, - мелькнула мысль. - Я сплю уже полчаса", - она вглянула на часы.

Варя провела рукой по лицу, будто умываясь, стряхнула окончательно с себя сон, вскочила на ноги. После короткого отдыха ее молодое лицо снова оживилось.

- Прекрасно отдохнула! Теперь могу опять взяться за работу, а то у меня

уже начинали трястись руки от усталости, - проговорила она, входя в операционный блиндаж.

Подойдя к операционному столу, Звонарева с удивлением и испугом увидела на столе раненного в ногу унтер-офицера. Еще несколько минут назад он бодро говорил и даже не очень жаловался на боль в ноге. Рану нельзя было причислить к тяжелым. Сейчас он умирал. Звонарева начала считать пульс, который с каждой секундой слабел все сильнее.

- Раньевой шок, - пояснил Валь.

- Скорее камфару, - скомандовала Звонарева.

Немец начал методически промывать шприц.

Варя вырвала у него шприц и сама сделала инъекцию. Пульс стал улучшаться, опасность миновала.

- Потрудитесь двигаться побыстрее, господин фон Валь, когда я вам отдаю приказания! - резко проговорила Варя. - Блохин, подите-ка сюда.

- Сей секунд, Варвара Васильевна!

- Этот немец не хочет меня слушаться, из-за него сейчас чуть не умер раненый.

- Прикажете его порешить? - угрожающе вскинул Блохин винтовку.

При виде направленного на него штыка немец отчаянно заверещал:

- Вы не имеете права меня убивать! Женевская конвенция воспрещает применение вооруженной силы к медицинским работникам. Не понимаю, почему вы так волнуетесь, фрау, в России много солдат. Одним больше, одним меньше - что это изменит?

- Ну и логика! Нечего сказать, хорош врач. Обождите пока, Филипп Иванович. Пуганули его - теперь будет послушнее, - закончила Звонарева.

Солдат убрал винтовку. дальше работа протекала в полном молчании.

Немец беспрекословно и расторопно исполнял все распоряжения Звонаревой.

Немного погодя она прошла в соседний блиндаж поглядеть, как там идет дело.

Глаза Гирштейна блестели от удовольствия, когда раненый облегченно

вздыхал и благодарно улыбался доктору.
- Гут, карош зольдат, молодец! - коверкал русские слова врач.
Гирштейн с увлечением ловко работал ланцетом. Осипенко едва успевала подавать инструменты и бинты.
- Он научил меня, как называется по-немецки вата, бинты, марля, так что я понимаю его без переводчика, - радостно сообщила Ирина.
Звонарева ласково потрепала девушку по щеке.
- Очень рада, что у вам все в порядке. А у меня из-за оплошности фон Валя чуть не умер раненый...
Слова Вари услышали собравшиеся у перевязочного пункта раненые и моментально всполошились:
- Что же это такое, братцы? Немцы-врачи убивают наших раненых, а наша докторша тут под кустиком прохлаждается, - заорали в толпе.
- Бей немчуру, бей докторшу! - орали они, врываясь в блиндаж.
Гирштейн в ужасе поднял вверх руки и что-то закричал по-немецки.
Осипенко от страха залезла под операционный стол и разрыдалась.
- Назад! Не смейте его трогать! - бросилась на помощь Гирштейну Звонарева, загораживая собой врача.
- Бей ее, коли она за немца! - кинулся было к Звонаревой один из солдат.
- Куда прешь, осади назад! - вступился пожилой солдат. - Мы свою докторшу в обиду не дадим! Кто ее только тронет, всех перестреляем на месте!
Солдаты постепенно успокоились.
Узнав о причине бунта, Гирштейн все еще дрожащим от страха голосом поблагодарил Звонареву за свое спасение и затем рассказал:
- Фон Валь считает, что необходимо умерщвлять русских раненых, если они попадут к нам в руки.
- Почему же сразу не сообщили мне об этом?
- Боялся мести. Конечно, это есть малодушие с моей стороны, - оправдывался Гирштейн.
- Придется немного погодя вас обоих отправить с пункта. Иначе трудно

ручаться за вашу безопасность.

Желая избежать самосуда, Варя отстранила фон Валя от работы и приставила к нему солдата из легкораненых.

- Стереги немца, чтобы не сбежал! - приказала она солдату.

24

После этого Звонарева занялась перевязками. Теперь ей ассистировал Гирштейн.

Около четырех часов дня Хоменко возобновил наступление. Его полку предстояло атаковать сильно укрепленную деревню Пальча. Борейко по его приказу сосредоточил на ней огонь своих батарей.

С наблюдательного пункта было видно, как сметались целые хаты, рушились каменные здания, горели сараи.

- Через час от деревни останется одно воспоминание, тогда мы и пойдем вперед, - проговорил полковник. - А сейчас ударьте, сынку, шрапнелью.

Борейко отдал нужные распоряжения.

Через минуту все три легкие батареи, включая и трофейную батарею Крутикова, начала осыпать немецкие цепи свинцовым дождем.

Надежды Хоменко на то, что через час можно будет захватить Пальчу, не оправдались. Едва русские цепи поднялись в атаку, как были встречены ураганным огнем немецких батарей. Стало очевидно, что германцы успели подтянуть резервы к этому участку. Решено было отложить операцию до рассвета следующего дня.

С наступлением сумерек артиллерийская стрельба почти прекратилась. В тылу началась обычная ночная жизнь: подвозились снаряды, продовольствие, эвакуировались тяжелораненые.

В деревне Ставки, теперь прочно занятой Кузнецким полком, в одной из немногих уцелевших халуп расположился штаб Хоменко.

Рядом разместилась рация Борейко. Сюда вечером подошла Варя.

- Надеюсь, теперь мне можно занять под перевязочный пункт хату, что я еще вчера облюбовала? - спросила она у полковника.

- От нее, доченька, осталась лишь яма да куча мусора. Наш общий друг Борейко разбил ее своими снарядами.

Варя вздохнула и отправилась подыскивать новую хату для своего пункта. Вскоре подошли Ветрова, Ирина и санитары, на несколько минут появился Емельянов. Теперь он был очень любезен со Звонаревой и обещал ей всякое содействие.

- Вы, Варвара Васильевна, будете работать на передовой, а я организую эвакуацию дальше в тыл, - предложил он.

- Надо сначала наладить доставку раненых с передовых позиций к перевязочному пункту, - ответила Звонарева.

- Это Красного Креста не касается, наше дело - глубинная эвакуация.

Спор решил Хоменко, предложив Емельянову состоять при штабе полка.

С темнотой к штабу подъехали походные кухни. К ним тотчас потянулись солдаты с котелками. Хоменко начал пробовать пищу в каждой кухне.

- В третьей и четвертой ротах артельщиков и кашеваров отправить в строй за плохую пищу и маленькие порции, - приказал он адъютанту.

- Мы, ваше высокоблагородие, тут ни при чем! Что нам дают, то и делаем, - запротестовали было солдаты.

- Дайте-ка сюда фонарь, - приказал полковник и затем осветил физиономии каждого из них.

Лица были загорелые, краснощекие, лоснящиеся от жира.

- Подь сюда, хлопчик, - окликнул Хоменко одного из солдат с котелком.

- Ось, бачь, яки хлопцы в строю! - осветил полковник худое, обросшее щетиной и усталое лицо. - А они понажрали себе ряжки за солдатский счет.

Отправить их в окопы да присмотреть, чтобы не убежали.

- Правильно! Командир бьет в самую точку. Буде им мясными порциями торговать, - загомонили солдаты. - Пора нашей крупе [К р у п а - так презрительно называли кашеваров и артельщиков] пороху понюхать...

К ночи в штабе полка собрались командиры батальонов и всех батарей, расположенных на участке Кузнецкого полка. С Борейко пришел худощавый, болезненного вида командир только что подошедшей

дальнобойной батареи пушек Виккерса - капитан Вышеславцев. Артиллеристы сели по одну сторону стола, напротив расположились пехотинцы.

Хоменко сообщил, что за истекший день полк захватил шесть орудий, тысячу двести пленных. Правда, и потери составляют сто пятьдесят убитыми и девятьсот двадцать ранеными. Затем он предупредил, что на следующий день полк продолжит наступление в направлении на город Луцк.

- По плану завтра к вечеру мы должны захватить станцию Киверцы под Луцком, хотя генерал Каледин сомневается в выполнении этого. Но такова поставленная нам задача, - закончил свою речь полковник.

- Интересно, в чем не сомневается генерал Каледин? - бросил с места Кремнев.

- Очевидно, в том, что рано или поздно немцы нас все-таки побьют, - отозвался Борейко.

- По-моему, Каледин прав. До Киверцов почти двадцать верст отсюда.

Едва ли мы сможем за день с боем пройти такое расстояние, - усомнился один из командиров батальонов.

- Як наши гарматчики поддадут немцу жару, так они уси побегут, теряя штаны по дорози. Вам, господа офицеры, только и останется, что догонять их. Не правда ли, сынку? - обратился полковник к Борейко.

- Раз вы, батько, собираетесь завтра так далеко продвинуться в расположение противника, то и нам придется подтянуть вперед наши пушечки.

Дальнобойную батарею и тяжелую я поставлю за самыми ставками, легкие и мортирная батареи будут сопровождать вас в наступлении. Вот мне со своими двенадцатидюймовыми перебраться потруднее.

- Раз так, давайте кончать разговоры. Пойдем, сынки, по окопам, - пригласил Хоменко офицеров.

Роты Кузнецкого полка занимали оборону в версте за деревней Ставки.

Солдаты отдыхали от боевого дня, обедали, пили чай, беседовали, приготовлялись к ночи. В двухстах - трестах шагах впереди то и дело

взлетали немецкие ракеты.

- Немец зачал войну, его и освещение! - шутили солдаты.

- Поддали вы сегодня пару германцу, хлопчики, - подошел к ним Хоменко. - Гриценко, сколько пленных сегодня набрал?

- Пять человек, ваше высокоблагородие, - смущенно ответил солдат. - Завтра доберу остальных.

- Чтобы ты меньше десятка завтра не приводил, - обернулся полковник к старшему разведчику.

- Постараюсь, ваше высокоблагородие. Не прикажете зараз пошукать у немцев?

- Добре, добре! Треба узнать, що вин робит, да и "язык" будет нужен.

А про шкидников да мерзостников помни...

- Слухаю! Мы, ваше высокоблагородие, деревянный пулемет придумали, з ним и заберемся до немцев у тыл.

- Покажи цю штукенцию! - заинтересовался полковник.

Солдат подал деревянную трещотку. Стоило только покрутить за ручку, как раздавался оглушительный треск, по звуку очень похожий на пулеметную стрельбу. Хоменко даже вздрогнул от неожиданности.

- Гарно, дуже гарно, хлопчик! - похвалил он Гриценко. - Придешь в штаб, поднесу тоби чарку горилки.

- Покорнейше благодарю, вашскобродие.

- Много у вас таких "пулеметов"? - поинтересовался Борейко.

- Три. Да за ночь можно наделать их полсотни, а как в атаку идти, так и вдарим с цих пулеметов ему во фланг. А щоб було похоже на правду, зачнем стрелять из винтовок. Немец с перепугу и не разбере, шо це таке, - пояснил Гриценко.

На захваченной русскими войсками территории было много различных австрийских блиндажей и казематов. В одном из них к ночи сошлись Блохин, Солопов и Гриценко. При свете огарка они познакомились с последними полученными листовками, призывающими к прекращению войны.

- Что же мы делать будем? - спросил Солопов. - Призывать солдат не

идти в атаку и уходить в тыл?

- Сейчас не моги о таком и думать? На месте пристрелит первый же офицеришка и в ответе не будет, - возразил Блохин. - попробуй не пойти в атаку, когда в тылу казаков видимо-невидимо. На каждого солдата по два казака придется, ежели не больше. Нет, сейчас мы должны быть вместе со всеми солдатами, разделять с ними все тяготы и трудности, чтобы они видели нас и убедились: не шкурники мы и не трусы, с народом тяготы несем. А попутно надо объяснять, кому от такой войны прибыль, а кому один разор. ίамедни крестьянин говорил мне, что у него все хозяйство война разорила. Я его спрашиваю тогда: а у пана? У пана, говорит, как и у меня, усадьбу разбили, да земли-то у него осталось пятьсот десятин чернозему. Худо ли, бедно ли, а дадут ему за нее по три сотни за десятину, а все поболе миллиона сгребет, а мне за десятину песку и по четвертной не дадут. Он по-прежнему пан, а я совсем пропал. Опять с семьей к нему в кабалу пойду.

- Что верно, то верно, - поддакнул Гриценко. - Пан за деньгой, а мужик с сумой. Так було, так и останется.

- Так помните, товарищи, сейчас только разъяснительная работа.

никаких призывов к неповиновению. Будьте в самых опасных и трудных местах с солдатами. И еще: докторша, что здорово плясала, наша, ее можно не остерегаться. И беречь ее надо. Понятно, товарищи? А теперь по своим местам. Как затишье в боях выпадет, опять соберемся. - И Блохин по ходу сообщения скрылся в темноту. Солопов и Гриценко последовали за ним.

Ночью продолжались поиски разведчиков на фронте, спешно переезжали тяжелые батареи на новые позиции и подтягивались тыловые учреждения. Едва забрезжил рассвет, Хоменко бросил свой полк в атаку без артиллерийской подготовки, Внезапность нападения обеспечила полный ее успех. В несколько минут передние линии вражеских окопов были захвачены, разведчики прорвались с деревянными пулеметами далеко во вражеский тыл и вызвали там страшную панику. Бросая оружие, немцы бежали без оглядки, австрийцы дружно поднимали руки и

массами сдавались в плен.

Соседние части тоже перешли в решительное наступление. Фронт врага дрогнул на всем протяжении. Спасаясь от преследования, немцы тщетно пытались задержаться на промежуточных рубежах. Они бежали так быстро, что Хоменко посадил часть своих солдат на подводы и только таким образом смог догнать уходящего противника. Легкие батареи шли на рысях, боясь отстать от пехоты. Борейко бросил в преследование всех мотоциклистов-разведчиков во главе с Блохиным и предоставил свои автомобили для перевозки пехоты.

Варя, плача от злости, с тоской смотрела на уходящие вперед части.

- Нам тоже надо двигаться вперед, а не стоять на месте! - почти кричала она Емельянову. - Поймите раз навсегда, Варвара Васильевна, что передовой перевязочный пункт Красного Креста должен продвигаться с главными силами, а не с авангардом, - урезонивал ее уполномоченный.

- Какой там авангард, когда уже передвигается тяжелая батарея, а легкие давно ушли под Луцк, - кипятилась Звонарева.

В окне мелькнула фигура Борейко на легковом автомобиле.

- Борейко, миленький, возьмите, меня с собой! - закричала Звонарева, выскакивая из избы. - Только меня с Ирочкой, бинтами, инструментами. Таня, докончишь перевязки и отправишься вслед за мной. - И Звонарева, и Осипенко, захватив самое необходимое, умчались на машине.

Не было еще и полудня, когда передовые части Кузнецкого полка вплотную подошли к станции Киверцы и сходу захватили ее. Немецкий начальник станции дико выпучил глаза, когда перед ним выросла фигура Блохина с винтовкой наперевес.

- Хальт! Хенде хох! [Стой! Руки вверх! (нем.)] - угрожающе вскинул ружье солдат.

- О майн гот, дас ист унмеглих, руссен хир! [О мой бог, это невозможно, русский здесь! (нем.)] - в испуге лопотал немец, поднимая руки.

Хоменко с разведчиками подоспел вслед за мотоциклистами. Мгновенно были захвачены телеграф и телефон. К станции в это время подходил воинский эшелон немцев.

- Принять его на крайний путь и обезоружить, - приказал Хоменко.

Две роты рассыпались вдоль линии железной дороги, а другие две спрятались в здании вокзала. Ничего не подозревавшие немцы спокойно остановили состав. Из открытых вагонов выскакивали немецкие солдаты, в окнах классного вагона мелькнули офицерские мундиры. И вдруг по условному свистку солдаты Хоменко бросились к эшелону. Раздались два-три разрозненных выстрела, грохнула ручная граната, и, покрывая все это, грянуло могучее русское "ура". Немцы испуганно поднимали вверх руки. Из офицерского вагона вывели толстого, апоплексического немецкого генерала.

Он все еще с недоумением оглядывался вокруг.

- Что это такое? Откуда здесь взялись русские? - бормотал он по-немецки.

За ним вышел полковник с разбитой в кровь физиономией и связанными руками. Он зло и хмуро глядел на солдат.

- Не вертись, бисова душа, пришибу на месте! - угрожал Гриценко, выразительно замахиваясь на немца прикладом.

Тот нехотя повиновался, цедя сквозь зубы проклятия. Затем появилась еще группа бледных от страха молодых офицеров, и, наконец, на руках вынесли молоденькую рыжеволосую немку, сестру милосердия, лишившуюся с перепугу чувств. Из товарных вагонов по одиночке выпускали безоружных солдат с поднятыми руками. Вскоре эшелон был пуст.

Пленных офицеров проводили в буфет, где их допрашивал сам Хоменко.

- Но каким образом вы попали сюда, герр оберст? [Господин полковник (нем.)] - недоумевал немецкий генерал.

- Очень просто, герр генерал. Немецкие войска бежали отсюда, а мы шли за ними по пятам, - усмехнулся Хоменко.

- Но это совершенно невозможно, чтобы прусские полки отступали перед русскими. Это, наверно, были австрияки или баварцы, они только и умеют, что дуть пиво и драть горло по тавернам.

Разговор был прерван Блохиным.

- Вашескобродие, немец звонит по телефону, а откуда - не пойму.
- Где помещается телефон? - вскочил с места Хоменко.
Солдат повел его по вокзалу. Звонили по селектору с соседней станции Рожище.
- Где тебя носит черт, Шульц? - сердито выругался диспетчер. - Прибыл ли к вам эшелон толстопузого генерала? С ним племянница, очаровательная Гретхен, можешь на нее полюбоваться.
Генерал уже здесь, лакает пиво в буфете, с ним и его сучка, - в тон немцу ответил Хоменко, которому пригодилось наконец хорошее знание немецкого языка, полученное еще в агрономической школе в Прибалтике.
- У тебя, Шульц, что-то изменился голос.
- Заложил малость за галстук.
- В служебное-то время? Не миновать тебе ареста. Значит, можно отправить следующий эшелон?
- О да. С чем он?
- С боеприпасами и продовольствием, с ним пятьдесят человек охраны из ландштурмистов.
- Направляйте их поскорее, тут большая нужда в снарядах и много раненых.
- Далеко ли от вас русские?
- Километрах в двадцати. Сегодня их, должно быть, погонят назад.
- Это хорошо, а то тут распускают слухи о наших неудачах. Я даже хотел задержать составы.
- Не беспокойтесь и смело посылайте сюда все эшелоны. Ауфвидерзейн, - закончил Хоменко.
Солдаты окружили своего командира и прислушивались к его разговору.
Выключив селектор, полковник громко захохотал и сообщил содержание своей беседы.
- Смотри, хлопцы, в оба! Не давай немцу очухаться, вскакивай в вагоны на ходу, лезь в них с обеих сторон и хватай колбасников за шиворот.
Гриценко, тебе поручаю паровоз, - распорядился Хоменко.

Солдаты бросились выполнять распоряжения, а полковник на всякий случай решил остаться у селектора.

Через несколько минут за семафором раздался свисток паровоза, который возвестил о подходе немецкого состава. Поезд приняли на первый путь. На перроне его встретили адъютант Хоменко в форме немецкого железнодорожника и еще несколько переодетых солдат. Ничего не подозревая, машинист отдал честь, а оберкондуктор поспешил подойти с рапортом к дежурному по станции.

Не успел состав остановиться, как солдаты захватили вагоны и тормозные площадки, обезоружив поездную охрану. Полнокровного и уже немолодого кондуктора от страха тут же хватил удар.

Со станции Рожище снова запросили, почему до сих пор не отправлен обратно порожний состав. Это подало Хоменко мысль попытаться захватить и эту станцию, высадив на ней десантом часть своего полка. Предприятие было рискованное, полковник заколебался и поделился своими планами и сомнениями с окружавшими его солдатами и офицерами.

- Вашескобродие, дозвольте нам, разведчикам, поехать в гости к немчуре, пошарить у нее в тылу? - попросил Гриценко.

- Слишком мало вас, только пропадете без толку.

- Разрешите кликнуть охотников, их найдется много.

- Вали, а потом побачимо, много ли у нас в полку добрых хлопцив.

Весь полк вызывался идти в десант, что привело Хоменко в восторг.

- Ось яки добри хлопци у мэне в полку! Як же и мэни самому нэ бути героем?

Узнав о предстоящей операции, в нее попросился и Павленко.

- Только берите с собой трофейные австрийские пушки. Они хорошо будут видны с платформы, - предупредил полковник.

Спешно погрузили в вагоны два батальона пехоты, пулеметы Кольта, вкатили на платформу два австрийских орудия. Общее командование десантом принял на себя помощник командира полка подполковник Капралов, говоривший хриплым басом бородатый мужчина с крупным

мясистым носом.
Сам Хоменко с остальными батальонами расположился в районе станции в полной готовности в случае нужды быстро помочь десанту.

25

Услышав об отправке десанта и узнав о его значении, об опасности, которой подвергается батальон, Варя решила присоединиться к нему.
"Как быть? - билась в голове тревожная мысль. - батальон отправляется на особую операцию, жизнь его солдат и офицеров будет в большой опасности, а ведь это все люди... Медицинских специалистов, кроме фельдшеров, у них нет. Я же врач... А если что случится страшное со мной?.. Или здесь без меня с Сережей?.. Но что делать, на то она и война..."
- "Надо ехать", - твердо сказала она себе.
Ирина наотрез отказалась следовать за ней. Варя только тяжело вздохнула. Разве может Ира понять, что руководит ее поступками?..
- Тогда я еду одна! - объявила Варя.
- Поперед батька в пекло не лизь, доченька! Ты здесь нужна со своими девчатами, - попытался было остановить ее Хоменко.
- Они и без меня прекрасно справятся. - И Звонарева уже на ходу вскочила на тормозную площадку. - кланяйтесь Сереже и не поминайте лихом, ежели что случится, - помахала она рукой.
- Сумасшедшая баба! Трое маленьких детей, муж, а ее несет нелегкая черт знает куда! Стегать ремнем ее надо, да некому, - сердито пробурчал Борейко и погрозил вслед Звонаревой кулаком.
- Надо немедленно подтянуть сюда тяжелые батареи, особенно дальнобойную. Следует приготовиться к дальнейшему наступлению на Рожище, - заторопился Хоменко, едва отошел десантный эшелон.
- Слушаюсь, через час батареи подойдут. Вот с колбасой быстро не передвинешься, а без нее батарея как без глаз, - задумался Борейко.
- Мы, ваше высокоблагородие, привяжем колбасу к грузовику и

поволокем за собой, - предложил Блохин.

- По рации передай приказание поручику Звонареву перебросить сюда возможно скорее аэростат, - распорядился капитан.

- Слушаюсь! А нам, разведчикам, разрешите отправиться вдогонку за десантом. Мигом будем около него, - попросил Блохин.

Капитан согласился. Через минуту отчаянный треск мотоциклов возвестил об отъезде разведчиков.

Между тем десантный эшалон благополучно достиг моста через реку Стырь. Стоявшие на платформе трофейные австрийские пушки и форменное платье Звонаревой, видневшееся с площадки, не вызвали подозрений, вагоны все были плотно закрыты. Немецкая охрана беспрепятственно пропустила состав.

Когда последний вагон миновал мост, поезд остановился. Из последнего вагона высадился взвод солдат с двумя ручными пулеметами и мгновенно обезоружил растерявшуюся немецкую стражу.

Оставив полуроту солдат с несколькими пулеметами для охраны моста, Капралов двинулся дальше.

Варя воспользовалась этой остановкой, чтобы перебраться в классный вагон. В одном из купе с помощью ротных фельдшеров она развернула перевязочный пункт.

Вскоре за мостом десантному эшелону преградил путь поток отступающих в полном беспорядке немецких обозов, транспортов, лазаретов, артиллерийских парков. Нескончаемой сплошной лавиной в четыре-пять рядов двигались они через железнодорожный переезд, стремясь уйти из-под удара русских войск. На тревожные гудки паровоза никто не обратил внимания, по-прежнему все продолжало двигаться вперед. Пришлось резко затормозив состав, остановиться в нескольких шагах от переезда. Машинист дал протяжный гудок, послуживший сигналом, по которому из всех тридцати вагонов с криком "ура" рванулись солдаты на колонну ничего не подозревавшего противника.

Бросая все на ходу, немцы побежали к ближайшему лесу, но Павленко, который уже успел сгрузить свои пушки, обстрелял их шрапнелью.

Обезумевшие от страха немцы и австрийцы падали на колени, поднимали руки вверх и тысячами сдавались в плен. Вдогонку за убегавшими по дороге обозами бросились подоспевшие в это время мотоциклисты батареи Борейко.

Вскоре бой закончился. Сотни брошенных на дороге и в поле повозок, зарядных ящиков, санитарных повозок и автомобилей достались победителям.

Солдаты рассыпались между ними в поисках ценных трофеев.

Перевязав несколько раненых, Варя тоже отправилась на розыски медицинского имущества. В санитарных повозках нашли большие запасы бинтов, марли, ваты, а главное - хирургических инструментов и различных лекарств, в которых перевязочный пункт ощущал острый недостаток. Блохин со своими мотоциклистами захватил санитарный автомобиль и доставил его Звонаревой.

Машина легко превращалась в полевую операционную. Вариному восторгу не было границ.

Капралов по фонопору связался с Киверцами и обо всем доложил Хоменко.

Полковник приказал немедленно грузить добычу в вагоны и отойти к железнодорожному мосту через Стырь.

- Связь с Рожищами прервана. Очевидно, там уже узнали, что мы захватили мост и хозяйничаем в Киверцах. Немцы. конечно, попытаются разрушить мост, - предупредил Хоменко.

Началась спешная погрузка захваченного имущества и пленных. Австрийцы и особенно чехи деятельно помогали подбирать и грузить трофеи. С большим трудом удалось поднять на платформу и санитарный автомобиль.

Заметив, что десантный поезд тронулся, немцы открыли по полотну железной дороги артиллерийский огонь. но состав сумел благополучно добраться до моста, охрана которого уже вела бой с подходившими германскими частями.

За рекой состав остановился. Капралов высадил солдат и приступил к

организации обороны моста, поезд с трофеями отправил в Киверцы. Звонарева попросила Капралова сгрузить санитарный автомобиль и вместе с ротными санитарами осталась с передовыми частями.

Увидя Блохина, Варя попросила его:

- Скажите, пожалуйста, моим сестрам, чтобы немедленно ехали сюда.

- Мигом примчу всех на автомобиле, Варвара Васильевна.

Немцы вновь бросились в атаку. Ввиду превосходства сил противника Капралов отвел свои роты за реку и взорвал за собой мост.

Вскоре немцам удалось перейти через реку выше моста. Создалась угроза удара во фланг и тыл отряду Капралова, а помощь из Киверцев все еще не подходила.

Включившись в телефонный провод железной дороги, подполковник вызвал Хоменко, но его не оказалось в Киверцах, и вместо него к телефону подошел Борейко. Капитан сообщил, что Хоменко во главе отряда из двух батальонов своего полка, а также подчиненного ему 407-го Саранского полка и легких батарей направился в район боев.

- Прошу сообщить точное расположение ваших рот и организовать корректировку стрельбы дальнобойной батареи, которая откроет огонь, - закончил Борейко.

- Будет исполнено. Поручу это прапорщику Павленко, он у меня за начальника артиллерии, - ответил Капралов и, отойдя от телефона, отдал нужные распоряжения.

Через несколько минут со стороны русских позиций долетел звук выстрела тяжелого орудия, над головами просвистела бомба, и за речкой вырос огромный фонтан разрыва. Прапорщик скорректировал этот выстрел.

Следующий снаряд попал в цель, внеся смятение в ряды немцев. Вскоре прибыл и Хоменко. В связи с тем, что выбыл из строя командир 2-й бригады 102-й пехотной дивизии, он принял на себя командование двумя полками - 407-м и 408-м. Полковник приказал им немедленно атаковать немцев и отбросить их за реку Стырь.

для своего штаба Хоменко наметил будку путевого сторожа. Подойдя к

ней, он увидел трофейный санитарный автомобиль, в котором орудовала Звонарева. Во дворе и саду стояли носилки с тяжело и легко раненными солдатами.

- В месте расположения краснокрестных организаций пребывание воинских частей воспрещается, - не особенно любезно заявила Варя чинам штаба Хоменко.

- Пойдем, хлопцы, отсюда, - обернулся полковник к сопровождавшим его солдатам и офицерам.

- Всех раненых мы сейчас отправим в тыл, а сами перейдем в соседний лесок, и тогда вы сможете расположиться здесь, как хотите, - смилостивилась Звонарева.

В ожидании эвакуации раненых полковник остановился в соседнем саду.

Подъехавший конный ординарец сообщил, что немцы двигаются прямо на Киверцы. Им удалось переправить через реку значительные силы. таким маневром они оказывались в глубоком тылу у бригады Хоменко и ставили ее в очень опасное положение. Полковник поспешил донести об этом в штаб дивизии, прося срочной помощи.

Одновременно он приказал Варе свернуть свой медпункт и вернуться в Киверцы. На всем участке бригады бой разгорался с каждой минутой. 407-й Саранский полк несколько раз безуспешно атаковал немцев и с большими потерями был отброшен в исходное положение, после чего немцы обрушились на Кузнецкий полк.

Кремнев вывел батарею на открытую позицию и прямой наводкой обстрелял противника, его примеру последовал Бояровский. Картечный огонь артиллерии приостановил наступление. оправившись, Саранский полк вновь бросился в атаку. Немцы не выдержали и отступили к самой Стыри.

Хоменко мгновенно оценил затруднительное положение противника и решил сбросить его в реку. Он приказал своему полку энергично атаковать немцев, а легким батареям идти с пехотными цепями. Одновременно Борейко открыл огонь из тяжелых орудий по расположенным в тылу немцев переправам через Стырь.

Зажатые артиллерией в огненное кольцо, германцы бросились к реке, но переправы оказались поврежденными или вовсе разбитыми. Только немногим удалось вплавь добраться на противоположную сторону реки. оставшиеся австрийцы поспешили сдаться в плен.

К ночи Хоменко прочно закрепился со своей бригадой на правом берегу Стыри.

Под вечер из штаба дивизии был получен приказ с рассветом форсировать Стырь и продолжать наступление в общем направлении на Рожище. Уже с темнотой в штабе Хоменко собрались командиры 407-го и 408-го полков, Борейко и командир 2-го дивизиона 102-й артиллерийской бригады подполковник Корнилов. Началось обсуждение завтрашней операции.

Варя со своим передовым перевязочным пунктом расположилась на ночь в деревне около станции Киверцы. до линии фронта отсюда было около восьми верст, и раненых после небольшой перевязки прямо эвакуировали по железной дороге в тыл. Работа на пункте почти прекратилась. Ветрова, Осипенко и санитары обрадовались непредвиденному отдыху и тотчас уснули. Варя тоже валилась с ног от усталости. Вдруг она расслышала, как кто-то тихо постучал в дверь. она потушила свечу и вышла на крыльцо. Освещенные слабым светом луны, у крыльца стояли Блохин с солдатом.

- Мы до вас, Варвара Васильевна, - хрипловатым шепотом произнес Блохин. - Это Гриценко. Вы его знаете. Вы ничего не слыхали, что происходит в наших тылах? - спросил Блохин, наклоняясь к докторше. - На вокзале в Ровно захватили тюк с листовками, начали искать, на чье имя он прислан, ну, и размотали веревочку. Правда, до нас не добрались, так как мы получили литературу прямо от вас. Но розыск продолжается, - предупредил Звонареву Блохин.

- Сейчас, когда идут бои, это не страшно. жандармы не любят подвергаться опасности. Передовые окопы - лучшее убежище от них, - ответила Звонарева. - Но осторожность никогда не мешает. Вот вы молодец, Гриценко. Хорошо работаете, умно. Наш Хоменко не и не

подозревает, кто раздает листовки у него в полку.
Гриценко широко улыбнулся от похвалы.
- Вин приказав мени зловить самого себя, - сказал он.
К ним неторопливо подошел Звонарев. Блохин и Гриценко тотчас же ушли - Наконец-то мы снова вместе! - Звонарев нежно обнял супругу.
А она, прильнув к нему, обняла за шею и горячо поцеловала в губы, потом, посмотрев в его ласковые глаза, поцеловала еще и еще.
Супруги уселись на лавочку.
- Беспокоился обо мне?
- сказать так - мало. я места не находил, когда узнал, что ты уехала с десантом.
- А я, думаешь, не волновалась?.. Вдруг что-нибудь страшное случится с тобой, а я уехала, не повидав тебя... Все передумала, мысленно целовала тебя и детей наших...
- ты бы побереглась, Варенька. Кому нужны твои геройства? Ну, не хмурь брови и не сердись. Я знаю, что раз ты решила - быть по-твоему.
- Устала я, и устала не столько от работы, сколько от тех ужасов, которые пришлось видеть в последние дни. Война беспощадно не только к солдатам, но еще беспощаднее к мирным жителям, что попали в район военных действий. Крестьяне разорены вконец немцами, да и мы не щадим. Живут в землянках, света божьего не видят. Наиболее счастливые устроились в бывших немецких окопах.
- Война, даже самая победоносная, является величайшим несчастьем для людей, - вздохнул Сергей Владимирович. - Нет такой кары на земле, которую заслужили те, кто начал войну.
- Поэтому надо войну кончать возможно скорее и любою ценой, - подхватила Варя.
- Ты же знаешь, что правительство связано договорами с союзниками, - напомнил Звонарев.
- Надо сбросить это правительство. И чем скорей, тем лучше. Все равно революция вспыхнет. Это неминуемо. Я же вижу, как настроены солдаты, - горячо говорила Варя.

- Что касается меня, то я отношусь весьма сдержанно к твоим революционным симпатиям. У нас семья, трое маленьких детей. Надо много времени и сил, чтобы вырастить их. Всякая революция обозначает хаос на более или менее продолжительное время, - задумчиво говорил инженер.
- Поверь, Сереженька, что нам с тобой нечего бояться революции. Мы оба труженики. И мы будем всегда нужны.
- Да сердцем-то я, как видишь, всегда с трудовым народом и даже с революцией, люблю солдат. Но ведь не все интеллигенты, в особенности офицеры, так настроены. И многих из офицеров солдаты подымут на штыки, если случится революция. Мы тоже будем в их числе...
- Революционеры - это большая организованная сила, за которой пойдет большинство народа. У революционеров есть такой необыкновенный человек, как Ленин. Это удивительный человек, настоящий вождь трудящихся. У народа есть кому руководить государством.
- Армия в руках генералов и офицеров, среди них - большинство дворян и сынков буржуазии. Они-то не поймут твоих взглядов. Да и интеллигенты не все так думают. Пока что солдатами все-таки управляют офицеры.
- Только б солдаты нас поняли - это главное, Сереженька.
Супруги помолчали, любуясь тихой звездной ночью, а затем вполголоса повели длинный, только им понятный разговор о семейных делах.

26

Едва забрезжил рассвет, как батарея Борейко первой открыла огонь по немецким укреплениям на левом берегу Стыри. К ней присоединились дальнобойные пушки, обстреливая глубокие тылы немцев, где все еще продолжалось оживленное передвижение немецких частей. Одним из первых снарядов были подожжены цистерны с нефтью на станции Рожище. К нему взвилось огромное пламя.
Затем в бой вступили мортирная и легкая батареи. Пехота начала

готовиться к переправе через реку. В свою очередь, немцы обрушили артиллерийский огонь на занятый русскими берег Стыри. Разгорелась жаркая артиллерийская дуэль.

Хоменко и Борейко поднялись на аэростате и с высоты наблюдали за ходом боя. Вскоре обнаружилось скопление немцев вдоль железнодорожной линии Рожище - Киверцы. Одновременно, пользуясь попутным западным ветром, многочисленные германские батареи начали усиленную стрельбу химическими снарядами. Облака ядовитого газа застревали в лесу, обволакивая русских смертоносным туманом. Пришлось немедленно отступить и вывести полки из отравленного газами района.

Заметив это, германская гвардейская брауншвейгская дивизия переправилась через Стырь и в противогазах бросилась в атаку.

Странный вид немецких солдат сначала смутил пехоту, и она попятилась.

Тяжелые батареи оказались всего в версте от противника, который при дальнейшем продвижении легко мог бы захватить, тем более что для дальнобойной батареи Борейко требовалось немало времени, чтобы приготовиться к походному положению.

Борейко мгновенно оценил серьезность обстановки и бросился к телефону.

Вызвав батарею Кремнева, капитан приказал ей стрельбой прямой наводкой на картечь остановить дальнейшее продвижение немцев.

- Я надеюсь на вас, Александр Васильевич! Помните наш русский девиз: погибай, но товарища выручай, - напутствовал его Борейко.

Затем он решил лично отправиться на атакованный участок и, сообщив об этом Хоменко, помчался на мотоцикле к месту боя.

Получив приказание, Кремнев поспешил к своим орудиям.

- Передки на батарею! - уже издали скомандовал он. - Поторопи их, Леонид Романович. Прапорщика ко мне!

Павленко вынырнул из-за кустов и вытянулся перед своим командиром.

- Разведай дорогу в пехотные цепи и точно выясни, что делается на нашем участке, - приказал капитан.

- Слушаюсь. - Прапорщик, с маху взлетев в седло, карьером умчался в сопровождении двух разведчиков.

Подъехали передки. лошади, напуганные ружейной и пулеметной стрельбой, боязливо поводили ушами. Ездовые с трудом сдерживали их на месте.

- За мной галопом марш-марш! - скомандовал Кремнев и, пришпорив свою рыжую кобылу, поскакал вперед.

К нему подлетел посланный Павленко разведчик и повел батарею по дороге. Миновав кустарник, Кремнев оказался перед широким ровным полем, засеянным рожью. По нему перебежками отходили пехотные цепи. В сотне саженей за ними двигались немцы.

- С передков на ближайший отъезд! - скомандовал Кремнев, размахивая шапкой. - Огонь!

Едва головное орудие снялось с передка, как грохнул первый выстрел.

Шрапнель с визгом разорвалась, врезавшись в немецкие цепи. Немцы в панике шарахнулись в стороны, бросая раненых и попадая под картечь орудий.

Батарея вела бешеный огонь. Наводчики стреляли, не ожидая команды.

Все впереди заволоклось дымом шрапнельных разрывов, сквозь которые кое-где мелькали бежавшие к лесу фигуры солдат.

- Сто-о-о-ой! на задки! - скомандовал Кремнев, но вошедшие в азарт артиллеристы продолжали бешеную пальбу по опушке леса. Взводные и орудийные фейерверкеры насильно оттаскивали солдат от пушек.

- На задки! - не свои голосом снова гаркнул Кремнев. - иначе нас раскатает немецкая артиллерия.

Не успел он произнести эти слова, как германские снаряды обрушились на батарею. Испуганные лошади забились в упряжке, ездовые не смогли сразу с ними справиться6 произошла заминка, а снаряды рвались все чаще. одним из них тяжело контузило Кремнева, который, потеряв сознание, упал с лошади.

Осколком другого ранило Сологубенко в ногу. Павленко придавила убитая под ним лошадь.

В этот момент к батарее подъехал Борейко. Мгновенно оценив обстановку, он громовым голосом скомандовал:

- Батарея, слушай мою команду! Номера - к подручным лошадям! Кто взялся за задки - рысью марш в тыл!

Капитан направился к пятому орудию, где были убиты две лошади.

Пришлось попросту обрубить постромки и вывести орудия на двух запряжках.

Заметив тяжелое положение батареи, немецкая пехота ринулась вперед в надежде захватить орудия.

- Становись за наводчика, - приказал Борейко подошедшему Блохину, - и бей немца в упор.

Солдат бросился ко второму орудию, весь расчет которого был перебит, двое артиллеристов поспешили ему на помощь.

Немецкие цепи обходили батарею слева по лощинке. Блохин, перекатив орудие, брызнул по ним картечью; немцев будто ветром сдуло с земли. Но тут группа человек в двадцать подкралась к оставшимся орудиям с тыла и открыла огонь из винтовок по лошадям. Опасаясь, что пушки будут захвачены немцами, Борейко торопил ездовых. Испуганные лошади плохо слушались. Увидя тяжелое положение капитана, Блохин повернул свою пушку и, рискуя поразить картечью своих, выстрелил по зашедшим с тыла немцам, которые мгновенно рассыпались в стороны.

Воспользовавшись этим, пятое, а за ним второе орудия лихо, карьером, вышли из-под обстрела. Борейко и Блохин едва успели на ходу вскочить на пушечный лафет. Успевший оправиться после падения Павленко с помощью разведчиков вывез из сферы огня Кремнева, который все еще был без сознания. На поле осталось около десятка трупов артиллеристов и разбитый мотоцикл, но ценою этих потерь дальнейшее наступление немцев было приостановлено и тяжелые батареи спасены.

Хоменко торопливо начал стягивать в район расположения батарей оставшиеся резервы. Справа уже проходили полки 125-й дивизии, с боем теснившие немцев, и положение бригады упрочилось.

Было далеко за полдень, на фронте наступило затишье. В Киверцы

прибыл командир 102-й пехотный дивизии генерал Микулин и принял на себя общее руководство боем. Мимоходом он заглянул на перевязочный пункт проведать Кремнева. Здесь его внимание привлек трофейный автомобиль, который служил операционной для женщины-врача, в тот момент спокойно делавшей перевязку.

- Откуда вы достали такую чудесную машину? - заинтересовался генерал, поздоровавшись с Варей.

- Не только машину, но и набор прекрасных хирургических инструментов из золингеновской стали и большой запас - целую аптеку - редких у нас медикаментов, - радостно сообщила Варя. - За это следует поблагодарить десантный эшалон Кузнецкого полка.

- Вношу маленькую поправку: трофеи захвачены при участии самой госпожи Звонаревой. - И Хоменко подробно рассказал о том, что произошло во время десантной операции.

Микулин расшаркался и, еще раз поблагодарив Варю за проявленное мужество, справился о здоровье Кремнева.

- Общая слабость, к вечеру придет в себя. Просьба сейчас его не беспокоить.

Генерал направился на наблюдательный пункт батареи Борейко, который расположился на колокольне сельской церкви.

Оттуда открывалась широкая панорама. Влево, в районе соседнего корпуса, шел жестокий бой за Луцкое предмостное укрепление. Целые тучи дыма, огня, пыли заволокли к югу весь горизонт. Впереди, на линии железной дороги, сквозь пожарища виднелись красные постройки станции Рожище, на которой было заметно усиленное движение составов.

- Эвакуируется немец. Немедленно обстрелять его из дальнобойных орудий, - приказал Микулин.

- Слушаюсь! Придется дальнобойные пушки продвинуть к самым цепям, иначе мы не достанем до Рожища.

Справа, из лесной чащи, доносилась усиленная перестрелка. Над деревьями то и дело поднимались клубы дыма от разрывов тяжелых бомб. За лесом среди изумрудно-зеленых болотистых берегов светлой

голубой лентой вилась Стырь. было видно, как, отступая за рощу, немцы переправлялись через реку по понтонным мостам, а к переправе подходили колонны пехоты вперемежку с артиллерией.

- Спят наши батареи! Такая масса прекрасных целей, а они почти все молчат! - с досадой проговорил генерал.

- Не хватает патронов и снарядов, ваше превосходительство, - доложил Борейко. - Парки пусты, нет их и в армейском складе.

- Когда же наконец наша промышленность будет в достаточном количестве снабжать нас боеприпасами?! - возмутился генерал.

- Об этом, ваше превосходительство, надо было думать загодя, а не сейчас! - ответил Борейко.

- Но о чем же думают наши союзники - англичане и французы?

- Они считают, что у нас слишком много солдат, и потому жалеть их нечего. Наши потери только выгодны для них. Они ослабляют наш военный потенциал.

- Короче, союзники мечтают, чтобы мы вместе с немцами проиграли эту войну.

- Совершенно точно изволили заметить, ваше превосходительство! - насмешливо проговорил Борейко.

Вскоре, хотя и с опозданием, снаряды подвезли, и русские батареи открыли огонь. Артиллерия 102-й и 125-й дивизий начала подготовку к контратаке. Одновременно пехотные части этих дивизий, маскируясь в лесу, сосредоточились в исходном положении на флангах прорвавшихся за Стырь германских частей. Но немцы предупредили русские части и первыми вновь перешли в наступление.

Создалась серьезная угроза Киверцам и расположенным в этом районе тяжелым батареям.

Борейко не пожалел своих пятидесятипудовых бомб и обстрелял ими немецкие цепи. Страшный грохот взрывов, столбы дыма и огня, тучи осколков внесли расстройство в германские ряды. После десятиминутного обстрела немцы в полном беспорядке отступили. Увидя это, Хоменко с двумя полками ринулся на фланг неприятеля, а полки 125-й дивизии

ударили с противоположной стороны.

В лесной чаще завязался ожесточенный рукопашный бой. Бились накоротке, сходились грудь с грудью, действовали штыками, прикладами. Брауншвейгская гвардейская дивизия не выдержала и бросилась к переправам на Стыри. На ее плечах, не дав немцам даже взорвать понтонные мосты, бригада Хоменко перешла на левый берег реки и обеспечила переправу остальной части 102-й и 125-й дивизий.

В неудержимом порыве полки кинулись на штурм укреплений у станции Рожище и ворвались в нее, захватив несколько готовых к отправке груженых составов.

Штаб брауншвейгской дивизии бежал так поспешно, что бросил штабной автомобиль со всеми документами. На протяжении двадцати верст по дорогам валялись брауншвейгские каски.

Успех под железнодорожной станцией Рожище позволил соседнему, 8-му корпусу взять штурмом город Луцк. По всему фронту началось общее отступление австрогерманцев. В преследование была брошена кавалерия.

Варя на своем трофейном автомобиле тоже устремилась вслед за наступающими полками.

На переправе через Стырь вследствие скопления у моста воинских частей пришлось задержаться. Варя сошла с автомобиля и направилась к генералу Микулину, который со своим штабом наблюдал за переправой.

- Нельзя ли, господин генерал, пропустить меня вне очереди с моим санитарным автомобилем? Впереди, конечно, есть раненые, которые нуждаются в моей помощи, - попросила Звонарева.

- Положение на фронте еще не совсем выяснено, и пока что я попрошу вас расположиться за переправой.

Варя не посмела спорить, тем более что несколько шрапнелей разорвалось над самой переправой и среди солдат оказались раненые.

Микулин со штабом решили все же перейти через реку. Сойдя с лошади, генерал, не обращая внимания на обстрел, неторопливо зашагал по мосту, за ним двинулись штабные офицеры и ординарцы с лошадьми. Не

дошли они и до середины реки, как несколько снарядов одновременно обрушились на мост.

Понтоны были разорваны, получили пробоины и начали быстро тонуть, испуганные лошади шарахнулись в стороны и, падая в реку, увлекли с собой солдат-коноводов. Микулин попытался спасти одного из них, протянув ему руку, но в это время был ранен в обе ноги, упал в реку и исчез под водой.

- Спасайте генерала! - закричало сразу несколько голосов.

Офицеры растерялись, не зная, что предпринять.

- Вот он, вот он! - закричала Варя, увидев Микулина. - Неужели же никто не спасет его?

- Эх, была не была! - выскочил из толпы Блохин. - Подержите мотоцикл, Варвара Васильевна, а я попытаю свое дырявое счастье.

Скинув сапоги, он прямо в одежде бросился в воду. Течением Микулина относило все дальше и дальше. Блохин саженками подплыл к генералу, из последних сил боровшемуся с волной. Поддерживая потерявшего сознание генерала, Блохин с трудом добрался до берега.

Звонарева с помощью санитаров принялась приводить Микулина в чувство.

Придя в себя, от слабости, потери крови и пережитого волнения генерал с трудом мог говорить.

- Передаю командование дивизией полковнику Хоменко, - первое, что смогла разобрать Звонарева. - Перевязывайте сначала раненых солдат, а потом уж меня, я подожду, - добавил он, помолчав.

- Вы сами находитесь в тяжелом состоянии. У вас ранены обе ноги.

- Неужели ампутация? - взволновался генерал.

Звонарева поспешила его успокоить, но, глядя на размозженные кости и рваные раны, с сомнением покачала головой и тяжело вздохнула.

Когда перевязка была окончена, генерала перенесли в штабную машину.

Он подозвал к себе уже подъехавшего к переправе Хоменко и попросил его представить к награде Блохина. Микулин хотел лично поблагодарить солдата за спасение, но Блохин исчез, как в воду канул.

Автомобиль тихонько тронулся.

- Отвоевался наш генерал, - грустно проговорила Звонарева, когда машина отъехала. - Ему ампутируют обе ноги. В его годы трудно надеяться на благополучный исход такой тяжелой операции.

С темнотой бой постепенно прекратился, и части стали окапываться на занятых рубежах. Хоменко верхом на лошади объезжал полки своей дивизии и благодарил солдат за боевую службу. Солдаты, окрыленные успехом, оглушительно выкрикивал "рады стараться" и обещали на следующий день окончательно добить немцев.

Борейко продолжал объединять группу из шести легких и тяжелых батарей, так как Хоменко не хотел и слышать о возвращении его в батарею.

Он возбудил ходатайство о производстве капитана в подполковники за боевые отличия и назначении его командиром приданных дивизии тяжелых и гаубичных батарей.

Ночь не сулила отдыха тяжелым батареям. Им было приказано к утру перенести позицию почти на двадцать километров вперед. Получив этот приказ, даже невозмутимый Звонарев крепко выругал своего друга Борейко и приступил к подготовке громадных пушек к ночному переходу.

Наступила ночь. Напряжение многодневных боев сказывалось все сильнее, люди валились на землю и засыпали мертвым сном. Сам Хоменко едва держался на ногах от усталости. Даже неутомимая Варя сдала и отказалась от сложных операций. Под утро и ее сморил сон.

Всю ночь двенадцатидюймовая батарея тащилась по разбитым проселочным дорогам. Мощные автотягачи с трудом преодолевали многочисленные выбоины и ухабы, автомобили с людьми и боеприпасами буксовали в топких низинах и болотах. Несколько раз батарею нагонял Блохин с категорическим приказом Борейко поторопиться. Незадолго до рассвета батарею встретил и сам капитан.

- Тебе, Сергей, следует поучиться у твоей супруги. Ее за хвост не удержишь - так и рвется вперед, а тебя не знаю за какое место надо тянуть, чтобы ты быстрее поворачивался, - недовольно гудел Борейко,

выслушивая длинные объяснения своего старшего офицера.

Разгромленные австро-германские части на следующий день продолжали свой отход на северо-запад, за реку Стоход.

Около полудня Звонарева со своим отрядом переезжала на новое место. В автомобиле кроме нее, сидели обе сестры и Кремнев. Капитан еще не вполне оправился от контузии и жаловался на головную боль. Ветрова заботливо ухаживала за ним, нежно глядя на героя вчерашнего боя. С того момента, когда бесчувственного Кремнева принесли на перевязочный пункт, она ни на минуту не отходила от него, умоляя Звонареву спасти капитана.

- Я сойду с ума, если только он умрет! - в отчаянии говорила она.

- Но ты ведь замужем, - удивилась Варя.

- Ничего подобного. Это я все придумала. Думала, что на фронте среди мужчин девушке трудно. Будут приставать... - призналась Таня.

Всхлипывая, она рассказала, как сразу после первого знакомства ей понравился Кремнев, как потом желание его видеть, радость коротких свиданий - все это переросло в большое чувство. Но признаться ему боялась.

Зачем? Кругом война, ужас, смерть, разве могут они мечтать о счастье... Но теперь молчать она больше не может. Она знает, что он любит ее. А любить друг друга и есть счастье. Зачем же обкрадывать себя?

- Глупенькая ты еще... Скажи ему. Это поможет лучше всяких лекарств, - улыбнулась Варя.

В своем прогнозе она не ошиблась. После разговора с Таней капитан сразу почувствовал себя значительно бодрее.

К автомобилю подъехал Павленко и справился о здоровье своего командира.

- У нас все благополучно. Рана Сологубенко почти зажила, так что ты можешь не беспокоиться за батарею, там все в полном порядке, - закончил прапорщик.

- Да, да Александру Васильевичу надо еще несколько дней отдохнуть у нас, - присоединилась Ветрова.

Варя только качала головой.

- У нас не госпиталь, Танюша! Мы должны или эвакуировать в тыл, или возвращать в строй.

- Мы временно зачислим капитана Кремнева в санитары, - нашлась сестра милосердия и сама смутилась от такого явного проявления своих чувств.

В это время мимо автомобиля стремительно проскакал Кубанский казачий полк. Все в темно-малиновых черкесках и бешметах, кубанках, с винтовками за плечами, шашками на боку, кинжалами у пояса, рослые и загорелые.

Смотреть на них без восторга было невозможно.

- Наши, наши едут! - вскочила Варя, махая платком.

Лихо заломив шапки, казаки весело смотрели на Звонареву. Миновав санитарный автомобиль, они съехали с дороги и в поле перестроились для атаки. Заиграли трубы, блеснули на солнце шашки, и вся конная масса двинулась вперед все ускоряющимся аллюром.

- Полевым наметом! - донеслась команда, и весь полк утонул в облаке пыли, поднятой копытами сотен коней.

- Смотрите, смотрите, казаки пошли лавой! - не помня себя от волнения, кричала Варя. - Зачем только я родилась женщиной! Скакала бы сейчас карьером и рубила немцев направо и налево!

- Пока что, Варвара Васильевна, надо нам приготовиться к приему раненых из числа тех же казаков, - проговорила Ветрова.

Вскоре у дороги развернулся перевязочный отряд. раненых, к счастью, было совсем мало.

Окончательно деморализованные немцы оказывали слабое сопротивление, и русские части без боев дошли до Стохода.

27

Русская армия, остановив наступление, укреплялась на новых рубежах; строились блиндажи, оборудовались наблюдательные пункты. Полки и

батареи пополнялись людьми, окопы окутывались колючей проволокой.
Батарея Кремнева занимала позицию за деревней Страхалин. Несколько сзади расположилась батарея Борейко с двенадцатидюймовыми гаубицами.
Поблизости находился перевязочный пункт Красного Креста.
Летний вечер развернулся во всем своем великолепии. На западе еще горело пламя зари, но на небе уже зажглись первые неяркие звезды - предвестники ночной тишины и покоя. Аисты с тихим клекотов опускались на крыши хат и, подняв одну ногу и опустив клюв, погружались в чуткий птичий сон. С болот доносилось кваканье лягушек. Все было по-мирному тихо .
Только изредка ночную дремоту будила ружейная перестрелка, или пулеметная дробь, или мерцающий трепетный свет немецкой ракеты. будто и ночью война не хотела, чтобы о ней забывали люди.
Солдаты, отдохнувшие и отоспавшиеся после боев, врастяжку лежали на земле около орудий и благодушно слушали батарейного острослова наводчика Кикина, который рассказывал им длиннейшую сказку, без начала и конца. К ним подошел проходивший мимо батареи Блохин. За время боев все солдаты, особенно артиллеристы, успели познакомиться. На батарее Блохина знали многие и поэтому его радушно приветствовали.
- Здравствуйте, дружочки! - проговорил Блохин. - кака отдыхается?
- Здорово, тяжелопуд! - ответил за всех Солопов. - Скоро получите такую пушку, чтобы враз сничтожить всего немца?
- Скоро не скоро, а воевать надоело! Две недели наступали, а народу перевели - не счесть, - отозвался Блохин.
- Что верно, то верно, - поддержал Солопов. - Ежели и дальше так наступать будем, то до немецкой земли солдаты не дойдут. По дороге лягут в сырую землю.
- А мы не пойдем! - запальчиво проговорил тщедушный, с большими темными глазами солдат.
- Ежели один не пойдешь, застрелит офицерье, и дело с концом, -

пояснил Блохин.

- Вот если бы все солдаты отказались вперед идти, - проговорил Солопов. - А скоро со всеми не договориться. солдат на раскачку туговат. Пока сообразит да пошевелится, его десять раз обезоружат.

- И то верно. Трудно раскачиваемся, но уж ежели раскачаемся, тогда не остановишь. Народ - сила, - многозначительно сказал Блохин, похлопывая ладонью по прикладу винтовки, лежащей у него на коленях, и, подмигнув Солопову, поднялся: - Ну, надо пойти заняться хозяйственными делами.

Солопов тоже встал и пошел вслед за ним. отойдя немного, Блохин присел, Солопов подошел и тоже подсел к нему.

- Исподволь да понемногу надо об этом говорить солдату, особенно пехоте. там народ малограмотный, не сразу смекает, - сказал Блохин. - Скоро начнется осень, за ней зима. Воевать будет несподручно. Опять станем на позиции, в землю зароемся. тут и будет время обо всем переговорить. А пока береги себя и зазря в пекло не суйся, - наставительно сказал Блохин и поднялся.

В палатке, разбитой в саду, неподалеку от батареи Кремнева, собрались артиллерийские офицеры и Варя с сестрами милосердия. Шел разговор, вспоминали минувшие боевые дни, строились предположения на будущее.

Осипенко напропалую кокетничала одновременно с Зуевым и Павленко, приводя этим в отчаяние обоих своих кавалеров. Таня Ветрова тихонько беседовала с Кремневым.

- Ужасная все-таки вещь война! - задумчиво проговорила Варя. - Сколько людей убивают, калечат. И в сущности неизвестно за что.

- Как - неизвестно за что? Мы защищаем свою землю от врагов, которые хотят нас поработить, - возбужденно сказал крутиков.

- Может, вы и правы. Но я, как врач, скажу вам, что все наши успехи не окупаются огромными потерями в людях. Победа достается нам слишком большой кровью. Еще одна-две такие победы, и мы совсем останемся без людей, - продолжала Звонарева. - Тогда нам надо мириться. Пусть немец

абирает что хочет. диктует нам свои требования, а мы покорно пойдем к нему в кабалу, - уже раздраженно проговорил Крутиков.
- народ больше воевать не хочет! Он жаждет мира! И военные власти, если они сохранили хоть капельку здравого смысла, должны думать о заключении мира, - в тон Крутикову ответила Варя.
- Перевешаем и перестреляем всех бунтовщиков! - резко бросил штабс-капитан.
- вы не сможете этого сделать по той простой причине, что их будет слишком много - сотни тысяч, миллионы. Как бы эти бунтовщики, как вы выражаетесь, не перестреляли таких ретивых вояк, как вы, - усмехнулась
Варя. - Ведь в их руках оружие.
- Вы социалистка и революционерка! Вам не место в армии, - вскочил Крутиков.
- Призываю вас к порядку, штабс-капитан! Мы не на базаре, - резко оборвал штабс-капитана Борейко. - Не умеете вести спор в рамках приличия, покиньте нас. К чему такие обвинения? Вы подумали, кому бросаете это в лицо? Той, которая, себя не щадя, идет в самое пекло в боях за Россию?
Крутиков, трясясь от злости, вытянулся и покинул палатку.
- Ты поспокойнее, Варя, - мягко заметил жене Звонарев.
- Я думаю о людях, о вас! Удивляюсь, как можно вести такие разговоры на фронте, да еще после ужасающих потерь, какие мы понесли во время последнего наступления! При плохой технической оснащенности нашей армии большие потери неизбежны, - развивала свою мысль Звонарева.
- Откуда вы все это знаете, сударыня? - спросил Кремнев.
- Относительно техники - от своего мужа! Он инженер, как вам известно. Что касается медицинского оборудования, то я хорошо знаю наше положение. Истощились у нас запасы лекарств, инструментария, а союзники доставляют их очень неаккуратно и в незначительном количестве. Смертность раненых и больных была бы в несколько раз меньше, если бы у нас в достаточном количестве были медицинские

препараты и оборудование. Но ведь это союзникам только на руку.
- Не пойму, почему это им на руку? - удивился Кремнев.
- Англичане и французы спят и во сне видят, чтобы мы с немцами друг другу хребет переломили. Им тогда будет легче нас прибрать к рукам.
- Вы, Варвара Васильевна, настоящий политик! - с восхищением сказал Кремнев.
Борейко сидел молча, будто отдыхая, думал о своем. Только напряженный, острый взгляд выдавал его внимание к завязавшейся беседе.
Издали доносились звуки оркестра, исполнявшего вальс "На сопках Маньчжурии".
- Я без волнения не могу слушать этот вальс, - переменила разговор Звонарева. - Он мне напоминает дни артурского сидения. кто из нас тогда мог предположить, что мы не только переживем его осаду, но через десять лет снова будем участвовать в еще более грандиозной драке... Особенно это относится к вам, Борис Дмитриевич. Вовек не забуду того дня, когда Блохин прибежал ко мне с известием о вашей гибели на Большом Орлином гнезде накануне сдачи крепости, - обернулась она к давнему другу.
- Да, очухался я только на пароходе в Японии и сразу не понял, куда попал. Сестры-японочки что-то лопочут, улыбаются. думал - это кошмарный сон мне снится. И только потом сообразил, что попал в плен. Чуть не выпрыгнул от огорчения за борт, а тут, откуда ни возьмись, Блохин появился. "Как ты, варначья душа, попал сюда?" - спрашиваю его.
"Высмотрел, - говорит, - где вы находитесь, дополз до вашего эшелона, меня на ваш пароход и посадили". Так вместе и приехали в Японию.
- Когда я в первый раз увидел тебя в госпитале в Нагое, ты представлял собой марлевую куклу с отверстием для рта. Глаза и те были забинтованы, - вспоминал Звонарев.
- Провалялся я без малого с полгода и сдох бы со скуки, не будь Блохина и других наших ребят с Электрического Утеса, - с волнением сказал

Борейко.

- Это верно, было скучно. Делать нечего, живешь на всем готовом... - сказал Звонарев.

- Ты для развлечения ухаживал за японочками, даже, мне помнится, в бане с ними мылся, - хитро подмигнул Борейко Звонаревой.

- Во-первых, это неправда, а во-вторых, это было давно... кто старое вспомнит, тому глаз долой, - попытался было замять разговор поручик.

- Расскажи, расскажи, муженек! Я хоть и с большим опозданием, но все же узнаю о твоих похождениях, - весьма выразительно проговорила Звонарева.

- Да и рассказывать не о чем - неинтересно. Пошел я однажды в японскую баню. У них она состоит из одной общей ванны, перегороженной просто бамбуковой полкой. В одной половине купаются мужчины, в другой - женщины. Японцы низкорослы. Я же - вон какой вымахал. Когда японки увидели меня, так и полезли на мужскую половину. Обступили меня со всех сторон, что-то говорят, смеются, трогают пальцами. Я не знаю, куда мне деваться от стыда, отмахиваюсь от них, а они только сильнее смеются. Спас меня старый японец, начал бить женщин мокрым полотенцем и разогнал их. Только всего и было, - неторопливо рассказал Звонарев.

- Свежо придание, да верится с трудом, - съехидничал Борейко.

Неожиданно к батарее подъехал большой автомобиль. Из него вышел высокий, седой, сухощавый генерал с живыми, умными глазами, в сопровождении нескольких человек. Он легко, чуть враскачку, походкой старого кавалериста направился к солдатам.

Солдаты угадали в нем командующего фронтом генерала Брусилова. Он сразу понравился своей внешностью, открытым приветливым лицом и лукавой усмешкой.

- Здорово, богатыри! - громко крикнул генерал, и в голосе его было столько бодрости и ласки, что артиллеристы в ответ гаркнули во все горло.

- Спасибо за службу геройскую! Где ваши офицеры?

Из палатки навстречу Брусилову уже спешили Кремнев и остальные офицеры. Отдав рапорт генералу, капитан вытянулся перед ним, ожидая дальнейших приказаний.

- Постройте людей, я хочу лично наградить отличившихся в минувших боях.

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! - ответил Кремнев и приказал солдатам построиться за орудиями.

Когда это было выполнено, один из адъютантов зачитал по наградному списку фамилии награжденных, и генерал Брусилов лично вручал кресты солдатам, попутно расспрашивая их о совершенных подвигах.

- Новым Георгиевским кавалерам - ура! - закончил генерал раздачу наград.

Дружные раскаты "ура" разнеслись в тихом вечернем воздухе, вспугнув задремавших было аистов.

- Позвольте теперь поздравит вас с производством за боевые отличия, мужество, умелое командование в бою в подполковники, - крепко пожал генерал руку Кремневу, - а остальных господ офицеров - с очередными наградами. за здоровье вашего командира и офицеров - ура! - провозгласил он.

- Нельзя ли у вас выпить стакан воды? - перешел на обычный тон генерал, вытирая платком пыльный, вспотевший лоб и седую, стриженную ежиком голову.

Кремнев предложил ему зайти в палатку. В палатке генерал сначала поздоровался с женщинами, которых представил Кремнев, затем с Борейко и его офицерами.

- Вы и есть та самая госпожа Звонарева, которая лично захватила в бою санитарный автомобиль и тут же приспособила его для работы на передовой, чуть ли не в пехотных цепях? - осведомился Брусилов.

- Захватили автомобиль солдаты, я лишь использовала его по назначению.

- В таком случае позвольте вас горячо поблагодарить от лица раненых, которым вы оказали неоценимую помощь, и от самого себя, - и, сняв

фуражку, генерал почтительно поцеловал Варину руку и тепло пожал руки сестрам.

Потом он обратился к Борейко с просьбой показать ему свои огромные гаубицы, которые перегрызли становой хребет железной обороны немцев на Луцком направлении.

Адъютант, справившись о фамилии Борейко, что-то шепнул на ухо генералу. Тот встал из-за стола, за ним поднялись и остальные.

- За успешное руководство действиями артиллерии на основном участке прорыва в минувших боях, за превосходное знание своего дела властью главнокомандующего фронтом поздравляю вас, капитан Борейко, с производством в подполковники и назначением командиром тяжелого дивизиона батарей "Литера Б", как отныне официально называются ваши двенадцатидюймовые батареи, - и он крепко пожал руку капитана.

- Боря! Позвольте и мне пожать вашу штабс-офицерскую руку, - улыбнулась Варя и со всей силой тряхнула Борейко за руку.

- Где это вас так изранило? - справился генерал, глядя на изборожденное шрамами лицо Борейко.

Офицер коротко пояснил.

00 Оборона Артура является блестящим примером того, на что способны в бою за свою родину русский солдат и офицер даже в самых трудных условиях, - сказал с чувством Брусилов.

За чаем Сологубенко спешно достал из неприкосновенных запасов две бутылки красного вина, которое и выпили за здоровье отличившихся и награжденных.

Завязался общий разговор, когда за палаткой неожиданно раздался солдатский хор:

Что за песни, что за песни,

Распевает наш русак!

Так тебе, хоть ты тресни,

Никогда не спеть, пруссак!

Золотые, удалые, не немецкие -

Песни русские, живые, молодецкие!

Брусилов прислушался к пению.

- Люблю русский народ, люблю наши народные песни. Сколько в них удали, широты и простора, они берут прямо за сердце! - с волнением проговорил генерал.

В это время подскакал верхом Хоменко. Он неловко спрыгнул с седла и подошел к генералу.

- Приехал поблагодарить ваших чудо-богатырей за боевую службу, - похлопал Брусилов полковника по плечу. - заодно поздравить офицеров с наградами.

- Вот какие у меня боевые сынки, ваше высокопревосходительство, скоро своего батьку в чинах догонят, - улыбнулся Хоменко, глядя на Кремнева и Борейко.

- Не догонят, Михаил Игнатьевич! Я уже послал в царскую Ставку телеграфное представление о производстве вас в генералы.

- Помилосердствуйте, ваше высокопревосходительство, який же з мэнэ генерал? Тилько людям на смих!

- Если бы все командиры полков были такими, как вы, Михаил Игнатьевич, мы давно уже сидели бы в Берлине. - И Брусилов стал прощаться.

Проходя мимо батареи, генерал еще раз поблагодарил солдат за службу.

Артиллеристы дружно ответили, и когда генерал прошел, грянули:

Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит.
Так за нашу родину, за веру
Мы грянем громкое "ура"!

- Нашему непобедимому русскому народу - ура! - крикнул генерал, и тут солдаты, подхватив генерала на руки, понесли его к автомобилю.

Когда генеральский автомобиль отъехал, Хоменко отер потный лоб платком и проговорил:

- Аж в жар ударило от генеральского посещения! Ждал разноса, крика, ругани, как это обычно бывает при приезде начальства, но, слава богу, пронесло благополучно. Треба з вами трошки побалакать.

Когда все уселись вокруг стола, Хоменко вынул из полевой сумки сложенную бумагу и, развернув ее, обратился к собравшимся:

- Это опять подпольная листовка. Их сейчас много разбрасывают у нас в тылах, да и в окопах они попадаются. Я вам ее прочту.

"Товарищи солдаты! Прошло три недели боев, в которых мы потеряли более двухсот тысяч человек ранеными и убитыми. Появились сотни тысяч новых вдов и миллионы сирот. За что пролита солдатская кровь, почему осиротели наши жены и дети? Вам офицеры скажут, что это неизбежные на войне жертвы. Но ради кого и чего приносятся эти жертвы? Вы, солдаты, не получите ни пяди земли, которую так обильно полили своей кровью. Она достанется тем помещикам, которые ею прежде владели. Для них вы таскали каштаны из огня, а не для себя. На поставках в армию также разбогатели фабриканты и купцы, которые снабжают вас плохим провиантом и никуда не годными сапогами, доставляют вам снаряды, которые не рвутся при попадании в цель. Этих капиталистов, помещиков и фабрикантов вы обогатили, а ваши семьи, потерявшие кормильцев, еще больше разорились. Доколе будет продолжаться такое дело? Сколько еще прольется народной крови в угоду жадным кровопийцам капиталистам? Солдаты! Пора думать и об окончании войны. Пусть воюют те, кому это приносит доход и прибыль. Не слушайте ваших офицеров, отказывайтесь идти в бой. Всех не перестреляют, всех не казнят! Долой войну! Да здравствует свобода! Землю и волю русскому народу!

РСДРП".

Хоменко помолчал. Молчали и офицеры.

- Должен я вам, сынки мои, сказать прямо: все здесь написано верно. Кончать войну надо, пока весь народ не перевели. Снарядов у нас мало, ружей не хватает, патронов недостаточно. А у немца всего вдоволь. Но сказать этого солдатам мы не можем - нас расстреляют, а солдат все одно погонят в наступление, пока есть кому их гнать. А по-моему, нам больше наступать не надо. Пусть там англичане с французами повоюют, а мы только фронт держать будем, чтобы немец не перебросил свои войска на

запад.

Только наши генералы в Ставке опять зря на убой людей поведут. А эти листки надо отбирать и сдавать в штаб, - закончил полковник.

- А откуда эти листки берутся? - спросил Кремнев. - Поймать бы распространителя да публично расстрелять.

- Мой Гриценко так мне ответил, когда я его спросил о листовках: воны, каже, як манна з ниба падают и прямисенько в руки солдат, - усмехнулся Хоменко.

- И без листовок солдаты только и говорят о мире, да еще об измене генералов, которые хотят извести народ, а Россию отдать немцам, - проговорила Варя. - Разрешите глянуть на листовку.

Она внимательно осмотрела написанную от руки бумажку.

- Писал человек грамотный, фронтовик! Эта прокламация не из тыла завезена. Писали и переписывали ее от руки тут, на месте. Но поймать, кто написал, просто невозможно, - сказал Хоменко.

- Переписчика, как и распространителя, поймать трудно. Каждый солдат думает о мире, - вставил Борейко. - Да что греха таить: и среди офицеров почти все мечтают о мире. Вдосталь повоевали, пора по домам.

- Что верно, то верно! Но разве скажешь об этом солдатикам! Я весь этот материал отправлю в Ставку. Авось поймут, что с войной пора кончать, - проговорил Борейко, выходя из палатки.

К нему подошла Варя:

- Вы, Боря, не узнали на листовке почерка своего подчиненного Васи Зуева?

Борейко засопел носом, что служило признаком сильного раздражения.

- Всыпьте ему покрепче, Варенька, по своей линии!

28

На следующий день в батарее появился полковник Рейн. Он мало интересовался тем, как протекали бои и кто в них отличился, все свое внимание он обратил на состояние пушек. Плохо дело обстояло со

стволами орудий. Хотя англичане и уверяли, что гаубицы свободно выдержат до пятисот выстрелов без замены внутренней трубы, но уже после восьмидесяти - ста выстрелов нарезы на стволе настолько расплавились, что прорыв пороховых газов был неизбежен. Это сразу снижало дальнобойность и меткость орудий.

Можно было опасаться и прорыва газов через замок гаубицы, что грозило ожогами и увечьями орудийной прислуге.

- Никуда не годная закалка нарезов, - возмущался полковник.

- Один хороший бой, и наши пушки выйдут из строя. Это надо иметь в виду не только нам, но и штабам, - согласился Борейко.

- Постараемся уточнить, сколько еще выстрелов может выдержать каждая пушка. Составим подробный паспорт на каждое орудие. В нем укажем все наличные дефекты пушки, лафета и количество произведенных выстрелов, - распорядился Рейн. - Я прикажу то же сделать и в других дивизионах. Мне известно, что вскоре готовится новое наступление от станции Переспа через реку Стоход по направлению к Ковелю. На реке немцы создали необычно прочный рубеж обороны с многослойной огневой обороной. К тому же перед фронтом их обороны тянется болотистая долина Стохода шириной больше версты. Здесь никаких укреплений не построишь, сплошная топь на несколько сажен в глубину. При наступлении придется по временным мосткам преодолевать болото, а затем штурмовать крутой берег. Без полного разрушения всех огневых точек этого сделать будет невозможно.

- Где же будет основной удар? - справился Борейко.

- он намечен на участке в четыре версты, по две от линии железной дороги на Ковель. Разрушить германский рубеж смогут только ваши одиннадцатидюймовые гаубицы. На них вся надежда. Надо произвести вначале воздушную разведку, ознакомиться с передним краем обороны и хотя бы ближними тылами противника. Завтра или послезавтра все предназначенные для атаки тяжелые батареи будут направлены в район станции Переспа, за которой находится передний край нашей обороны. Переходы в новый район можно совершать только в ночное время, по

двадцать - двадцать пять верст за ночь, - наставлял Рейн артиллеристов.
Офицеры с разведчиками принялись изучать по карте заданный район.
Борейко справился, кто будет наступать.
- Сюда подходит гвардия - два гвардейских корпуса. Всей гвардией командует генерал Безобразов. Гвардия полгода стояла в резерве. Полностью укомплектованная людьми и всем необходимым. Есть у них и гвардейский тяжелый дивизион: три батареи - две гаубичные и одна пушечная. Боеприпасами гвардия обеспечена полностью. Беспрерывно идет подвоз снарядов и ружейных патронов. По четыре пулемета на роту. В общем гвардия представляет очень солидную ударную силу. Решено Ковель взять во что бы то ни стало. В тылу сосредоточивается вся гвардейская кавалерия. Она должна будет преследовать и добивать разбитого врага, - рассказывал Рейн.
- Очевидно, нам предстоит участвовать в новой грандиозной драке.
Только я что-то не очень верю в боеспособность наших гвардейцев. Они слишком привыкли к спокойной и удобной тыловой жизни, - скептически отнесся к сообщениям Рейна борейко.
- на месте будущих боев сами убедитесь воочию, что собой представляет современная русская гвардия. Считают, что сейчас она мало чем уступает кадровым гвардейским полкам четырнадцатого года, - уверял полковник.
- Поживем - увидим, кто из нас прав, - усмехнулся Борейко.
Борейко решил лично произвести разведку пути, с ним отправились разведчики всех батарей, взвод саперов для исправления дороги и встречных мостов.
Требовались саперы и для оборудования огневых позиций мощных гаубиц.
Вылеленного взвода гвардейского саперного полка оказалось мало. Пришлось на помощь тяжелым дивизионам направить целую саперную роту и основательно заняться сооружением, маскировкой и укрытием сверхтяжелых пушек.
Через двое суток дрбрались до нового района расположения батареи.
По прибытии дивизиона Борейко отправился в штаб 1-го Гвардкйского

корпуса, чтобы получить задание для батарей своего дивизиона. В гвардейском штабе предложили полностью разрушить в течении двух-трех дней немецкую оборону на шесть верст по фронту. Борейко только руками развел.

Ссылаясь на авторитет Рейна, он доложил, что его пушки такой канонады не выдержат и выполнить задание штаба он не сможет.

- Кто же тогда сумеет разрушить немецкую оборону, если даже вы не в состоянии это выполнить? - изумились штабные работники.

На счастье Борейко, в штабе появился Али Ага Шихлинский. Он сразу вошел в курс дела и обещал не позднее завтрашнего дня дать авторитетное заключение по этому вопросу.

За обедом Али Ага справился, как поживает и где находиться Варвара Васильевна. Затем генерал побывал в оперативном отделе штаба гвардии и принялся за изучение имеющихся там материалов о расположении и устройстве немецких укрепленных рубежей. Али Ага особенно внимательно разглядывал аэрофотосъемки германских укреплений. Они были не особенно удачны, и генерал решил на следующий лень лично подняться на самолете.

Такое решение поразило весь штаб. Еще не было случая, чтобы генералы летали на тихоходных и слабосильных, устаревшей конструкции самолетах, какими французы и англичане снабжали русскую армию, продавая их втридорога. И на этих-то "летающих гробах", как их называли русские летчики, они умудрялись одерживать победы над цельнометалическими самолетами "юнкерс", обладавшими большой скоростью и высотой полета, большей прочностью и маневренностью.

Щихлинского пытались отговорить от "сумасбродной" идеи.

- Нет, господа, вы не правы, - улыбался он, поблескивая черными глазами. - Самолеты открывают новые возможности: с них можно осматривать поле сражения на огромном пространстве. Я лично облечу весь участок, который мы собираемся атаковать, - твердо объявил генерал.

К нему подошел Борейко и попросил взять и его на самолет.

- Я, душа моя, вешу без десяти фунтов семь пудов, да и вы, наверное, около того. Не всякий самолет может нас вдвоем поднять или принужден будет взять очень мало бензину, и мы не сможем облететь и как следует осмотреть позиции, - отклонил предложение Борейко Шихлинский.

Решили, что по возвращении генерала полетит Борейко. Он дополнит и уточнит сведения, полученные Шихлинским. Лететь решили рано утром,когда солнце светило с востока и видимость вражеских укреплений была наилучшая.

А пока Али Ага поехал с Борейко на батарею, чтобы удостовериться в плохом состоярии пушек.

- Верны себе наши союзнички! Сбывают нам всякий хлам втридорога да еще попрекают нас, что мы неблагодарны. В Ставке верховного засилье иностранцев. Все оперативные планы согласовываються с командованием союзников. Вернее, они нам приказывают, а мы стараемся выполнять. Наше наступление, в котором учавствовали и вы, спасло французам Верден, который иначе был бы взят немцами. Мы спасли итальянскую армию от полного разгрома при Капоретто. Австрияки давно бы сидели в Венеции, а итальянцы вышли бы из игры. В общем, мы своей кровью спасаем всех, - с возмущением говорил Шихлинский.

- Во всем этом прежде всего виновато царское правительство. Оно получило кабальные займы для подавления революции после японской войны в пятом году. Теперь мы за них расплачиваемся солдатской кровью, - сумрачно проговорил Борейко, глядя в упор на генерала.

- Да вы, Борис Дмитриевич, никак, из вольнодумцев! - хитровато прищурился Шихлинский.

- После Порт-Артура мы все стали вольнодумцами, Али Ага. И вы в том числе. Только я говорю, то что думаю, а вы пока что помалкиваете, - ответил подполковник.

- Пока что нам обоим лучше попридержать языки, - заметил генерал, не то давая дружеский совет, не то делая замечание своему подчиненному.

Никакой генеральской амбиции у Али Аги не было. Борейко вспомнил, что Шихлинский не кончал артиллерийской академии, но природный ум и

практическая сметка делали его большим авторитетом в артиллерийских вопросах.

О храбрости Шихлинского ходили легенды. Поэтому Борейко не удивило желание Шихлинского подняться на самолете для разведки артиллерийских целей.

На слелующий день, едва засерел восток, Шихлинский с Борейко в сопровождении Зуева приехали на полевой аэродром гварлейского авиационного отряда. Лететь решили на "ньюпоре", который считался истребителем и имел скорость до трехсот километров в час. Предельная высота полета - около четырех километров. Вооружение состояло из пулемета, стреляющего через пропеллер, и нескольких небольших бомб. Али Ага с трудом уместился в небольшой кабине за пилотом. Для наблюдения за землей нужно было выглядывать за борт самолета.

Было еще раннее серое утро. Белесые полосы тумана скрадывали очертания рельефа местности. Самолет медленно набирал высоту, делая пологие виражи. Скоро он превратился в маленькую черную точку, едва различимую в бинокль.

Набрав нужную высоту, летчик повернул в сторону вражеских позиций.

Едва летчик оказался над немецкими укреплениями, как его встретили огнем многочисленные зенитные батареи. Вокруг самолета то и дело появлялись белые клубки разрывов германских снарядов.

- В такой обстановке, когда вокруг ежеминутно рвуться снаряды, очень трудно вести наблюдение за наземными целями, - проговорил Борейко, пристально наблюдавший в бинокль за самолетом.

Летчики, тоже наблюдавшие за самолетом, не проявляли особого волнения:

- Вероятность попадания из зенитной пушки по самолету незначительна.

Гораздно страшнее, когда в воздухе появяться немецкие истребители "юнкерсы". Они быстроходней и маневренней наших и, конечно, легко могут нагнать и побить наш самолет.

Но вот на горзонте появилась едва заметная точка. Летчики тотчас заволновались.

- Два "юнкерса" идут наперерез нашему "ньюпору". Надо немедленно возврращаться.

Борейко в бинокль наблюдал за продолжающимся полетом Али Ага. Самолет резко повернул в сторону своих войск, круто пошел на снижении, но немец его быстро нагонял. С замиранием сердца следили с земли за происходящим в воздухе. Неожиданно где-то рядом раздались частые и резкие пушечные выстрелы. Вокруг "юнкерсов" появились плотные дымки разрывов зенитных снарядов. "Юнкерс" перестал снижаться и сбросил сразу несколько осколочных бомб. Они упали невдалеке от самолета, идущего на посадку.

Прийдя в себя после полета, Шихлинский принялся нанситьна карту все замеченное с воздуха. - Наблюдать с самолета очень трудно. Я многого не рассмотрел. В общем, у немцев три рубежа обороны. Один по самой реке с шестью рядами проволоки, с версту за ними - второй рубеж с четырьмя рядами проволоки.

Видимо, этот рубеж послабее. И за ними верстах в трех еще один рубеж, очень сильный, в десять рядов проволочных заграждений, с сильно развитыми узлами обороны. Пробраться через эту укрепленую полосу нелегко. Тяжелые батареи своим огнем смогут разрушить только первый рубеж, от силы второй, а до третьего им не добросить своих снарядов. Расход боеприпасов, конечно будет очень велик. Данные воздушноы разведки нодо уточнить и дополнить разведкой наземной. Должен сказать, что к немцам в этом районе все время подходят войска. Тыловые станции забиты эшалонами. Очевидно, враг ожидает нашего удара в этом районе, - закончил Али Ага.

- сегодня или, самое позднее завтра мне надо будет лететь на дополнительную разведку, - произнес Борейко, подводя итог сообщениям Шихлинского.

Генерал указал на карте несколько мест, где, по его мнению, находяться тяжелые немецкие батареи.

- Видите небольшой лесок? К нему специально проведена дорога Там-то, по всей видимости, и расположены тяжелые батареи Этот лес надо

обстрелять химическими снарядами. В лесу газ здерживаеться, и при наличии восточного ветра можно будет попотчевать немцев их же оружием. Только надо предупредить пехоту, чтобы она не сунулась в лес и не потравилась там, - наставлял генерал своих подчиненных.

Еще с утра Вася отправился в пехотные окопы для детального ознакомления с вражескими огневыми точками и узлами сопротивления. в окопох он связался с пехотным начальством и постарался вместе с ним выяснить, что же следует разрушать в первую голову. На переднем крае шла смена частей, второочередные дивизии сменялись гвардейскими полками, которым предстояло штурмовать немецкий рубеж обороны.

Борейко хмуро следил за происходящим. Он сознавал, что предстоит страшная бойня при неподготовленном штурме прекрасно оборудованной немецкой обороны. Тысячи людей зря обрекались на гибель и увечья ради прихоти безмозглых генералов. Подполковник считал, что его нравственная обязанность - приостановить предстоящее избиение тысяч людей.

"Полечу на разведку сам, выясню то, что не увидел Шихлинский. Точно подсчитаю необходимый расход снарядов. Выясню, выдержат ли пушки такую канонаду, и доложу самому высшему начальству, если понадобиться, пошлю рапорт прямо в Ставку верховного. Если царь ничего не понимает в военном деле, то у него ведь есть начальник штаба генерал Алексеев, говорят, толковый человек, сведущий в военных вопросах. Он поймет, какую бойню готовят гвардии на Стохроде", - решил Борейко.

Предварительно Борейко вместе с пилотом обстоятельно изучили карту, где предстояло лететь, пометки Шихлинского. Наконец был дан старт самолету.

С запада плыли низкие дождевые тучи. Предстояло лететь на небольшой высоте, и легко было прятаться в облаках. Самолет медленно, пологими виражами набирал высоту. На высоте восемьсот метров вошли в облака и взяли курс на запад. Через несколько минут оказались уже над вражеской территорией. Борейко стал всматриваться в хорошо видимые

германские окопы.

Сделав еще несколько виражнй, самолет пощел на посадку.

Али Ага поджидал на аэродроме. Теперь они вдвоем принялись разглядивать карту. Борейко удалось значительно уточнить сведения о расположении германских батарей.

Подоспевший Зуев дополнил данные воздушной разведки наземными наблюлениями за передним краем германской обороны. Теперь надо было подсчитать необходимый расход снарядов для штурма вражеских узлов обороны.

Подсчеты показали, что требуеться не меньше тысячи тяжелых снарядов, чтобы гарантировать пехоте захват первой полосы вражеских позиций.

- У нас имееться тысяча двести снарядов крупного каллибра. Но это весь наш боевой комплект. Кроме того, наши пушки могут выдержать всего по сто выстрелов. Следовательно, орудия будут стрелять на пределе прочности.

И самое главное: даже при таком большом расходе снарядов у немцев, вероятно, уцелеют одиночные огневые точки, и атакующие наши части понесут неисчислимые потери, - предупреждал Борейко.

- Но как эту очевидную истину втолковать в генеральские головы? - ответил Шихлинский.

- Отправимся вместе в штаб гвардейского отряда, постараемся повидать начальника штаба бывшего командира преображенцев графа Игнатьева. Авось он нас поймет и зря не бросит полки в атаку, - предложил Борейко.

- В гвардейском штабе, как нигде в другом месте, все стремяться к наградам и очень мало думают о потерях, - усомнился Шихлинский.

- Пятнадцатого июля день именин генерала Безобразова. Его обычно поздравляет сам царь. Вот и хотят ответить на поздравление царя поздравлением о победе доблестной царской гвардии. Видите, предлог для штурма весьма важный, - усмехнулся Али Ага.

- Это просто чудовищно! - возмутился Борейко. - Ничем не лучше распутиновщины. Чую, ой чую - скоро кому-то отольються вдовьи слезы.

29

Подъехал Рейн, его тут же ввели в курс всех дел и попросили принять участие в составлении докладной записки в гвардейские штабы.

Только к утру была закончена подробная докладная записка. Вывод был единственный: наступать при нынешних условиях на укрепленую позицию немцев нельзя.

Зуев, который активно учавствовал в общей работе, не замедлил поделиться выводами записки с Блохиным, а тот пообещал сообщить о ней солдатам гвардейских полков:

- Пусть солдатики себе на ус мотают, что начальство готовит им массовое истребление.

С утра Шихлинский, Рейн и Борейко в сопровождении Зуева направились в штаб гвардии, расположенный невдалеке от станции Рожище, километрах в пятнадцати от переднего края обороны. Там они неожиданно встретились с Кочаровским, приехавшим проведать сына. Его тоже пригласили на предстоящее совещание, которое должно было решить, когда и какими силами атаковать немцев на Ковельском направлении.

Артиллерийское начальство гвардии собралось в просторном зале помещичьего дома. Докладывал Борейко, а уточнять его доклад должны были Шихлинский и Кочаровский.

Вскоре на заседание пришли начальник штаба и сам командующий гвардейским отрядом генерал Безобразов. На стене висела подробная карта района будущих боев.

Борейко очень сжато доложил обстановку на участке, где должны были развернуться наступательные бои, ознакомил присутствующих с положением тяжелых батарей, их боеснабжением, состоянием материальной части, с результатами воздушных и наземных разведок. Общий вывод, к которому пришел Борейко, был тот, что при наличных артиллерийских средствах разрушение всей полосы германских укреплений невозможно и атака неизбежно потерпит кровавую неудачу.

Это заключение вызвало всеобщее возмущение. Посыпались весьма нелестные реплики в адрес Борейко, который-де недостаточно компетентен, чтобы решать вопрос, быть или не быть наступлению.

- Прикажут, и полки пойдут в атаку! - упрямо твердили представители гвардейского штаба.

- Пойти-то пойдут, но атака захлебнеться. Германского рубежа они не преодолеют. Потери будут исключительно велики и ни в какой мере не оправдают достигнутых результатов, - предупреждал Борейко.

- Подполковник, очевидно, не представляет себе, на что способна русская гвардия.

- Зато я хорошо представляю, что значит идти безоружными против сильно укрепленных позиций врага, который более полугода создавал оборонительный рубеж на Стоходе, - твердо и спокойно говорил Борейко. Шихлинский и Рейн поддержали заключение Борейко. Это привело штабных работников в замешательство.

- Что, по вашему мнению, господа тяжелые артиллеристы, нужно для преодоления вражеского рубежа обороны? - спросил Безобразов, молча слушавший доклад и возникшие после него споры.

- Отложить наступление до первого августа, подвезти не менее двух тысяч тяжелых снарядов и сосредоточить в этом районе еще два-три дивизиона мощных орудий - одиннадцати- или двеннадцатидюймового калибра, - советовал Борейко.

- Без одобрения Ставки верховного главнокомандуещего это сделать нельзя, - сказал Безобразов.

Поскольку Шихлинский на этом собрании был представителем Ставки, то ему было поручено немедленно отбыть в Могилев, где находилась Ставка, и там в срочном порядке выяснить все эти вопросы. Прямо с заседания Шихлинский отправился на железную дорогу, забрав с собой все схемы и записку Борейко. Шифрованной телеграммой запросили Ставку о возможности получения тяжелых снарядов. Через час пришел ответ: снаряды могут быть доставленны только через неделю, и то в половинном количестве.

- На русских заводах их еще не изготовляют, а дорогие союзнички не торопяться снабжать ими русскую армию, - пояснил Рейн.

Не ожидая возвращения Шихлинского, Борейко осторожно пристрелял свои батареи по наиболее вероятным целям в предстоящем бою. За ним пристрелялись и другие тяжелые дивизионы. Своим чередом произвели пристрелку и легкие батареи. К вечеру уже можно было приступать к артиллерийской подготовке наступления на намеченном направлении.

Одновременно с войсками и артиллерией стягивались и санитарные учреждения. Правда, они распологались в тылу, но сосредотачивались в этом же районе.

После ухода тяжелых батарей в район Рожища Варя начала искать возможности перебраться поближе к мужу. Вместо Хоменко, принявшего командование 102-дивизией, командиром полка был назначен Енджеевский. Варя этого не знала.

Знакомые Варе по предыдущим боям разведчики Гапотченко и Гриценко остановили Звонареву перед штабным блиндажем и предупредили, что у них новый командир.

- Якийсь пидполковник. Фамилие ему польская, сразу не выговоришь - Анжевский, а звать его Евстахий Казимирович, - сообщили солдаты.

Варя очень обрадовалась и, приоткрыв дверь в блиндаж, громко окликнула Стаха.

- Варенька! Так это вы, самая строгая из всех жен в мире! - пошутил Стах, подходя к Звонаревой. - Где же наши сверхтяжелые друзья?

- Переместились на тридцать верст к северу. Готовят там новое наступление. Вот все, что я знаю, - ответила Варя.

Стах радушно пригласил Звонареву зайти и посидеть с ним. Варя рассказала Енджевскому о Хоменко, его предшественнике.

- Удивительный человек, талантливый командир. Женат, имеет двух детей и ни одной любовницы, - не утерпела Варя и подпустила шпильку Енджеевскому.

- Мне остаеться продолжать уже сложившиеся в полку традиции, хотя я и слышал от солдат, что Хоменко не очень-то жаловал "шпигунов та й

мерзостников", как говорят украинцы, - заметил Стах.
- Старший разведчик и правая рука бывшего командира Гриценко и есть "главный шпигун" в полку, - смеясь, сообщила Звонарева.
- Откуда вы его знаете? - живо спросил Енджеевский.
- От Блохина и Васи - лиц, вам хорошо известных, - сказала Варя.
- Спасибо за новость. Буду знать, с кем имею дело, - ответил Енджеевский.
Затем из разговора выяснилось, что Стах собирается ехать по делам в Луцк, где находились высшие штабы корпуса и армии.
Варя упросила взять ее с собой, надеясь на обратном пути побывать в тяжелом дивизионе Борейко.
В Луцке Варя разыскала главного уполномоченного Красного Креста армии и упросила его перебросить свой перевязочный отряд в район предстоящих боев на Стоходе. Уполномоченный тут же вручил ей распоряжение Емельянову "в самом срочном порядке переместиться в район гвардейского отряда". Варя должна была сегодня же дорставить эту бумагу в свой перевязочный отряд.
Как только Стах закончил дела в Луцке, они направились в район расположения тяжелых батарей. Никто точно не знал, где они находяться, и пришлось довольно долго проплутать, пока наконец не натолкнулись случайно на Зайца, который ездил в интендантство за продовольствием и, увидев Звонареву, подошел к ней. Енджеевский знал его больше по рассказам, чем лично. Но по той приветливости, с какой Варя разговаривала с солдатом, называя его по имени и отчеству, Енджеевский понял, что он тоже из Артура, и дружески с ним поздоровался. Заяц пересел к ним в машину и показал дорогу шоферу. Одновременно он делился новостями. В Питере очень голодно, и все стоит бешенные деньги. быстро нарастает недовольство среди рабочих.
Говорил это Заяц вполголоса, чтобы не слышал солдат - водитель машины.
Рассказал он и о том, ждут возвращения из Ставки верховного Шихлинского, где решаеться судьба предстоящего наступления. Сам Заяц

считал это авантюрой и рассказывал, что гвардейские солдаты наступать не хотят.

Енджеевский слушал Зайца с большим вниманием, так как понимал, что только присутствие Вари позволяет солдату так открыто высназываться о существующих порядках и гвардейском начальстве.

В батарее Варя встретила Шихлинского, который только что вернулся из Ставки. Генерал был мрачен и молчалив. Даже с Варей поздоровался сухо и неприветливо. Звонарева поняла, что стесняет Шихлинского, и поспешила уйти к солдатам, чтобы узнать батарейные новости. Блохин был настроен очень мрачно. Он считал, что предстоит огромная человеческая бойня по прихоти начальства и без всякой к тому надобности.

- Объявить бы всем солдатам, что не пойдут в наступление... Да сильна еще дисциплина в армии, и особенно в гвардии, - вслух рассуждал он. - Приехал генерал Шихлинский и привез строгий приказ - штурмовать немца во чтобы то не стало, и обязательно пятнадцатого июля, во Владимира день.

Говорят, сам Гришка Распутин указал этот день, а его слово свято.

Помолился оон богу, приснился ему сам киевский князь Владимир, и решили - сон вещий, и число самим господом богом ему предуказано. Под корень надо рубить царский режим, тогда этого не будет, - бурчал Блохин.

- Всему свое время, Филипп Иванович. И оно скоро прийдет. Надо пока собирать силы.

Пока Варя беседовала с Блохиным и Зайцем, Енджеевский побывал в гвардейском штабе, ознакомился с обстановкой на фронте и выяснил, что в случаи удачи в прорыв будет брошена и 102-я дивизия, в которой находился полк Енджеевского.

На совещании артиллеристы распределили цели между батареями.

дальнобойные пушки Шнейдера и Виккерса решили выдвинуть к переднему краю обороны. Это давло возможность обстрела глубоких тылов немцев, но ставило батареи под удар немецких не только тяжелых,

но и легких батарей.

- Нас могут подбить в самом начале артиллерийской подготовки, а пушки у нас уникальные, - возражали командиры этих батарей.

- Тогда отправляйтесь экспонатами в музей, - насмешливо проговорил Шихлинский.

С рассвета тринадцатого июля началась артиллерийская подготоака. К вечеру четырнадцатого она заканчивалась.

В ночь на пятнадцатое или рано утром пятнадцатого начинался штурм немецких позиций. Все знали, что наличными средствами полностью разрушить передний край немецкой обороны невозможно и что при штурме неизбежны большие потери. Все дело сводилось к тому, чтобы по возможности уменьшить их.

Через болотистую реку надлежало заблаговременно построить деревянные мостки и сделать это незаметно для немцев. Саперы должны были только установить опоры, по которым можно было быстро настелить заранее заготовленные доски.

Немцы усиленно вели воздушную разведку, но артиллерийского огня почти не открывали, скрывая расположение своих батарей.

Как только выяснилось время наступления, Енджеевский заторопился в полк. С ним уехала и Варя, едва обменявшись несколькими словами с с мужем.

Приказ о переброске перевязочного отряда на передовую очень огорчил его маленький персонал. Сестры Ветрова и Осипенко отказались покинуть батарею Кремнева, хотя он сам уговаривал подчинить ся приказу штаба армии.

Уполномоченный Емельянов тоже не стремился в опасный район. Однако приказ есть приказ, и Емельянову ничего не оставалось, как подчиниться. Так перевязочный отряд перешел в район стоянки литерных артиллерийских дивизионов.

Зуев стал старшим офицером, а Блохина, получившего Георгиевский крест первой степени, представили к производству в прапорщики, как он не плевался и ни отказывался.

- Дослужился, Филя! Наденешь офицерские погоны, станешь благородием!
- подтрунивал над ним Борейко.
- С меня такое благородие, как из чего-то пуля, - уверял Блохин.
Вскоре пришел приказ о производстве его в офицеры. Он даже хотел было напиться с горя. Но на фронте появился присланный с пополнением Павел Петрович Сидорин. Он уже ходил подпоручиком и нисколько не тяготился этим обстоятельством.
- Помни, Филипп Иванович, нам, партии, очень нужны образованные и имеющие боевой опыт офицеры из пролетариев, из рабочих. Революцию надо делать умелыми руками. Значит надо постигать военную премудрость. А проще всего это сделать не солдату, а офицеру, перед которым открыты все военные секреты.
Когда Блохин впервые появился перед солдатами в офицерской форме, Родионов особенно громко и раскатисто скомандовал "смирно" и отдал ему рапорт. Блохин выслушал его как должное и громко поздоровался с солдатами.
- Произвели меня в благородия. В строю я теперь офицер, а вне строя как был для вас Филиппом Ивановичем, так прошу меня и величать, чтоб я не загордился, - шутил Блохин.
Он наотрез отказался переселиться в офицерскую палатку и оттался по-прежнему с солдатами. Блохин стал поручать Лежневу и Родионову беседы с солдатами других частей, понимая, что теперь ему, офицеру особенно доверять не будут.
Заяц предложил было отметить производство Блохина в офицеры хорошей выпивкой, но Блохин решительно отказался. Борейко его поддержал, и празднование ограничилось тем, что выпили по рюмке за здоровье вновь испеченного "благородия". При упоминании об этом Блохин поперхнулся.
- Для меня "благородие" звучит как ругань, - усмехнулся он.
Варя больше всех обрадовалась производству Блохина в офицеры. Сидорин только дружески пожал руку Блохина и сказал, что одним

офицером будущей пролетарской армии стало больше.

Ввиду того, что сестры передового отряда Красного Креста Ветрова и Осипенко решительно отказались ехать с отрядом, Варя немедленно послала телеграмму в Сызрань и через несколько дней в отряд прибыли Анель и Зоя Сидорина. Емельянов не возражал, чтобы на передовой линии действовал филиал перевязочного пункта и обе были зачисленны на службу в его отряд.

30

Неожиданно прибыл ешелон с новыми орудиями и запасными частями для тяжелых батарей. Началась срочная работа, и к утру обновленные пополненные батареи были готовы к бою.

С первыми проблесками рассвета Борейко взобрался на свою командную вышку в лесу и приказал всем батареям открыть огонь по заранее указанным целям. Передний край немецкой обороны утонул в дыму и пламени. Немецкие батареи молчали, и только в воздухе беспрестанно летали вражеские самолеты, наблюдая за всем происходящим у русских. Разрушение немецких укреплений велось систематически и методично, согласно разработанным заранее инструкциям. За результатами обстрела велись непрерывные наблюдения.

Канонада не умолкала целый день. К вечеру пушки настолько раскалились, что стрелять из них стало уже опасно. Тяжелые батареи прекратили обстрел, а легкие продолжали, затрудняя исправление разрушений, нанесенных тяжелыми дивизионами.

После жаркого дня с болот поднялся густой туман, который наполнил всю долину реки Стоход. Едва стемнело, как саперы занялись наведением мостиков через болотистую реку.

В условленный заранее час на мостки отправились разведчики от различных полков. Преображенцев вел Сидорин. Здесь же для связи с артиллерией находились Зуев и Блохин. За ними шли телефонисты, тянувшие проовод, крепя его по краям досок.

Развелчики прошли уже бодьшую половину реки, когда из темноты неожиданно ударили немецкие пулеметы. ОНи были хорошо пристреляны. Сразу появились убитые и раненые, раздались крики о помощи, стоны.

Сидорин, а за ним и Блохин и Зуев спрыгнули прямо в болото и, чтобы окончательно не завязнуть в трясине, руками придерживались за доски мостков. Теперь пулеметные очереди пролетали над их головами. Были хорошо видны места, откуда вели огонь пулеметы.

Сидорин тщательно прицелился и дал очередь по вспышкам вражеского пулемета. Он замочал, зато справа и слева заговоррили два новых. Провод, который соединял разведчиков с их тяжелой батареей, сохранился, и Зуев, соединившись с Борейко, попросил "огонька". Огромные снаряды со страшным грохотом разорвались неподалеку, обсыпав разведчиков зедлеы и осколками бетона. Пулеметы на этом участке замолчали.

Ночь зажглась всполохами огней. Грохотали взрывы, тяжело рвались снаряды, раздавались выстрелы винтовок и пулеметов. Пехота спешно растекалась по разрушеным немецким укреплениям. Блохин случайно обнаружил хорошо сохранившийся немецкий бетонированный блиндаж. Здесь и обосновался штаб участка. Оставив для связи с батареей Васю, Блохин поспешил туда, где шел бой.

Вторая полоса немецкой позиции была слабее первой, и к утру русским удалось занять ее. Немцы отощли на тыловой рубеж обороны.

Здесь Блохин всиреитл смертельно уставшего Сидорина.

- Сколько сегодня зазря народу положили - страшно подумать. И наших и немцев. И все во славу царя-батюшки и немецкого кайзера, - с грустью проговорил Сидорин.

Закурили и долго молчали, думая об одном.

- Настроение-то у ваших солдат какое? - справился Блохин.

- Известно какое! Потери огромные, а результаты боев весьма скромные. Даже в гвардейских частях и то солдаты начинают многое понимать.

Вечером, когда стемнело, снова навели мостки через Стоход, по ним

началось усиленное движение. Подходили свежие части, отправляли в тыл раненых, подвозили пищу и боеприпасы.

Борейко с прибывшими на батарею Шихлинским и Кочаровским планировали действия на следующий день. Представитель гвардейского штаба предупреждал, что на завтра намечен решительный штурм германских оборонительных линий с прорывом на Ковель.

- Тогда завтрашний день можно считать последним днем существования царской гвардии в том виде, как она существовала до сих пор. Три четверти, если не больше остануться завтра на Стоходе и на его болотистых берегах, - сказал Борейко. - Третья полоса германских укреплений сохранилась почти полностью. Штурмовать ее сейчас невозможно!

- Для русской армии нет ничего невозможного! - надменно заявил представитель гвардеского штаба.

- ...В том числе и бессмысленное самоуничтожение, - отрезал Борейко.

Но гвардейское начальство стояло на своем: на рассвете должен был начаться штурм третьей полосы германских оборонительных укреплений.

С темнотой Звонарев отправился на передний край обороны, чтобы ознакомиться с целями, которые ему предстояло разрушить утром. По дороге неожиданно встретил Варю с Зоей Сидориной и Анелей. Они направлялись на передний край обороны, чтобы развернуть передовой перевязочный пункт.

- Не слишком ли ты торопишся? - усомнился Звонарев. - Наше положение еще далеко не прочное. В случае контатаки немцев ты попадешь к ним в плен: переправиться через Стоход днем невозможно, равно как невозможна эвакуация раненых.

- Тем более мы должны находиться на том берегу реки, - ответила Варя.

Стали подыскивать подходящий блиндаж для перевязочного пункта.

Блохин, успевший хорошо познакомиться с местностью, предложил занять блиндаж штаба полка. когда Варя зашла в блиндаж, ее встретил недовольный взгляд командующего полком. Полковник сухо справился, как сюда попала Варя и что, собственно, ей здесь надо. В тон ему, так же

холодно и спокойно, Варя ответила, что она прибыла на передовую, чтобы развернуть в блиндаже перевязочный пункт, и предложила штабу немедленно очистить помещение.

- Кажеться, начальник здесь пока я, а не вы, и все делаеться не по вашим, а по моим указаниям. Штаб останеться здесь, а вы подыщите себе другое помещение. Прошу вас выйти отсюда, - раздраженно проговорил полковник.

- Вы упускаете из виду, господин полковник, что перевязочный отряд по приказу должен распологаться за рекой, но, чтобы иметь возможность сразу оказывать помощь раненым, госпожа Звонарева и с ней две сестры на свой страх и риск решили здесь развернуть перевязочный пункт. Мы должны быть им только благодарны, - возразил появившийся в блиндаже Сидорин.

- Вы собираетесь меня учить, подпоручик? - повысил голос полковник.

- Никак нет. Я только напомнил вам, то, о чем, вероятно, догадались и вы сами. Тем более, что госпожа Звонарева жена офицера-артиллериста, а сестра Сидорина - моя жена, - ответил Сидорин.

Узнав об этом, полковник сбавил тон:

- Ну хорошо. Уступаю им блиндаж, но только временно. Пускай подыщут себе другое помещение, - милостиво разрешил он.

- Я отсюда никуда не уйду, как бы этто ни хотелось полковнику, - твердо заявила Варя.

- Господин полковник, имейте в виду, что госпожа Звонарева работала в санпоезде императрицы Александры Федоровны, - напомнил Сидолин.

- По-видимому, нам все-таки придеться уходить отсюда! Неловко как-то занимать целый блиндаж для штаба, а раненых заставлять ютиться в развалинах. Тем более каждый из нас может оказаться пациентом госпожи Звонаревой, - напомнил адъютант полка.

В блиндаж вошел Хоменко. Увидев Звонареву, он по-родственному тепло с ней расцеловался.

- Как всегда, моя доню, вы стремитесь быть поближе к раненым и готовы рисковать собой, - проговорил он. - Ото мои сынки обрадуються, как

узнают, что вы опять с ними.

- Насилу отвоевала у штаба этот блиндаж для раненых, - не замедлила пожаловаться Звонарева генералу.

Заметив генерала, гвардейский полковник поспешил ему представиться. - Так это вас прогнали отсюда? И поделом. Надо было самим догадаться уступить блиндаж госпоже Звонаревой, - укоризненно произнес Хоменко.

- Полковник этот из фон-баронов, - щепнул Варе на ухо Сидорин. - Солдат за людей не считает. Ему долго не уцелеть. Подстрелят при первой же возможности.

- И правильно сделают, - произнесла Варя.

Как только помещение было очищено, Варя и сестры принялись за уборку.

Сидорин прислал им на помощь несколько солдат.

С наступлением дня снова началась канонада. Тяжелые гауьицы старались на пределе дальности разрушить третью оборонительную полосу немцев. Десять рядов проволочных заграждений сохранились почти везде, уцелела и огневая оборона. Легкие пушки, выдвинутые к самому переднему краю, пытались разбить пулеметные гнезда, но это удавалось им плохо. Пехота не рисковала атаковать уцелевшие немецкие позиции. Только на левом фланге, на участке дивизии Хоменко, удалось продвинуться вперед и частично даже захватить небольшие участки третьей полосы обороны. Нужно было общее усилие, чтобы прорвать ее и выйти в тыл немецким укреплениям. В этом заключалась задача гвардейских полков.

Борейко приказал всем тяжелым батареям до предела усилить огонь.

Немецкие укрепления вновь окутались дымом и пламенем разрывов крупных снарядов. Первая гвардейская пехотная дивизия ринулась в атаку, за ней двинулись вторая и третья. Гвардейские стрелки временно оставались в резерве.

Как только пехота вплотную подошла к третьей полосе обороны, немцы открыли бешеный фланговый огонь, скашивая передние роты гвардии. Они полегли перед проволочными заграждениями.

Тяжелые русские батареи открыли огонь по замеченным узлам сопротивления, а легкие батареи прямой наводкой старались уничтожить огневые точки, но меткость тяжелых батарей из-за большой дистанции была плохая, а легкие пушки, попадая под перекрестный огонь немецких батарей, гибли одна за другой.

Потери росли с каждой минутой. Солдаты торопились отойти на вторую полосу обороны и здесь найти укрытие от свинцового ливня.

Полковник Преображенского полка, так нелюбезно встретивший Варю, был доставлен для перевязки. Рана была поверхностная, в шею. Варя сразу поняла, что полковник был ранен сзади. Варя густо смазала рану йодом, наложила швы и предложила дотемна пробыть в перевязочном пункте. Но полковник требовал немедленной отправки его на другой берег. Переправу бомбили из самолетов, и никто из санитаров не хотел рисковать ни своей жизнью, ни жизнью раненых. Полковник обещал крупную награду тем санитарам, которые его немедленно эвакуируют. Наконец нашлись двое охотников. Они вынесли полковника из блиндажа, и почти тут же он был вторично ранен осколком разорвавшегося вблизи снаряда. Окровавленный, с перебитой рукой, он вновь попал к Варе на операционный стол. Кость руки была раздробленна, но полковник не согласился на ампутацию, как его не уговаривала Варя. Его перебинтовали и положили в угол блиндажа, чтобы с наступлением темноты переправить через Стоход.

Вскоре принесли раненого в обе ноги Сидорина. Он был бледен от боли и потери крови, с трудом говорил. Увидев бросившуюся к нему Зою, он слабо улыбнулся.

- Вот мы с вами и снова встретились, - возможно бодрее проговорила Варя.

- Недаром люди говорят, что не миновать третий раз. Так оно и вышло, - пошутил через силу Сидорин.

Осмотрев рану, Варя с облегчением увидела, что кости обеих ног целы, осколок разорвал только мышцы. Варя принялась очищать рану, наложила несколько швов, вставила тампоны и турундучки там, где

можно было ожидать нагноения. Зоя напоила мужа крепким чаем с красным вином.

Кончались перевязочные материалы, не было йода, медикаментов. А раненые все прибывали и прибывали.

Наконец на реку лег вечерний туман. Саперы принялись исправлять мостики. Варя занялась эвакуацией тяжелораненых. Первую партию, куда попал и Сидорин, отправилась сопровождать до самого санитарного поезда Зоя.

Двое солдат из пехотного полка принесли Енджеевского с пулевыми ранениями в ногу. Пока Варя обследовала рану и делала перевязку, они стояли около дверей бдиндажа. Узна, что рана не опасна и жизни командира ничего не угрожает, солдаты обрадовались:

- Побежали до своих хлопцев, успокоим, что наш командир живехонек. А вам, сестрица, спасибо от нас большое.

Анеля, бледная от усталости, с воспаленными глазами, ловко перевязывались раненых и распоряжалась их отправкой. Несмотря на нервное напряжение последних дней, она держалась молодцом. Вид крови, страданий, мучений людей будто закалял ее, вливая мужество в ее сердце.

"Умница, - думала Варя, глядя, как ласково говорила Анеля с солдатами, одним видом своим успокаивая их, - умница, откуда у нее только силы беруться!" Только Варя, сама еле державшаяся на ногах, могла догадаться, ценой каких усилий давалься Анеле этот спокойный, невозмутимый вид.

Варя окинула взглядом блиндаж: всюду лежали и сидели раненые, ожидавшиеся своей очереди к эвакуации. Слышались стоны, проклятия. С этой партией Варя отправит Анелю, а сама уйдет последней. Кружилась голова от душного воздуха, напоенного запахом крови и медикаментов. Варя с трудом перевела дыхание. "Еще немного, вот только отправить раненых, и тогда отдых. Сюда придут военные врачи и сменят меня. И спать, спать", - думала она.

Но испытания этих напряженных дней еще не окончились.

Уже совсем стемнело, когда в блиндаж внесли смертельно раненного Боба Павленко. У него осколком был разорван живот. Варя дала офицеру большую дозу болеутоляющего, и Павленко тихо скончался во сне.

Началась переправа раненых через Стоход. На этом берегу тянулись походные кухни, интендантские повозки и части, прибывшие на смену.

Варя передала превязочный пункт военным врачам, а сама отправилась в тыл. Она так устала, что едва брела по тропинке к берегу реки. Здесь еще продолжался артиллерийский обстрел со стороны немцев.

Варя была уже на середине реки, когда поблизости разорвался немецкий снаряд. Взрывной волной Варю сбросило с мостков в реку, она сразу же попала в трясину. Трясина цепко схватила ее в свои объятья. Варя попыталась выбраться, но только глубже опустилась в черную зловонную жижу.

Сделалось страшно. "Неужели я погибну так нелепо, вдали от людей, совсем одна? Даже никто не узнает, что я погибла. И Сережа будет искать и ждать..." Варя закричала. Но голос ее, испуганный и слабый, потонул в тревожном шелесте камыша. Нет, она не должна погибнуть. Освоившись с теинотой, Варя увидела неподалеку от себя какой-то темный предмет.

Протянув руку, она поняла, что это труп. Труп лежал на спине и почти не увяз в трясине, вероятно, его держали на себе камышовые стебли. Варя с трудом ухватилась за труп обеими руками. Под тяжестью мертвое тело стало медленно погружаться. Спасения не было. Варя вновь закричала, напрягая голос:

- Помогите, помогите!

Наконец кто-то услышал ее голос.

- Постойте, братцы! Какая-то баба верещит в реке, - проговорил мужской голос.

- Утопленница зовет к себе! Попробуй ее спасать, мигом с собой утащит.

- Я докторша, что вас перевязывала! Меня взрывом сбросило с мостка! - истошным голосом кричала Варя, опасаясь, что солдаты уйдут.

- Может, и впрямь докторша провалилась. Дай-ка сюда багор, протянем

ей, - решил другой голос.

- Держись, сейчас подсоблю, - отозвался солдат где-то поблизости. - Где ты?

- Здесь я! - обрадованно крикнула Варя.

Она увидела,как протянулся длинный шест и шлепнулся в трясину рядом с нею. Торопясь схватить багор, Варя разжала руки, державшие труп, и сразу провалилась по грудь. Варя вновь закричала, силы оставляли ее. Она боялась потерять сознание. Вот багор опустился ближе, вот еще ближе. Варя протянула дрожащую руку и схватила скользкую шершавую палку.

- Ну теперь держись крепче, - услышала она голос.

Шест попытались потянуть, но это плохо удавалось.

- Однако чижелая ты, язви тя! - сердито проговорил солдат. - Подождь, сейчас позову на помощь. Эй, кто там поближе! Пособите, а то меня баба утащит в болото, - крикнул солдат.

Послышались голоса, смех и громкое дыхание нескольких человек. Варя вдруг почувствовала, как ее вытаскивают и волокут из болота. Захлебываясь болотной жижей, Варя не замечала, как камыш резал ей лицо и руки. Она боялась только одного - упустить спасительный шест, а с ним и надежду на спасение. Когда она наконец оказалась на мостках, силы окончательно покинули ее. Она вздохнула всей грудью и потеряла сознание.

Над Варей кто-то склонился, осветил лицо электрическим фонариком.

- Да никак дохтурка, что переаязывала нас в блиндаже! Как ее угораздило попасть в реку? - узнал Варю один из раненых. - Тащи ее, братцы, под руки до берега, а там она и очухается.

Сознание начало медленно возвращалось к ней. Она стала различать звезды на небе, смутно разбирать голоса.

- Дай ей водки, мигом с непривычки прийдет в себя, - посоветовал чей-то голос.

Варя с трудом разжала губы. Рот обожгло спиртным, она закашлялась.

- Очухалась, теперь можно идти дальше! Ты уж нас извиняй, что до места

не лоставили. Так ведь служба, надо до моста шагать. Ты полежи на бережку малость, а потом вправо подайся. Там наши артиллеристы стоят. - Солдаты торопливо отошли.

Варя полежала, спокойно и глубоко вдыхая воздух ночи, с наслаждением чувствую под собой твердую землю. Потом поднялась и медленно пошла к артиллеристам.

Перепуганный Звонарев вызвал врача с перевязочного пункта. Варю лихорадило, поднялась рвота и сильные режущие боли в животе. Ее немедленно эвакуировали в тыл.

Тянулись однообразные дни подготовки к решающей атаке немецких укреплений. Высшее командование, мечтавшее о быстром захвате немецких рубежей на реке Стоход, толкало полки, дивизии на новые атаки. Росло число бессмысленных жертв, и без того достигшее на этом участке тридцати тысяч человек. Артиллерия мало помогала пехоте. Тяжелым батареям не удалось переправиться через Стоход, в бой шли только легкие пушки. Пехоте приходилось туго. Численность гвардейских полков сократилась почти втрое.

Та гвардия, хваленая, вымуштрованная, с кадровым офицерским составом, фактически перестала существовать. В упорных боях были перебиты кадровые офицеры. Их заменили не нюхавшие пороха прапорщики - по большей части бывшие студенты. Изменился и состав солдат. На место выбывших из строя опытных гвардейцев пришли призывники из запасных батальонов. Среди них было много рабочих с заводов. Они принесли с собой тревожные и смелые настроения тыла: ненависть к войне и к тем, кто ее затеял. От их смелых разговоров веяло мятежным, революционным духом стачек и забастовок больших городов. Офицеры тоже были уже не те. Они во многом разделяли взгляды солдат. Гвардии, прежней твердыни и опоры царского престола, уже не было.

Ценой огромных потерь русским частям удалось на противоположном берегу Стохода создать два плацдарма. Но и только. Дальнейшее наступление было приостановлено, а потом и отложено до следующего

года.

Тяжелые батареи Борейко, нуждавшиеся в большом ремонте, перебросили в Ровно, где имелись хорошо оборудованные ремонтные мастерские.

31

Петроград жил трудной и напряженной жизнью. Фронт ненасытно требовал все новых и новых пополнений взамен выбывших из строя. Мобилизации следовали одна за другой, вызывая возмущение и протест населения. То и дело вспыхивали забастовки, стачки. Голод, произвол полиции, вносивших в "черные списки" рабочих по малейшему подозрению в неблагонадежности, усиливали всеобщую ненависть к царизму. Люди смелели, ожесточались. В открытую поговаривали, что не мешало бы повернуть оружие в другую сторону, против своих супостатов, что пришло время солдатам взяться за ум и кончать эту проклятущую войну, приниматься за настоящее дело.

Старикр, провожая молодежь на фронт, наказывали поскорее возвращаться обратно, да не забыть прихватить оружие.

Варя, вернувшаяся в Петроград, сразу окунулась в гущу событий. Она соскучилась по гапряженной, полной риска и высокого смысла работе подпольщика.

Последние дни и ночи на фронте запомнились ей как кошмарный сон с криками и стонами измученных страданиями, искалеченных людей. Варя просыпалась в своей городской квартире в холодном поту, задыхаясь от чудившихся ей запахов крови и лекарств. С ужасом открывала глаза и долго лежала, не понимая, где она, почему лежит в чистой постели и видит чуть брезжущий сквозь запотевшее окно рассвет. Тихо, не слышно выстрелов и стонов раненых, лишь мирно тикают часы, напоминая о доме и уюте. И эти милые сердцу знакомые звуки возвращали Варю к действительности.

Но Варя оставалась Варей. И не в ее характере было предаваться

отчаянью и тяжелым воспоминаниям. Оправившись от нервного потрясения той ночи, когда она чуть не осталась навсегда в болотах Стохода, Варя стала искать дела. Она скучала по девочкам, которые жили теперь далеко от нее.

Но Варя понимала, что на богатой Кубани жить было легче, чем в Петрограде.

Она знала, что дети сыты и, наверное, здоровы. Варя собиралась поехать туда и сразу бы и поехала, несмотря на все трулности пути на хлебный юг России, если бы не захлестнувшие ее события.

Варя еще лежала в постели, когда пришла с ночного дежурства Маня. Она привычным для медсестры движением потирала, будто умывая, покрасневшие от холода руки, поправила прическу и присела на низенький детский стульчик, стоящий у Вариной кровати.

Вот уже несколько дней, как Варя дома. С интересом наблюдая за Маней, она пражалась, какая в ней произошла перемена. Куда девалась развязная, нарочито свободная манера держаться, разговаривать, громко и неожиданно смеяться? Откуда появилась эта сдержанность и мягкость, эта привычка внимательно, не перебивая, слушать собеседника только потом высказывать свои суждения? Именно суждения. Они были у Мани. Откуда? Неужели любовь к Васе могла так изменить ее?

Вот и сейчас Варя откровенно любовалась Маней, ее милым лицом с широко открытыми ясными глазами. Они смотрели внимательно и серьезно. В них жила острая мысль. Или, может быть, дружба с Ольгой преобразила Маню, учеба? Она стала много читать, жадно, будто наверстывая упущенное. Варя видела книги в ее комнатке. Или, может быть, встреча с новыми людьми? Ведь там, где Ольга, обязательно будут инересные люди, новая, необыкновенная работа подпольщика-революционера. А вернее, и то, и то третье. Но главное дело было не в самой Мане, в ее природном глубоком уме, настойчивом характере и благородном сердце.

- Что же ты молчишь, Маня? - спросила тихо Варя. - Села и молчишь. Ждешь, что я снова что-нибудь о Васе?

И только по тому, как вспыхнули Манины щеки и заблестели ее глаза, Варя поняла, что не ошиблась. И вновь ее поразила сдержанность девушки, ее гордость и такт.

- Что вы Варвара Васильевна! Вы все уже рассказали. Я просто так. Мне хорошо с вами, - сказала Маня. И, помолчав, добавила: - Опасно там, а он отчаянный...

- Теперь уже не опасно. Они в Ровно перебрались, ремонтируются там.

Да твой Вася такой здоровяк, что от него лббой снаряд отскочит, как от бетонированного укрытия. - Варя засмеялась и стала одеваться.

К вечеру, когда Маня ушла на работу, к Варе неожиданно пришел Краснушкин. Он только что вернулся из командировки по Кавказкому фронту, был у своих в Екатериноградe и вместе с кучей новостей, приветов и поцелуев привез гостинцы: муку, сахар, сало.

- Живем, Варенька! Смотрите, какое богатство.

Варя всплеснула руками.

- Мужчинам главное - была бы еда! А что человек беспокоится и ждет рассказов о своих девочках, его превосходительству, видите ли, и дела нет.

Ну хватит любоваться на сало. Рассказывайте сейчас же!

- Чего же рассказывать? - удивился Краснушкин. - Разве не ясно? Раз есть сало на Кубани - значит, все в порядке. Живы, здоровы все. Целуют, конечно.

- Ужасно бездарно рассказываете, дорогой! Ну да что ждать от генерала, - улыбаясь, съязвила Варя. - Здоровы, и то слава богу.

И только потом, когда замешанные на сале лепешки, наскоро приготовленные Варей, аппетитно похрустывали на зубах у доктора, она услышала подробный и обстоятельный рассказ о кубанском житье-бытье.

- Вот, Варенька, ну, а теперь, когда ваше любопытство удовлетворено и материнская душа успокоена, я расчитываю на ваше внимание.

И Краснушкин, волнуясь, рассказал о предстоящем "большом деле".

Петроградский большевистский комитет готовил большую стачку. В ней должны были принять участие несколько заводов Выборгской стороны. А

если удасться, то и Нарвской заставы, путиловцы... Задача стачки - не только борьба рабочих за свое экономическое положение - повышение заработной платы, восьмичасовой рабочий день, но главное - слово рабочих против войны, против царского произвола. Стачка укрепит солидарность рабочих, подчеркнет единство их целей. Рабочие, как никогда, поймут, что их спасение в сплоченности и больбе единым фронтом.

- Петроградский комитет возлагает большие надежды на эту стачку.

Брошен весь актив на ее организацию. Проводяться нелегальные митинги, собрания, готовяться листовки, прокламации. Дел уйма! Иван Герасимович только что вернулся из Москвы. Там тоже все кипит. Возможно, Что поднимуться и Москва и Иваново-Вознесенск, и другие города. Представляете, Варенька, какие полки двинуться в бой! Пролетариат почувствует свою силу.

Пусть это не революция, но она скоро!

Краснушкин, как никогда, говорил восторженно, карие гдаза его длестели, голос вздрагивал. Волнение доктора передалось и Варе. Купаясь в платок и зябко поводя плечами, она ходила по кухне.

- Что нужно делать? - спросила она, останавливаясь перед Краснушкиным. - Что я должна делать? Все работают, а я здесь уже несколько дней сижу сложа руки. И никто мне ничего не говорит! - с возмущением воскликнула она.

- Но вы же хворали! Не беспокойтесь, дела всем хватит. Вы войдете в группу, которая обеспечивает печать и доставку на заводы листовок. связь с Ольгой Борейко через Маню. У вас будет еще несколько надежных товарищей.

Но только слушайте, Варя, внимательно: осторожность - прежде всего.

Полиция свирепствует. Царь-батюшка понял, что в воздухе запахло грозой, и вооружил полицию пулеметами в ущерб фронту. Количество шпиков, провокаторов увеличилось чуть ли не вдвое. На всех перекрестках на крышах домов устроены посты с пулеметами, а потому - осторожность.

Варя и Краснушкин еще долго в уютной, блестевшей чистотой, Вариной кухоньке, долго тихо говорили о подробностях предстоящего дела. Уже забрезжил рассвет, и слегка заиндевевшие от утреннего морозца стекла посветлели, когда Варя уложила Краснушкина в кабинете вздремнуть хотя бы пару часов перед трудным днем. А сама, забравшись с ногами на кушетку и закутавшись шерстяным оделом, сидела, не двигаясь, чутко прислушиваясь к тихим звукам просыпающегося большого города. Ее мысли, восторженные, ясные и до отчаяности смелые, были там, на Выборгской стороне, в небольших душных и сырых клетушках рабочих, где она частенько бывала с доктором. Ей хотелось идти туда сейчас же, рассказать людям правду, звать из бороться против войны, против страданий и мучений, которые она сама, своими глазами видела на фронте. И ей казалось, что она сумеет выразить свои мысли, убедить людей, найти в себе те единственные слова, которые доходят до сердца человека, потому что она сама была там, где лилась кровь, сама спасала жизни солдат, таких же рабочих, которых она увидит завтра на Выборгской.

Ей казалось, что время остановилось. От волнения ее бил сильный озноб. Но не хотелось вставать, чтобы взять плед, не хотелось расставаться со своими мыслями, с тем восторженным, удивительно ясным и счастливым состояние души, которое было у нее в это утро.

Она встала, когда в коридоре услышала осторожные шаги Мани, вернувшейся с дежурства. Варя развела огонь, поставила чайник и пошла будить Краснушкина. Было уже восемь часов утра.

32

Вот уже две недели, как болел Славка. Соседка по дому, успокаивая Ольгу, сказала:

- Что ж на то они и дети, чтобы болеть. Ты, голубка, не тревожься. Может, и правда ее, что тревожиться не стоит. Дети всегда болеют и всегда выздоравливают. Но всегда ли?.. Шутка ли - воспаление легких! и

хотя кризис прошел и температура спадала, еще можно было ждать сложнений.

У Славки слабые легкие. Оля об этом никогда не забывала. Славку надо было бы свезти в Крым, на солнышко, к доброму морскому ветру. Вон из Петрограда! Но как уедешь? Нет, ехать она никак не могла. Особенно сейчас.

Вот уже около месяца ее домик на тихой Петроградской стороне жил напряженной, скрытой от взглядов соседей, жизнью. Утром соседи видели молодую, степенную, очень милую в обращении жену подполковника Борейко, героя войны. Она шла в магазины с корзинкой для продуктов. С ней любезно здоровался пристав. Он тоже знал про мужа - подполковника и видел, как изредка к Борейко приезжает генерал. Пусть медицинский, но все же генерал.

Не к каждому такой приезжает.

А днем к Борейко приходили так, незаметные, не очень интересные для любопытного глаза люди: то сестра милосердия придет, то врач наведаеться, - такое несчастье - все время болеет мальчик! То портниха зайдет - тоже нужно, дело молодое, - или дочка портнихи забежит, бойкая, синеглазая. А то на днях все печник ходил: что-то с печкой неладное случилсь, все дымит да дымит!

Скромно живет молодая соседка. Никуда не ходит, дружбу ни с кем не ведет. И прислуга только одна, да и то неразговорчивая. Разве что от нее уднаешь? Но ночью... когда тихая улица погружалась в сон, за плотно завешеным окном небольшой Олиной комнаты шла работа. В погребке под этой комнаткой была типография. Тут Оля, "прислуга" Дарья Терентьевна, верный помощник и товарищ Оли по подпольной работе, Зоя Сидорина, вернувшаяся в Петроград, друзья из ПЕтроградского комитета ббольшевиков набирали, правили корректуры, печатали листовки, прокламации, размножали переправенные с большим трудом из-за границы номера "Социал-демократа", драгоценные ленинские статьи. Здесь упаковывались аккуратные пачки и потом через связных на заводы, на фронт.

Сейчас, когда Петроградский комитет готовился к большой стачке, работы было особенно много. Пахло типографской краской, тихо работал станок. Оля держала в руках свежеотпечатанную листовку, дочитывая вполголоса ее жгучие слова:

"...Товарищи рабочие! Царский трон пошатнулся. Напрягите свои усилия, толкните его, и он падет, рассыплется в прах. Вы - истинные хозява жизни, вам принадлежит земля, фабрики и заводы. Ваша сила - в организованной, сплоченной борьбе!
Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует рабочая солидарность!
Петроградский комитет РСДРП".

- Ну, дорогие мои, завтра большой день. Даже не завтра, а сегодня...
- подняла глаза от листовки Ольга. - Кажется, все готово. Последнюю партию листовок на заводы принесем с собой. Раздалим, как только начнется митинг...
Ольга волновалась, она знала, что в этот ответственный день не все вернуться к своим близким. Многим суровая судьба революционера приготовила новые испытания: тюрьмы, ссылки, а может быть, и смерть. Царское правительство найдет место: казематов, тюрем в России много. На это денег не жалели. Тюрмы, церкви и казармы строили прочно, надежно. Но Ольга не боялась. Она давно привыкла к этой мысли. Не о себе тревожилсь она - о Славке. Что с ним будет? С маленьким, беспомощным, родным человечком, ее кровинкой?
Она, Ольга, не должна была идти на завод "Старый Лесснер". Зое Сидориной нужно было идти туда. Варя Звонарева с Маней будут на заводе Паривайнена. Наташка с Павлом - на заводе "Новый Лесснер". В их обязанность входила доставка листовок.
Но Зоя идти не могла. И хотя она ни словом не обмолвилась, виду не подала, Ольга знала, что идти ей нельзя. Ее мужу предстояла третья и последняя операция. Ольга видела, как волновалась Зоя, и удивлялась

ее выдержке и стойкости.

Конечно, было бы правильней ей, Ольге, остаться дома. Не подвергать риску существование типографии. Ее провал и арест означал бы провал общего дела. Но в тоже время сочувствие к товарищу, желание помочь ему в беде брали вверх. Как всегда, в трудную минуту, приходила на выручку успокоительная мысль: "Напрасно ты тревожишься, ты вне подозрений у полиции. С тобой ничего не случиться. Зато выручишь подругу..."

- Зоя, - твердо глядя в глаза молодой женщине, сказала Ольга, - ты останешься здесь. Тебе нельзя рисковать. Прошу тебя - не возражай. На завод пойду я. Сейчас... Все будет хорошо. Слышишь? Со мной ничего не случится. А если что... тогда позаботишься о Славке. Вот так. Не возражай.

- Ольга улыбнулась. - Ты же знаешь, что это бесполезно.

Да, Зоя Сидорина знала характер Ольги. Знала, что Ольга Борейко слов на ветер не бросает, ее решение твердое. Если она решила, то это значит - все обдумано, учтено.

И в самом деле, возражать было бесполезно. Ольга мягко, но твердо умела доказать свою правоту. И Зое всегда оставалось только подчиняться.

- Что же, пора кончать. На этот раз придется тщательнее обычного провести маскировку, спрятать шрифт, краску...

И товарищи принялись за работу.

Ранним утром Варя с Маней подходили к заводу Паривайнена. Морозило, сыпал крупой легкий сухой снежок, наметая низкие сугробы. Под ногами поскрипывало, воздух свежий, бодрящий. Дышать было легко и приятно, будто пить вкусную ключевую воду.

Чкм ближе к заводу, тем больше шло людей, спешивших на работу. Варя придирчиво посмотрела на Маню и осталась довольна ее видом. Длинный поношенный жакет, белый платок, в руках узелок - все это делало ее похожей на остальных женщин. Только горевшие от волнения щеки и

глаза заставляли посмотреть на нее пристальнее. Да ведь мало ли отчего могут гореть глаза да щеки у молодой девушки! За себя Варя была спокойна. Пальто и серый полушалок сохранились еще с тех времен, когда она с доктором Краснушкиным ходила к больным на Выборгскую. Варя надела их и будто встретилась со старыми добрыми друзьями: стало спокойно, удобно и тепло. Листовки спрятала под кофточку - так было надежнее. В руках узелок с хлебом, бутылкой молока. Не придерешься в проходной. А что новенькие, так время такое - война, каждый день толпами новых принимают. Разве всех запомнишь!

Около завода толпился народ. Это хорошо. В толпе, вместе со всеми, легче пройти. Варя замедлила шаги, незаметно повела глазами. Так оно и есть - их ждали. Рядом уже шагали знакомые люди. Маню, видно, здесь хорошо знали. Поздоровались уважительно, пошли вместе.

Только бы благополучно миновать проходную!... Варя опустила глаза к узелку, услышала окрик:

- Давай проходи. Не задерживайся. Видишь, народ идет.

Все. Страшное позади. Теперь во двор, мимо конторы. Варя пощупала рукой аккуратные пачки листовок. Когда же? Постепенно, медленно но упорно толпы людей, как широкий поток, вливались в припорошенный за ночь заводской двор. Народ все прибывал, но по цехам не расходился. Напряженно, но сдержанно гудел двор, будто проснувшийся улей. Люди тихо разговаривали друг с другом. От мерцающего бледного утра лица людей были серыми, в темных голодных тенях глаз притаилось ожидание.

Скорее бы! К Варе подошел пожилой мужчина в овчинной куртке. Серые внимательные глаза улыбнулись в лучинках-морщинках.

- Вот и встретились, Варвара Васильевна! Доброго здоровья.

От волнения и от радости, что видит своих людей после долгой разлуки, Варя почувствовала, как защипало глаза и дрогнул голос, когда она сказала:

- Здравствуйте, Иван Герасимович!

- Принесли нам гостинчиков?

- Да.

- Ну, угощайте потихоньку. Начнем, товарищи! - Последние слова он сказал высокому и худому рабочему.

Варя сунула руку за пазуху и выхватила пахнувшие типографской краской, согретые ее теплом листовки. К ней потянулись сразу несколько жадных рук, и она, не всматриваясь в лица, видела только руки, протянутые к ней, рабочие, мозолистые, с взбухшими венами руки. Она вложила первую пачку в одну тянувшуюся руку, потом вторую, третью... И видела, как листовки, будто живые белые птицы, запорхали из рук в руки. Их передавали, спешили. Читали по двое, по трое, в одиночку. Читали шепотом, вслух. И Варя заметила, как от чтения, от жарких зветных слов, что хранили в себе эти маленькие листочки, смелели и крепли голоса, светлели лица. Теперь уже люди не говорили шепотом. Они говорили вслух, громко, оглушительно рявкнул гудок, ударил по напряженным нервам. Варя поняла, что это начало.

- Товарищи! - услышала Варя голос и повернула голову. Около котельной на бревнах, сложенных штабелями, стоял человек. Он был без шапки, легкие светлые волосы шевелил ветер. В протянутой руке он сжимал пачку листовок.

- Товарищи! - повторил он громче и увереннее. Толпа притихла. - Рабочие Петрограда объявили сегодняшний день днем пролетарской стачки и солидарности. Мы не хотим войны! Довольно проливать рабочую кровь!...

Варя оглянулась по сторонам. Всюду вокруг нее стояли люди в куртках, промасленных картузах, в облезлых шапках-ушанках, в простых фланелевых платках, шалях, с обветренными лицами, суровые, знавшие, что такое труд и нужда. Варя с опаской посмотрела в сторону небольшого, обшитого свежим тесом флигеля конторы. Увидела чье-то прильнувшее к окну холеное испуганное лицо.

"Ага, испугались, кровопийцы! - подумала она с озлоблением. - В полицию звоните, фараонов вызываете? Разогнать митинг, арестовать, бросить в тюрьму организаторов. Но разве это спасет вас? Нет. Народ

уже понимает свою силу и видит ваше бессилие". В душе Вари поднимался холодок удивительного состояния - отчаянной смелости и счатья. Хотелось сделать что-то большое, яркое, смелое. Сказать людям какое-то редкое, всем понятное горячее слово, которое жило и трепетало большой птицей в ее груди.

Над толпой выросла фигура Ивана Герасимовича. Густые с сильной проседью волосы нависли над его высоким6 изборожденным морщинами лбом. Он крепко сжимал в одной руке шапку и сильными, энергичными движениями рубил воздух, как бы подкрепляя силу своих пламенных слов:

- ...Довольно пить рабочую кровь! Долой войну! Долой самодержавие! Превратим империалистическую войну в войну гражданскую!..

Варя взглянула на стоявщую рядом женщину: та сдвинула платок, освободив ухо, что бы удобнее было слушать. Лицо ее, вся поза выражали острое внимание и волнение. Она вскинула глаза на Варю, улыбнулась ей одними глазами, одобрительно кивнула головой в сторону оратора:

- Вот эти речи нам по душе. А то на днях в цех к нам приходил один, говорил: "Война до победного конца". А для кого до победного? Для него? у меня мужик воюет, так разве мне охота, чтобы мои дети сиротами остались? Я ему так и сказала: "Тебе надо - иди и воюй". Не понравилось, ощетинился весь на меня...

Варю кто-то тронул за плечо. Оглянулась - Маня. Она смотрела на Варю тревожными глазами.

- Варвара Васильевна, выбирайтесь за мной, - шепнула она.

Когда они вышли из толпы, место Ивана Герасимовича занял другой оратор - молодой рабочий с сильным и звучным голосом.

- Сегодня мы не выйдем на работу, товарищи. Мы предъявили начальству наши требования. Я сейчас вам зачитаю их...

- Варвара Васильевна, - тихо сказала Маня. - Мне заводские ребята сказали, что завод оцепила полиция. Вызван даже конный отряд. Иван Герасимович приказал нам уходить. Идемте, нас проведут другим путем,

не через проходную.

Ее слова заглушил резкий звук свистка и голос:

- Прекратить безобразие! Разойдись!

Во двор ворвалась полиция.

- Не плошай, братцы!

- Бей их!

- Камнями!

Рабочие хватали булыжники, куски железа, все, что попадало под руку...

- Эх, винтовочку бы сейчас... - услышала Варя.

Вдруг она увидела бежавшего прямо на нее полицейского. В руках он держал резиновую палку. Варе бросилось в глаза его перекошенное от ненависти, красное, омерзительное лицо. И тогда, забыв все на свете, она с размаху бросила в это ненавистное лицо то, что было в руках - узелок с приготовленным завтраком: хлебом и бутылкой молока.

- Ах ты стерва, еще драться! - на Варю пахнуло винным перегаром. Волосатая рука обрушила на нее дубинку. Падая и теряя сознание, Варя увидела, как Маня, вцепившись в руку полицейского, повисла на ней.

33

В Ровно ремонт материальной части батареи шел неторопливо. Звонарев ждал с часу на час прибытия новых орудий из-за границы. Предполагалось удвоить число двенадцатидюймовых и других сверхтяжелых орудий.

Говорили о крупном наступлении весной 1917 года.

Как-то вечером, когда Звонарев делился своими предположениями о планах командования в новом, 1917 году, Блохин коснулся политических событий. Зуев активно поддерал разговор. К ним подошли Лежнев, Родионов, Заяц и еще несколько солдат. Беседа завязалась острая и интересная.

Блохин волновался. Хотя были и свои люди, которых давно знал, а все же как-то необычно. Сама обстановка, слухающие притихшие солдаты,

твои товарищи. Тут даже Звонарев, человек, мало интересующийся политикой. Есть от чего поволноваться.

Засиделись до поздней ночи. Не заметили, как пролетело время, ведь обсуждалтсь самые больные для всех вопросы: воевать "до победы" или кончать войну. Блохину почти не приходилось вмешиваться или поправлять - настолько солдаты нутром своим, кровбю своей чувствовали правду. Было ясно, что война проиграна, что и началась она и ведеться сейчас не во имя отечества, а рали интересов капиталистов, ради прибылей, которые рекой текут в их карманы. Убеждать и разъяснять не было неоходимости. Солдаты сами все испытали на свей шкуре.

- По домам надо! Разве это война, - одно надувательство. Царь с царицей заодно с немцами. Ведь царица-то немка! Ей что до нашей кровушки!

- горячо говорил Лежнев. - Надо по домам идти, мужикам до земли добираться.

- Как ты пойдешь? - степенно заметил Родионов. - В дезертирах ходить не больно сладко. Вмиг поймают и пристрелят или повесят.

- Царь войну не кончит, - вступил в разговор Заяц. - У него договор с англичанами да французами.

- Вот и выходит, что надо скидавать царя. Хватит, - поцарствовал, - снова вставил слово Лежнев.

- А что, Сергей Владимирович, солдаты дело говорят! Надо кончать с самодержавием, а потом кончать с войной. Как ваше мнение?

Звонарев, внимательно слушавший солдат и заметно волновавшийся, ответил не сразу.

- Что ж, по-моему, многое из того, что я здесь слышал, правильно.

Порядка в России нет. И виноват в этом царизм. Думаю, будет лучше, если его заменит республика с Учредительным собранием. Только оно способно покончить с войной и разрухой. Что царизм изжил себя, было ясно еще в Порт-Артуре...

- И не случайно, что после японской войны вспыхнул пятый год, - сказал Блохин. - Будет и сейчас революция!

Разошлись все возбужденные, объединенные ожиданием чего-то

большого и важного.

На следующий день Звонарева вызвали в управление ТАОНа, которым ременно командывал Рейн.

Полковник, как всегда, был любезен, справился о том, как идет ремонт в батареях, и, плотно прикрыв дверь, тихонько спросил, не принадлежит ли Звонарев к большевикам. Звонарев даже рот раскрыл от удивления.

- Я политикой не занимаюсь, господин полковник, - сказал он.

- Не надо давать жандармам повода для вмешательства в наши дела. У вас в батарее имееться революционная организация среди солдат. К ней примыкают и Зуев с Блохиным. Вы в ней, надеюсь, не состоите? Представтне себе, сегодня ко мне явились жандармы и клятвенно заверили, что вчера у вас на батарее было революционное сборище, на котором выступали и вы. На днях будет прооизведен самый тщательный обыск всех помещений. Я вас решил предупредить. Полиция, жандармы сейчас дико свирепствуют. Им даны широчайшии полномочия. Есть сведения, что в Петрограде, Москве идут волнения народа: забастовки, стачки и всякое такое... Много арестов, очень много... Ну, естественно, что все это докатиться и до нас. Так будте осторожны. Они не считаються даже с офицерским званием. Ужас что твориться!

- Но меня арестовать не имеют права. Я пользуюсь правами командира артиллерийской бригады и могу быть арестован по повелению государя императора, - возразил Звонарев.

- Это-то и плохо! Уж лучше бы это зависело от меня или Шихлинского. А царь готов заарестовать хоть всю Россию.

Звонарев поблагодарил Рейна за предупреждение и отправился к себе на батарею. Не прошел он и нескольких шагов, как перед ним выросли жандармский полковник и несколько жандармских унтеров.

- Вы штабс-капитан Звонарев? - справился полковник.

- Да, это я.

- В таком случае вы арестованы, - и жандарм протянул ему бумажку, которая оказалась ордером на его арест.

- Кто подписал этот ордер? - справился Звонарев.

- Начальник артиллерии Юго-Западного фронта генерал Ватаци.

- Генерал Ватаци не имеет права меня арестовать, я пользуюсь правами командира отдельной части. Я могу быть арестован лишь по распоряжению Ставки верховного, - пояснил Звонарев.

- Я заставлю вас силой подчиниться этому распоряжению, - пригрозил жандарм.

Неподалеку стояли несколько солдат батареи Звонарева.

- Вызвать ко мне команду разведчиков с карабинами! - приказал Звонарев.

Солдаты бросились со всех ног исполнять распоряжение своего командира.

- Зачем вы вызвали разведчиков? - спросил жандарм.

- Сейчас узнаете, - коротко бросил Звонарев.

Со всех сторон уже бежали к нему с карабинами в руках артиллеристы.

Многие на ходу заряжали оружие. Через минуту двадцать с лишним человек стояли около Звонарева. Прибежал запыхавшийся Блохин и официально доложил:

- В ваше распоряжение с командой разведчиков прибыл.

При этом он угрожающе посмотрел на жандармов, которые оказались в кольце вооруженных артиллеристов.

- Немедленно отправте солдат обратно в казармы! - потребовал жандармский полковник от Звонарева.

- И не подумаю! Я вашему ордеру, как незаконному, не подчинюсь. Раз так, то и делать вам тут нечего.

Звонарев предложил полковнику вместе с ним пройти к Рейну. Жандарм согласился. Рейн подтвердил слова Звонарева. Жандарм принужден был ретироваться.

Вернувшись в батарею, Звонарев тотчас вызвал к себе Зуева и Блохина и рассказал им о том, что ему сообщил Рейн.

- Значит завелась у нас какая-то шкура, доносит обо всем жандармам - решил Блохин. - Насчет обысков, Сергей Владимирович, не беспокойтесь. Все упрятали. Комар носа не подточит.

Звонарев успокоился. Через день прибежал к нему Вася Зуев и сообщил, что разведчик Лежнев арестован при распространении листовок. Выяснилось, что Лежнев по распоряжению Блохина отправился на одну из соседних батарей, передал несколько листовок и тут же был арестован.

Улики были налицо. Теперь все зависело от того, не выдаст ли Лежнев кого-либо из солдат или офицеров звонаревской батареи.

Лежнева жандармы увезли в Бердичев, где помещался штаб Юго-Западного фронта. Звонарев доложил об аресте солдата Рейну. Полковник помрачнел.

- Скверная история. Теперь жандармы начнут нас таскать на допросы и расспросы. Как по ниточке, доберуться и до других.

- Не так страшен черт, как его малюют, - ответил Звонарев. - Солдаты у меня надежные.

Потянулись дни томительного ожидания дальнейших событий. Обыски сменялись новыми обысками. Искали всюду, даже в артиллерийских парках. Но найти ничего не могли.

О Лежневе было мало что слышно. Он сидел в одиночке в бердичевской тюрьме.

Через несколько дней Заяц побывал в Бердичеве и вернулся с письмом Лежнева к Блохину. Солдат сообщал, что он надеется на скорейшее и положительное решение его дела.

Тем неприятней было узнать6 что Лежнев убит при попытке к бегству. Он якобы уже перелез через тюремную стену, когда был замечен и застрелен тюремной стражей.

- Жандармы его убили! - решили солдаты.

Звонарев держался того же мнения.

При посещении Ровно Шихлинским штабс-капитан доложил обо всем Али Аге. Генерал обещал переговорить с главным военным прокурором Ставки верховного и попросить его поподробнее познакомиться с делом Лежнева.

34

Наступила зима, выпал снег, стояли небольшие морозы, по утрам долго висел туман. Положение со снабжением армии все ухудшалось. Вводились два, а потом и три постных дня в неделю. В эти дни солдатам давали только соленую рыбу, а командирам по полбанки мясных консервов. С обмундированием обстояло не лучше. Было страшно подумать о сильных морозах. Ползли зловещие слухи о шпионаже, предательстве, измене. Солдаты не доверяли офицерам, участились случаи неповиновения, отказы от выполнения боевых приказов, полкине шли на смену на передний край обороны.

Как-то в начале 1916 года Заяц побывал на вокзале в Ровно и затем чуть ли не бегом вернулся в батарею. Поймав Звонарева, он шепотом сообщил ему об убийстве в Петрограде Распутина "какими-то князьями". Звонарев сначала не поверил, но затем из киевских газет стали известны некоторое подробности этого события.

Звонарев откровенно обрадовался этому известию, а Блохин отнесся к нему равнодушно.

- Не в Гришке дело! - сказал он.

В конце декабря проездом из Петрограда в полк, в Ровно приехал Енджеевский. Он еще хромал, был бледен и худ.

Енджеевский подробно рассказал, как был убит Распутин.

Долго сидели друзья, делясь новостями, пока Енджеевский решился наконец рассказать о главном, ради чего и приехал в Ровно. Да, такой "новостью" не порадуешь близких людей... Последнее время в Петрограде он лежал в госпитале с Сидориным, славным и интересным человеком. Они сблизились. Дружбе помогла общность политических взглядов. Через его жену Зою Сидорину Стах узнал о беде: аресте многих членов РСДРП. Были арестованы на митинге рабочих Варя Звонарева с Маней на заводе Перивайнена, на Лесснере взяли Ольгу Борейко. В тот день полиция хватала рабочих не разбираясь, целыми пачками.

Енджеевский выписался из госпиталя, когда Сидорину успешно сделали

операцию. Появилась уверенность в его скором выздоровлении. Вкоридоре госпиталя Стах встретил Зою. Плача от радости, Зою говорила:

- Врачи уверяют, что еще какой-то месяц и Павел встанет. Это счастье!

И знаете, своим счастьем я обязана нашим друзьям. Дважды Павла спасала Варвара Васильевна... Доктор Краснушкин помог устроить его в лучший госпиталь. И вот сейчас Ольга Борейко...

Зоя еще сильнее заплакала и, всхлипывая, рассказала о злополучном, погубившем Ольгу решении идти с листовками на завод Лесснера вместо нее, Зои.

Перед самым отъездом Енджеевский зашел в госпиталь к Павлу Сидорину проститься. Там снова увидел Зою. От нее он узнал, что Варя, Маня Завидова и Ольга Борейко сидят в "крестах" и что следствие еше не закончено. Вместе с ними много товарищей. Все они держаться очень сплоченно и требуют открытого суда. Их судьбой заинтересовалась левая пресса.

- Представляете, если удастся добиться открытого процесса, что это будет! На скамью подсудимых сядет сам царь с великими князьми.

Енджеевский узнал тогда же, что домик, в котором жила и трудилась Ольга, прислось поспешно покинуть. Зоя Сидорина вместе со Славкой переселились в другое место.

Там же, в госпитале они решили, что Стаху следует заехать в Ровно, повидаься с Борейко и Звонаревым, сообщить им все.

Рассказ Енджеевского ошеломил друзей. Надо было что-то делать. И немедленно. А что? Чем они могли помочь отсюда, из Ровно? Поговорить с Шихлинским? Попросить защиты? И надо ли говорить ему, генералу, об этом, поймет ли он?

Вереницей вставали вопросы. Попробуй найди на них ответы. Только под утро измученные волнением и бессонницей друзья решили, что Звонареву нужно немедля, сегодня же отправляться в Петроград в служебную командировку.

Благо в этом была необходимость: из Питера, с военного завода, где

прежде работал Звонарев, получали запасные части. Надлежало их принять. А кто, как не инженер Звонарев, мог это сделать? И там, на месте, но повидаеться с нужными людьми, все узнает и решит,что делать дальше...

После отъезда Звонарева и Енджеевского жизнь на батарее потекла обычной чередой. Будто бы ничего ничего не произошло, ничего не изменилось. Но только "будто бы". На самом деле и Борейко, и Блохин, и Вася Зуев за привычной суетой будничных дел напряженно ждали известий из Петрограда, чутко прислушиваясь и присматриваясь к происхолящему.

Борейко вдруг обостренным чутьем и по-новому открывшимися глазами увидел, как много изменилось вокруг него. И главное - люди. В их глазах появилась смелость, дерзость. Не было прежней робости и покорности перед начальством, даже у солдат из деревни. Недоедание, плохое обмундирование, тревожные письма из дому, упорные слухи об измене офицеров усиливали озлобление солдат. Они все чаще в открытую говорили, что нечего в окопах вшей кормить и давно пора расходиться по домам.

- Пущай воюют те, кому от этого прибыль. А нам к весне до деревни подаваться надо. Ежели не замирятся - сами уйдем.

Опасался Борейко, что события в Петрограде скажутся и здесь, у них на фронте. Жандармы и без того часто бывали в частях, а теперь и подавно жди гостей. И хорошо, если бы только обыск. Не поспались бы аресты.

Так оно и случилось. В ночь под Новый год в солдатском помещении были арестованы Блохин, Зуев, Родионов и еще несколько солат.

По тому, как холодно и злорадно жандармский полковник предъявил Борейко ордер на арест его подчиненных, тот понял всю серьезность создавшегося положения. Сердце сжала тревога. Беспокойство усилилось, когда жандарм сдержанно спросил:

- Нельзя ли увидеть штабс-капитана Звонарева? - В рыжих глазах его вспыхивали злые огоньки.

"Дело дрянь! - подумал Борейко. - Уж не тянеться ли эта ниточка из

Питера? Хорошо, что нет Сергея..."

И, увидя разочарованные, ставшие откровенно злыми глаза полковника, услышавшего, что Звонарев в командировке, Борейко понял: "Да, не иначе - сигнал из Петербурга".

В тот же день Борейко выехал в Могилев к генералу Шихлинскому.

Выслушав Борейко, генерал возмутился:

- черт знает что творится! Можно подумать, что мы воюем не с немцами, а с нашими русскими солдатами. Лучших из лучших арестовывают, - кавалера всех Георгиевских крестов Блохина! Чудовищно! Кто же будет воевать весной?

Может быть, сам господин жандармский полковник? Тогда можно уже сейчас подписывать капитуляцию...

Стремительно шагая по комнате, генерал сообщил Борейко, что известие о смерти солдата Лежнева фальшивка, он жив и находиться в одиночной камере в житомирской тюрьме.

- Это все жандармские штучки, - генерал энергичным жестом как бы подчеркивал свои слова. - Официально сообщили о гибели солдата, теперь могут в любую минуту с ним разделаться. Руки себе развязали!

- Кто вам сказал об этом, Али Ага? - спросил удивленный и обрадованный Борейко.

- Главный прокурор Ставки. Он сам был в Бердичеве и видел Лежнева...

Кстати, давно хотел рассказать вам о вашей истории в Новогеоргиевске с проходимцем Хатовым. Вы знаете, я все-таки его разыскал. Вернее, мне разыскали того чиновника из канцелярии крепости, что бежал вместе с ним.

Так что вы думаете - сознался во всем. Вы правы: они вывезли из крепости огромную сумму денег, и, конечно, не для того, чтобы передать в казну. Но в последний мометн Хатов побоялся взять все деньги. Хитрая бестия!

Обдумал, что будет вернее сдать в казну половину, а половину присвоить. В воровстве не обвинят, а может, еще и орденок дадут за геройство. Верно рассчитал. Так оно и вышло. Я было хотел поднять эту

историю. Куда там! На меня руками замахали: "Что вы! Хотите осрамить офицера! Так и замяли...

Прошла неделя. Борейко не тревожили расспросами, не сообщали новостей о судьбе его арестованых солдат, как вдруг однажды его срочно вызвали в Бердичев, в жандармское управление фронта. Тот же знакомый поковник, настороженно посматривая своими рыжими злыми глазами, процедил сквозь зубы:

- Видите, не напрасно мы так внимательно следили за вашей батареей. Крупную птицу поймали...

Борейко смотрел на пухлую, в синих прожилках руку полковника. Короткие пальцы с редкими рыжими волосами барабанили по столу. Полковник медлил, наслаждаясь волнением Борейко. Откинувшись в кресле, он наконец сказал:

- Блохин ваш - государственный преступник, он большевик, террорист, связан с подпольной организацией в Петрограде. Виновность его уже установлена и доказана. Он будет повешен! Да-с. Это я вам говорю. А за ним еще кое-кого потянем... Приговор на днях утвердит сам главнокомандующий генерал Брусилов.

"Да, друг Филя, - думал Борейко, возвращаясь в Ровно. - Ведь повесят, сукины дети! Что им стоит! Где же выход? Надо немедленно идти к Брусилову.

Но один-то не пойдешь...

Уговорив Али Ага Шихлинского побывать вместе с ним у Брусилова, Борейко по дороге горячо рассказывал о невиновности, его честности и геройстве в Артуре и на этой войне.

У Брусилова пришлось немного подождать в приемной. Адъютант попытался было узнать, по какому делу они пожаловали, но Шихлинский резко приказал ему доложить Брусилову. Адъютант ушел, и через минуту Шихлинский и Борейко были уже в кабинете Брусилова. В коротких словах Али Ага рассказал суть дела.

- Значит, наши судейские опять напортачили! - И генерал приказал вызвать к нему старшего прокурора и председателя военного суда.

Председатель суда начал пространно объяснять суть обвинения.
- Покороче, - приказал Брусилов и, выслушав судейского генерала, проговорил: - Значит, вы решили приговорить боевого офицера, кавалера четырех Георгиевских крестов, к повешению? Так я вас понял?
- Суд вынес такое решение, - подтвердил судеец.
- Вы, прокурор, не опротестовали этот приговор? - спросил Брусилов.
- Никак нет! - смущенно пролепетал полковник.
- Тогда это сделаю я! Приговора я не подтверждаю. Считаю, что нужно хорошенько разобраться в этом деле. Посудите сами, господа, разве можно в неделю установить виновность человека и приговорить его к смерти! Вы даже не изволили выслушать. А он дает блестящие аттестации Блохину. Неслыханно!
Передайте полковнику, что я отстраняю его от обязанностей. Этак он у меня перевешает всех лучших солдат и офицеров! Я вас большене задерживаю, господа!
- Разрешите и нам откланяться, ваше высокопревосходительство? - спросил Шихлинский.
- Нет, Али Ага, вас и полковника Борейко я так просто не отпущу.
Прошу к завтраку.

Перед отъездом из Бердичева Борейко решил повидать Блохина. Начальник тюрьмы, извиняясь, сказал, что свидания полковнику с его бывшим солдатом он предоставить не может. Блохин по распоряжению центрального жандармского управления переведен в Петроград в тюрьму "Кресты".

35

Около месяца Варя сидела в "Крестах". Вместе с ней была Маня. В соседней комнате помещались Ольга и несколько работниц с заводов.
На этот раз тюрьма по-другому встретила Варю. Тюрьма, конечно, оставалась тюрьмой с ее голодом, сыростью, дурно пахнущими стенами,

грубыми надзирателями, допросами. Но сейчас Варя была не одна. Она, может быть, впервый раз в жизни почувствовала здесь, в тюрьме, всю силу коллектива, партии. На воле, в своей активной, богатой событиями жизни, она всегда была с людьми. И это казалось естественно. Как бы вдруг она, Варя осталась одна? Жить для Вари означало жить с людьми и ради людей.

Здесь, в тюрьме, другое дело. Крепкие каменные стены наглухо отделяют большой кипучий мир. И узник чувствует себя одиноким, затерянным и беспомощным в своем одиночестве.Так было прежде. Но не сейчас. В соседней камере была Ольга, верный друг, где-то в камере в конце коридора сидели еще друзья, товарищи по партии. Все они жили напряженной активной жизнью.

Нашлись "свои" надзиратели, которые передавали "с воли" письма друзей и книги.

"Тюрьма - это университет для пролетариата, - прочитала Варя в записке. - Учитесь, товарищи! Мы с вами. На воле нас ждут большие дела..."

Она узнала руку Ивана Герасимовича. Варя читала истрепанные, зачитанные, драгоценные странички... "Коммунистический манифест". Маркс и Энгельс...

Ленин... Удивительные, ясные, горячие слова, мысли.

Книги передавали друг другу. Их читали жадно, будто пили ключевую живительную воду. Они открывали мир ясых мыслей, высоких идей и поразительных людей. Книги укрепляли волю, обогащали ум. С ними было все легко. То что Варя чувствовала всей душой, к чему стремилась всем сердцем, вдруг обретало четкие формы, ее убеждения формировались в сознание.

"Вот почему так изменилась Маня, - вспоминала Варя свои догадки. - Тот, кто прикоснется к этим высоким идеям, кто отопьет из этого чистого источника - становиться отважен душой и непобедим".

Как-то вечером Варя сидела на своей койке, поджав под себя ноги. Было холодно. От голода слегка кружилась голова. Не хотелось двигаться.

Напротив на своей койке лежала Маня. Закинув руки за голову, она о

чем-то думала. Глаза светились спокойным ясным светом. И вдруг Маня запела. Тихо, как-то робко, нерешительно, будто вспоминая о чем-то далеком и дорогом.

Степь да степь кругом,
путь далек лежит...

Она не изменила позы. Глаза ее по-прежнему нежно светились,но голос окреп,набрал силу и вдруг полился так мощно, широко, что у Вари захватило дыхание. Она смотрела, не мигая, на побледневшее, взволнованое лицо подруги.

Ты, товарищ мой,
Не попомни зла...

Надзирательница открыла окошко, послушала, но не закричала, а, оставив окошко открытым, остановилась подле. Варе казалось, что тюрьма вся притихла, слушая и замирая сердцем от русской привольной песни.
Маня замолчала, прикрыла глаза ресницами, тихо улыбнулась. Было видно, что и ее захватила песня, пленила своей красотой и грустью.
И вдруг в тишине тюрьмы, гле-то далеко и тихо, как отзвук на песню,родилась мелодия. Сначала неясная, слабая. Но вот кто-то поддержал ее, и она окрепла и зазвучала увереннее бодрее.
Маня быстро взглянула на Варю, напряженно прислушиваясь. И вся тюрьма, тоже затаив дыхание, настороженно слушала. А песня уже набрала силу, и вот из камеры в камеру властно зазвучали слова:

Никто не даст нам избавленья -
Ни бог, ни царь и не герой.

Варя вскочила, кинулась к Мане, и так, обнявшись, поддерживая друг

друга, они запели:

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

И хоть надзиратели бегали по коридорам, хлопали дверьми, кричали, песня жила. И когда она смолкла, Варя вновь ощутила в себе восторженное ирадостное состояние, которое она уже испытала в то раннее морозное утро, когда с Маней шла на митинг. "Будто повидала всех, поговорила осамом сокровенном", - подумала она.

От плохой пищи и холода в тюрьме усилились болезни. Варю, как врача, начальник тюрьмы перевел в больницу. Ей удалось выделить "палату" политических, добиться дополнительного пайка к их скудной, полуголодной норме. Но главное - удобнее стала связь с волей, с товарищами, свободнее встречаться и сообщать новости друг другу.
Так узнали они о роспуске царем Государственной думы и об ее отказе подчиниться приказу царя, о новой волне стачек, о волнениях в вызванных с фронта частях.
В госпитале встретилась она и с Блохиным...
Даже в тюрьме за ее тяжелыми стенами росло ощущение назревающих бурных событий.
Однажды Варя получила письмо и передачу от мужа, письма для Ольги Борейко и Мани. О них беспокоились, их любили...
"Родная моя, ненаглядная! - читала Варя маленькую записочку. - Не горюй, не терзайся. Скоро все будете на свободе..."
- Милый мой, может быть, ты бы не поверил бы, но сейчас я счастлива... - всхлипывая, шептала Варя.
Потом получили записку от Зои Сидориной и Анели. Они сообщали, что Славка здоров и что Павел Сидорин вышел из госпиталя и оставлен в Преображенском полку.
А в письмах, полученных через доверенных лиц, сообщались

потрясающие всех новости: трон шатается, власти царя приходит конец, войска отказываются исполнять приказы офицеров, и стачки, стачки, стачки...

В это утро Варя проснулась рано в своей камере от холода. Тонкое, ветхое одеяло не грело. Бил озноб, прогоняя сон. Хотелось пить. Хотелось крепкого душистого чая с вареньем... Варя так реально представила себе свою любимую белую с узенькой каемкой чашку, полную золотистого чая, что почувствовала аромат, будто действительно держала чашку у себя в руках.

Она в ознобе передернула плечами. Натянув одеяло на голову, лежала долго, прислушиваясь. Было странно слушать тишину. Давно уже пора надзирателям делать обход, проверку. Но почему-то все тихо.

Варя поднялась. Проснулась и Маня. Рассвело. Дверь открыла надзирательница. Сунув похлебку, сказала:

- Дела...

И сердито зазвенела ключами.

Каким-то непонятным чутьем по этой сторожкой, напряженной тишине Варя вдруг поверила: сегодня! Да, сегодня это случиться! Свобода!

До слуха долетел какой-то отдаленный шум, будто звук могучего прибоя. Варя насторожилась, взглянула на Маню и увидела ее прищуренные глаза.

- Что это? - шепотом спросила она.

- Влезай! - скомандывала Варя, вставая около окна и показывая себе на плечи.

Маня вскарабкалась, схватилась руками за решетку и замерла.

- Ну? - спросила Варя.

Маня спрыгнула на пол. Глаза ее были полны слез. Не говоря ни слова, она Вариным жестом показала себе на плечи. И когда Варя, охватив чугунные прутья руками, прильнула к окну, она увидела широкое разлившееся море людей во дворе тюрьмы. Из окон камер всюду выглядывали люди, мелькали платки... Варя скользнула по стене на пол

и в изнеможении присела, не чувствуя холода каземата.
Вот топот ног... Ближе, еще ближе... Голоса людей, крики.
- Товарищи! Свобода! Выходите...
А потом все было как во сне. И бледное, залитое слезами радости лицо Ольги Борейко, и заросшее бородой похудевшее лицо Блохина. И главное - рукопожатья. Крепкие рукопожатья друзей. Их много. Варя никогда не думала, что у нее так много друзей.
Вот они идут обнявшись, вчетвером. В середине Блохин. Их подхватывают на руки и несут к воротам. Им улыбаються все, машут руками.
Тут у ворот свои - Сергей, счастливый, взволнованный, с красным бантом, Анеля, Зоя Сидорина и Славка.
- Мамочка!
Ольга, охнув, целует его лицо, тонкую шейку, ручки...
- Товарищи! Домой, к нам, на штаб-квартиру, - кричит Варя и не слышит своего голоса в общем шуме голосов, криков, смеха...

Через три дня в Петроград приехали Борейко и освобожденный из тюрьмы Вася Зуев. С ними приехал из Могилева, из Ставки верховного Али Ага Шихлинский. На плечах его красовались погоны полного генерала, генерала от артиллерии. Али Ага сообщил, что его назначили командующим 19-й армией.
Решили сразу отметить все радостные события.
- Али Ага! Вечером у Звонаревых! Как хотите, обязательно, - сказал Борейко. - Соберуться все свои, одна семья... Звонаревых. И вы теперь в нашей семье.
Вечером в квартире Звонаревых было тесно от собравшихся в ней людей.
Али Ага молодцевато представился маленькой и хрупкой Ольге Борейко, приехавшей из деревни Шуре Блохиной, похудевшей и загоревшей до черноты, с веселыми молодыми глазами.
Когда перед ним остановилась розовая от смущения Маня, генрал только руками развел от восхишения.

- Сергей Владимирович, вы в своей квартире собрали всех самых красивых женщин России. Так нельзя. Мое широкое сердце и то едва ли вместит всех. Придеться срочно вызывать Тамару-ханум, иначе я погиб.
Все, шутя, смеясь, сели за стол, на котором возвышались привезенные Шурой гостинцы и шампанское с закусками, которые раздобыл Шихлинский в закрытом кооперативе Георгиевских кавалеров. Пир вышел на славу.

Маня уже третьи сутки жила в каком-то волщебном, сказочном сне, где все заветные желания вдруг сбываються.
С того самого момента, когда она вместе со всеми вышла из тюрьмы и увидела над головой ясное зимнее нежно-голубое небо, улицы, запруженные толпами людей, праздничные флаги, красные банты, она улыбнулась. И так с улыбкой прожила все эти дни до встречи с Васей.
И сейчас, сидя за столом и ощущая его теплое плечо, она чувствовала себя в дружной семье родных людей.
- Царя-то скинули, а войну кончать и не думаем. Это голос Борейко. Он выпил немного, раскраснелся. Маня перевела взгляд на Ольгу. Встретилась с ее глазами и увидела в них отражение свего счастья.
- Немец на днях перешел в наступление на Стоходе. Он сбросил русские части в реку, захватил огромные трофеи и массу пленных... - сообщает Шихлинский. - Об этом я узнал в Ставке.
- Вот и выходит, что революция эта не наша. Во Временном правительстве сидят те же буржуи. Им война нужна, и землю они никогда не отодадут народу. Ни в жизнь, - горячиться Блохин.
Маня слушает его, смотрит на его худое лицо, стараеться вдумать в его слова, понять, почему он сердится, и не может... Она находит под столом руку Васи и сжимает ее.
- Во время последних боев на Стоходе многие из офицеров сдались в плен, - слышит Маня взволнованную речь генерала Шихлинского. - Это позор для русского офицера. Они - не русские. Я презираю их. Русский командир должен быть всегда со своими солдатами.

- Мир, мир любой ценой! - горячо говорит Сергей Владимирович.

- Я за то, чтобы не было больше Стохода, чтобы люди не гибли на войнах, - говорит Варя.

- И чтобы люди могли пахать, сеять хлеб на своей земле, а не на земле помещиков, - добавляет Блохин.

- И могли бы растить детей... - произносит Ольга.

Поздно ночью, когда все, уставшие, наговорившиеся, разбрелись по комнатам, Варя подошла к мужу. Звонарев привлек ее к себе, положил руку на плечо. Варя откинула голову, прижалась к нему и замерла. Отныне они вместе. Сергей возврратился на завод. Для них война окончена. А для других?

Заря свободы только загоралась над Россией. Впереди ждали большие испытания. Что принесут они их семье? Звонарев, будто подслушав мысли жены, сказал:

- Ничего, Варенька, у нас много друзей - видишь, какая большая семья! Все одолеем.